

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2026. Том 51 , № 2

НОМОТНЕТІКА:

Философия. Социология. Право.

2026. Том 51, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры, НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

Вангородская С.А., доктор социологических наук (НИУ «БелГУ»)

Егоров Н.С., кандидат философских наук (НИУ «БелГУ»)

Берент К.А., кандидат юридических наук (НИУ «БелГУ»)

Члены редакционной коллегии

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Боянич Петар, доктор философских наук, профессор (г. Белград, Сербия)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Зиёдуллаев М.З., доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (г. Белгород, Россия)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Максименко А.А., доктор социологических наук (НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Мареева Е.В., доктор философских наук (г. Москва, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (г. Тула, Россия)

Новиков В.Г., доктор социологических наук, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Воронеж, Россия)

Таболін В.В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Тоценко Ж.Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (г. Грозный, Россия)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитурa Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 26,7. Дата выхода 30.06.2026. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 285 **Иванова Р.А.** Игра в имитацию: симулятивная изнанка искусственного интеллекта

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 297 **Дерюгин П.П., Кузнецова О.В., Алексеева О.М., Юй Я.** «Социальные реалисты» и «цифровые авангардисты»: механизмы солидарности в обществе дополненной современности
- 316 **Макарова С.А., Большунова Т.В.** Региональная дифференциация эффективности материнского капитала в России
- 328 **Подойницына И.И., Филиппова Д.Н.** Отношение населения Республики Саха (Якутия) к строительству Ленского моста

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 338 **Горбунов М.Д.** Бентам как первый правовой позитивист: опыт рефлексии англо-американской науки
- 349 **Пряхин А.И., Хмелевская И.Г.** Формально-юридическая периодизация развития военно-патриотического воспитания в СССР
- 358 **Туранин В.Ю., Пряхин А.И.** Система военно-патриотического воспитания в СССР: анализ субъектного состава

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 367 **Зубкова И.А.** Правовые презумпции в административной деятельности органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации в цифровую эпоху
- 376 **Белоцеркович Д.В.** Формализация солидарности, единства и согласия в конституциях стран АСЕАН
- 388 **Кемрюгов Т.Х.** Общие принципы права: дедуктивность, конкуренция и баланс (от интерпретации к атрибутивным чертам конституционных принципов)
- 395 **Кравцова Е.А., Митякина Н.М.** Механизм правового регулирования коммерческого оборота объектов животного мира в Российской Федерации

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 404 **Тумин А.Ю.** Трансформация идеи служения Отечеству и её роль в формировании российской идентичности: от Древней Руси до современности
- 414 **Поломошнов А.Ф., Эфендиев Ф.С., Эфендиев А.Ф.** Концепт русской идеи в современном российском дискурсе
- 424 **Римский А.В., Сорокопуд М.С.** Цифровая власть под вопросом: практики сопротивления и стратегии критического восприятия
- 435 **Хамзатова З.Р.** Репрезентация воинского подвига и доблести в исторических нарративах XIX века (устное народное творчество)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 441 **Иванов Д.В.** Влияние немецкой иммиграции на формирование религиозного многообразия и плюрализма в тринадцати колониях
- 451 **Козлова М.Ю., Звонок Н.С.** Концепция человека в религиозной живописи средневековой Западной Европы

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 461 **Богданова М.А., Дидык М.А., Богданов М.С.** Советское коллекционирование как культурный концепт
- 469 **Усова Г.М., Цуриков И.М.** К вопросу о социокультурной феноменологии войны

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 476 **Арсенина О.В.** Влияние эсхатологических мотивов на формирование мировоззрения студентов
- 485 **Васильева Е.Н.** Книга Деяний: взаимосвязь между Евангелием и правом
- 489 **Голенских К.А.** Визуальная культура: авторство, стиль и границы алгоритмического участия
- 494 **Ладенков Н.Е., Крутько Д.Ю.** Социальный эксперимент: из de lege ferenda в de lege lata
- 504 **Назарова Ю.В., Сиваев П.А.** «Нейромант» Уильяма Гибсона как прогностическая модель симбиоза человека и искусственного интеллекта
- 512 **Печёнкин А.О.** Идеино-стилистическая парадигматика русского музыкального авангарда как предчувствие сетевой свободы: от «зауми» в концептуализм
- 517 **Спицына О.А.** Философская генеалогия анархизма: от принципа власти к этике самоорганизации

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 524 **Игнатов М.А., Федотов Е.А., Яговдик В.А.** Человек и машина: путь к цифровому бытию. Рецензия на книгу: Д. Штрассберг. Мифология машины. Москва : АСТ, 2025. 416 с.
- 532 **Ван Лэй, Пань Юэ.** В поисках аутентичности. Рецензия на книгу: Макканелл Д. Турист: новая теория праздного класса. М., 2023

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2026. Volume 51, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995.

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research)

Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy
(Belgorod State National Research University)

Executive Secretary

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology
(Belgorod State National Research University)

Egorov, N.S., Candidate of Philosophical Sciences,
(Belgorod State National Research University)

Berent, K.A., Candidate of Law Sciences
(Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)

Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Bojanic Petar, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade, Serbia)

Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)

Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member
of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Rostov-on-Don, Russia)

Ziyodullaev, M.Z., Doctor of Law, Professor
(Republic of Uzbekistan)

Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)

Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod, Russia)

Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)

Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lipich, T.I., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

Maksimenko, A.A., Doctor of Sociology (Moscow, Russia)

Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State
University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Mareeva, E.V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow
State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tula, Russia)

Novikov, V.G., Doctor of Sociology, Doctor of Economics,
Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University)

Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)

Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor
(St. Petersburg, Russia)

Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Toshchenko, Zh.T., Doctor of Philosophy, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor

(Belgorod State National Research University)

Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of
Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia
(Grozny, Russia)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭП № ФЦ77-77840 of 31.01.2020. Publication frequency: 4/year

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pochteptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. 26.7 publishing sheets. Date of publishing 30.06.2026. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 285 Ivanova R.A. The Imitation Game: The Simulative Underbelly of Artificial Intelligence

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 297 Deriugin P.P., Kuznetsova O.V., Alekseeva O.M., Yu Ya. "Social Realists" and "Digital Avant-Gardists": Mechanisms of Solidarity in an Augmented Modern Society
316 Makarova S.A., Bolshunova T.V. Regional Differentiation of Maternity Capital Efficiency in Russia
328 Podoynitsyna I.I., Filippova D.N. Attitudes of Residents of the Sakha Republic (Yakutia) Toward the Construction of the Lena Bridge

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 338 Gorbunov M.D. Bentham as the First Legal Positivist: Reflecting on Anglo-American Scholarship
349 Priakhin A.I., Khmelevskaya I.G. Formal-Legal Periodization of Military and Patriotic Upbringing in the USSR
358 Turanin V.Yu., Priakhin A.I. Military and Patriotic Upbringing System in the USSR: Analysis of Subject Composition

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 367 Zubkova I.A. Legal Presumptions in the Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies (Police) of the Russian Federation in the Digital Age
376 Belotserkovich D.V. Formalization of Solidarity, Unity and Accord in the Constitutions of ASEAN Countries
388 Kemryugov T.Kh. General Principles of Law: Deduction, Competition, and Balance (from Interpretation to Attributive Features of Constitutional Principles)
395 Kravtsova E.A., Mityakina N.M. Mechanism of Legal Regulation of Wild Fauna Commercial Circulation in the Russian Federation

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 404 Tumin A.Yu. Transformation of the Idea of Serving the Fatherland and Its Role in the Formation of Russian Identity: From Ancient Rus to the Present
414 Polomoshnov A.F., Efendiev F.S., Efendiev A.F. Concept of the Russian Idea in Contemporary Russian Discourse
424 Rimsky A.V., Sorokopud M.S. Digital Power in Question: Resistance Practices and Critical Perception Strategies
435 Khamzatova Z.R. Representation of Military Exploit and Valor in Historical Narratives of the 19th Century (Oral Folk Art)

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 441 Ivanov D.V. The Impact of German Immigration on the Formation of Religious Diversity and Pluralism in the Thirteen Colonies
451 Kozlova M.Y., Zvonok N.S. The Concept of Man in Religious Painting of Medieval Western Europe

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 461 Bogdanova M.A., Didyk M.A., Bogdanov M.S. Soviet Collecting as a Cultural Concept
469 Usova G.M., Tsurikov I.M. On the Issue of the Socio-Cultural Phenomenology of War

THESES

- 476 Arsenina O.V. The Influence of Eschatological Motifs on the Formation of Students' Worldviews
485 Vasilyeva E.N. The Acts of the Apostles: The Relationship Between the Gospel and Law
489 Golenskikh K.A. Visual Culture: Authorship, Style, and Boundaries of Algorithmic Participation
494 Ladenkov N.Ye., Krutko D.Yu. The Social Experiment: From De Lege Ferenda to De Lege Lata
504 Nazarova Yu.V., Sivaev P.A. William Gibson's "Neuromancer" as a Predictive Model of Human and Artificial Intelligence Symbiosis
512 Pechenkin A.O. Ideological and Stylistic Paradigmatics of the Russian Musical Avant-Garde as a Premonition of Network Freedom: From "Zaum" to Conceptualism
517 Spitsyna O.A. Philosophical Genealogy of Anarchism: From the Principle of Power to the Ethics of Self-Organization

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 524 Ignatov M.A., Fedotov E.A., Yagovdik V.A. Man and Machine: The Path to Digital Existence. Review of the Book: D. Strassberg. Mythology of the Machine. Moscow: AST, 2025. 416 p.
532 Wang Lei, Pan Yue. In Search for Authenticity. Review of the Book: Dean MacCannell's Book. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Moscow, 2023

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 141.319.8
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-285-296
EDN ENSICP

Игра в имитацию: симулятивная изнанка искусственного интеллекта

Иванова Р.А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Россия, 295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4
raisaiivanova2013@yandex.ru

Аннотация. Феномен искусственного интеллекта многомерен: он включает формировавшееся на протяжении более чем полувека понятие, термин и непосредственно само явление. Совокупное представление об искусственном интеллекте в общественном сознании сложилось как упрощенный нерелексивный результат смешения различных смысловых слоев. Вследствие этого смешения можно зафиксировать вокруг искусственного интеллекта ряд мистификаций. Теоретическая спутанность смыслов усложняется практической симулятивностью, лежащей в основе функционирования искусственного интеллекта, представленного нейронными сетями как наиболее популярным его инструментом. Цель исследования – демифологизировать образ искусственного интеллекта в общественном сознании. Автором выделено три измерения искусственного интеллекта, в которых осуществляется его мистификация: терминологическое, понятийное и функциональное. Терминологическая мистификация в отечественной традиции во многом порождена нюансами перевода, понятийная мистификация связана с борьбой подходов к развитию искусственного интеллекта и подменой понятий в процессе этой борьбы. Подчеркнута роль психометрии в мистификации феномена искусственного интеллекта. Сделан вывод о том, что функциональное измерение искусственного интеллекта представляет собой зону перехода явления в симулякр в его бодрийеровской трактовке.

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, нейросеть, симулякр, общественное сознание, мистификация

Для цитирования: Иванова Р.А. 2026. Игра в имитацию: симулятивная изнанка искусственного интеллекта. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 285–296. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-285-296 EDN: ENSICP

The Imitation Game: The Simulative Underbelly of Artificial Intelligence

Raisa A. Ivanova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation
raisaiivanova2013@yandex.ru

Abstract. The phenomenon of artificial intelligence is multidimensional: it includes a concept that has been formed for more than half a century, a term for designation in everyday speech, and the phenomenon itself. The collective idea of artificial intelligence in the public consciousness has developed as a

© Иванова Р.А., 2026

simplified, non-reflexive result of mixing different semantic layers. As a result of this confusion, it is possible to fix a number of hoaxes that create a mythical halo around artificial intelligence. The theoretical confusion of meanings is also complicated by the practical simulation underlying the functioning of artificial intelligence, primarily represented by neural networks as its most popular tool. The purpose of the study is to demythologize the image of artificial intelligence in the public consciousness. The author identifies three dimensions of artificial intelligence in which its mystification is carried out: terminological, conceptual and functional. Terminological mystification in the Russian tradition is largely generated by the nuances of translation, conceptual mystification is associated with the struggle of approaches to the development of artificial intelligence and the substitution of concepts in the process of this struggle. The role of psychometrics in the mystification of the phenomenon of artificial intelligence is emphasized. It is concluded that the functional dimension of artificial intelligence is a zone of transition of the phenomenon into a simulacrum in its Baudrillard interpretation.

Keywords: intellect, artificial intelligence, neural network, simulacrum, public consciousness, mystification

For citation: Ivanova R.A. 2026. The Imitation Game: The Simulative Underbelly of Artificial Intelligence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 285–296 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-285-296 EDN: ENSICP

Введение

На сегодняшний день в общественном сознании преобладает восторженно-паническое отношение к искусственному интеллекту. Феномены искусственного интеллекта преимущественно воспринимаются либо чудесной панацеей от всех проблем человечества, либо чудовищем, в итоге уничтожающим своего создателя. Принципиальное различие этих позиций мнимо – обе они представляют собой разнознаковые крайности одного и того же технологического детерминизма, подразумевающего, что развитие техники предопределяет судьбу человечества.

Применительно к искусственному интеллекту аксиомы технологического детерминизма обретают оттенок мистификации вследствие опрометчивых уравниваний и преждевременных упрощений. Например, на заре создания основных представителей искусственного интеллекта – нейросетей – в середине XX века операция классификации изображений была неосмотрительно приравнена к разумности. Однако в задаче классификации изображений сложно обнаружить задачу моделирования мозга и когнитивных процессов, декларируемую отцами-основателями технологического воплощения современного искусственного интеллекта.

В результате конкретно этого и подобных некорректных отождествлений в дальнейшем развитую вычислительную статистику стали принимать за «сверхразум». Создающих ореол тайны (на самом деле – путаницу) факторов больше, они и являются предметом рассмотрения в данной работе.

Терминологическое измерение мистификации образа искусственного интеллекта в общественном сознании

Свою роль в мистификации феномена искусственного интеллекта сыграл и переводческий аспект. В русскоязычной традиции англоязычное понятие *artificial intelligence*, предложенное в 1957 году Дж. Маккарти, переводится как «искусственный интеллект». Такой, уже прочно закрепившийся в академическом дискурсе, перевод также порождает путаницу: русскому слову «интеллект» в английском языке соответствует слово *intellect*. Прежде чем сделать вывод о последствиях такого перевода, разберемся, как именно отличаются друг от друга *intelligence* и *intellect* в английском языке (табл. 1).

Таблица 1
Table 1Определения понятий intelligence и intellect в английском языке
Definitions of intelligence and intellect in English языках

Intelligence	Intellect
Способность учиться или понимать, иметь дело с новыми ситуациями или вызовами ¹	Способность к познанию в отличие от способности чувствовать или желать ² .
Способность индивида приобретать навыки и знания с последующим их примен ³ . Способность может быть определена как возможность быстро и легко обучаться ⁴	Относится к способности понимания явлений и объективному рассуждению ³ . Способность может быть определена как возможность размышлять и понимать, особенно сложные идеи ⁴
Обычно основывается на знаниях, охватывает умственные процессы за пределами логики	Является врожденным
Способность носит субъективный характер и основывается на персональных ментальных, интеллектуальных и личностных накоплениях	Способность носит объективный характер и не нуждается в избыточных данных, поскольку является врожденной
Поддается измерению	Не поддается измерению

Таким образом, несмотря на тенденцию к использованию этих понятий как взаимозаменяемых, вероятно, в силу того, что оба они относятся к области когнитивного, intelligence и intellect все же обладают различным содержанием. Intelligence – это про способность обучаться, ситуативное понимание, применение знаний в различных ситуациях, практическое решение проблем, приспособление к среде. Intellect больше относится к абстрактному мышлению, к пониманию сути вещей и сложных идей. То есть, в отличие от практически ориентированного, навыкообразного intelligence, intellect относится к теоретически направленному рассуждению, включает в себя абстрагирование, концептуализацию и суждение. Критическое мышление, опора на факты, учет жизненного опыта при принятии решений – специфика intellect. Скорость усвоения информации и ее применение в практических решениях – особенности intelligence. Приготовить еду по рецепту, основанному на тех ингредиентах, что есть в наличии, равно как и ядерную бомбу, – это сфера intelligence, отличить аксиологические векторы приготовления ядерной бомбы от приготовления еды – это сфера intellect.

В англоязычной традиции человек intelligent person – человек, который быстро учится, в то время как intellectual person – человек, который улавливает суть явлений, и это вовсе не обязательно один и тот же человек. Вследствие этого мы приходим к еще нескольким заключениям, напрямую вносящим долю ясности в русскоязычный дискурс об интеллекте и косвенно – об интеллекте искусственном.

Во-первых, известный своей дискуссионностью тест на IQ – это не тест на intellect, но тест на коэффициент intelligence (Intelligence Quotient). Соответственно, когда идет речь о тесте на IQ, должно подразумеваться не измерение неизмеримого – ума, как обычно считается, а измерение того, что измерить можно – скорости отдельных

¹ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intelligence>

² <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intellect>

³ <https://www.differencebetween.net/language/words-language/difference-between-intelligence-and-intellect/>

⁴ <https://pediaa.com/?s=Intelligence+and+intellect>

когнитивных операций. Во-вторых, уже ставшие нарицательными благодаря стараниям специалистов в области психологии, выражения «социальный интеллект», «эмоциональный интеллект» и т. д. – это все тоже не про intellect, а про intelligence (Social Intelligence, Emotional Intelligence, etc).

Следовательно, в английском языке intelligence не наделяется антропоморфными смысловыми оттенками, как происходит при переводе на русский язык. Такой переводческий нюанс в определенном смысле усугубляет семантическую запутанность в русскоязычной исследовательской среде, однако сам факт использования слова intelligence вместо intellect отнюдь не облагораживает англоязычный дискурс. В этом случае мистификация искусственного интеллекта также происходит, однако осуществляется по иной смысловой траектории – понятийной. И если в случае с не совсем корректным переводом можно говорить о мистификации поверхностной, приводящей к внешней неясности, то в случае понятийной мистификации последствия происходят в глубине дискурса, там же и порождая симулякры.

Понятийное измерение мистификации образа искусственного интеллекта в общественном сознании

В конце 1920 годов инженер Ральф Хартли предлагал отказаться от используемого его современниками выражения act of intelligence – им описывалась работа операторов телеграфной инфраструктуры с принимаемым сигналом. Хартли пояснял, что такой термин слишком антропоцентричен и психологичен, ведь речь идет об «интерпретации сигнала», в то время как непосредственно самой интерпретации в смысле понимания и толкования от оператора не требуется. Задача оператора заключается в декодировании сигнала, то есть в «определении последствий выбора в пользу одного символа при отказе от другого символа» [Geoghegan, 2016, p. 177]. Смещение в пользу механистического понимания умственной деятельности также можно проследить по факту присутствия термина intelligence в названии секретных служб Великобритании (Secret Intelligence Service) и США (Central Intelligence Agency), а также в уже упоминаемых в данной статье видах intelligence и в понятии теста на Intelligence Quotient (IQ). Такие содержательные сдвиги вокруг и внутри понятия intelligence и вне контекста некорректного перевода слова на русский язык, соответственно, русскоязычным понятием «разума» не улавливаемые, воплотились в проекте искусственного интеллекта.

Нынешняя парадигма ИИ амбивалентна: она возникла вовсе не из когнитивных теорий, как верят некоторые, а из спорных экспериментов по автоматизации распознавания паттернов [Пасквинелли, 2024, с. 33]. История глубокого обучения началась с экстраполяции методов распознавания визуальных образов на невизуальные данные – аудио, видео, текст, самую разную поведенческую информацию. Что касается нейросетей как доминирующего сегодня вида ИИ – их расцвет начался в 2012 году, когда нейросеть AlexNet одержала победу в состязании в сфере компьютерного зрения¹. Своей победой на ImageNet Large Scale Visual Recognition Challenge эта знаковая модель произвела революцию в области компьютерного зрения и одновременно популяризировала глубокое обучение. С этого момента, говоря об искусственном интеллекте, стали подразумевать именно нейронные сети, хотя в середине XX века искусственные нейросети выступали прямым конкурентом искусственного интеллекта. Братья Дрейфусы описали это противоборство в совместном эссе «Создание сознания против моделирования мозга» в 1988 году, обозначив в нем две изначальных, различных и противостоящих друг другу, траектории искусственного интеллекта – символическую и коннекционистскую [Дрейфус Х.Л., Дрейфус С.И., 1998]. Символическая парадигма

¹ Сергеев В. 2025. Код, который все изменил: история AlexNet и ее наследие. URL: https://habr.com/ru/companies/ru_mts/articles/896478/ (дата обращения: 12.08.2025).

искусственного интеллекта связана с Дартмутским семинаром 1956 года, на котором Джон Маккарти предложил дискуссионный термин «искусственный интеллект». Коннекционистская парадигма своим источником имеет перцептрон Фрэнка Розенблатта, изобретенный в 1957 году и несколькими десятилетиями позднее развившийся в сверточные нейронные сети, породившие доминирующую ныне архитектуру глубокого обучения. Также эти парадигмы основываются на различных логиках и развивают разные эпистемологии. Символический подход зиждется на дедуктивной логике, соответственно, в его рамках разумность можно формализовать в виде суждений, поскольку это представление о мире. Согласно же коннекционистскому подходу, разумность – это опыт о мире, который можно смоделировать средствами индуктивной логики.

Мифологизация образа ИИ началась с того, что в 1943 году мир увидел труд, названный исследователем истории искусственного интеллекта Маргарет Боден «абстрактным манифестом вычислительной психологии» и основополагающим текстом как для коннекционистской, так и для символической ветви развития ИИ [Boden, 2006, p. 190] – статья нейрофизиолога Уоррена Мак-Каллока и математика Уолтера Питтса «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» [Мак-Каллок, Питтс, 2001]. В этой работе впервые предлагалось имитировать биологические нейроны внутри технического устройства посредством представления мозга человека как нервной сети, выполняющей логические операции. Идеи сетевого формата так или иначе проявлялись и ранее, однако Мак-Каллок и Питтс утверждали, что такие устройства могут «обучаться подобно мозгу» посредством самоорганизации и саморегуляции. Идея самоорганизующихся вычислений, способных адаптироваться к окружающей среде и «обучаться» устойчивым образом, стала ключевой частью «эпистемического ансамбля» кибернетики, проложившего путь к машинному обучению [Castelle, 2018].

Таким образом, ИИ XXI века является потомком самоорганизующихся вычислений XIX века. После статьи Мак-Каллока и Питтса и под влиянием актуальных достижений биологии, вектор кибернетических исследований сместился с имитации правил человеческого мышления на имитацию правил самоорганизации живых организмов и их адаптации к окружающей среде. Кибернетики стали рассматривать информацию не как аналоговые электрические сигналы, а как цифровые, дискретные, вычислительные биты, что означало зарождение идеи о том, что не только машины могут имитировать самоорганизацию живых организмов, но и цифровые компьютеры («автоматы с конечным числом состояний» у Тьюринга) [Turing, 1950]. Тот же перцептрон Розенблатта, имевший статус модели мозга, как устройство занимался не столько имитацией органических структур, сколько попытками самоорганизации информации. Так что произошел поворот от парадигмы линейной информации (представители – телеграф, символический ИИ) к парадигме самоорганизации (представители – кибернетические системы, коннекционистский ИИ). А также искусственному интеллекту незаметно была присвоена характеристика живого организма.

Но каким же образом Мак-Каллоку и Питтсу удалось понятийно мистифицировать ИИ? На вопрос «Эквивалентно ли распознавание образа логическому мышлению?» они отвечали утвердительно, заявляя, что любой зрительный паттерн (даже сложный, нечеткий и неполный) можно полностью определить, вычислив отношение его элементов, находящихся в поле зрения. По их мнению, задача распознавания (или классификация) паттерна решается с помощью алгоритма преобразования больших данных в простой двоичный вывод (0 или 1) и таким образом переформулируется в простой двоичный вопрос: «Принадлежит ли образ к этому классу или нет?» [Пасквинелли, 2024, с. 230]. Физик и математик фон Нейман соединил вычислительную логику с идеей распознавания зрительных паттернов и на выходе получил то, что затем вдохновило Розенблатта на создание перцептрона: жесткую логику заменил статистический расчет. Таким образом, искусственные нейросети, прямые потомки перцептрона Розенблатта, уже не являлись средствами логического умозаключения, превратившись в инструменты распознавания

паттернов, изначально именно зрительных. Получается, во-первых, автоматизация зрения (эмпирический материал для которой добывался изначально преимущественно посредством опытов на зрительных органах животных) по какой-то причине стала описываться в терминах антропоморфного восприятия, а во-вторых, во всех тематических исследованиях при этом не столько имитировалась конфигурация глазных нейросетей, сколько разрабатывались технологии самоорганизации данных для считывания зрительной матрицы. У самих же Мак-Каллока и Питтса в статье 1943 года «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» [McCulloch, Pitts, 1943] нейронные сети предлагается выстраивать по дедуктивному принципу с целью исчисления высказываний, а в статье 1947 года «Как мы познаем универсалии» [Pitts, McCulloch, 1947] речь ведется уже о нейросетях, организованных по индуктивному принципу для автоматического распознавания образов. Вспомнив о том, что ранее искусственному интеллекту была присвоена характеристика живого организма – способность к самоорганизации, неудивительно, что на выходе мы получаем практически образ искусственного интеллекта в нынешнем его понимании – как воспроизведения интеллекта человеческого.

Роль психометрии в мистификации образа искусственного интеллекта

В США появление перцептрона исторически совпало с обретением статистическими методами статуса преобладающих в психологии, что привело к институционализации статистики в середине XX века. Статистический поворот в психологии изучил и зафиксировал немецкий психолог Герд Гигеренцер: «Статистики принялись завоевывать новые территории в психологии в 1940-х годах... К началу 1950-х половина психологических факультетов в ведущих американских университетах предлагала курсы по методам Фишера и сделала выводные статистические методы обязательными для аспирантов. К 1955 году в более 80% экспериментальных статей в ведущих журналах использовались выводные статистические методы для обоснования заключений, основанных на данных... По этой причине я называю 1955 год ориентировочной датой институционализации статистики в учебных программах, учебниках и редакционных материалах... В экспериментальной психологии выводные статистические методы стали синонимом научного метода. С их помощью возникла большая часть концепций умственных процессов, запустивших в 1960-х годах т.н. когнитивную революцию... После институционализации выводных статистических методов широкий спектр когнитивных процессов подвергся переосмыслению через призму статистики...» [Gigerenzer, 1991].

Ключевым в XX веке являлся вопрос о соизмеримости «машинного» и человеческого «интеллектов». В качестве попытки решить эту проблему Тьюринг предложил свой известный тест на «разумность» [Turing, 1950]. Кибернетики утверждали, что у людей и машин есть какой-то пока что просто не обнаруженный общий «механизм». В период с 1955 по 1960 год статистический метод был «прошит» в методологию обработки информации искусственным интеллектом благодаря Розенблатту: ведь перцептрон зародился не как попытка автоматизировать логическое суждение, а как статистический метод, используемый при выполнении ряда когнитивных задач. Тем не менее «заслуга» превращения человеческого интеллекта в потенциально вычисляемый объект принадлежит не кибернетике – задолго до ее появления этим уже вовсю занималась психометрия. Следовательно, предпосылкой веры в возможность алгоритмизации интеллекта в XX веке являются всевозможные техники метрологии когнитивных способностей XIX века. В частности, историк науки Саймон Шаффер отмечает, что «в суждения о разумности машин вовлекались методы измерения результатов работы мозга» [Schaffer, 1999].

В начале XX века Чарльз Спирмен уже предлагал статистически измерять «общий интеллект» (опять же, ту его часть, которая *intelligence*) как корреляцию между решением

несвязанных задач в тесте навыков. Ученый был убежден, что обнаружение таких корреляций представляет собой математическое доказательство существования базовой когнитивной способности или «разумности» [Spearman, 1904]. Спирмен учитывал только два фактора – общий интеллект и конкретный навык, за что его позднее критиковали и предлагали расширить перечень признаков для анализа, однако при сохранении интенции рассмотрения интеллекта как совокупности внеконтекстуальных количественных параметров. В число теорий подобной направленности также можно включить не единожды уже упомянутый пресловутый тест на IQ.

Спирмен и последующие сторонники аналитического подхода к исследованию интеллекта поспособствовали опредмечиванию «интеллекта», укрепив мысль о том, что он вполне себе поддается статистическому измерению – просто нужно его сначала раздробить на параметры. Статистические инструменты психометрии обрели статус теорий разума, искусственно сконструировав вычислительную метафору разума, и затем, придав ей сциентизированный оттенок, редуцировали разум к вычислительной машине. В соответствии с таким представлением стало возможным размышлять об искусственном интеллекте как об автоматизированном интеллекте естественном.

Функциональное измерение: искусственный интеллект как многомерный симулякр

ИИ представляет собой не просто симулякр в бодрийеровском понимании (хотя оно, безусловно, взято за теоретическую основу), а симулякр многомерный. Первый и второй его измерения были проанализированы выше – это терминологическое и понятийное измерения. В обоих случаях мы наблюдаем смысловую подмену разного порядка.

Лингвистически навязываемое представление о том, что интеллект измерим (тест на IQ), в совокупности с представлением о том, что интеллект бывает разного вида (социальный, эмоциональный и так далее), лишают понятие интеллекта целостности. По сути, так осуществляется деконструкция интеллекта в духе постмодернистской стилистики: его существование не отрицается, но природа якобы переосмысливается, и путаница в понимании искусственного интеллекта является вполне закономерным следствием этой тихой деконструкции.

Деконструкция порождает симулякры. Она происходит посредством фрагментации, а затем включения каждого из фрагментов в новый контекст, что фактически означает навязывание части бывшего целого нового смысла какого-нибудь другого целого, и то не всегда. Беспорядочная эклектика смыслов влечет за собой путаницу, ведь прежние смыслы (источником которых было первичное целое) невозможно просто вычеркнуть и забыть просто потому что так хочется – это неестественный процесс, подобный тому, как мужчина становится женщиной или любовь превращается в проектные отношения. Интеллект разбивается на операции и виды, которым приписывается статус отдельной целостности. Далее закономерно следует наравне с интеллектами других видов появление интеллекта искусственного в образе объединителя отчужденных отдельных операций человеческого рассудка. Это уже не «старый добрый интеллект», но об этом новообразовании речь ведется так, как если бы она велась о «старом добром интеллекте». Что это, как не симулякр четвертого порядка, который утратил связь с реальностью и стал самодостаточным, существующим без опоры на дефрагментированный оригинал, представляя собой гиперреальность, продуцирующую реальность искусственную, в том числе и благодаря ширме мистификации?

Третье же измерение искусственного интеллекта как симулякра связано с ИИ-активностью. Рассматривая специфику симулякров нового типа, отечественный философ Алиев Р.Т. в статье «Метасимулякр и ИИ-симуляция: человек, медиа, интерфейсы» вводит применительно к искусственному интеллекту понятие метасимулякра, определяя его как гибридную форму симуляции, выходящую за рамки

классических представлений о знаках и их связях с реальностью. В отличие от симулякров «классических», метасимулякр не просто относительно пассивно воспроизводит или подменяет собой реальность, а достаточно активно преобразует ее посредством различных бриколажных тактик в цифровом пространстве [Алиев, 2025]. Эту же тенденцию обозначают и некоторые зарубежные исследователи, метафорически именуя ИИ «симулякром на стероидах» [Cunningham, 2024].

Ж. Бодрийяр в своем эпохальном труде «Симулякры и симуляция» [2016] проследил процесс развития симулякра от репрезентативного (еще хоть как-то отображающего оригинал) до нерепрезентативного (чистой симуляции, не нуждающейся в оригинале). Как отмечает Л.Ф. Хабибулина, «Бодрийяр проследил развитие симулякра от доброкачественного проявления (отражение фундаментальной реальности) через злокачественное (искажает фундаментальную реальность) к чародейству (маскирует отсутствие реальности)» [Хабибулина, 2022]. И искусственный интеллект в своем становлении симулякром прошел все обозначенные Бодрийяром четыре фазы развития, уже выходя в метафазу (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Фазы трансформации знака в условиях цифровой симуляции
Phases of Sign Transformation in Digital Simulation

Фаза	Описание фазы	Пример активности ИИ	Комментарий	Пример соответствующего ИИ
1	2	3	4	5
1. Отражение реальности	Знак отображает оригинал, признавая его существование в качестве первичного и свою от него зависимость	Ограниченная имитация ранними ИИ-системами отдельных человеческих проявлений	ИИ стремится реалистично воссоздать человеческую речь из текста, однако понятно, что перед нами модель синтетической речи	Ранняя имитация голоса (Text-to-Speech 2000-х); чат-боты с ограниченным словарем
2. Искажение реальности	Знак начинает искажать реальность, представляя ее через стилизации и интерпретации	Искусственная нейросеть, обученная на ограниченном наборе данных	ИИ интерпретирует реальность по усеченным признакам, формируя на выходе искаженную модель реальности	Uber Eats – сервис для улучшения фотографий блюд в меню. Нейросеть может переложить бургер на красивую тарелку, поменять фон, освещение, дорисовать недостающие ингредиенты или увеличить порцию
3. Претензия на реальность	Знак начинает претендовать на статус реальности, несмотря на отсутствие оригинала	Искусственная нейросеть генерирует объект	ИИ создает статистически синтезированный продукт, у которого нет источника как такового	Сгенерированные нейросетями тексты, картины, мелодии, видео, новости, не имеющие в основании человеческой субъектности или реальных событий в случае с фейковыми новостями

1	2	3	4	5
4. Чистая симуляция	Знак не имеет референта, но воспринимается как реальность	Искусственная нейросеть генерирует цифровую личность – аватар	Аватар бестелесен, не обладает опытом, но воспринимается как субъект	Vogue и реклама Guess с нейромоделью; ведущий новостей, созданный нейросетью
5. Метафаза	Знак подменяет реальность и преобразует ее	Любая активность, направленная на исследование (сбор данных) и имитацию коммуникации и межчеловеческих отношений (общение, интимность, дружба, романтика, любовь и т. д.).	У искусственной нейросети нет мотивации, чувств, желаний; она оперирует статистическими паттернами и, хотя адаптируется под пользовательский запрос, субъективностью не обладает. Тем не менее нейросеть зачастую воспринимается как обладающее внутренним содержимым. Связь кажется глубокой, однако она остается пустой	Большие языковые модели (LLM). LLM явно и неявно используются в осуществлении множества операций в цифровом пространстве: онлайн-поиск, чат-боты, анализ настроения пользователей, покупателей, модерация контента, переводы, программирование и т. д. Архитектурный тренд «Смесь экспертов» (MoE) – использование вместо одной универсальной модели множество небольших, но специализированных под конкретные контексты

Метафаза ИИ как симулякра связана с двумя мультикластерами активности искусственных нейросетей: неявным сбором как можно большего количества данных для непрерывного обучения и имитацией коммуникации и различных форм межчеловеческих отношений. Именно такого рода активность, с одной стороны, преобразует социальную реальность, с другой стороны, это преобразование основывается на техниках утонченной симуляции.

Добыча всевозможных данных о человеке IT-гигантами достигла беспрецедентных масштабов и «наглости», поскольку, как заключил Клайв Хамби, британский математик, считающийся первым, кто сравнил данные с нефтью в 2006 году: «Данные – новая нефть. Они ценны, но не могут быть использованы без обработки. Нефть должна превратиться в топливо, пластик, химикаты и так далее, чтобы стать ценным ресурсом, приносящим доход; также данные должны быть разобраны и проанализированы, чтобы иметь вес» [Уолш, 2019, с. 231]. Ввиду развития и распространения инструментария искусственного интеллекта повседневная жизнь буквально колонизирована обработкой информации. Вскоре невозможно будет отыскать место, где нас никто не отслеживает, не анализирует, не классифицирует, – это заявляют люди, не просто приближенные к миру технологий, а погруженные в него с головой, такие как Капитан Хофф (дружеское прозвище в Силиконовой долине), директор технологического бизнес-акселератора [Хоффман, 2023, с. 259]. Как выразилась математик Ханна Фрай, «если данные – это новое золото, то мы

с вами живем на Диком Западе» [Фрай, 2020, с. 73]. Помимо изменений, назревающих в архитектуре социума (что могло бы выступить предметом отдельного исследования), успехи в Big Data провоцируют возмутительную подмену понятий: сведения о человеке ничего не скажут о том, каково это – человеком быть. Тем не менее ошеломительный массив самых разных данных, переработанных в набор паттернов о человеческом поведении, позволяет это самое поведение имитировать и тем самым создавать симулякр коммуникации и межчеловеческих отношений. Тогда как изменяя и направляя коммуникацию и формы межчеловеческих отношений – изменяешь и направляешь мир.

Заключение

Таким образом, из дискурса об искусственном интеллекте можно эксплицировать несколько уровней, на которых осуществляется мистификация его образа в общественном сознании. Этот процесс не очевиден, что позволяет говорить о наличии у искусственного интеллекта симулятивной изнанки.

Первый уровень, на котором мы сталкиваемся со смысловой неоднозначностью, ведущей к дальнейшим заблуждениям, – терминологический. В англоязычной традиции закреплена формулировка *artificial intelligence*, а не *artificial intellect*. *Intelligence* не наделяется антропоморфными коннотациями, как это происходит при переводе на русский язык. Такой переводческий нюанс углубляет смысловую путаницу в русскоязычной традиции, тем более что употребление слова *intelligence* вместо *intellect* не делает англоязычный дискурс более определенным. В этом случае искусственный интеллект также мифологизируется, с тем отличием, что происходит это в понятийной сфере. И если в случае с не совсем корректным переводом можно говорить о мистификации поверхностной, приводящей к внешней неясности, то в случае понятийной мистификации последствия происходят в глубине дискурса, порождая симулякры.

На втором уровне, понятийном, осуществляется сдвиг в сторону механистического понимания умственной деятельности. Это происходит под влиянием нескольких факторов. Во-первых, автоматизация зрения (эмпирический материал для которого добывался изначально преимущественно посредством опытов на зрительных органах животных) вдруг начинает представляться в терминах антропоморфного восприятия; во-вторых, во всех тематических исследованиях при этом не столько имитировалась конфигурация глазных нейросетей, сколько разрабатывались технологии самоорганизации данных для считывания зрительной матрицы. Несколько ранее искусственному интеллекту была присвоена характеристика живого организма – способность к самоорганизации, вследствие чего мы получаем практически образ искусственного интеллекта в нынешнем его понимании – как воспроизведения интеллекта человеческого.

Весомый вклад в мистификацию искусственного интеллекта внесла психометрия. Спирмен и последующие сторонники аналитического подхода к исследованию интеллекта поспособствовали опредмечиванию «интеллекта», укрепив мысль о том, что он вполне себе поддается статистическому измерению. Статистические инструменты психометрии обрели статус теорий разума, искусственно сконструировав вычислительную метафору разума, и затем, придав ей сциентизированный оттенок, редуцировали разум к вычислительной машине. В соответствии с таким представлением стало возможным размышлять об искусственном интеллекте как об автоматизированном интеллекте естественном.

Метафаза III как симулякра связана с двумя мультикластерами активности искусственных нейросетей: неявным сбором как можно большего количества данных для непрерывного обучения и имитацией коммуникации и различных форм межчеловеческих отношений. Именно такого рода активность, с одной стороны, преобразует социальную реальность, с другой стороны, это преобразование основывается на техниках утонченной симуляции.

Список литературы

- Алиев Р.Т. 2025. Метасимулякр и ИИ-симуляция: человек, медиа, интерфейсы. *Человек*, 6(1): 102–120. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0236200725010076>.
- Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Пер с фр. М., ПОСТУМ, 240 с. (Baudrillard J. 1981. *Simulacra et Simulation*. Paris, Galilee, 235 p.).
- Дрейфус Х.Л., Дрейфус С.И. 1998. Создание сознания против моделирования мозга: искусственный интеллект вернулся на точку ветвления. В кн. *Аналитическая философия: становление и развитие*. М., Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция: 401–432.
- Мак-Каллок У., Питтс У. 2001. Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности. В кн. Галушкин А.И. Цыпкин Я.З. Нейронные сети: история развития теории. М., ИПРЖР: 5–22.
- Пасквинелли М. 2024. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. Пер. с англ. М., Individuum, 352 с. (Pasquinelli M. 2023. *The Eye of the Master. A Social History of Artificial Intelligence*. London, New York, VERSO, 267 p.).
- Уолш Т. 2019. 2062. Время машин. Пер. с англ. М., АСТ, 320 с. (Walsh T. 2018. 2062: *The World that AI Made*. Melbourne. Schwartz Books Pty. Ltd., 326 p.).
- Фрай Х. 2021. Hello world! Как быть человеком в эпоху машин. Пер. с англ. М.: Corpus, 320 с. (Fry H. 2018. *Hello World! How to be Human in the Age of the Machine*. Ealing, Transworld Digital, 258 p.).
- Хабибулина Л.Ф. 2022. Симулякр и симуляция как проблема философского дискурса. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 11(2А): 164–169. DOI: 10.34670/AR.2022.38.19.022
- Хоффман С. 2023. Пять сил, изменяющих всё: как технологии формируют наше будущее. Пер. с англ. М., Портал, 480 с. (Hoffman S. 2021. *The Five Forces That Change Everything How Technology Is Shaping Our Future*. Dallas, Matt Holt Books, 320 p.).
- Boden M. 2006. *Mind as Machine: A History of Cognitive Science*. Oxford, Publ. Oxford University Press, 1700 p.
- Castelle M. 2018. Deep Learning as an Epistemic Ensemble. URL: <https://castelle.org/pages/deep-learning-as-an-epistemic-ensemble.html> (accessed at: 12.08.2025)
- Cunningham J. 2024. Simulacra on Steroids: AI Art and Baudrillardian hyperreal. *Issues in Information Systems*, 25(2): 1–8.
- Geoghegan B.D. 2016. *Digital Keywords: A Vocabulary of Information Society and Culture*. Publ. Princeton University Press, 297 p.
- Gigerenzer G. 1991. From Tools to Theories: a Heuristic of Discovery in Cognitive Psychology. *Psychological Review*, 98(2): 254–267.
- McCulloch W.S., Pitts W. 1943. A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity. *Bulletin of Mathematical Biophysics*, 5: 115–133.
- Pitts W., McCulloch W.S. 1947. How We Know Universals the Perception of Auditory and Visual Forms. *Bulletin of Mathematical Biophysics*, 9: 127–147.
- Schaffer S. 2007. OK Computer. URL: <http://www.imaginaryfutures.net/2007/04/16/ok-computer-by-simon-schaffer/> (accessed at: 12.08.2025).
- Spearman Ch. 1904. General Intelligence: Objectively Determined and Measured. *American Journal of Psychology*, 15(2): 201–292.
- Turing A. 1950. Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, LIX, 236: 433–460.

References

- Aliev R.T. 2025. Metasimulyakr i II-simulyatsiya: chelovek, media, interfeisy. [Metasimulacrum and AI Simulation: Human, Media, Interfaces]. *Chelovek*, 6(1): 102–120 DOI: [10.31857/S0236200725010076](https://doi.org/10.31857/S0236200725010076)
- Bodriiyar Zh. 2015. Simulyakry i simulyatsiya. [Simulacra and Simulation] Translated from the French. М., POSTUM, 240 p. (Baudrillard J. 1981. *Simulacra et Simulation*. Paris, Galilee, 235 p.).
- Dreifus Kh.L., Dreifus S.I. 1998. Sozdanie soznaniya protiv modelirovaniya mozga: iskusstvennyi intellekt vernulsya na tochku vevtleniya [Making a Mind Versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. М., Dom intellektual'noi knigi, Progress-Traditsiya: 401–432.

- Mak-Kallok U., Pitts U. 2001. Logicheskoe ischislenie idei, odnosyashchikhsya k nervnoi aktivnosti [A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity]. In: Galushkin A.I. Tsypkin Ya.Z. Neironnye seti: istoriya razvitiya teorii [Neural Networks: History of Theory Development]. M., IPRZhR: 5–22.
- Paskvinelli M. 2024. Izmeryat' i navyazyvat'. Sotsial'naya istoriya iskusstvennogo intellekta [The Eye of the Master. A Social History of Artificial Intelligency]. Translated from English. M., Individuum, 352 p. (Pasquinelli M. 2023. The Eye of the Master. A Social History of Artificial Intelligency. London, New York, VERSO, 267 p.).
- Uolsh T. 2019. Vremya mashin [2062: The World that AI Made.]. Translated from English. M., AST, 320 p (Walsh T. 2018. 2062: The World that AI Made. Melbourne. Schwartz Books Pty. Ltd., 326 p.).
- Frai Kh. 2021. Hello world! Kak byt' chelovekom v epokhu mashin [Hello World! How to be Human in the Age of the Machine]. Translated from English. M., Corpus, 320 p. (Fry H. 2018. Hello World! How to be Human in the Age of the Machine. Ealing, Transworld Digital, 258 p.)
- Khabibulina L.F. 2022. Simulyakr i simulyatsiya kak problema filosofskogo diskursa [Simulacrum and Simulation as a Problem of Philosophical Discourse]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 11(2A): 164–169. DOI: 10.34670/AR.2022.38.19.022
- Khoffman S. 2023. Pyat' sil, izmenyayushchikh vse: kak tekhnologii formiruyut nashe budushchee [The Five Forces That Change Everything How Technology Is Shaping Our Future]. Translated from English. M.: Portal, 480 p. (Hoffman S. 2021. The Five Forces That Change Everything How Technology Is Shaping Our Future. Dallas, Matt Holt Books, 320 p.)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.09.2025

Received September 02, 2025

Поступила после рецензирования 02.12.2025

Revised December 02, 2025

Принята к публикации 30.05.2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванова Раиса Алексеевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры религиоведения и философии культуры, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия.

Raisa A. Ivanova, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of the Department of Religious Studies and Philosophy of Culture, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.44
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-297-315
EDN EQBNVM

«Социальные реалисты» и «цифровые авангардисты»: механизмы солидарности в обществе дополненной современности

^{1, 2, 3} Дерюгин П.П., ^{3, 4} Кузнецова О.В., ⁵ Алексеева О.М., ¹ Юй Я

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

² Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Россия 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5

³ Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

⁴ Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Россия, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14

⁵ Центр содействия адаптации детей-инофонов, ГАОУ ДПО МО
«Корпоративный университет развития образования»

Россия, 141006, Московская область, г. Мытищи, ул. Индустриальная, д. 13

deriuginpav@yandex.ru; kuznetsova1@mail.ru; yuyangprozidise911@gmail.com; leliaal@mail.ru

Аннотация. Цифровые формы групповой солидарности молодёжи противоречат традиционным механизмам солидаризации, порождая ценностно-поведенческий разрыв и фрагментацию социальной структуры в условиях дополненной современности. Цель исследования – выявить новые формы групповой солидарности молодежи и определить их соотношение в условиях дополненной современности. На основе анкетирования студентов-гуманитариев СПб двух вузов (n = 223) выявлены новые цифровые формы солидарности: коммуникативная, транзитная, потоковая и алгоритмическая. Цифровые механизмы солидарности (цифровые авангардисты n = 135) преобладают над традиционными (социальные реалисты n = 88) более, чем в 1,5 раза. Зафиксирован ценностно-поведенческий разрыв, который выражается в том, что высокая оценка роли взаимопомощи сочетается с низкой готовностью к личному участию (только 27%). Полученные результаты указывают, что традиционные институты постепенно утрачивают монополию на формирование коллективных ценностей, а социальная структура всё сильнее фрагментируется на цифровые микросообщества.

Ключевые слова: солидарность, дополненная современность, социальные реалисты, цифровые авангардисты, сетевизация

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Для цитирования: Дерюгин П.П., Кузнецова О.В., Алексеева О.М., Юй Я. 2026. «Социальные реалисты» и «цифровые авангардисты»: механизмы солидарности в обществе дополненной современности. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 297–315. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-297-315 EDN: EQBNVM

"Social Realists" and "Digital Avant-Gardists": Mechanisms of Solidarity in an Augmented Modern Society

^{1, 2, 3} Pavel P. Deriugin, ^{3, 4} Olga V. Kuznetsova, ⁵ Olga M. Alekseeva, ¹ Yu Yang

¹ St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation

² St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V. I. Ulyanov (Lenin)

5 Professor Popov St., Saint Petersburg 197022, Russian Federation

³ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal

Research Center of the Russian Academy of Sciences,

25/14 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg 190005, Russian Federation

⁴ Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 Aleksandr Nevsky St., Kaliningrad 236041, Russian Federation

⁵ Center for Assistance in Adaptation of Foreign-Language Children

Corporate University for Educational Development

13 Industrialnaya St., Mytishchi, Moscow Region 141006, Russian Federation

deriuginpav@yandex.ru; kuznetsova1@mail.ru; yuyangprozidise911@gmail.com; leliaal@mail.ru

Abstract. The importance of the topic is dictated by the growing problems of researching the contradictions between the new digital forms of group solidarity of young people (communicative, transit, streaming, algorithmic) and the dominance of traditional mechanisms of solidarization, which creates a value-behavioral gap (high assessment of mutual assistance with low readiness to participate – 27%) and increases the fragmentation of the social structure in the context of augmented modernity. The purpose of the study is to identify new forms of group solidarity of young people in the context of augmented modernity. Based on a survey of humanities students at two St. Petersburg universities (n = 223), new digital forms of solidarity have been identified: communicative, transit, streaming, and algorithmic. Digital mechanisms of solidarity (n = 135) prevail over traditional mechanisms (n = 88) by more than 1.5 times. There is a value-behavioral gap, which is expressed in the fact that a high assessment of the role of mutual assistance is combined with a low willingness to personally participate (only 27%). The results indicate that traditional institutions are gradually losing their monopoly on the formation of collective values, and the social structure is increasingly fragmented into digital micro-communities.

Keywords: solidarity, augmented modernity, social realists, digital avantgarde, networking

Funding: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant (project No. 24-18-00261 "Sociostructural model of the transition of Russian society to the augmented modernity mode").

For citation: Deriugin P.P., Kuznetsova O.V., Alekseeva O.M., Yu Ya. 2026. "Social Realists" and "Digital Avant-Gardists": Mechanisms of Solidarity in an Augmented Modern Society. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 297–315 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-297-315 EDN: EQBNVM

Введение

Современное общество переживает масштабные трансформации, под влиянием цифровизации [Schmeckt, 2000]. Традиционные формы солидарности, базирующиеся на институциональных и локальных связях, уступают место динамичным, фрагментарным и глобальным моделям, формируемым в цифровой среде [Социоструктурная модель, 2024]. В контексте глобальных вызовов (экологических кризисов, миграционных волн, пандемий) коллективные действия и взаимопомощь критически важны [Димитрова и др. 2022, с. 116]. При этом в российском обществе наблюдается парадоксальная ситуация, когда декларируемая готовность к солидарности не всегда трансформируется в реальные практики, а растущее разнообразие её форм провоцирует конфликты на разных уровнях

социальной структуры от межличностного до межгруппового и институционального [Каравай, 2024, с. 126; Игнатъев, 2020, с. 82].

Проблема заключается в противоречии между растущим потенциалом цифровых технологий для формирования новых форм солидарности и реальным снижением готовности индивидов к практическому участию в коллективных действиях. Фиксируется ценностно-поведенческий разрыв, выражающийся в том, что высокая абстрактная оценка роли взаимопомощи (на уровне деклараций) сочетается с низкой готовностью к личному участию в практиках солидарности [Ярская-Смирнова, Ярская, 2014]. Конфликт моделей солидарности проявляется как столкновение традиционных (институциональных, интеракционистских) и цифровых (сетевых, потоковых) форм, что порождает напряжённость между социальными группами с разными ценностными основаниями. Например, сюда следует отнести недостаток эмпирических данных о трансформации и отсутствие сравнительных данных за разные периоды, что не позволяет достоверно зафиксировать переход от локальных, устойчивых форм солидарности к глобальным, динамичным и фрагментарным.

Возникают новые формы солидарности в цифровой среде, такие как *коммуникативная* (демонстрация единства через лайки, репосты, хештеги), *транзитная* (кратковременные объединения вокруг событий и эмоций), *потоковая* (солидарность как результат повторяющихся цифровых взаимодействий), *алгоритмическая* (координируемая через алгоритмы соцсетей и краудсорсинговые платформы). Разрешение этих противоречий требует углублённого изучения механизмов формирования солидарности в дополненной современности, что позволит разработать стратегии укрепления социальных связей и повышения эффективности коллективных действий в условиях цифровой трансформации.

Современные исследования солидарности развиваются в двух основных направлениях, опираясь на классические подходы, а также на исследования солидарности в условиях дополненной современности.

Фундаментальные подходы к пониманию солидарности, формирующие теоретическую базу для дальнейшего анализа этого феномена, были заложены классиками социологии. Эмиль Дюркгейм ввёл дихотомию механической и органической солидарности, определяя первую как основанную на гомогенности убеждений и культурных норм, а вторую – как результат дифференциации труда и профессиональной специализации [Дюркгейм, 1900]. Эта концепция позволяет исследовать динамику социальных связей в различных исторических и культурных контекстах. Карл Маркс рассматривал коллективизм как процесс, в котором индивиды взаимно обогащаются через обмен ценностями и культурными практиками, выделив три стадии развития пролетарского коллективизма: архаическую, переходную и современную [Маркс, 2024]. Эти стадии демонстрируют эволюцию социальной интеграции в условиях классовой борьбы. Толкотт Парсонс предложил системный подход, в рамках которого социальная солидарность рассматривается как интегративная функция ценностной системы общества. Он утверждал, что социальные связи сами по себе являются ценностью, способствующей поддержанию социальной стабильности и порядка [Парсонс, 1997]. Фердинанд Тённис исследовал трансформацию общинной солидарности, основанной на личных связях, в общественные ценности, возникающие в процессе индустриализации и урбанизации [Тённис, 1887]. Этот переход отражает изменения в структуре социальных отношений и характере социальной интеграции. Современные исследователи продолжают развивать эти идеи, адаптируя их к новым социальным реалиям. В частности, Александр Филиппов демонстрирует, что даже в условиях высокой пространственной мобильности индивиды формируют «очаги солидарности», представляющие собой временные или постоянные локальные объединения, основанные на общих интересах и ценностях [Филиппов, 2011]. Этот подход подчёркивает гибкость и адаптивность социальных связей в глобализирующемся мире. Мануэль Кастельс в работе «Информационный век» отмечает,

что социальное единство группы может не зависеть от единого географического пространства, а быть обусловлено сетевыми взаимодействиями и виртуальными коммуникациями [Кастельс, 1996–1998]. Это указывает на необходимость переосмысления традиционных концепций солидарности в контексте цифровой эпохи.

Вторая группа источников посвящена принципам солидарности в *структурах дополненной современности* (концепции «дополненной реальности», «дополненного социального пространства» и «гибридных социальных практик»). В частности, данное исследование опирается на положения концепции дополненной социальной реальности профессора СПбГУ Д. В. Иванова [2024]. Возникновение новых форм групповой солидарности происходит как взаимопроникновение ценностей различных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков. В целом ряде исследований развиваются принципы солидарности в потоковом обществе, актуальные для настоящего исследования, такие как уровни и формы солидарности.

Как отмечают Е. Н. Юдина, И. В. Алексеенко, ценности онлайн-солидарности в условиях дополненной современности проявляются на двух уровнях. *На микроуровне* [Юдина, Алексеенко, 2023]. в повседневных интернет-сообществах, т.е. в чатах, форумах, тематических группах. *На макроуровне* ценностная онлайн-солидарность становится стимулом общественных движений, соединяющих тысячи людей ради общей цели [Ксенофонтова, 2013].

Взаимодействия традиционных и цифровых ценностных систем реализуются в нескольких направлениях, таких как конфликт консервативных и цифровых ценностей (дуалистическая платформа) [Черникова, 2014, с. 46]; как интегративный подход, где изучается синтез традиционных и новых ценностных систем [Минянь, 2011, с. 50]; как изменения восприятия реальности под влиянием AR/VR (технологический детерминизм) [Трапилина, 2020]; как зависимость ценностей от социальной позиции (социоструктурный подход) [Дерюгин и др., 2025]; как новые формы отчуждения (критический подход), [Смирнова, 2025]; как изменение ценностей под влиянием культурной эволюции (культурно-антропологический детерминизм) [Балюшина, 2014].

Ключевыми формами солидарности в цифровой среде становятся коммуникативная, транзитная и потоковая солидарность. *Коммуникативная солидарность* – форма взаимодействия, где общение само по себе становится *актом демонстрации единства* (комментарии, репосты, хештеги). Демонстрация единства норм и ценностей лайками и ретвитами воспринимается определяющим фактором коммуникативной солидарности. [Гапич, Кучукян, 2017]. *Транзитная солидарность* выражается в *кратковременном объединении людей вокруг конкретного события или эмоции*. Временная солидарность выстраивается не на устойчивых ценностях, а на ситуативном резонансе (общий гнев, радость, страх) и существует в режиме «здесь и сейчас». Только косвенно ценности влияют на транзитную солидарность через механизмы коллективной вовлечённости и символического конструирования единства [Зубанова, Зыховская, 2019]. *Потоковая модель консолидации* предполагает понимание солидарности как *результат передачи ценностей через повторяющиеся взаимодействия в цифровом пространстве*. В потоковой модели консолидации ценности выступают не просто как абстрактные идеалы, а как практический инструмент, который связывает людей, сообщества и поколения, обеспечивая устойчивость и жизнеспособность общества [Кармадонов, Ковригина, 2016].

Несмотря на обширную теоретическую базу изучения солидарности в условиях дополненной современности, существует ряд пробелов. Прежде всего, это недостаток эмпирических данных о трансформации солидарности. Большинство исследований фиксируют текущее состояние, но не отслеживают динамику изменений во времени (нет данных за разные периоды). Без этого невозможно достоверно зафиксировать переход от локальных, устойчивых форм солидарности к глобальным, динамичным и фрагментарным. Во-вторых, слабая операционализация понятий. Термины «цифровая

«солидарность», «сетевая солидарность» и др. часто используются без чёткого определения и измеримых критериев. В-третьих, ограниченная эмпирическая база. Исследования преимущественно фокусируются на общих тенденциях, не выделяя специфические социальные группы с разными ценностными основаниями солидарности. В-четвертых, отсутствие комплексного анализа ценностно-поведенческого разрыва. Хотя декларируемая важность взаимопомощи фиксируется, механизмы низкой готовности к личному участию в практиках солидарности изучены слабо. Наконец, недостаточно внимания к гибридным формам солидарности. Взаимодействие традиционных и цифровых практик требует углублённого изучения для разработки стратегий укрепления социальных связей в условиях цифровизации.

Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы через эмпирическую фиксацию ценностного сдвига среди молодёжи, операционализацию понятий «социальные реалисты» и «цифровые авангардисты», анализ асимметрии между декларируемой важностью взаимопомощи и реальным личным участием, разработку рекомендаций по развитию гибридных форм солидарности, сочетающих онлайн- и офлайн-взаимодействие.

Цель исследования – выявить новые формы групповой солидарности молодежи и определить их соотношение в условиях дополненной современности.

Теоретические основы исследования

Настоящее исследование выстраивается на обобщении теорий двух направлений.

Первое направление сосредоточено на исследованиях ценностей как основаниях групповой солидарности и их трансформации по мере социодинамики общества. Ключевыми концепциями здесь выступают работы Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса, Ф. Тенниса, А. Филиппова, М. Кастельса и А. Лефевра.

Э. Дюркгейм рассматривал солидарность как коллективное сознание, структурированное на общих ценностях, убеждениях и нормах. Механическая солидарность основывается на сходстве идентичных убеждений и норм (традиционное общество), органическая возникает вследствие разделения труда и предполагает интеграцию различных ценностей на основе рациональности (современное общество) [Дюркгейм, 1900].

К. Маркс рассматривал идею ценностных оснований групповой солидарности в процессе общения, которое само по себе выступает целью, способствующей индивидуальному и социальному развитию. «Истинный коллективизм» интерпретируется не как прагматическая идея, а как процесс взаимообогащения через обмен ценностями, знаниями и духовными практиками [Маркс, 2024].

В структурно-функциональной концепции Т. Парсонса ценностная система рассматривается основанием солидарности не только отдельных групп или классов, но всего общества. Интеграция в социальную систему предполагает позитивное оценивание социальных связей как самостоятельной ценности, а не только как средства для реализации специфических ценностных моделей [Парсонс, 1997].

Ценности групповой солидарности трансформируются по мере социального развития. Согласно Ф. Теннису, совместное проживание и трудовая деятельность выступают ключевыми факторами трансформации общинной солидарности по мере становления индустриального общества: ценности общинной солидарности трансформируются в ценности общественные [Теннис, 2002]. У Дюркгейма по мере социальной динамики механическая форма солидарности сменяется органической. Линия развития ценностной солидарности у Маркса проходит три этапа, включая грубый пролетарский коллективизм интересов, истинный пролетарский коллективизм целей и ценностей, пролетарский интернациональный коллективизм, способный обеспечить глобальное движение к бесклассовому обществу.

В концепциях современных исследователей подчёркивается, что в современном обществе социальное единство группы не всегда связано с единым географическим пространством или деятельностью. Более того, возникают обратные связи, когда на основании ценностей формируются новые социальные структуры. В работе «Мобильность и солидарность» (2011) А. Филиппов показывает, что даже в условиях высокой пространственной мобильности люди создают «очаги солидарности» – временные или постоянные локальные объединения, узлы доверия и взаимопомощи [Филиппов, 2011]. Эту же идею высказывает М. Кастельс в труде «Информационный век» (1996–1998) [Кастельс, 2010].

Анализ показывает, что понятие групповой солидарности трактовалось по-разному в зависимости от социологической традиции. Э. Дюркгейм рассматривал солидарность как основу социальной интеграции, которая скрепляет коллектив [Дюркгейм, 1900]. П. Кропоткин полагал, что врождённая нравственность способствует солидарности, которая искажается авторитарными социальными институтами, например государством [Кропоткин, 1990]. Л. Дюги определял право, как базис солидарности «совершенного общества» [Дюги, 1914]. М. Ориу отмечал солидарность в качестве существенного признака состояние разделённости, в котором силы политического отделены от экономической и гражданской власти [Ориу, 1929]. Шютц основным источником социальной солидарности считал прагматический мотив и стремление достигнуть согласия с доступным ему жизненным миром (статическая и динамическая солидарность) [Шютц, 2003]. М. Вебер связывал формирование групповой солидарности не с социальной борьбой, а с неравными властными отношениями, как стремление быть частью одной конкретной группы, которая участвует в борьбе с другими группами [Вебер, 2002]. Таким образом, как в классических социологических теориях, так и среди современных исследователей, существует консенсус относительно признании фундаментальной роли ценностного единства в формировании социальной солидарности группы [Сиразетдинова, 2024, с. 89].

Вторая группа источников посвящена принципам солидарности в структурах дополненной современности (концепции «дополненной реальности», «дополненного социального пространства» и «гибридных социальных практик»). Данное исследование опирается на положения теории дополненной социальной реальности профессора СПбГУ Д. В. Иванова [2024]. Возникновение новых форм групповой солидарности происходит как взаимопроникновение ценностей различных структур институтов, интеракций, сетей и потоков. Дополненная социальная реальность представляет новую среду, где переплетаются ценности различных социальных структур и институтов, разнообразные формы интеракций (онлайн- и офлайн-взаимодействия), сетевые связи и информационные потоки. В таком социальном пространстве, во-первых, границы между виртуальным и реальным стираются. Дополненная реальность не ограничивается «постижением» мира, она активно в него вмешивается, становясь основой для практических действий [Игнатьев, 2020]. Чат-бот, помогающий найти ближайший пункт сбора гуманитарной помощи, или AR-приложение, визуализирующее экологические проблемы района, – всё это превращает абстрактную эмпатию в конкретные шаги. Во-вторых, изменяется методология изучения интеграционных процессов. Как отмечают исследователи, традиционные подходы уже не полностью отражают сложность гибридных социальных практик [Богомягкова, 2025], [Дудина, 2013]. В-третьих, предполагается разработка современных методов, позволяющих анализировать, как мобильные коммуникативные платформы ускоряют распространение идей солидарности, создают новые каналы для координации коллективных действий, формируют «гибридные ритуалы», например, онлайн-митинги с последующим офлайн-субботником [Глазкова, 2012]. Дополненная реальность открывает новые возможности для объединения людей, но также требует новых теоретических подходов и этических решений. В будущем успех таких объединений будет зависеть от того, насколько гармонично удастся соединить цифровые инструменты с глубинными человеческими ценностями взаимопомощи и доверия.

Таким образом, исследование объединяет два теоретических пласта. С одной стороны, оно опирается на классическое понимание солидарности как ценностно-обусловленного феномена. С другой, учитывает трансформацию солидарности в эпоху дополненной реальности, где цифровые инструменты создают новые формы взаимодействия, требующие специальных методов изучения. Будущий успех социальных объединений будет зависеть от гармоничного сочетания цифровых технологий с традиционными ценностями взаимопомощи и доверия (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Основные характеристики солидарности
 в рамках концепции дополненной социальной реальности
 Main characteristics of solidarity within the framework of the concept of augmented social reality

Тип солидарности	Пространство	Ценности	Основание	Примеры / Социальные формы
Механическая	одна территория	единые ценности	традиции	национально-культурные диаспоры, взаимопомощь, единая идеология, авторитетный лидер
Органическая	одна территория	разные ценности	взаимосвязь	референтные группы, ритуалы, космополитическое общение, символический обмен
Цифровая	разные территории	единые ценности	информация	цифровые диаспоры, виртуальный капитал, коллективная самопрезентация, лидер мнения
Транзитивная	разные территории	разные ценности	адаптивность	ситуативные коалиции, алгоритмическая солидарность, «плавающая» идентичность

Цифровая солидарность – это социально конструируемая форма коллективного действия в цифровой среде, основанная на выработке общих культурных смыслов и символических кодов, формировании горизонтальных сетевых связей и реализации практик взаимной поддержки, а также координации усилий участников. Ключевые особенности цифровой солидарности выражаются в быстром формировании и распаде социальных связей; согласованности интересов и способности к самоорганизации, саморегуляции и саморазвитию для достижения общей цели; использовании универсальных кодов (например, хэштегов) для маркировки тематики, обозначения принадлежности к сообществу и «узнавания» своих в цифровой коммуникации; возможности оперативно подключаться к решению и поддержке различных вопросов; влиянии социальных сетей на формирование общих ценностей и потребностей индивидов, что влияет на характер цифровых коммуникаций. В условиях общества дополненной реальности цифровая солидарность интегрирует ценности различных структур – институтов, интеракций, сетей и потоков. В такой модели солидарности цифровые технологии становятся инструментом для создания гибридных социальных практик, где традиционные и новые ценностные системы взаимодействуют, интегрируются, но также противопоставляются и конфликтуют.

По нашему мнению, исходя из концепции Д. В. Иванова о дополненной социальной реальности, цифровая солидарность является разновидностью социальной интеграции, где единство и совместные действия формируются в цифровом пространстве через сетевые

структуры [Иванов, 2024]. Она дополняет механическую (основанную на территориальных связях) и органическую солидарности (базирующуюся на разделении труда) и становится основанием транзитивной солидарности. Интеграционные механизмы цифровой солидарности функционируют на основании виртуальных сообществ, алгоритмической координации, этики мгновенной взаимопомощи и символического обмена через хештеги и лайки. *Фрагментарность связей, изменчивость идентичности и асимметрия между декларациями и практическим участием, отражают специфику цифровой солидарности, основанную на динамических информационных потоках.*

Материалы и методы исследования

Объектом исследования является студенческая молодежь, в среде которой наиболее многогранно наблюдается сложное взаимодействие традиционных и новых форм групповой солидарности. Эмпирическая часть осуществлена в 2026 году среди студентов-гуманитариев (социологов и журналистов) в университетах Санкт-Петербурга ($n = 223$). Целевая группа – студенты-гуманитарии – наиболее чувствительна к новым формам цифровой солидарности и ценностно-поведенческим противоречиям. Выбор этой группы молодежи позволяет отчетливо зафиксировать ключевые механизмы солидарности в дополненной современности, а также подготовить базу для более масштабных и дифференцированных исследований среди других категорий респондентов. Выборка случайная. Объем выборки оптимальный для пилотажного исследования.

Использован метод онлайн-анкетирования, предполагавший ранжирование от 1-й до 20-й ценности по значимости для респондентов, характеризующих институциональную, интеракционистскую, сетевую и потоковую солидарности (по пять позиций в каждой). Например, институциональная солидарность измерялась индикаторами: создание и участие в диаспорах и национально-культурных объединениях; формирование этнических анклавов; охранение связей с исторической родиной и др. К ценностям интеракционного порядка отнесены: обмен и конструирование общих смыслов; принятие ролей и референтных групп; ритуалы взаимодействия; и др. Сетевые ценности: создание «цифровых диаспор»; поддержание транснациональных связей; формирование виртуального социального капитала и др. Потокową солидарность характеризовали такие ценности, как: создание ситуативных коалиций; участие в гибридных сетях взаимопомощи; алгоритмическая солидарность и др.

Рейтинги суммировались по типам ценностей. Если совокупный вес рейтингов институционального и интеракционного порядка был больше, чем совокупный рейтинг ценностей сетевого и потокового порядка, такой респондент определялся как «социальный реалист», то есть у таких респондентов ценности социальной реальности были более весомые, чем ценности дополненной современности – сетевые и потоковые. Напротив, к «цифровым авангардистам» были отнесены те респонденты, для которых ценности сетевого и потокового порядка оказались более важными, чем ценности социальной реальности – институциональные и интеракционные.

Для анализа взаимосвязей между ценностью взаимопомощи, личным участием и другими ценностными индикаторами использовался коэффициент ранговой корреляции Пирсона (r). Статистическая обработка выполнена в SPSS. Учитывая пилотажный характер исследования, уровень значимости принят как $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

Социальные реалисты и цифровые авангардисты

Результат 1. Эмпирические данные демонстрируют ценностный сдвиг, позволяющий разделить респондентов ($n = 223$) на группу социальных реалистов ($n = 88$) и группу цифровых авангардистов ($n = 135$). В отличие от социальных реалистов,

цифровые авангардисты (61 % участников) определяют цифровые практики как ключевую основу групповой солидарности, вытесняющую роль традиционных социальных институтов. Полученная классификация согласуется с концепциями сетевого общества (М. Кастельс) и цифровой социализации, раскрывающими, что виртуальные платформы становятся не просто инструментами коммуникации, но и пространствами формирования новых норм, ценностей и практик взаимопомощи.

При детализации ценностей внутри группы «социальных реалистов» вырисовывается картина распределения первых рейтингов. 23 человека определяют как самые важные институциональные ценности, 55 человек – интеракционные ценности (непосредственное межличностное взаимодействие). Среди «цифровых авангардистов» 112 человек наиболее высоко рассматривает ценности сетевой солидарности (горизонтальные связи в онлайн-сообществах), 23 человека главными воспринимают ценности потоковой солидарности (кратковременные объединения вокруг актуальных событий).

Анализ полученного результата свидетельствует о доминировании ценностей цифровой солидарности. Студенты-гуманитарии находят единомышленников вне географических границ, а алгоритмы подбирают им контент, усиливающий чувство принадлежности к определённой локации. Лишь 10,3 % (23 из 223) респондентов видят основу солидарности непосредственно в традиционных институтах. Только 7 человек в качестве важнейшей ценности определили сохранение связей с исторической родиной.

Лишь 6,5 % респондентов разделяет интеракционные ценности как наиболее важные, что сопровождается ростом сетевой солидарности (15,5 % респондентов) и значимости краткосрочных объединений (потоковая солидарность 7,3 %). В молодёжной среде ослабевают реальные социальные связи, которые компенсируются цифровой солидарностью. Такая солидарность подчас носит поверхностный характер, заменяется лайками и репостами. Такую солидарность в интернет-сленге отождествляют с понятием «совма» – сокращенное от «совместно», «вместе» или «общими усилиями». Оно появилось как способ быстро выразить солидарность, единство или коллективную поддержку. Алгоритмы усиливают поляризацию общества посредством эхо-камер, а солидарность в таких сообществах строится на отрицании «чужих», но не на созидании общих ценностей.

Таким образом, среди студентов-гуманитариев наблюдается ценностный сдвиг в сторону цифровой солидарности, особенно выраженный у группы цифровых авангардистов. Традиционные институты и географическая привязанность, вероятно, теряют значимость как основа групповой идентичности. Цифровая солидарность может компенсировать ослабление реальных социальных связей, но её поверхностный характер (лайки, репосты) и влияние алгоритмов потенциально создают новые риски поляризации. Важно также отметить, что данные выводы основаны на конкретной выборке и могут отражать только специфику студенческой среды обучающихся в гуманитарной сфере.

Ценностное измерение взаимопомощи в рамках солидарности

Результат 2. Взаимопомощь рассматривается не только как необходимое условие для эффективного функционирования социума, но и как критически важный фактор личного выживания. «Социальными реалистами» взаимопомощь понимается как стратегически значимый индикатор, в то время как для «цифровых авангардистов» интерпретация взаимопомощи варьируется в зависимости от ценностных установок и мировоззренческих предпочтений. Для количественной оценки этого различия проводился корреляционный анализ между индикаторами ценностей взаимопомощи со всеми другими ценностями в подгруппе (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Корреляция ценностей взаимопомощи с другими ценностями в подгруппах
 Correlation of mutual assistance values with other values in the subgroups

Группы ценностей	Индикатор ценности взаимопомощи	Социальные реалисты n = 88	Цифровые авангардисты n = 135
Институциональные	Взаимопомощь в решении бытовых и правовых проблем	0,38	0,12
Интеракционные	Символический взаимообмен и конструирование общих смыслов	0,22	0,10
Сетевые	Поддержание транснациональных связей	0,11	0,14
Потоковые	Гибридные сети взаимопомощи	0,09	0,16

Примечание: все корреляции статистически незначимы ($p > 0,05$), за исключением корреляции 0,38 в группе социальных реалистов ($p < 0,05$).

Анализ выявил существенные различия в восприятии и роли взаимопомощи у двух исследуемых подгрупп. У «социальных реалистов» наблюдается умеренная корреляция ($r = 0,20$) между ценностью взаимопомощи и другими ценностями. Наибольшая связь зафиксирована в институциональной сфере ($r = 0,38$), что указывает на восприятие взаимопомощи как необходимого условия функционирования социума через традиционные институты, государство, законы, общественные организации. Умеренная связь в интеракционной сфере ($r = 0,22$) подчёркивает значимость межличностного взаимодействия и конструирования общих смыслов. При этом низкие корреляции в сетевой ($r = 0,11$) и потоковой ($r = 0,09$) сферах свидетельствуют о меньшей значимости глобальных и гибридных форм взаимопомощи для данной группы.

У «цифровых авангардистов» корреляция в целом слабее ($r = 0,13$) и более однородна, на это указывает низкое стандартное отклонение. Минимальные связи наблюдаются во всех группах ценностей, особенно в интеракционной ($r = 0,10$) и институциональной ($r = 0,12$) сферах. Это может свидетельствовать о том, что взаимопомощь для них выступает скорее как вариативный фактор личного выживания, реализуемый через гибкие сети и цифровые инструменты, а не через устойчивые ценностные установки.

В сетевой и потоковой сферах различия менее выражены, а корреляции в целом низкие. Это указывает на недостаточную интеграцию транснациональных и гибридных форм взаимопомощи в ценностные системы обеих групп.

Результаты подтверждают существование двух моделей восприятия взаимопомощи. Для «социальных реалистов» она выступает как необходимое условие эффективного функционирования социума, опирающееся на традиционные структуры и межличностное взаимодействие. Для «цифровых авангардистов» взаимопомощь рассматривается как вариативный фактор личного выживания, реализуемый ситуативно через гибкие сети и цифровые инструменты.

Общая тенденция заключается в том, что взаимопомощь наиболее тесно связана с ценностями, предполагающими прямое взаимодействие и опору на устоявшиеся структуры, т.е. на институты, общие смыслы. Глобальные и гибридные формы взаимопомощи пока менее интегрированы в ценностные системы обеих подгрупп.

Таким образом, зафиксированный разрыв отражает две модели социальности. У социальных реалистов взаимопомощь является стратегическим индикатором, укоренённым в традиционных институтах. Для них это фундамент устойчивости, т. е. это

то, что связывает людей в кризисах и в бытовом взаимодействии. У цифровых авангардистов взаимопомощь понимается как динамичный процесс, реализуемый через гибкие сетевые структуры и цифровые практики. Этот контраст подчёркивает трансформацию ценностей взаимопомощи в условиях цифровизации общества.

Минимальное личное участие в достижении солидарности

Результат 3. Выявлен разрыв между высокой оценкой важности взаимопомощи и низкой готовностью к личному участию (табл. 3).

Анализ данных позволяет сделать ряд выводов о связи личного участия в достижении солидарности с разными группами ценностей у двух подгрупп «социальные реалисты» и «цифровые авангардисты». Во-первых, во всех случаях фиксируется низкий уровень корреляции, коэффициенты варьируются в диапазоне от 0,06 до 0,16. Это свидетельствует о слабой взаимосвязи между индикаторами личного участия и другими ценностями в рамках обеих подгрупп. Иными словами, приверженность прочим ценностям почти не влияет на готовность человека лично участвовать в практиках достижения солидарности. Полученный результат подкрепляет исходный тезис о значительном разрыве между признанием важности взаимопомощи вероятно, на уровне деклараций и реальной готовностью к личному участию. Люди могут высоко оценивать солидарность как ценность, но это слабо отражается на их конкретных действиях. При этом внутри каждой подгруппы показатели по разным группам ценностей (институциональным, интеракциональным, сетевым, потоковым) демонстрируют высокую близость. У «социальных реалистов» значения колеблются от 0,07 до 0,09, а у «цифровых авангардистов» – от 0,06 до 0,16, что говорит об отсутствии ярко выраженной специфики в зависимости от типа ценностей.

Таблица 3
Table 3

Корреляция ценности личного участия
в практиках достижения социальной солидарности с другими ценностями в подгруппе
Correlation of the value of personal participation
in practices of achieving social solidarity with other values in the subgroup

Группы ценностей	Индикаторы оценивания личного участия в достижении солидарности	Социальные реалисты	Цифровые авангардисты
Институциональные	Формирование этнических анклавов	0,07	0,06
Интеракциональные	Участие в кружках и группах космополитического общения	0,09	0,09
Сетевые	Создание «цифровых диаспор»	0,09	0,16
Потоковые	Поддержка алгоритмической солидарности	0,08	0,10

Примечание: все приведённые корреляции статистически незначимы ($p > 0,05$).

Вместе с тем между подгруппами прослеживаются определённые различия. Так, у «цифровых авангардистов» среднее значение корреляции (0,10) оказывается выше, чем у «социальных реалистов» (0,08). Это позволяет предположить, что у первой группы связь между личным участием и другими ценностями выражена несколько сильнее. Наиболее заметное различие между подгруппами проявляется в сфере сетевых практик создании «цифровых диаспор». Здесь «цифровые авангардисты» показывают коэффициент 0,16, что

почти вдвое превышает показатель «социальных реалистов» (0,09). Такая динамика может быть связана с большей ориентацией «цифровых авангардистов» на цифровые технологии и сетевые формы взаимодействия: именно в этой сфере их готовность к личному участию сильнее соотносится с ценностями солидарности.

Ещё одно отличие касается внутренней неоднородности установок. Стандартное отклонение у «цифровых авангардистов» составляет 0,042, что существенно выше, чем у «социальных реалистов» (0,01). Это означает, что внутри первой группы мнения относительно связи личного участия и солидарности распределены менее равномерно: присутствуют как те, кто отчётливо видит такую связь, так и те, кто её не отмечает. Дополнительным подтверждением различий служат доверительные интервалы для средних значений. У «социальных реалистов» интервал оказывается широким и включает низкие значения [0,033; 0,167], тогда как у «цифровых авангардистов» он более узкий и смещён в сторону более высоких показателей [0,108; 0,152].

Таким образом, данные подтверждают общую тенденцию, то есть связь между готовностью к личному участию в достижении солидарности и другими ценностями остаётся слабой в обеих подгруппах, что отражает разрыв между признанием ценности солидарности и реальными действиями. При этом «цифровые авангардисты» в целом демонстрируют чуть более выраженную взаимосвязь, особенно в цифровой и сетевой сферах, хотя внутри этой группы наблюдается большая неоднородность установок.

Полученные результаты указывают на необходимость изучения иных факторов, влияющих на готовность к личному участию, таких как доверие к институтам, восприятие эффективности коллективных действий или личный опыт, поскольку текущие ценности объясняют эту готовность крайне ограниченно.

Обсуждение результатов

Более 61 % респондентов (135 из 223) отнесены к группе «цифровых авангардистов», для которых цифровые практики выступают ключевой основой групповой солидарности. Это согласуется с ранее высказанными характеристиками сетевого общества Мануэлем Кастельсом, согласно которому социальное единство может формироваться вне единого географического пространства через сетевые взаимодействия и виртуальные коммуникации [Кастельс, 2010]. Доминирование цифровых ценностей также соотносится с идеями Д. В. Иванова о дополненной социальной реальности, где новые формы солидарности возникают как результат взаимопроникновения традиционных и цифровых структур [Иванов, 2024]. При этом лишь 10,3 % респондентов видят основу солидарности в традиционных институтах, что свидетельствует о снижении значимости территориальной близости и институциональных связей как факторов социальной интеграции.

Анализ корреляций между ценностью взаимопомощи и другими ценностями выявил существенные различия в понимании роли взаимопомощи у «социальных реалистов» и «цифровых авангардистов». У первой группы наблюдается умеренная корреляция ($r = 0,20$) между ценностью взаимопомощи и другими ценностями, особенно в институциональной сфере ($r = 0,38$). Это позволяет утверждать, что для «социальных реалистов» взаимопомощь понимается как стратегический индикатор устойчивости, укоренённый в традиционных институтах. Такой подход перекликается с идеями Эмиля Дюркгейма о роли коллективных ценностей в поддержании социальной интеграции. У «цифровых авангардистов» корреляция в целом слабее ($r = 0,13$) и более однородна, что соответствует восприятию взаимопомощи как динамичного процесса, реализуемого через гибкие сетевые структуры [Дюркгейм, 1900]. Это соотносится с концепцией транзитной солидарности, описанной Зубановой и Зыховской, где объединения формируются ситуативно, вокруг конкретных событий или эмоций [Зубанова, Зыховская, 2019].

Данные о связи личного участия в достижении солидарности с разными группами ценностей демонстрируют значительный разрыв между высокой оценкой важности взаимопомощи и низкой готовностью к личному участию в её реализации¹. Коэффициенты корреляции между индикаторами личного участия и другими ценностями варьируются в диапазоне от 0,06 до 0,16, что указывает на слабую взаимосвязь между декларируемыми ценностями и реальным поведением. Это согласуется с выводами Ярской-Смирновой и Ярской о диссонансе между абстрактной оценкой роли взаимопомощи и практической готовностью к участию [Ярская-Смирнова, Ярская, 2014]. При этом «цифровые авангардисты» демонстрируют чуть более высокую корреляцию (0,10 против 0,08 у «социальных реалистов»), особенно в сфере сетевых практик (создание «цифровых диаспор»: 0,16 против 0,09). Это может быть связано с их ориентацией на цифровые инструменты и гибкие формы взаимодействия. Слабая интеграция транснациональных и гибридных форм взаимопомощи (низкие корреляции в сетевой и потоковой сферах) указывает на фрагментацию солидарности в цифровой среде. Это соответствует наблюдениям Гапича и Кучукяна о поверхностном характере коммуникативной солидарности, где лайки и репосты заменяют реальные действия [Гапич, Кучукян, 2017]. Кроме того, алгоритмы социальных сетей могут усиливать поляризацию общества через создание «эхо-камер», где солидарность строится на отрицании «чужих», а не на созидании общих ценностей. В значительной степени полученные результаты согласуются с выводами исследования ВЦИОМ о взаимопомощи и взаимовыручке, где говорится о молодых россиянах, прежде всего о зумерах, которые реже полагаются на государство и чаще говорят о личной ответственности, волонтерстве и роли общественных организаций в достижении солидарности. Это связывают с опытом жизни в цифровой среде, где распространены волонтерство, краудфандинг и низовые инициативы².

Несмотря на подтверждение гипотез, исследование имеет ряд ограничений. Прежде всего, выборка ограничена студентами-гуманитариями из Санкт-Петербурга, что снижает возможность обобщения результатов на другие социальные группы. Кроме того, использование онлайн-анкетирования могло повлиять на искренность ответов, особенно в вопросах личного участия. Наконец, методология ранжирования ценностей не учитывает возможные изменения установок во времени.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать изучение роли доверия к институтам и восприятия эффективности коллективных действий как факторов готовности к участию. Целесообразно проанализировать влияние конкретных цифровых платформ и мессенджеров, а также краудсорсинговых сервисов на формирование солидарности. Дополнительную ценность принесут сравнительные исследования среди других возрастных и профессиональных групп для проверки устойчивости выявленных тенденций.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что в среде студенческой молодёжи происходит ценностное смещение от традиционных форм солидарности к цифровым и гибридным. При этом декларируемая важность взаимопомощи не всегда трансформируется в реальные практики, а цифровая солидарность, хотя и компенсирует ослабление традиционных связей, несёт риски фрагментации и поверхностности. Полученные данные подчёркивают необходимость разработки стратегий укрепления гибридных форм солидарности, сочетающих онлайн- и офлайн-взаимодействие, что особенно актуально в условиях глобальных вызовов современности.

¹ Смирнова М. Цифровой разрыв – причины и пути преодоления // Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ»: сайт. URL: <https://rdc.grfc.ru/author/m-smirnova/page/9/> (дата обращения: 21.03.2026).

² Взаимопомощь и взаимовыручка // АЦ ВЦИОМ: сайт. Новости. 2026. 12 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vzaimopomoshch-i-vzaimovyruchka> (дата обращения: 22.03.2026).

Заключение

В теоретическом плане работа адаптирует классические теории к условиям дополненной современности. Концепции Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса и Ф. Тённиса успешно применены к анализу цифровых социальных процессов, что демонстрирует их эвристический потенциал в новых реалиях. Одновременно полученный результат развивает концепцию дополненной социальной реальности на базе идей Д. В. Иванова. Эмпирически показано, что новые формы солидарности возникают как результат взаимопроникновения традиционных структур (институтов и интеракций) и цифровых элементов (сетей и потоков). Это позволяет по-новому взглянуть на динамику социальных процессов в эпоху цифровизации. Исследование вносит ясность в понятийный аппарат за счёт операционализации типов солидарности в условиях дополненной современности. Разграничены четыре ключевых типа: механическая, органическая, цифровая и транзитивная солидарность. Каждый из них получил описание с указанием таких факторов, как пространство проявления, базовые ценности, основания и социальные формы в условиях дополненной современности.

Теоретическим результатом может считаться классификация социальных групп по ценностным основаниям. Введены и эмпирически обоснованы категории «социальные реалисты» и «цифровые авангардисты». Это даёт инструмент для анализа ценностно-поведенческих противоречий в современном обществе и позволяет выявлять закономерности в восприятии и реализации солидарности.

На эмпирическом уровне исследование впервые фиксирует ценностный сдвиг среди студенческой молодёжи. Показано, что 61 % респондентов (135 из 223) отнесены к группе «цифровых авангардистов», для которых цифровые практики выступают ключевой основой групповой солидарности. Этот результат согласуется с концепцией сетевого общества и подтверждает снижение значимости территориальной близости и институциональных связей как факторов социальной интеграции.

Уточнены концепции коммуникативной, транзитной и потоковой солидарности, что углубляет понимание разнообразия форм социального единения в условиях дополненной реальности. Коммуникативная солидарность наиболее распространена в молодёжной среде и служит способом быстрого выражения поддержки, однако не всегда ведёт к долгосрочным коллективным действиям. В студенческой среде транзитивная солидарность проявляется в участии в актуальных онлайн-кампаниях, но редко переходит в устойчивые практики взаимопомощи. В исследовании выявлено, что 7,3 % респондентов придают значимость потоковым формам солидарности, таким как участие в гибридных сетях взаимопомощи или алгоритмически координируемых инициативах. Алгоритмическая солидарность может быть эффективной для мобилизации ресурсов (например, сбор средств, волонтерские IT-проекты), но её зависимость от технологических посредников снижает уровень доверия и долгосрочную вовлечённость. В группе «цифровых авангардистов» наблюдается более высокая готовность использовать алгоритмически организованные формы взаимопомощи по сравнению с «социальными реалистами».

Получены количественные данные о разрыве между признанием важности взаимопомощи и готовностью к личному участию в её реализации. Коэффициенты корреляции между индикаторами личного участия и другими ценностями варьируются в диапазоне от 0,06 до 0,16, что указывает на слабую взаимосвязь между декларируемыми ценностями и реальным поведением. Это свидетельствует о ценностно-поведенческом разрыве и раскрывает его масштабы в молодёжной среде. Выявлены различия в восприятии взаимопомощи у двух групп. У «социальных реалистов» наблюдается умеренная корреляция ($r = 0,20$) между ценностью взаимопомощи и другими ценностями, особенно в институциональной сфере ($r = 0,38$). Это говорит о том, что для них взаимопомощь характеризует стратегический индикатор устойчивости, укоренённый в

традиционных институтах. У «цифровых авангардистов» корреляция слабее ($r=0,13$) и более однородна, что соответствует восприятию взаимопомощи как динамичного процесса, реализуемого через гибкие сетевые структуры. Данные о фрагментации солидарности показывают, что лишь 10,3 % респондентов видят основу солидарности в традиционных институтах, а 6,5 % считают наиболее важными интеракционные ценности. Это свидетельствует об ослаблении реальных социальных связей в молодёжной среде и росте значимости цифровых форм взаимодействия.

Разработан и апробирован инструмент для измерения значимости различных типов солидарности, который может быть представлен как методика ранжирования ценностей. Респонденты ранжировали от 1-й до 20-й ценности, характеризующие институциональную, интеракционную, сетевую и потоковую солидарность (по пять позиций в каждой). Это позволило количественно оценить приоритеты разных групп и выявить ценностные сдвиги. Применён комплексный корреляционный анализ для изучения взаимосвязей между ценностью взаимопомощи, личным участием и другими индикаторами. Подход выявил слабые места в интеграции транснациональных и гибридных форм взаимопомощи, что важно для понимания динамики социальных процессов.

Практическая значимость результатов заключается в их применимости для разработки стратегий укрепления гибридных форм солидарности, сочетающих онлайн- и офлайн-взаимодействие. Данные могут быть использованы при планировании мер социальной политики в условиях глобальных вызовов, пандемий, экологических кризисов и т. д. В образовании результаты помогут формировать программы, направленные на развитие осознанного участия в цифровых практиках солидарности. Кроме того, материал полезен для анализа влияния алгоритмов соцсетей на поляризацию общества и создание «эхо-камер».

Исследование открывает перспективы для дальнейших научных работ. Среди приоритетных направлений можно выделить следующие: изучение роли доверия к институтам и восприятия эффективности коллективных действий как факторов готовности к участию; анализ влияния конкретных цифровых платформ и мессенджеров на формирование солидарности; сравнительные исследования среди других возрастных и профессиональных групп; лонгитюдные исследования динамики ценностных установок; поиск механизмов преодоления фрагментации солидарности в цифровой среде.

Таким образом, полученный результат расширяет понимание трансформации солидарности в условиях цифровизации. Он предлагает не только теоретическую модель, но и эмпирические данные, которые могут служить основой для дальнейших исследований и практических решений в области социальной политики и образования. Результаты подчёркивают необходимость баланса между традиционными и цифровыми формами солидарности для поддержания устойчивости общества в эпоху глобальных изменений.

Список литературы

- Балюшина Ю.Л. 2014. Трансформация ценностных ориентаций личности в период становления информационного общества: философский аспект. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 13: 6–10. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64083.htm> (дата обращения: 22.03.2026).
- Богомякова Е.С. 2025. Теория социальных проблем в постижении меняющейся современности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 7–29. DOI: [10.31119/jssa.2025.28.3.1](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.1).
- Вебер М. 2002. Основные социологические понятия. Пер. с нем. А.Ф. Филиппова. В кн.: *Теоретическая социология: Антология*: в 2-х ч. Ч. 1. Под ред. С.П. Баньковской. М., Университет: 70–146.
- Гапич А.Э., Кучукян А.В. 2017. Теоретико-методологические основы исследования феномена коммуникативной солидарности в социальных сетях. *Общество: социология, психология, педагогика*, 3: 1–3. DOI: [10.24158/spp.2017.3.2](https://doi.org/10.24158/spp.2017.3.2).

- Глазкова С. А. 2012. «Дополненная реальность» в мобильном коммуникативном пространстве. В кн.: Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб., Скифия-Принт: 113–122.
- Дерюгин П.П., Вэй Л., Бакулин А.В., Юй Я. 2025. Ценности дополненной социальности в восприятии возрастных когорт китайцев: опыт эмпирического исследования. *Международный научно-исследовательский журнал*, 10 (160). DOI: [10.60797/IRJ.2025.160.44](https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44).
- Димитрова С.В., Кальдинова Г.П., Кярова М.А. 2022. О новых типах солидарности в условиях глобальных рисков. *Вестник КалмГУ*, 3(55): 116–123. DOI: [10.53315/1995-0713-2022-55-3-116-123](https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-55-3-116-123).
- Дудина В.И. 2013. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии. *Социологические исследования*, 10: 13–21.
- Дюги Л. 1914. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Пер. с фр. А. Бэтта. СПб., Вестник знания, 77 с. (Duguit L. 1901. L'état le droit objectif et la loi positive. Paris, Ancienne librairie thoren et fils, 623 p.)
- Дюркгейм Э. 1900. О разделении общественного труда: Этюд об организации высших обществ Эмиля Дюркгейма. Пер. с фр. П. Юшкевич. Одесса, Типография Г.М. Левинсона, 332 с. (Durkheim E. 1893. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Paris, Alcan, 471 p.)
- Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. 2019. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой. *Социологические исследования*, 5: 119–128. DOI: [10.31857/S013216250004966-5](https://doi.org/10.31857/S013216250004966-5).
- Иванов Д.В. 2024. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности. *Социологические исследования*, 7: 23–36. DOI: [10.31857/S0132162524070045](https://doi.org/10.31857/S0132162524070045).
- Игнатъев В.И. 2020. Онтология дополненной реальности. *ДИСКУРС*, 6(2): 80–96. DOI: [10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96).
- Каравай А.В. 2024. Социальный капитал российского общества в условиях новых вызовов: доверие, солидарность, взаимопомощь. В кн.: Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая. Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., Весь Мир: 126–147.
- Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. 2016. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте. *Вестник Института социологии*, 7(2): 12–28. DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.394](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394).
- Кропоткин П. А. 1990. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., Правда, 640 с.
- Ксенофонтова И.В. 2013. Новые солидарности в Интернете (на примере движения "За честные выборы"). *Этнографическое обозрение*, 2: 125–138.
- Маркс К. 2024. Экономико-философские рукописи 1844 года. М., АСТ, 224 с.
- Кастельс М. 2010. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. О.И. Шкаратана. М., ГУ ВШЭ, 608 с. (Castells M. 1996. The information age: economy, society and culture. Oxford, Blackwell Publishers Ltd, 556 p.)
- Минянь Ци. 2011. Ценности традиционной культуры Китая в системе национального образования. *Вестник ЧимГУ*, 4: 48–52.
- Ориу М. 1929. Основы публичного права. Пер. с фр. Е. Пашуканиса, Н. Челяпова. М., Изд-во коммунистической академии., 759 с. (Hauriou M. 1911. Principes de droit public. Paris, Larose and Tenin, 734 p.)
- Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. М., Аспект-Пресс, 270 с. (Parsons T. 1971. The system of modern societies. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, Inc., 152 p.)
- Сиразетдинова М.Ф. 2024. Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств. *Вестник Института социологии*, 15(1): 70–90. DOI: [10.19181/vis.2024.15.1.3](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.3).
- Тённис Ф. 2002. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. Пер. с нем. Д. В. Складнева. М., Фонд Университет, СПб., Владимир Даль, 450 с. (Tönnies F. 1922. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Berlin, K. Curtius, 255 s.)
- Черникова В.Е. 2014. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 3(144): 45–50.

- Шютц А. 2003. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. М., Ин-т Фонда «Общественное мнение», 336 с. (Schutz A. 1967. *The phenomenology of the social world*. Evanston, Northwestern University Press, 255 p.)
- Филиппов А.Ф. 2011. Мобильность и солидарность. Статья первая. *Социологическое обозрение*, 10(3): 4–20.
- Юдина Е.Н., Алексеев И.В. 2023. Молодежь в пространстве социальных сетей Интернета: итоги социологического опроса. *Теория и практика общественного развития*, 11: 120–126. DOI: [10.24158/tipor.2023.11.13](https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.13).
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. 2014. Социальная сплочённость: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4: 41–61.
- Schmekt A. 2000. *Traditionen der Solidarität im System der Werte und Normen des modernen Menschen*. Berlin, Institut für Politik, 212 s.

References

- Balyushina Yu.L. 2014. Transformatsiya tsennostnykh orientatsiy lichnosti v period stanovleniya informatsionnogo obshchestva: filosofskiy aspekt [Transformation of personal value orientations in the period of formation of the information society: philosophical aspect]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*, 13: 6–10. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64083.htm> (accessed: 22.03.2026).
- Bogomiagkova E.S. 2025. Theory of social problems in understanding of changing modernity. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 28(3): 7–29 (in Russian). DOI: [10.31119/jssa.2025.28.3.1](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.1)
- Veber M. 2002. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. Translated from Germ. by A.F. Filippova. In: *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: v 2-kh ch. Ch. 1.* [Theoretical sociology: Anthology: in 2 parts. Part 1]. Ed. S.P. Ban'kovskoi. M., Publ. Universitet: 70–146.
- Gapich A.E., Kuchukyan A.V. 2017. Theoretical and methodological background to the research of communicative solidarity phenomenon in social networks. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 3: 1–3 (in Russian). DOI: [10.24158/spp.2017.3.2](https://doi.org/10.24158/spp.2017.3.2)
- Glazkova S. A. 2012. "Dopolnennaya real'nost'" v mobil'nom kommunikativnom prostranstve ["Augmented reality" in mobile communicative space]. In: *Problemy teoreticheskoi sotsiologii* [Problems of theoretical sociology]. Ed. A. O. Boronoev. SPb., Skifiya-Print Publ.: 113–122.
- Deriugin P.P., Vei L., Bakulin A.V., Yui Y. 2025. Values of enriched sociality in the perception of age cohorts of the Chinese (empirical research experience). *International Research Journal*, 10(160). (in Russian). DOI: [10.60797/IRJ.2025.160.44](https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.160.44)
- Dimitrova S.V., Kaldinova G.P., Kyarova M.A. 2022. On new types of solidarity under the conditions of global risks. *Bulletin of Kalmyk University*, 3(55): 116–123 (in Russian). DOI: [10.53315/1995-0713-2022-55-3-116-123](https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-55-3-116-123)
- Dudina V.I. 2013. Vymyshlenniy krizis sotsiologii i kontury novoi epistemologii [The fictitious crisis of sociology and the contours of a new epistemology]. *Sociological Studies*, 10: 13–21.
- Dyugi L. 1914. Obshchestvo, lichnost' i gosudarstvo. Sotsial'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva [Society, personality and state. Social law, individual law and transformation of the state]. Transl. from French by A. Betta. SPb., Publ. Vestnik znaniya, 77 p. (Duguit L. 1901. *L'état le droit objectif et la loi positive*. Paris, Ancienne librairie thorin et fils, 623 p.)
- Dyurkgeim E. 1900. O razdelenii obshchestvennogo truda: Etyud ob organizatsii vysshikh obshchestv Emilya Dyurkgeima [The division of labour in society]. Transl. from French by P. Yushkevich. Odessa, Publ. Tipografiya G.M. Levinsona, 332 p. (Durkheim E. 1893. *De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures*. Paris, Alcan, 471 p.)
- Zubanova L.B., Zyhovskaya N.L. 2019. Transit solidarity in contemporary network culture: between carnival and trauma. *Sociological Studies*, 5: 119–128. (in Russian). DOI: [10.31857/S013216250004966-5](https://doi.org/10.31857/S013216250004966-5)
- Ivanov D.V. 2024. The third integrative wave in sociology's development. Part II. Theories and methods for an augmented social reality. *Sociological Studies*, 7: 23–36. (in Russian). DOI: [10.31857/S0132162524070045](https://doi.org/10.31857/S0132162524070045)

- Ignatiev V.I. 2020. Ontology of Augmented Reality. *DISCOURSE*, 6(2): 80–96. (in Russian). DOI: [10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96)
- Karavai A.V. 2024. Sotsialnyy kapital rossiyskogo obshchestva v usloviyakh novykh vyzovov: doverie, solidarnost, vzaimopomoshch [Social capital of Russian society in the face of new challenges: trust, solidarity, mutual assistance]. In: *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga sedmaya*. Ed. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow, Publ. Ves Mir: 126–147.
- Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. 2016. The Resource Aspects of Social Conjunction. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 7(2): 12–28. (in Russian). DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.394](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394)
- Kropotkin P. A. 1990. Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya [Bread and will. Modern science and anarchy]. M., Publ. Pravda, 640 p.
- Ksenofontova I.V. 2013. Novye solidarnosti v Internetе (na primere dvizheniya "Za chestnye vybory") [New solidarities on the Internet (the case of the “For fair elections” movement)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2: 125–138.
- Marks K. 2020. Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Moscow, Publ. AST, 220 p.
- Kastel's M. 2010. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The information age: economy, society and culture]. Transl. from Engl. by O.I. Shkaratana. M., SU HSE Publ., 608 p. (Castells M. 1996. The information age: economy, society and culture. Oxford, Blackwell Publishers Ltd, 556 p.)
- Mingyan Ci. 2011. Values of traditional culture of China in system of national formation. *Vestnik ChitGU*, 4: 48–52 (in Russian).
- Oriu M. 1929. Osnovy publichnogo prava [Foundations of public law]. Transl. from French by E. Pashukanisa, N. Chelyapova. M., Publ. Izd-vo kommunisticheskoi akademii, 759 p. (Hauriou M. 1911. Principes de droit public. Paris, Larose and Tenin, 734 p.)
- Parsons T. 1998. Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]. Transl. from Engl. by L.A. Sedova, A.D. Kovaleva. M., Publ. Aspekt-Press, 270 p. (Parsons T. 1971. The system of modern societies. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, Inc., 152 p.)
- Sirazetdinova M.F. 2024. Russian Sociologists on the Foundations of Solidarity: Subjectivity, Predictability and Common Feelings. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 15(1): 70–90 (in Russian). DOI: [10.19181/vis.2024.15.1.3](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.3)
- Tennis F. 2002. Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii [Community and society. Basic concepts of pure sociology]. Transl. from German by D. V. Sklyadneva. M., Publ. Fond Universitet, SPb., Publ. Vladimir Dal', 450 p. (Tönnies F. 1922. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Berlin, K. Curtius, 255 s.)
- Chernikova V.E. 2014. Conflict of traditional moral values and values of information society. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*, 3(144): 45–50 (in Russian).
- Shyutts A. 2003. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii [The phenomenology of the social world: essays in phenomenological sociology]. Transl. from Engl. by A.Ya. Alkhasova, N.Ya. Mazlumyanovoi. M., Publ. In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 336 p. (Schutz A. 1967. The phenomenology of the social world. Evanston, Northwestern University Press, 255 p.)
- Filippov A.F. 2011. Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya pervaya [Mobility and solidarity. Article one]. *Russian Sociological Review*, 10(3): 4–20.
- Yudina E.N., Alekseenko I.V. 2023. Youth in the Internet Social Networks: Main Findings of the Sociological Research. *Theory and Practice of Social Development*, 11: 120–126. (in Russian). DOI: [10.24158/tipor.2023.11.13](https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.13)
- Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. 2014. Sotsialnaya splochnost: napravleniya teoreticheskoy diskussii i perspektivy sotsialnoy politiki [Social cohesion: directions of theoretical discussion and prospects of social policy]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4: 41–61.
- Schmekt A. 2000. Traditionen der Solidarität im System der Werte und Normen des modernen Menschen [Traditions of solidarity in the system of values and norms of modern man]. Berlin, Publ. Institut für Politik, 212 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 22.03.2026
Поступила после рецензирования 07.06.2026
Принята к публикации 10.06.2026

Received March 22, 2026
Revised June 07, 2026
Accepted June 10, 2026

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, ассоциированный член, руководитель, Российско-китайский центр междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор кафедры социологии и политологии, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Российско-китайский центр междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

Алексеева Ольга Максимовна, заместитель начальника, Центр содействия адаптации детей-инофонов, ГАОУ ДПО МО «Корпоративный университет развития образования», г. Москва, Россия.

Юй Ян, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel P. Deriugin, Doctor of Sociological Sciences, Associate Member, Head of the Russian Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS; Head of the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia.

Olga V. Kuznetsova, Candidate of Philology, Associate Professor, Research Associate, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Associate Researcher, Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Olga M. Alekseeva, Deputy Head, Center for Assistance in Adaptation of Foreign-Language Children, Corporate University for Education Development, Moscow, Russia.

Yang Yu, Master's student at St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

УДК 314.15
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-316-327
EDN CVXKGT

Региональная дифференциация эффективности материнского капитала в России

Макарова С.А., Большунова Т.В.

Липецкий государственный технический университет
Россия, 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30
sofimakarova2303@yandex.ru

Аннотация. Усредненные показатели реализации программы материнского капитала не отражают реального воздействия на жилищные и репродуктивные стратегии семей, а в литературе отсутствуют типологии регионов на основе «конверсионных факторов» (стоимость жилья, доходы, доступность ипотеки). Цель – выявить региональные модели влияния маткапитала и предложить дифференцированные меры. На основе кластерного анализа 75 субъектов РФ выделены три модели. В модели «активного софинансирования» (25 регионов) маткапитал максимально востребован для жилья и образования. В модели «структурного ограничения» (51 регион) низкие доходы блокируют его использование даже при доступной ипотеке. В модели «институционального замещения» (6 регионов) высокая рождаемость существует на фоне минимального использования маткапитала, вытесненного альтернативными источниками. Эффективность программы определяется региональным контекстом, что обосновывает переход от универсальной выплаты к дифференцированной политике. Предложены адресные меры для каждого типа регионов.

Ключевые слова: материнский капитал, кластерный анализ, региональная дифференциация, демографическая политика, теория возможностей

Для цитирования: Макарова С.А., Большунова Т.В. 2026. Региональная дифференциация эффективности материнского капитала в России. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 316–327. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-316-327 EDN: CVXKGT

Regional Differentiation of Maternity Capital Efficiency in Russia

Sofia A. Makarova, Tatiana V. Bolshunova

Lipetsk State Technical University
30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russian Federation
sofimakarova2303@yandex.ru

Annotation. Significant regional differentiation in the implementation of the maternity capital program determines the relevance of the study. The average indicators do not reflect its real impact on the housing and reproductive strategies of families, and there are no regional typologies based on "conversion factors" (housing costs, incomes, mortgage availability) in the literature. The aim is to identify regional models of the maternity capital influence and propose differentiated measures. Based on the cluster analysis of 75 subjects of the Russian Federation, three models have been identified. In the "active co-financing" model (25 regions), maternity capital is in maximum demand for housing and education. In the "structural constraint" model (51 regions), low incomes block its use even with an affordable mortgage. In the "institutional replacement" model (six regions), a high birth rate exists against the background of minimal use of the maternity capital, which has been displaced by alternative sources. The effectiveness of the program is determined by the regional context, which justifies the transition from universal payment to a differentiated policy. Targeted measures for each type of region are proposed.

Keywords: maternity capital, cluster analysis, regional differentiation, demographic policy, theory of opportunities

For citation: Makarova S.A., Bolshunova T.V. 2026. Regional Differentiation of Maternity Capital Efficiency in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 316–327 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-316-327 EDN: CVXKGT

Введение

Программа материнского капитала, будучи одной из наиболее масштабных мер демографической политики современной России, на протяжении более полутора десятилетий оказывает существенное влияние на репродуктивное поведение семей. Однако масштабы страны и высокая социально-экономическая дифференциация регионов обуславливают различия в воздействии этой универсальной меры. По данным Росстата, разрыв в среднедушевых доходах между регионами достигает 5–6 раз, а стоимость жилья различается в 7–8 раз¹. В связи с этим необходим переход от макроуровневого анализа к изучению того, как региональный контекст опосредует влияние маткапитала на демографические решения и жизненные стратегии семей.

Современные исследования фиксируют устойчивый интерес к оценке эффективности семейной политики. С.В. Захаров отмечает, что влияние материнского капитала наиболее выражено на уровне вторых рождений, однако его воздействие существенно варьируется в зависимости от региональных условий [Захаров, 2023]. Т.К. Ростовская и Е.А. Князькова указывают на рассогласование между целями демографической политики и реальными потребностями семей в региональных контекстах [Ростовская, Князькова, 2022]. Однако в существующей литературе сохраняется пробел: отсутствуют работы, выявляющие на основе кластерного анализа типы регионов с разными моделями опосредующего влияния социально-экономических условий на эффективность материнского капитала.

Целью исследования является сравнение региональных особенностей влияния социально-экономических условий на эффективность программы маткапитала.

Теоретические основы исследования

Анализ региональных различий в реализации программы материнского капитала требует комплексного теоретического подхода, объединяющего экономические, демографические и социологические перспективы. В основе исследования лежит интеграция трех взаимодополняющих концептуальных рамок.

Классическая теория рационального выбора и экономические модели рождаемости, представленные в работах Г. Беккера, предлагают анализировать репродуктивное поведение через призму стоимостно-выгодного калькулирования [Беккер, 1991]. В этой парадигме решение о рождении ребенка представляет собой результат рациональной оценки издержек и ожидаемой полезности. Материнский капитал выступает компенсационным механизмом, снижающим финансовые барьеры [Саламахина, 2023]. Однако эмпирические наблюдения демонстрируют систематическую вариацию демографического отклика на идентичный стимул в разных регионах, что указывает на необходимость учета более сложных опосредующих факторов.

Концепция второго демографического перехода, разработанная Р. Лестаге, акцентирует внимание на ценностных трансформациях современного общества: росте индивидуализма, секуляризации и приоритете самореализации над традиционными семейными обязательствами [Лестег, 2014]. Эти сдвиги формируют среду, где даже значительные денежные трансферты могут оказаться недостаточными для изменения

¹ Росстат. 2023. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. Москва. 1126 с.

репродуктивных стратегий, особенно в регионах с доминированием постиндустриальных ценностей [Вишневский, 2006; Захаров, 2023].

Наиболее продуктивной теоретической основой для нашего исследования является теория возможностей А. Сена, позволяющая преодолеть ограниченность экономического и ценностного подходов [Сен, 1999; Robeyns, 2005]. В данной парадигме материнский капитал концептуализируется не как конечное благо, а как потенциальный ресурс, реальная ценность которого определяется способностью трансформироваться в конкретные возможности семей. Ключевое значение приобретают конверсионные факторы - институциональные и социально-экономические условия, обеспечивающие превращение формального права на маткапитал в реальные улучшения качества жизни.

Для нашего исследования особую значимость имеют региональные конверсионные факторы: стоимость жилья, определяющая потенциал улучшения жилищных условий; доступность ипотеки, выступающая катализатором или барьером; развитость инфраструктуры дошкольного образования; уровень доходов, задающий относительную ценность выплаты. Центральный тезис: идентичная сумма маткапитала предоставляет домохозяйствам в разных регионах принципиально разные возможности для реализации репродуктивных и жилищных стратегий. Кластерный анализ позволяет выявить группы регионов с однородными конверсионными условиями, что в сочетании с теоретической рамкой создаёт основу для адресной корректировки демографической политики. Интеграция трёх теоретических перспектив обеспечивает многомерное понимание механизмов влияния маткапитала на репродуктивное поведение в условиях региональной дифференциации. Избранная теоретическая оптика требует эмпирической верификации на микроуровне. Если тезис о регионально-специфичных конверсионных факторах корректен, то данные прикладных исследований должны фиксировать систематические различия в мотивации и барьерах семей. Важным источником верификации выступают микроданные КОУЖ-2022, фиксирующие субъективные оценки доступности улучшения жилья. Дальнейшее исследование построено как сопоставление полученной типологии с данными КОУЖ-2022 и выводами экспертов, что позволяет перейти от констатации различий к объяснению механизмов региональной дифференциации эффективности маткапитала¹. Ключевым понятием для последующего анализа является эффективность реализации программы, которая понимается не как факт выдачи или целевого расходования сертификатов, а как контекстуальная (конверсионная) эффективность.

Она оценивается по двум взаимосвязанным критериям:

1. Демографическая эффективность – способность выплаты стать решающим фактором для рождения второго и третьего ребенка, измеряемая через вклад соответствующих очередностей в СКР.

2. Социально-экономическая эффективность – способность ресурса конвертироваться в улучшение жизни семьи через решение жилищного вопроса. Она определяется соотношением суммы маткапитала к стоимости жилья и возможностью его использования через ипотеку.

Таким образом, эффективность понимается как мера адекватности федерального инструмента региональным условиям (конверсионным факторам). Кластерный анализ позволяет выявить группы регионов, однородные по этим условиям, и оценить, где программа реализует свой потенциал наиболее полно.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составили официальные данные Росстата за 2022–2023 годы. Выбор периода обусловлен необходимостью анализа актуального состояния программы после всех её изменений и индексаций. Для кластерного анализа,

¹ Росстат. 2022. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022. Москва. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html

нацеленного на выявление устойчивых региональных типологий, требуются синхронизированные данные в едином временном срезе, исключая влияние конъюнктурных колебаний. Изучение динамики программы – отдельная задача, выходящая за рамки данной работы. Для обеспечения валидности отобраны показатели, наиболее полно отражающие региональные особенности: среднедушевые доходы, цены на первичном и вторичном рынках жилья, доступность ипотеки (соотношение ежемесячного платежа и средней зарплаты), охват дошкольным образованием, коэффициенты суммарной рождаемости (общий, для вторых и третьих детей), а также количество получателей, направивших материнский капитал на жилищные нужды и образование.

Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область были идентифицированы как уникальные статистические выбросы, показатели которых – стоимость жилья, уровень доходов и масштабы использования маткапитала – на порядок отличаются от общероссийских и искажают общую картину при построении типологии.

Для решения задачи типологизации регионов был применен метод k-средних, оптимальный для работы с количественными показателями и формирования компактных, статистически значимых групп. Процедура кластеризации проводилась в три итерации с использованием стандартизированных значений переменных, что обеспечило сопоставимость показателей с разной единицей измерения. Валидация качества кластеризации подтвердила устойчивость полученного решения – сходимость алгоритма была достигнута на третьей итерации. Для проверки статистической значимости различий между выделенными кластерами по ключевым показателям использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Данный метод позволяет оценить, насколько вариация показателей между группами превышает вариацию внутри групп. Конечные центры кластеров представлены в таблице.

Конечные центры кластеров
End centers of clusters

Показатели, единицы измерения	Кластер		
	1	2	3
Суммарный коэффициент рождаемости	1,713	1,500	1,378
Суммарный коэффициент рождаемости на 2-го ребенка	0,541	0,469	0,429
Суммарный коэффициент рождаемости на 3-го и последующих детей	0,501	0,430	0,401
Среднедушевые денежные доходы (в мес., руб)	118 493	497 24	39 720
Средние цены на первичном рынке (руб. за 1 м ²)	140 262	126 785	85 357
Средние цены на вторичном рынке (руб. за 1 м ²)	117 246	112 954	78 152
Уровень доступности ипотеки (%)*	28,6	47,4	54,5
Охват дошкольным образованием (кол-во мест на 1000 детей)	1 107	838	876
Использование материнского капитала (жилищные условия)(кол-во человек)	2 118	11 977	6 292
Использование материнского капитала (образование)(кол-во человек)	1116	5330	1903

Примечание: уровень доступности ипотеки вычисляется как соотношение ежемесячного платежа по ипотеке и средней зарплаты, %.

Результаты исследования и их обсуждение

Первый выделенный кластер – модель замещающих ресурсов: «материнский капитал как нерелевантная мера», представленный шестью субъектами Российской Федерации, включая, Камчатский край, Сахалинскую область и Ненецкий автономный округ, формирует уникальную модель, которую можно определить как «институциональное замещение». Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется высокими доходами (118 493 руб.) и значительной стоимостью жилья (140 262 руб./кв.м на первичном рынке, 117 246 руб. – на вторичном). Ключевая черта – самая низкая в выборке доступность ипотеки (28,6% семей могут обслуживать кредит), что указывает на разрыв между доходами и возможностями их конвертации в жильё через рыночные механизмы. При этом регионы демонстрируют максимальный охват дошкольным образованием (1107 мест). Анализ вовлечённости в программу выявляет парадокс минимального участия при максимальных ресурсах. На жильё средства направили 2 118 человек, на образование – 1 116 человек. Для сравнения: во втором кластере – 11 977 и 5 330, в третьем – 6 292 и 1 903. Значения первого кластера минимальные среди всех групп. Программа оказывается институционально нерелевантной: жилищные стратегии семей опираются на альтернативные каналы – прямое накопление, ведомственное или корпоративное жильё, специфическую аренду.

Принадлежность регионов к кластерам можно увидеть на рисунке.

Принадлежность регионов к кластерам
Regions belonging to clusters

Демографический профиль опровергает связь между поддержкой и рождаемостью. Регионы демонстрируют рекордный СКР (1,713) с максимальными вкладами вторых (0,541) и третьих детей (0,501). Высокая рождаемость поддерживается компенсаторным пакетом: высокими доходами, северными надбавками, развитой инфраструктурой и особыми ценностными ориентациями.

Таким образом, кластер иллюстрирует полное замещение федерального ресурса локальными институтами. Е.В. Одинцова на данных КОУЖ-2022 показывает: в высокодоходных регионах доля семей с альтернативными источниками улучшения жилья в 2–3 раза выше средней [Одинцова, 2025]. Эксперты подтверждают ориентацию

семей на региональные и корпоративные программы [Ростовская, Князькова, 2022]. Программа вытесняется из жизненных стратегий более мощными механизмами.

Второй кластер – модель активного софинансирования: «материнский капитал как катализатор рыночных стратегий», объединяющий 25 субъектов Российской Федерации, среди которых, например, Архангельская область, Нижегородская область, Республика Алтай, город Севастополь и ряд других экономически развитых регионов. В рамках этой модели программа материнского капитала достигает своей максимальной контекстуальной эффективности, выступая катализатором рыночных стратегий семей. Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется устойчиво высокими доходами (49 724 руб.) и значительной стоимостью жилья (126 785 руб./кв.м на первичном рынке, 112 954 руб. – на вторичном). Доступность ипотеки (47,4% семей) находится в среднем диапазоне, что свидетельствует о балансе спроса и предложения на кредитном рынке. Охват дошкольным образованием (838 мест) отражает типичные для урбанизированных территорий вызовы, не создающие непреодолимых барьеров.

В отличие от первой модели, данный контекст порождает высокую и сбалансированную вовлечённость в программу. На жильё средства направили 11 977 получателей, на образование – 5 330 человек (максимум среди всех кластеров). Соотношение примерно 2,2:1 в пользу жилья указывает на рациональную диверсифицированную стратегию. Семьи интегрируют маткапитал одновременно как инструмент решения жилищной проблемы через ипотеку и как инвестицию в образование детей.

Демографический профиль кластера находится в прямой связи с этой моделью. СКР составляет 1,500, вклад вторых детей – 0,469, третьих – 0,430, что соответствует модели «плановой многодетности», где решение о рождении следующего ребёнка принимается на основе взвешенной оценки ресурсов и доступных инструментов их увеличения.

Материнский капитал не замещается локальными институтами (как в первом кластере) и не упирается в барьер низких доходов, а синхронизируется с собственными ресурсами семей. Его эффективность достигается благодаря тому, что региональная среда предоставляет возможности для реализации функций, на которые программа нацелена.

Выявленная модель предполагает качественно иную мотивацию семей. Эксперты фиксируют сдвиг в запросах молодых семей: наряду с потребностью в жилье значимым становится запрос на развивающие меры поддержки [Ростовская, Князькова, 2022]. В регионах второго кластера этот запрос реализуется через диверсификацию использования маткапитала, что объясняет рекордные показатели образовательного направления. Данные КОУЖ-2022 подтверждают: доля семей, удовлетворённых жильём и планирующих инвестиции в образование, здесь значимо выше средней. Таким образом, жилищная функция маткапитала органично дополняется образовательной, что свидетельствует о его глубокой интеграции в финансовое планирование семей среднего класса.

Третий и наиболее многочисленный кластер – модель институционального ограничения: «материнский капитал как недостаточный ресурс», включающий 51 субъект Российской Федерации, в том числе Кабардино-Балкарская Республика, Новгородская область, Республика Бурятия и Челябинская область. В рамках этой модели программа материнского капитала сталкивается с фундаментальным ограничением, обусловленным структурным дефицитом ресурсов домохозяйств. Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется самыми низкими в выборке доходами (39 720 руб.) при относительно доступном жилье (85 357 руб./кв.м на первичном рынке, 78 152 руб. – на вторичном). Парадоксальная особенность – наивысшая доступность ипотеки (54,5% семей), что формально создаёт идеальные предпосылки для реализации жилищной функции материнского капитала. Охват дошкольным образованием (876 мест на 1000 детей) теоретически снижает барьер для рождения детей.

Однако реальная вовлечённость в программу умеренная. На жильё средства направили 6 292 человека, на образование – 1 903 человека (соотношение 3,3:1 в пользу жилья, что указывает на приоритет базовых потребностей). Масштабы использования

существенно ниже, чем в кластере-лидере (11 977 и 5 330), что свидетельствует не об отсутствии потребности, а о системной недоступности программы для значительной части семей. Демографический профиль этого кластера окончательно закрепляет его статус как зоны наибольшего демографического кризиса, характеризуясь самыми низкими в выборке значениями общего коэффициента суммарной рождаемости (1,378), вклада вторых (0,429) и третьих детей (0,401).

Данный кластер иллюстрирует модель институциональной несостоятельности универсальной меры в условиях структурной бедности. Программа материнского капитала, рассчитанная на софинансирование с собственными ресурсами семьи, теряет свою эффективность, когда эти собственные ресурсы критически малы [Колганова, Мусин, 2025; Маллаева, 2024; Ростовская, Князькова, 2022]. Её действие блокируется недостатком регулярных денежных потоков в домохозяйствах. Основным парадокс данного кластера – наивысшая доступность ипотеки (54,5% семей) при наиболее низких показателях рождаемости – находит объяснение при сопоставлении с микроданными КОУЖ-2022. Согласно этому исследованию, в регионах третьего кластера доля домохозяйств, указывающих нехватку собственных средств как главный барьер для улучшения жилищных условий, достигает 76–82%, что на 20–25 п.п. выше среднероссийских показате¹. Е.В. Одинцова показывает, что признаки прекаризованности проживания концентрируются именно у населения с низкими доходами [Одинцова, 2025]. Т.К. Ростовская и Е.А. Князькова фиксируют феномен самоисключения: молодые семьи заранее уверены в недоступности финансовых механизмов и не обращаются за поддержкой [Ростовская, Князькова, 2022]. Таким образом, вывод о блокирующей роли низких доходов подтверждается массовыми опросами и экспертными оценками.

Кластерный анализ демонстрирует, что эффективность маткапитала нелинейно опосредована региональным контекстом, формирующим три модели взаимодействия с жизненными стратегиями семей. В модели институционального замещения (Кластер 1) программа нерелевантна на фоне альтернативных источников благосостояния: парадокс максимальной рождаемости при минимальном использовании поддержки. В модели активного софинансирования (Кластер 2) маткапитал достигает пика контекстуальной эффективности, интегрируясь в рыночные стратегии, но не обеспечивает наивысших демографических показателей. В модели структурного ограничения (Кластер 3) программа упирается в барьер низких доходов, оставаясь формально доступной, но фактически недостаточной.

Выявленная дисперсия опровергает логику «стимул - реакция» и подтверждает тезис теории возможностей: ценность ресурса определяется совокупностью доступных альтернатив и ограничений в конкретной социальной среде. Это указывает на необходимость перехода от оценки формальных показателей охвата к анализу глубинных механизмов включения программы в региональные системы жизнеобеспечения, что должно лечь в основу адресной дифференциации демографической политики.

Столичные агломерации (Москва, Московская область, Санкт-Петербург)

Проведенный анализ позволяет выделить столичные агломерации (Москва, Московская область, Санкт-Петербург) как уникальный кейс, требующий отдельного рассмотрения в силу формирования принципиально иной модели взаимодействия населения с программой материнского капитала. Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется аномальными показателями: доходы (84 670 руб.) и стоимость жилья (251 684 руб./кв.м на первичном рынке, 208 082 руб. – на вторичном) в 2–3 раза превышают средние значения по кластерам. При формально средней доступности ипотеки

¹ Росстат. 2022. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022. Москва. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html

(47,8% семей) возникает парадокс: максимальные ресурсы домохозяйств нивелированы экстремальной стоимостью жилья, и выплата становится символической.

Структура использования маткапитала подтверждает качественный сдвиг. На жильё средства направили 48 933 человека, но это составляет менее 10% стоимости типичной квартиры. Образовательный канал доминирует, привлекая рекордные 112 070 получателей, – в 2,3 раза больше. Это позволяет говорить о стратегии «компенсаторного инвестирования в человеческий капитал»: семьи, лишённые возможности улучшить жильё, переориентируют поддержку на образование детей.

Демографический профиль закрепляет особый статус столиц: СКР (1,344), вклад вторых (0,411) и третьих детей (0,269) ниже среднего по большинству кластеров. Это свидетельствует о крайне низкой контекстуальной эффективности материнского капитала как инструмента стимулирования рождаемости через жильё. Программа выполняет иную функцию – поддержку среднего класса и инвестиции в образование как форму накопления культурного капитала.

Таким образом, столичные агломерации представляют уникальную модель, где универсальная мера трансформируется под воздействием локальных условий. Материнский капитал эволюционирует из инструмента стимулирования рождаемости в инструмент социальной поддержки и инвестиций в человеческий капитал, что требует иного подхода к оценке его эффективности и разработки адресных механизмов.

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) статистически подтвердил значимость выделенных кластеров. Наиболее выраженные различия между группами ($p < 0,001$) наблюдаются по среднедушевым доходам населения и стоимости жилья на первичном и вторичном рынках. Это свидетельствует, что кластеры представляют собой качественно различные среды с точки зрения базовых условий жизни и покупательной способности семей.

Существенные различия ($p < 0,001$) также зафиксированы по масштабам использования маткапитала на жилищные нужды и образование. Это доказывает, что региональный контекст определяет не только объективные возможности, но и субъективные стратегии распоряжения государственным ресурсом, формируя разную структуру спроса.

Особый интерес представляют различия в демографической сфере. Статистически значимые диспропорции обнаружены по общему коэффициенту суммарной рождаемости ($p = 0,008$) и вкладу вторых детей ($p < 0,001$). Это подтверждает, что демографические результаты программы варьируются в зависимости от типа региона. Отсутствие значимых различий по вкладу третьих детей ($p = 0,483$) образует содержательную аномалию: переход к многодетности может регулироваться неэкономическими факторами (социокультурными, ценностными), которые в меньшей степени зависят от конфигурации конверсионных факторов, влияющих на использование маткапитала.

Сравнительный анализ кластеров выявляет, что барьеры, блокирующие конверсию маткапитала в реальные возможности, носят системный и контекстуально-специфический характер, соответствующий разным моделям взаимодействия семьи и государства.

В регионах модели замещающих ресурсов (Кластер 1) ключевым ограничением выступает институциональная нерелевантность самой программы. Маткапитал вытесняется более мощными альтернативными источниками благосостояния (высокие доходы, северные льготы), что приводит к его минимальной востребованности при высокой рождаемости.

Регионы модели активного софинансирования (Кластер 2) сталкиваются с барьером относительной недостаточности суммы поддержки. Несмотря на максимальную вовлечённость, средства покрывают лишь часть затрат на жильё, что стимулирует диверсификацию использования (включая образование) без гарантированного демографического эффекта.

Наиболее глубокое ограничение характерно для регионов модели структурного дефицита (Кластер 3) – барьер низких текущих доходов. Формально наилучшие условия для ипотеки не приводят к высокой вовлечённости: критическая нехватка денежных потоков делает маткапитал и сопряжённые инструменты фактически недоступными.

Природа барьеров радикально меняется: от замещения программы институтами (Кластер 1) через неадекватность её размера рыночным условиям (Кластер 2) до неспособности активировать формально доступные инструменты (Кластер 3). Т.К. Ростовская и Е.А. Князькова фиксируют: для молодых семей в разных контекстах актуальны разные барьеры [Ростовская, Князькова, 2022]. В Кластере 3 доминирует экономический барьер (невозможность подтвердить платежеспособность), в Кластере 2 – институциональный (недостаточность суммы), в Кластере 1 – барьер релевантности (программа не соответствует жизненным стратегиям). Данные КОУЖ-2022 подтверждают: в регионах Кластера 3 доля семей, указывающих на нехватку средств, превышает 75%, тогда как в Кластере 1 преобладают причины «отсутствие необходимости» и «неудовлетворённость вариантами» [Одинцова, 2025].

Практические рекомендации

На основе проведенного анализа сформулированы практические рекомендации, направленные на преодоление специфических барьеров, выявленных в различных типах региональных контекстов реализации программы материнского капитала.

Для регионов первой модели (институциональное замещение) целесообразно не столько увеличивать объемы поддержки, сколько адаптировать её форму к локальным условиям. Ключевые меры: разрешение использования маткапитала на цели, имеющие критическое значение в экстремальных территориях (приобретение транспортных средств, развитие личного подсобного хозяйства); развитие программ государственно-частного партнёрства в жилищном строительстве; создание специальных ипотечных продуктов с субсидированием ставки для молодых семей.

Для регионов второй модели (активное софинансирование), достигших максимальной вовлечённости, но сталкивающихся с недостаточностью суммы выплаты, необходим переход к адресным инструментам. Эффективными мерами могли бы стать: введение региональных доплат к федеральному маткапиталу, привязанных к средней стоимости жилья; развитие целевых жилищных программ для многодетных семей, где маткапитал выступает первоначальным взносом по социальной ипотеке; расширение возможностей использования средств на образование (дополнительное образование, репетиторство).

Для регионов третьей модели (структурное ограничение), где ключевой барьер – низкие текущие доходы, меры должны быть направлены на снижение порога входа в программу. Перспективны: разработка совместных с банками программ микрозаймов или госгарантий для формирования недостающей части первоначального взноса; упрощение административных процедур и активная информационная работа; легализация использования части средств на текущие нужды или развитие подсобного хозяйства.

Для столичных агломераций необходим пересмотр целевых ориентиров. Вместо попыток восстановить жилищную функцию в условиях запредельных цен целесообразно усилить образовательно-сервисную компоненту: преобразование части выплаты в образовательные ваучеры, ваучеры на услуги по уходу за детьми, оплату аренды жилья.

Универсальной мерой могло бы стать внедрение гибкой модели «региональных опций», предоставляющей субъектам РФ право включать в перечень целей использования маткапитала 1–2 направления, наиболее актуальных для их территории. Предложенный набор мер направлен на трансформацию маткапитала из формального ресурса в действенный инструмент, способный преодолевать барьеры в разных региональных контекстах.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что эффективность материнского капитала носит контекстуально-обусловленный характер. Выделенные кластеры – модели институционального замещения, активного софинансирования и структурного ограничения – подтверждают, что одни и те же ресурсы трансформируются в разные возможности для семей в зависимости от соотношения доходов, стоимости жилья и доступности рыночных инструментов.

В работе выявлены системные барьеры, имеющие различную институциональную природу в каждой модели. В регионах структурного ограничения программа не преодолевает барьер абсолютной бедности. В регионах активного софинансирования барьером является недостаточность суммы поддержки относительно локальных цен на жилье. В регионах институционального замещения маткапитал вытеснен альтернативными источниками благосостояния. Эти выводы демонстрируют сложный характер влияния программы – отсутствие прямой связи между объемом её использования и демографическими результатами.

Полученные результаты доказывают необходимость перехода от унифицированной модели к дифференцированной региональной политике. Рекомендованные меры – от целевых жилищных программ и региональных доплат до упрощения процедур и расширения допустимых трат – призваны адаптировать инструментарий к конкретным контекстам.

Научная новизна работы заключается в комплексном межрегиональном анализе, основанном на эмпирически верифицированной типологии, полученной методом кластерного анализа. Интерпретация результатов через теорию возможностей позволяет перейти от констатации различий к объяснению механизмов, определяющих конверсию федеральной выплаты в разные реальные возможности.

Перспективное направление дальнейших исследований – качественный анализ микроуровневых механизмов принятия решений семьями. Глубинные интервью позволят выявить субъективные факторы, влияющие на репродуктивное поведение и стратегии использования поддержки. Особый интерес представляет изучение механизмов институционального замещения в высокодоходных регионах и причин низкой финансовой активности населения в условиях формально доступной ипотеки.

Ограничения исследования связаны с агрегированным характером вторичных данных, что не позволяет полностью учесть внутрирегиональную дифференциацию и субъективные мотивы семей. Тем не менее полученные результаты создают основу для разработки территориально-чувствительной демографической политики, учитывающей различные модели взаимодействия государства, рынка и семьи.

Список литературы

- Беккер Г.С. 1991. Тратат о семье. Издательство Гарвардского университета. 424 с.
- Бистайкина Д.А., Касаркина Е.Н., Панькова Е.Г. 2024. Государственная помощь в улучшении жилищных условий молодых семей и семей с детьми: региональный аспект. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 15(1): 1–15.
- Вишневский А.Г. 2006. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое издательство, 608 с.
- Захаров С.В. 2023. История рождаемости в России: от поколения к поколению. *Демографическое обозрение*, 10(1): 4–43.
- Кишенин П.А. 2023. Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений. *Демографическое обозрение*, 10(4): 86–120.
- Колганова Н.Ю., Мусин Э.Р. 2025. Улучшение жилищных условий семей с детьми с привлечением материнского капитала: анализ в разрезе регионов России. *Социально-трудовые исследования*, 4: 125–137.

- Лестег Р. 2014. Второй демографический переход: краткий обзор его развития. *Труды Национальной академии наук*, 111(51): 18112–18115.
- Малкина М.Ю. 2015. Оценка факторов внутрирегиональной дифференциации доходов населения РФ. *Пространственная экономика*, 3: 97–119.
- Маллаева М.И. 2024. Оценка влияния Программы материнского капитала на демографическую ситуацию. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 4: 57–64.
- Одинцова Е.В. 2025. Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки. *Уровень жизни населения регионов России*, 21(2): 184–196.
- Ростовская Т.К., Князькова Е.А. 2022. Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор. *Женщина в российском обществе*, 1: 22–31.
- Саламахина Е.А. 2023. Материнский капитал как инструмент государственной семейной политики. Первый шаг в науку: Материалы студенческой научной конференции, 101–104.
- Сен А. 1999. Развитие как свобода. Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф. 366 с.
- Слонимчик Ф., Юрко А.В. 2015. Оценка влияния политики материнского капитала в России. *Демографическое обозрение*, 2(3): 30–68.
- Robeyns I. 2005. The Capability Approach: a theoretical survey. *Journal of Human Development*, 6(1): 93–117.

References

- Becker G.S. 1991. Traktat o sem'e [A treatise on the family]. Harvard University Press. 424 pages .
- Bistyakina D.A., Kasarkina E.N., Pankova E.G. 2024. Gosudarstvennaya pomoshch' v uluchshenii zhilishchnykh uslovij molodykh semej i semej s det'mi: regional'nyj aspekt [State assistance in improving the housing conditions of young families and families with children: a regional aspect]. *The world of science. Sociology, philology, and cultural studies*, 15(1): 1–15.
- Vishnevsky A.G. 2006. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: New Publishing House. 608 pages .
- Zakharov S.V. 2023. Istoriya rozhdaemosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [The history of fertility in Russia: from generation to generation]. *Demographic review*, 10(1): 4–43.
- Kishenin P.A. 2023. Regional'naya differentsiatsiya rozhdaemosti v Rossijskoj Federatsii: optika real'nykh pokolenij [Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: optics of real generations]. *Demographic review*, 10(4): 86–120.
- Kolganova N.Yu., Musin E.R. 2025. Uluchshenie zhilishchnykh uslovij semej s det'mi s privlecheniem materinskogo kapitala: analiz v razreze regionov Rossii [Improving the housing conditions of families with children with the involvement of maternity capital: an analysis by regions of Russia]. *Social and labor research*, 4: 125–137.
- Lesteg R. 2014. Vtoroj demograficheskij perekhod: kratkij obzor ego razvitiya [The second demographic transition: a brief overview of its development]. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111(51): 18112–18115.
- Malkina M.Y. 2015. Otsenka faktorov vnutriregerional'noj differentsiatsii dokhodov naseleniya RF [Assessment of the factors of intraregional income differentiation of the population of the Russian Federation]. *Spatial economics*, 3: 97–119.
- Mallaeva M.I. 2024. Otsenka vliyaniya Programmy materinskogo kapitala na demograficheskuyu situatsiyu [Assessment of the impact of the Maternity Capital Program on the demographic situation]. *Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*, 4: 57–64.
- Odintsovo E.V. 2025. Prekarizovannost' uslovij prozhivaniya naseleniya: podkhody k izmereniyu i kolichestvennye otsenki [Precarization of living conditions of the population: approaches to measurement and quantitative assessments]. *The standard of living of the population of the Russian regions*, 21(2): 184–196.
- Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. 2022. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii molodoj sem'i: ekspertnyj obzor [State policy towards the young family: an expert review]. *A woman in Russian society*, 1: 22–31.
- Salamakhina E.A. 2023. Materinskij kapital kak instrument gosudarstvennoj semejnoy politiki [Maternity capital as an instrument of state family policy]. The first step into science: Materials of the student scientific conference, 101–104.
- Sen A. 1999. Razvitie kak svoboda [Development as freedom]. New York: Alfred A. Knopf. 366 p.

- Slonimchik F., Yurko A.V. 2015. Otsenka vliyaniya politiki materinskogo kapitala v Rossii [Assessment of the impact of maternity capital policy in Russia]. *Demographic review*, 2(3): 30–68.
- Robeyns I. 2005. The Capability Approach: a theoretical survey. *Journal of Human Development*, 6(1): 93–117.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 27.02.2026

Поступила после рецензирования 26.05.2026

Принята к публикации 26.05.2026

Received February 27, 2026

Revised May 26, 2026

Accepted May 26, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макарова Софья Андреевна, студент,
Липецкий государственный технический
университет, г. Липецк, Россия.

Большунова Татьяна Валерьевна,
кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии,
Липецкий государственный технический
университет, г. Липецк, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sofya A. Makarova, Student, Lipetsk State
Technical University, Lipetsk, Russia.

Tatiana V. Bolshunova, Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor, Head of the
Department of Sociology, Lipetsk State Technical
University, Lipetsk, Russia.

УДК 316
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-328-337
EDN DEDZST

Отношение населения Республики Саха (Якутия) к строительству Ленского моста

Подойницына И.И., Филиппова Д.Н.

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, 677000, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1
daryaefimova91@yandex.ru

Аннотация. Важную роль при реализации крупных инфраструктурных проектов играет мнение населения о ходе строительства для уменьшения управленческих, экономических и экологических рисков, социальной напряженности. На современном этапе в отечественной науке практически отсутствуют социологические исследования реализации мегапроектов. Целью исследования было выявить факторы, определяющие отношение населения пяти поселений РС(Я) к строительству Ленского моста. В июле 2025 г. было опрошено 252 жителя населенных пунктов, находящихся в ареале строительства моста; опрос был дополнен 10 уточняющими интервью. В процессе исследования выявлены социально-демографические факторы, влияющие на поддержку: молодой возраст (до 35 лет), удовлетворенность жизнью в своем населенном пункте, уверенность в будущем, проживание в пгт Нижний Бестях.

Ключевые слова: Ленский мост, Республика Саха (Якутия), качество жизни, удовлетворенность жизнью, ожидания населения, общественное мнение, инфраструктурные проекты, транспортная инфраструктура, мегапроекты

Финансирование: исследование выполнено в рамках госзадания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124022500282-4.

Для цитирования: Подойницына И.И., Филиппова Д.Н. 2026. Отношение населения Республики Саха (Якутия) к строительству Ленского моста. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 328–337. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-328-337 EDN: DEDZST

Attitudes of Residents of the Sakha Republic (Yakutia) Toward the Construction of the Lena Bridge

Irina I. Podoynitsyna, Daryia N. Filippova

Institute of Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
1 Petrovsky St., Yakutsk 677000, Russian Federation
daryaefimova91@yandex.ru

Abstract. Public opinion plays an important role in the implementation of large-scale infrastructure projects, as does informing the public about the construction progress in order to reduce managerial, economic, and environmental risks, as well as social tension. At the present stage, there are virtually no sociological studies on the implementation of megaprojects in Russian academia. The aim of this study was to identify the factors determining the attitudes of five settlements in the Sakha Republic (Yakutia) toward the construction of the Lena Bridge. In July 2025, a survey was conducted among

252 respondents, all located in the area where this industrial giant is being built. The survey was supplemented by 10 follow-up interviews. Socio-demographic factors influencing support were identified: young age (under 35), satisfaction with life in their locality, confidence in the future, and residence in the urban-type settlement of Nizhny Bestyakh.

Keywords: the Lena Bridge, Republic of Sakha (Yakutia), quality of life, life satisfaction, public expectations, public opinion, infrastructure projects, transport infrastructure, megaprojects

Funding: The study was carried out within the framework of State Assignment No. 075-00619-26-00 for 2026, research project No. 124022500282-4.

For citation: Podoynitsyna I.I., Filippova D.N. 2026. Attitudes of Residents of the Sakha Republic (Yakutia) Toward the Construction of the Lena Bridge. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 328–337 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-328-337 EDN: DEDZST

Введение

Один из крупнейших инфраструктурных проектов Дальнего Востока после возведения Малого БАМа — строительство мостового перехода через Лену (Ленский мост) в Якутии. Мегапроект имеет стратегическое значение для региона и страны, его история насчитывает несколько десятилетий. В 1907 году губернатор Якутской области И.И. Крафт ставил вопрос о присоединении региона к Транссибу [Дамешек, Кушнарева, 2021, с.95]. Активное обсуждение моста у Якутска началось в начале 1980-х при утверждении Амуро-Якутской магистрали (план сдачи – 1995 год с совмещенным мостом¹). Из-за колоссальных затрат и сложных условий (вечная мерзлота, широкая река, ледовая нагрузка) проект откладывали в СССР и в 2000-е годы.

В 2019 году Президент РФ Владимир Путин утвердил строительство автодорожного моста². Срок завершения – 2028 год³. «Транспортно-инфраструктурный коридор» позволит увеличить грузоперевозки до 6 млн тонн в год, пассажиропоток – до 8 млн человек. Транспортная доступность вырастет в 4 раза, расходы на «северный завоз» снизятся на 4,1 млрд руб. ежегодно [Долинская, Мамедова, 2022, с. 49]. Мост соединит три федеральные и пять региональных автодорог, АЯМ, речной порт и аэропорт [Тотонова, 2020]. Сэкономленное время пассажиров за 2021–2044 гг. оценено в 75,8 млрд руб. [Гулидов и др., 2022, с. 25].

Проекты транспортной инфраструктуры играют ключевую роль в стимулировании экономического роста и повышении благосостояния общества, облегчая связь между людьми, товарами и услугами [Chan et al., 2023; Jiang et al., 2017; Gramlich, 1994]. Новая транспортная инфраструктура влияет не только на мобильность и опыт поездок, но и оказывает более глубокое социальное воздействие на чувство принадлежности к месту [Chan et al., 2024].

В экономической географии транспорта одна из аналитических проблем связана с оценкой характера и масштаба вклада транспортной инфраструктуры в экономику [Lakshmanan, Anderson, 2002].

Анализ современной научной литературы показывает, что исследование мегапроектов, включая транспортные и инфраструктурные, ведётся преимущественно в русле экономической эффективности, регионального развития и технологического воздействия, тогда как социологическая составляющая – отношение местного населения –

¹ Что известно о проекте строительства моста через Лену в районе Якутска // ТАСС.URL: <https://tass.ru/info/7756167>(дата обращения: 13.01.2026).

² По ленинским мостам// Коммерсант.URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4162858> (дата обращения: 13.01.2026).

³ В Якутии завершено строительство первой опоры Ленского моста // РБК. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/22/10/2025/68f850c49a79476105fdf5c0> (дата обращения: 13.01.2026).

остаётся недостаточно проработанной. Так, исследователи [Крутиков и др., 2023] рассматривают мегапроекты (в том числе китайские) как драйверы формирования новой глобальной проекции будущего, акцентируя внимание на макроэкономических и инновационных эффектах, но оставляя за скобками локальную социальную реакцию.

Другие авторы [Никитенко, 2023; Бардаль, 2021] анализируют инфраструктурные проекты как инструменты сглаживания субфедеральных диспропорций и решения национальных задач, особенно на Дальнем Востоке, однако их работы ориентированы на бюджетно-транспортную логику, а не на восприятие проектов населением. С. Ю. Агауров, Н. В. Зыкова [2023] выделяют ключевые факторы реализации крупных проектов через призму управленческих и организационных рисков, почти не затрагивая факторы социальной напряжённости или уровень поддержки со стороны населения. Н. А. Богданова [2019] подчёркивает значимость транспортной инфраструктуры для социально-экономического развития северных регионов России, что косвенно указывает на важность учёта мнения жителей, однако системных социологических исследований отношения населения к строительству конкретных мегапроектов (таких, как Ленский мост) в рассмотренных работах не представлено.

В целом можно констатировать, что чаще внимание ученых сосредотачивается на экономических, а не на социальных проблемах, связанных с возведением индустриальных гигантов. В частности, нет данных об отношении жителей конкретных населённых пунктов к строительству Ленского моста.

Целью исследования было выявить факторы, определяющие отношение пяти поселений РС(Я) к строительству Ленского моста. Рабочая гипотеза исследования: существует положительная корреляция между позитивным восприятием возведения моста и удовлетворенностью жизнью в своем населенном пункте и отрицательная корреляция между негативным отношением к мосту и возрастом.

Материалы и методы исследования

Проведен опрос населения пяти населенных пунктов Республики Саха (Якутия), которые находятся в непосредственной близости от возведения моста – пгт Нижний Бестях (4095 чел.), села Павловск (2115 чел.), Хаптагай (1031 чел.), Рассолода (442 чел.), Табага (2600 чел.). На первом этапе была высчитана целевая выборка (были выделены крупные населенные пункты – Нижний Бестях, Табага, Павловск и менее населенные – Хаптагай, Рассолода), на втором этапе применялась квотная выборка по возрастнополовым признакам внутри каждого из поселений.

В процессе обработки результатов исследования использовались описательные статистики, корреляционный анализ, применялись меры центральной тенденции, статистические критерии. В уточняющем интервью приняли участие 10 респондентов из 5 населенных пунктов, которые проживали в населенных пунктах региона более 20 лет. Интервью было свободным, неформализованным, обрабатывалось с помощью методики выделения «семантических ядер» [Ушакова и др., 2010].

Исследование было проведено в июле 2025 г., в нем приняли участие 252 человека. В пгт Нижний Бестях было опрошено 55 чел.; в населённых пунктах Старая Табага и Новая Табага – 28 и 85 чел.; в Павловске – 40 чел.; в Хаптагае – 21 чел., в Рассолоде – 23 чел. В анкетировании приняли участие 42% мужчин (106 чел.) и 58% женщин (146 чел.); 29% (73 чел.) – респонденты от 19 до 35 лет; 42% (106 чел.) – от 36 до 54 лет; 29 % (73 чел.) – от 55 до 69 и старше. Национальный состав: 59 % саха (148), 30% русских (76). 39,7 % отвечающих имеют высшее образование; 38,5 % – среднее специальное. 76,2% работают, 11% – пенсионеры. Были опрошены представители сферы образования (14,3%); государственного и муниципального управления (15,9%); торговли и общепита (8,3%); транспорта (6%).

Результаты исследования

При ответе на вопрос «Опишите ваше личное эмоционально-психологическое состояние» (порядковая шкала, 6 вариантов ответа: от агрессии до эмоционального подъема) большая часть респондентов (66,3%) по всем населенным пунктам подчеркнули, что чувствуют себя спокойно и уравновешенно; 9,5% заявляют об эмоциональном подъеме; 8% находятся в состоянии безразличия и подавленности, другие 8% признаются, что испытывают тревогу и страх. Основная характеристика текущего настроения – спокойствие, уравновешенность, данный «запас» позитивного настроения в обществе говорит в целом о социальном здоровье социума. Данные коррелируют с результатами исследования «Республика Саха (Якутия): большие вызовы», проведенного в 2020–2023 гг. [Маклашова и др., 2024].

Качество жизни в поселении предлагалось оценивать по нескольким позициям: развитие общественных пространств в населенных пунктах, здравоохранения, системы образования, занятости и трудоустройства населения. Представители пяти населенных пунктов проявили единодушие в ответах – от 58 до 65 % опрошенных подчеркнули, что вышеупомянутые сферы развиваются в целом неплохо, но есть определенные недостатки.

46,8% отвечающих оценили степень развития дорожной сети в своем населенном пункте как «низкую» (рис. 1). Большинство отвечающих оценивают развитие дорожной сети как низкое, но и доля тех, кто считает, что дороги у них в целом неплохие (средняя степень развития) тоже значительна.

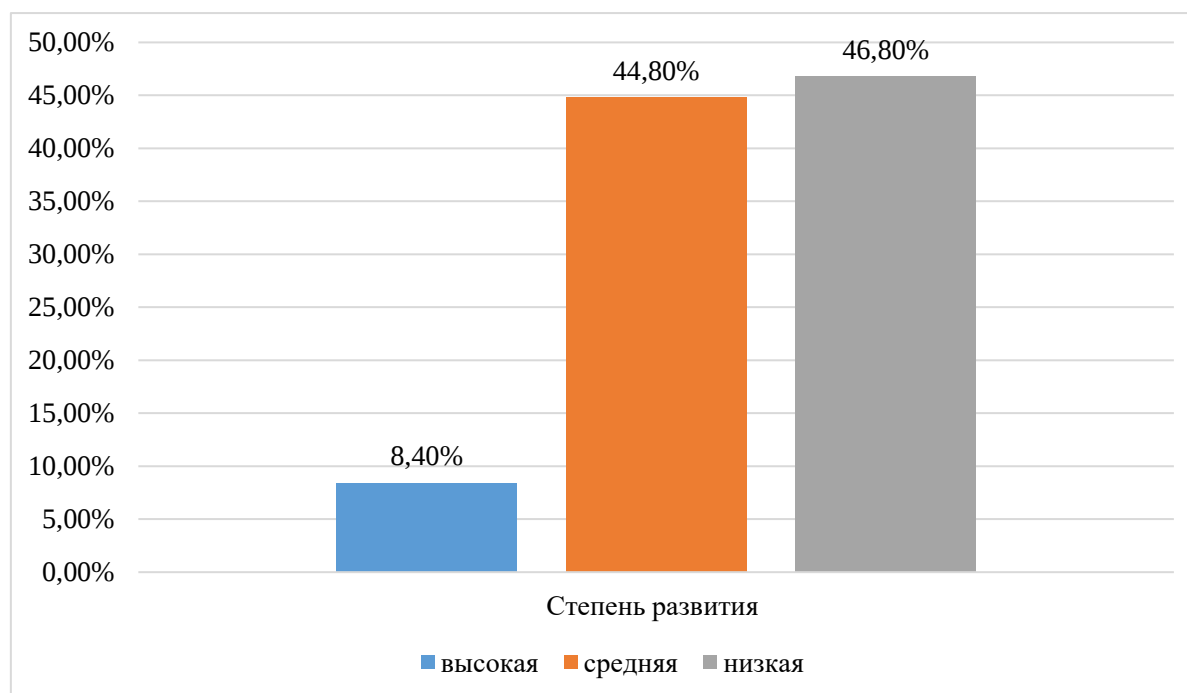

Рис. 1. Оценка жителями населенных пунктов Нижний Бестях, Павловск, Хаптагай, Рассолода, Табага (Старая и Новая) Республики Саха (Якутия) степени развития автомобильных дорог

Fig. 1. Assessment of the road infrastructure development level by residents of studied localities in the Republic of Sakha (Yakutia) – Nizhny Bestyakh, Pavlovsk, Kaptagay, Rassoloda, and Tabaga (Old and New)

На вопрос «Удовлетворены ли вы социально-экономическим положением вашего населенного пункта?» респонденты ответили так: «скорее удовлетворен» (36,5%) и «скорее не удовлетворен» (28,6%). В то же время, оценивая социально-экономическое

положение Российской Федерации в целом, примерно одна треть респондентов ставит оценку «полностью удовлетворен».

Выявлены такие оценки удовлетворенности жизнью в своем населенном пункте – 5 баллов (18,3%); 7 (17,9%); 8 баллов (15,1%). Респонденты ставят достаточно высокие оценки, жизнь в населенном пункте их вполне устраивает. На вопрос: «Что именно привлекает респондентов в местах их постоянного проживания?» респонденты отвечают: природа (лес, река, озеро и др.)» – 84, 9% выборов.

Один из главных вопросов анкеты – это вопрос о том, как, по мнению жителей, строительство Ленского моста может повлиять на жизнедеятельность села/поселка в будущем (рис. 2).

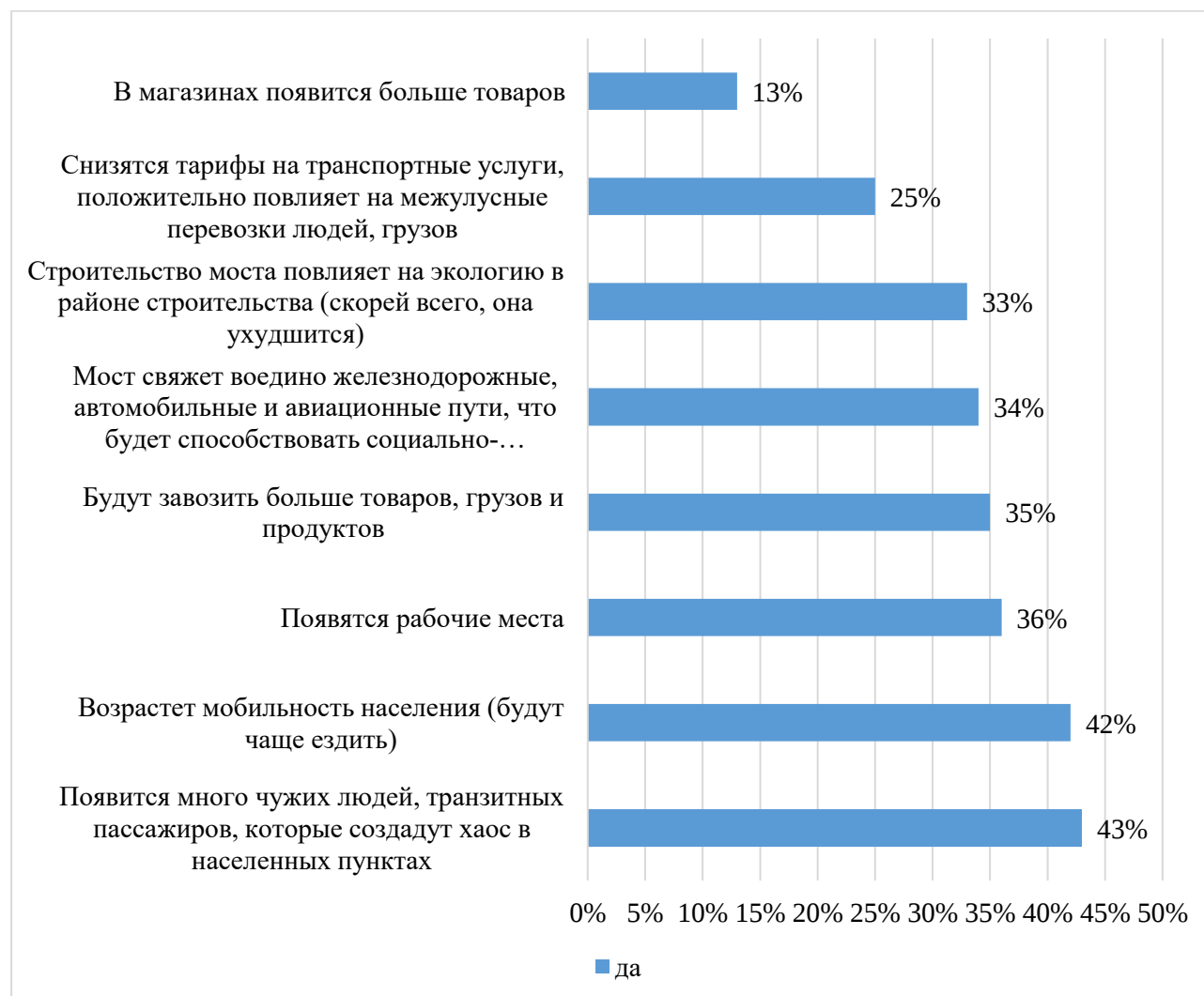

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменится жизнь жителей прибрежных сел после введения в эксплуатацию Ленского моста?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question of how the lives of residents of coastal villages will change after the Lena Bridge is put into operation

Таким образом, мы видим, что возведение Ленского моста связывают в основном с повышением мобильности населения (42%), решением логистических транспортных проблем; люди ожидают, что будут завозить больше товаров (35%); появятся новые рабочие места (36%).

Полностью поддерживают строительство Ленского моста 39% отвечающих, если прибавить к этой цифре вариант ответа «скорее да, чем нет» (25,4%), получаем достаточно

внушительную цифру сторонников – почти две трети опрошенных. Каждый пятый относится к стройке века нейтрально. Тех, кто резко против стройки – единицы (3,6%).

Среди причин, по которым респонденты не поддерживают строительство Ленского моста, выбраны: 1) вынужденное переселение из мест постоянного проживания (18,7%); 2) экологические риски (13,9%); 3) увеличение потока трудовых мигрантов (11,5%); 4) высокая стоимость проекта (10%); 5) неочевидная польза для населения (9,1%); 6) сокращение сельхозугодий (7,9%).

Существует зависимость между возрастом респондента и отношением к Ленскому мосту, а также между местом проживания и отношением к строительству. Так, 87% жителей Нижнего Бестяха, принявших участие в опросе, поддерживают строительство Ленского моста. Вероятно, это связано с тем, что жители Нижнего Бестяха привыкли к изменениям инфраструктуры (строительство железной дороги, ввод движения торговых поездов, затем – пассажирских).

К Нижнему Бестяху по уровню поддержки приближается с. Павловск (77,5%); с. Рассолода (78%). Жители с. Хаптагай более сдержанны в ответах, они поддерживают строительство моста, но говорят безусловное «да» только 14%, остальные 66% с сомнением отвечают «скорее да, чем нет». Поддерживают развернувшуюся стройку 18,5% жителей Старой Табаги и 21% жителей Новой Табаги. Табагинцы не хотят, чтобы сносили их дома, освобождая место для расширения подъездных путей к мосту (это утверждение, основано на изучении обстановки в Старой и Новой Табаге, беседах с местными жителями, многочисленных протестных акциях табагинцев, выступлениях в средствах печати и др.). Сравним: против строительства моста выступают 27% жителей Новой Табаги, 33% представителей Старой Табаги и, всего лишь 1,8% жителей Нижнего Бестяха.

Выявлена зависимость между удовлетворенностью жизнью (в баллах) и уверенностью в завтрашнем дне (порядковая шкала по типу шкалы Лайкерта, пять позиций). 27 % респондентов, которые удовлетворены своей жизнью на 5 баллов, утверждают, что вполне уверены в своем будущем. Из удовлетворенных жизнью на 9–10 баллов вполне уверены в своем будущем 50–67% ответивших.

Для проверки гипотезы выясним, как влияет степень удовлетворенности жизнью на отношение к строительству моста: 20% из тех, кто удовлетворен жизнью на 5 баллов, уверены, что безусловно мост надо строить; 28% средне-удовлетворенных отвечает «скорее да, чем нет»; 22% против строительства моста. В целом мы видим, что люди, в большей степени удовлетворенные жизнью, более оптимистично воспринимают глобальную стройку. Так, 54% из тех респондентов, кто оценил уровень удовлетворенности жизнью на 9–10 баллов, высказались за строительство; 6% – против.

Уточняющие интервью, проведенные нами после опроса, позволили высветить некоторые нюансы отношения к развернувшемуся строительству.

Жен., 70 лет: «На пароме ожидание, особенно в выходные дни. А тут, если мост, с утра поехали, с города – за ягодами, на дачу, на уборку урожая и заготовки, зависит от погоды – на рыбалку. Удобно, комфортно, сокращение времени. Таксисты будут зарабатывать больше».

Жен., 70 лет: «Информацию о строительстве читаю только в ватсап, никаких гарантий, что дорога будет бесплатной. Если будет высокая цена за дорогу, цены возрастут на все. Дороги, транспорт всех затрагивает. О ходе строительства... как освоили? Прозрачности информации нет, многих волнует. А тут у нас Заречье, Мегино-Кангаласский улус, федеральная дорога, железные дороги – через нас всё идет».

Жен., 53 года: «Большие грузовые машины много платят, поэтому цены высокие. Переправа дорогая, из этого складываются цены. Все равно из нашего кармана будет. Хорошо было бы, если бы мост в 2028 году (по плану) ввели, оптимистично будем ждать».

Жен., 70 лет: «Вся страна ждет мост, большие суммы, интересы государства, тот же Северный морской путь – противостояние с Западом».

Жен., 66: *«Если земли затронут, будет ли компенсация? Если что-то построят на моих угодьях, я очень сомневаюсь, что выплатят что-то. Где дорога – там хорошая жизнь считается, а кто страдает – неизвестно».*

Муж., 72 года: *«Новые стройки всегда вызывают противодействие. В обществе сталкиваются три тенденции: за, против и все равно. На первом этапе стройки тех, кто «против», всегда больше. Или другой вариант: бывают все три тенденции одинаково сильны. Вот сейчас мы в экспедиции проехали много регионов России и часто слышали такие истории: бурно обсуждают строительство нового квартала, или новой дороги, или нового арт-объекта. Здесь, в Якутии еще спокойнее, чем в других местах».*

Жен., 65 лет: *«Между левым и правым берегами Лены – большая разница. Там, на правом берегу Лены – железная дорога, там все бурно развивается. Есть, правда, такие люди, которые боятся за свои угодья, но их вроде немного. А мы в Старой Табаге должны уйти со своих домов, с насиженных мест, переселиться в другие места. Многие оказались к этому психологически не готовы... Ну что поделаешь, придется».*

Жен., 67 лет: *«Поймите, мы не против моста, мы против измененного, нового варианта подъездных путей к мосту через наше село (Табага). В первоначальном варианте подъездные пути были спроектированы в обход села и не затрагивали наши дома. Мы за этот вариант. А сейчас все земли вокруг раскупили, куда мы переедем?»*

Анализ интервью показал, что доминирующим для респондентов оказался блок проблем, связанных со строительством моста. Жители отмечали: риск нарушения угодий, необходимость компенсаций за использование частной земли, противодействие стройке на начальном этапе, недостаток прозрачной информации, психологическую неготовность к переселению (нежелание покидать насиженные места), а также недовольство прокладкой подъездных путей через Старую Табагу. Ожидания населения оказались выражены слабее – всего 3 упоминания. Два из них позитивные: улучшение удобства и комфорта жизни, рост доходов у отдельных профессий, одно – негативное: ожидание общего роста цен. Перспективы жизни после открытия моста представлены единичным высказыванием о развитии Северного морского пути как факторе противостояния Западу. Таким образом, данные интервью согласуются с результатами массового опроса, фиксируя сходный спектр проблем и ожиданий. При этом качественный метод позволил углубить понимание социально-психологического состояния населения.

Заключение

Гипотеза подтверждена: люди, удовлетворенные жизнью, с оптимизмом смотрящие в будущее, поддерживают возведение моста в большей степени, нежели люди, недовольные жизнью. Люди молодые (до 35 лет) с большим энтузиазмом поддерживают строительство моста, нежели люди среднего возраста и пожилые. Исследование, проведенное в пгт Нижний Бестях, селах Павловск, Хаптагай, Рассолода, Старая и Новая Табага, находящихся в ареале строительства Ленского моста, показало, что две трети опрошенных выступают за строительство мостового перехода через реку Лену. Жители сел ожидают, что после ввода вантового моста в эксплуатацию возрастет мобильность населения, улучшится социально-экономическая ситуация как в их населенных пунктах, так и в Республике Саха (Якутия) в целом. Возведение моста поддерживают главным образом жители поселка Нижний Бестях, в котором уже активно работает железная дорога.

Впервые выявлены факторы, влияющие на отношение населения к мегапроекту, который осуществляется непосредственно на территории постоянного проживания респондента: социально-демографический (в частности, возраст респондента); когнитивный или степень удовлетворенности жизнью в данном населенном пункте; уверенности в будущем; географический (место проживания, история поселения); социально-психологический (психологическая неподготовленность к стройке, сомнения, неверие в успех и др.).

Благодарность: авторы выражают признательность участникам опроса, представителям администрации МР «Мегино-Кангаласский улус» РС (Я) и администраций наслегов Павловск, Рассолода, Хаптагай и Табага, коллегам из отдела этносоциологии ИГиПМНС СО РАН за содействие в организации исследования.

Acknowledgements: The authors express their gratitude to the survey participants, as well as to the representatives of the administration of the Megino-Kangalassky Municipal District of the Republic of Sakha (Yakutia) and the administrations of the Pavlovsk, Rassoloda, Khaptagai, and Tabaga rural settlements, as well as to colleagues from the Department of Ethnosociology at the IHRISN SB RAS for their assistance in organizing this study. The study was carried out within the framework of State Assignment No. 075-00619-26-00 for 2026, research project No. 124022500282-4.

Список литературы

- Агауров С. Ю., Зыкова Н. В. 2023. Особенности и ключевые факторы, оказывающие влияние на реализацию крупных проектов. *Экономика и управление*, 29(4): 407–413. DOI: [org/10.35854/1998-1627-2023-4-407-413](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-4-407-413)
- Бардаль А.Б. 2021. Транспортный комплекс Дальнего Востока: национальные и локальные задачи. *Регионалистика*, 8(6): 53–67. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.53>
- Богданова Н.А. 2019. Развитие транспортной инфраструктуры как основа социально-экономического развития северных регионов России. *Economics*, 3(41): 63–66.
- Гулидов Р.В., Покрашенко П.А., Стрелов Н.Н. 2022. Предпроектная оценка эффекта экономии времени в пути для экономики региона в результате реализации крупного инвестиционного проекта в сфере транспорта. *Вестник ТГЭУ*, 4(104): 5–27. DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2022-4/5-27>
- Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. 2021. Якутский губернатор И.И. Крафт и его вклад в строительство Амуро-Якутской магистрали в начале XX в. *Вестник Томского государственного университета*, 466: 94–97. DOI [10.17223/15617793/466/11](https://doi.org/10.17223/15617793/466/11)
- Долинская И.М., Мамедова К.Н. 2022. Обоснование переноса мостового перехода через реку Лену в районе города Якутска из поселка Нижний Бестях в село Старая Табага. *Universum: технические науки: электрон. научн. журн.*, 8(101): 45–49. DOI [10.32743/UniTech.2022.101.8.14190](https://doi.org/10.32743/UniTech.2022.101.8.14190)
- Крутиков В.К., Косогорова Л.А., Якунина М.В., Шаров С.В., Якунина В.А. 2023. Воздействие инновационных мегапроектов Китая на формирование новой проекции будущего мира. *Креативная экономика*, 17(7): 2633–2648. DOI: [10.18334/ce.17.7.118364](https://doi.org/10.18334/ce.17.7.118364)
- Маклашова Е.Г., Васильева О.В., Томаска А.Г. 2024. Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, стратегии адаптации населения. Новосибирск. Новосибирское отделение издательства «Наука», 192 с.
- Никитенко А.О. 2023. Региональные инфраструктурные проекты как инструменты сглаживания субфедеральных диспропорций в национальной экономике. *KANT*, 4(49): 89–94. DOI: [10.24923/2222-243X.2023-49.17](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2023-49.17)
- Тотонова Е.Е. 2020. Транспортная инфраструктура Республики Саха (Якутия) и особенности пространственного развития. *Московский экономический журнал*, 9: 571–578. DOI: [10.24411/2413-046X-2020-10659](https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10659)
- Ушакова Т.Н., Белова С.С., Валуева Е.А. 2010. Лингвopsихологическое исследование вербальной семантики. *Психологический журнал*, 31(6): 64–78.
- Chan H.-Y., Xu Y., Chen A., Zhou J. 2023. Choice and equity: A critical analysis of multi-modal public transport services. *Transport Policy*, 140: 114–127. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2023.06.013>
- Chan H.-Y., Xu Y., Wang Z., Chen A. 2024. The deeper and wider social impacts of transportation infrastructure: From travel experience to sense of place and academic performance. *Transport Policy*, 158: 51–63. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2024.09.008>
- Gramlich E.M. 1994. Infrastructure Investment: A Review Essay. *Journal of Economic Literature*, 32(3): 1176–1196.
- Jiang X., He X., Zhang L., Qin H., Shao F. 2017. Multimodal transportation infrastructure investment and regional economic development: A structural equation modeling empirical analysis in China from 1986 to 2011. *Transport Policy*, 54: 43–52. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2016.11.004>

Lakshmanan T.R., Anderson W.P. 2002. Transportation Infrastructure, Freight Services Sector and Economic Growth. A white paper prepared for the U.S. Department of Transportation Federal Highway Administration. Boston, MA: Center for Transportation Studies, Boston University, 121 p.

References

- Agauron S.Yu., Zykova N.V. 2023. Features and key factors affecting the implementation of major projects. *Economics and Management*, 29(4): 407–413. doi.org/10.35854/1998-1627-2023-4-407-413 (in Russian)
- Bardal A.B. 2021. Transport Complex of the Far East: National and Local Tasks. *Regionalistica*, 8(6): 53–67. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.53> (In Russian)
- Bogdanova N.A. 2019. Development of Transport Infrastructure as a Basis for Socio-Economic Development of the Northern Regions of Russia. *Economics*, 3(41): 63–66 (in Russian).
- Gulidov R.V., Pokrashenko P.A., Strelov N.N. 2022. Appraisal of the Value of the Travel Time-saving Effect for a Regional Economy as an Implication of a Large-scale Infrastructure Project in the Transport Sector. *Bulletin of the Tomsk State University of Economics*, 4: 5–27. <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2022-4/5-27> (in Russian)
- Dameshek L.M., Kushnareva M.D. 2021. Yakut Governor Ivan Kraft and His Contribution to the Construction of the Amur-Yakutsk Highway at the Beginning of the 20th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal*, 466: 94–97. DOI: [10.17223/15617793/466/11](https://doi.org/10.17223/15617793/466/11) (in Russian)
- Dolinskaya I.M., Mamedova K.N. 2022. The transfer of the Lena bridge crossing from the settlement of Nizhny Bestyakh to the village of gold Tabagha justification. Republic of Sakha (Yakutia). *Universum: Technical Sciences*, 8(101): 45–49. DOI [10.32743/UniTech.2022.101.8.14190](https://doi.org/10.32743/UniTech.2022.101.8.14190)
- Krutikov V.K., Kosogorova L.A., Yakunina M.V., Sharov S.V., Yakunina V.A. 2023. Vozdeystvie innovatsionnykh megaproektov Kitaya na formirovanie novoy proektsii buduschego mira [The impact of China's innovative megaprojects on shaping a new projection of the future world]. *Kreativnaya ekonomika [Creative economy]*, 17(7): 2633–2648. [doi: 10.18334/ce.17.7.118364](https://doi.org/10.18334/ce.17.7.118364)
- Maklashova E.G., Vasilyeva O.V., Tomaska A.G. 2024. Republic of Sakha (Yakutia) and Big Challenges: Social Well-Being, Population Adaptation Strategies. Novosibirsk. Novosibirsk Branch of the Nauka Publishing House, 192 p. (in Russian).
- Nikitenko A.O. Regional infrastructure projects as tools for smoothing sub-federal imbalances in the national Economy, *KANT*, 4(49): 89–94. DOI: [10.24923/2222-243X.2023-49.17](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2023-49.17) (in Russian)
- Totonova E.E. 2020. Transport infrastructure of the Republic of Sakha (Yakutia) and features of spatial development. *Moscow Economic Journal*, 9: 571–578. DOI: [10.24411/2413-046X-2020-10659](https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10659) (in Russian).
- Ushakova T.N., Belova S.S., Valueva E.A. 2010. Psycholinguistic Study of Verbal Semantics. *Psychological Journal*, 31 (6): 64–78 (in Russian).
- Chan H.-Y., Xu Y., Chen A., Zhou J. 2023. Choice and equity: A critical analysis of multi-modal public transport services. *Transport Policy*, 140: 114–127. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2023.06.013>
- Chan H.-Y., Xu Y., Wang Z., Chen A. 2024. The deeper and wider social impacts of transportation infrastructure: From travel experience to sense of place and academic performance. *Transport Policy*, 158: 51–63. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2024.09.008>
- Gramlich E.M. 1994. Infrastructure Investment: A Review Essay. *Journal of Economic Literature*, 32 (3): 1176–1196.
- Jiang X., He X., Zhang L., Qin H., Shao F. 2017. Multimodal transportation infrastructure investment and regional economic development: A structural equation modeling empirical analysis in China from 1986 to 2011. *Transport Policy*, 54: 43–52. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2016.11.004>
- Lakshmanan T.R., Anderson W.P. 2002. Transportation Infrastructure, Freight Services Sector and Economic Growth. A white paper prepared for the U.S. Department of Transportation Federal Highway Administration. Boston, MA: Center for Transportation Studies, Boston University, 121 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 27.02.2026
Поступила після рецензування 26.05.2026
Прийнята к публікації 26.05.2026

Received February 27, 2026
Revised May 26, 2026
Accepted May 26, 2026

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

Подойницьна Ірина Івановна, доктор соціологічних наук, професор, головний науковий співробітник відділу етносоціології, Інститут гуманітарних досліджень і проблем малочисельних народів Севера СО РАН, г. Якутск, Росія.

Філіппова Дарія Ніколаєвна, молодший науковий співробітник відділу етносоціології, Інститут гуманітарних досліджень і проблем малочисельних народів Севера СО РАН, г. Якутск, Росія.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Podoyntsina, Doctor of Sociology, Professor; Principal Researcher in the Department of Ethnosociology, Institute of Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation.

Daryia N. Filippova, Junior Researcher in the Department of Ethnosociology Institute of Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-338-348

EDN ACYUVD

Бентам как первый правовой позитивист: опыт рефлексии англо-американской науки

Горбунов М.Д.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

maxandgor@gmail.com

Аннотация. В российской юридической науке Бентам традиционно рассматривается как моральный философ-утилитарист. Его влияние на становление правового позитивизма в аналитической доктрине осмыслено недостаточно. В связи с этим возникает необходимость обратиться к интерпретации его наследия, принятой в британской академической среде. Цель исследования – реконструировать основные идеи Бентама в области правопонимания, опираясь на современную англо-американскую науку. В работе анализируются предпосылки творчества Бентама, ключевые темы его работ, а также роль Г. Харта в реабилитации Бентама как правового теоретика. Показано, что Харт интерпретировал утилитаризм Бентама как внешний стандарт критики и критерий эффективности позитивного права. Сделан вывод о том, что Бентам может считаться первым правовым позитивистом, объединившим аналитический метод, этатистское понимание права и инструменталистский подход к закону. Его влияние наиболее ярко проявилось в современной англо-американской юриспруденции.

Ключевые слова: философия права, правовой позитивизм, юснатурализм, утилитаризм, аналитическая юриспруденция, нормативное регулирование, государство

Для цитирования: Горбунов М.Д. 2026. Бентам как первый правовой позитивист: опыт рефлексии англо-американской науки. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 338–348. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-338-348 EDN: ACYUVD

Bentham as the First Legal Positivist: Reflecting on Anglo-American Scholarship

Maksim D. Gorbunov

Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

maxandgor@gmail.com

Abstract. In Russian legal scholarship, Bentham is traditionally viewed as a utilitarian moral philosopher. His influence on the formation of legal positivism within analytical doctrine has been insufficiently explored. This necessitates turning to the interpretation of his legacy accepted in British academia. The aim of this study is to reconstruct Bentham's main ideas in the field of legal understanding, drawing on contemporary Anglo-American scholarship. The paper analyzes the preconditions of Bentham's work, the key themes of his writings, and the role of H.L.A. Hart in rehabilitating Bentham as a legal theorist. It is

shown that Hart interpreted Bentham's utilitarianism as an external standard of criticism and a criterion for the effectiveness of positive law. The conclusion is drawn that Bentham can be regarded as the first legal positivist to combine an analytical method, a statist understanding of law, and an instrumentalist approach to legislation. His influence is most clearly manifested in contemporary Anglo-American jurisprudence.

Keywords: philosophy of law, legal positivism, natural law, utilitarianism, analytical jurisprudence, normative regulation, state

For citation: Gorbunov M.D. 2026. Bentham as the First Legal Positivist: Reflecting on Anglo-American Scholarship. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 338–348 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-338-348 EDN: ACYUVD

Введение

В философии права и истории политико-правовой мысли фигура Иеремии Бентама занимает неоднозначную позицию – его взгляды до сих пор находятся в поле активной научной рефлексии как в отечественной [Остроух, 2002; Сейдеметова, 2011], так и в зарубежной литературе [Hart, 1982; Tamanaha, 2007; Postema, 2012]. С одной стороны, с его именем связывается формирование традиции утилитаризма, оказавшей огромное влияние на социальную философию, этику и политику, родоначальником которой в мировой науке он единогласно признается. С другой – место Бентама в истории развития юридического позитивизма остается предметом широкой дискуссии и трактуется в разных научных традициях неоднозначно. Особенно характерно, что именно этот аспект творчества философа в отечественном правоведении остается на периферии внимания, несмотря на свою важность.

В отечественной литературе как обзорного, так и специального характера по теории Бентама его влияние на правовой позитивизм рассматривается недостаточно последовательно и глубоко. В результате детальный анализ именно его юридических, а не морально-философских воззрений остается несистемным из-за выраженного тяготения к устоявшемуся стереотипу позиционирования Бентама как утилитариста [Прокофьев, 2023; Сушенцова, 2017]. Недостаточная глубина существующих исследований правовой теории Бентама и его наследия становится заметна сегодня в условиях увеличения числа работ по аналитической философии и юриспруденции, а также англо-американской философско-правовой традиции в целом [Груздев, Горбань, 2022; Грязнова, 2024].

В свою очередь, в рамках родного для Бентама англо-американского дискурса с конца XX века происходит масштабное переосмысление его взглядов, значительно изменившее, восприятие его не просто как философа, но и ключевого правоведа. Благодаря значительным усилиям одного из ведущих философов права XX века – Герберта Харта – как на уровне теоретической рефлексии и комплексного развития тезисов Бентама, так и на уровне масштабной источниковедческой и библиографической работы, Бентам был признан в качестве первого последовательного правового позитивиста [Honore, 1994, p. 295–321].

Существует разрыв в понимании юридического наследия и роли Бентама в отечественной и англо-американской науке и показывают необходимость выхода за рамки устоявшихся, несколько упрощенных стереотипов его позиционирования. Это может значительно способствовать интеграции отечественной науки в мировой контекст фундаментальных теоретических исследований, особенно в рамках правового позитивизма, имеющего для российской доктрины особое значение.

Цель исследования – реконструировать основные идеи Бентама в области правопонимания, опираясь на современную англо-американскую науку.

Материалы и методы

В работе был подвергнут анализу ряд первоисточников – ключевых работ И. Бентама, в частности: «Введение в принципы нравственности и законодательства» (*An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*), «Анархические заблуждения» (*Anarchical Fallacies*) и «О пределах уголовной отрасли юриспруденции» (*Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence*), а также сборники трудов, вышедших благодаря усилиям Г.Л.А. Харта: «Комментарий к комментариям и фрагмент о правительстве» (*A Comment on the Commentaries and A Fragment on Government*) и «Очерки о Бентаме: Исследования в области юриспруденции и политической теории» (*Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Theory*). Исследование прямо опирается на труды ведущих зарубежных исследователей научного творчества И. Бентама, включая таких авторов, как Г. Постема, Б. Таманаха, П. Шофилд, А. Оноре, Дж. Динвидди, что позволило определить общий контекст осмысления наследия британского философа в рамках родной для него доктрины. Сравнительно-правовой и проблемный аспект работы обеспечивается трудами по заявленной проблематике целого ряда наиболее авторитетных отечественных авторов, в частности, научными статьями А.М. Корженяка, А.В. Прокофьева, Л.К. Савюка, М.С. Сушенцовой и, что наиболее значимо, диссертационными исследованиями А.Н. Остроух и Р.Е. Сейдеметовой. Отдельно обращается внимание на российскую учебную литературу, в частности работу под редакцией В.С. Нерсисянца, содержание которой подтверждает ряд тезисов исследования. Для достижения научного результата в статье использовался комплекс общенаучных, специальных и частноправовых методов познания, включая исторический, библиографический и сравнительно-правовой, а также методы и приемы формальной логики, в том числе анализ и обобщение. В совокупности данные методы позволили не только реконструировать основные идеи И. Бентама в области правопонимания, опираясь на современную англо-американскую науку, но и предложить комплексный взгляд на его теорию в отечественной политико-правовой доктрине.

Бентам в призме российской науки

Отечественные исследования по теории Бентама в целом демонстрируют общую устойчивую тенденцию рассмотрения его научного наследия в контексте моральной и политической философии, а также теории утилитаризма при недостаточном внимании его роли в развитии собственно правовой теории и, в частности, правового позитивизма. В учебной литературе по истории политико-правовых учений Бентаму отводится место в разделах, посвященных западноевропейской мысли XVIII–XIX веков, в контексте, в первую очередь, критики философов эпохи Просвещения и ранней теории естественного права (юснатурализма). Его учение излагается через призму принципа полезности как высшего критерия законотворчества. При этом основной акцент делается именно на этико-политическом содержании утилитаризма как альтернативы естественно-правовой доктрины. Юридические взгляды философа приводятся не как самостоятельная концепция, а как производный элемент моральной философии в рамках тезиса о необходимой утилитарной ценности закона и роли государства в нравственном наставлении индивидов [Нерсисянц, 2004, с. 646–648].

Можно выделить ряд научных исследований, посвященных правовым тезисам во взглядах Бентама, однако они демонстрируют характерную неопределенность его позиционирования [Остроух, 2002; Сейдеметова, 2011]. Философ, как правило, упоминается в качестве «предтечи» юридического позитивизма без достаточно содержательной конкретики. Традиционным является позиционирование Бентама как предшественника Джона Остина, на которого как на первого правового позитивиста оказало влияние учение о суверене и государственном происхождении права [Савюк, с. 19–38]. Роль Бентама в формировании аналитической методологии, позитивистской

аргументации и инструментальной ценности права раскрывается недостаточно подробно, что препятствует однозначному позиционированию Бентама как юридического позитивиста, хотя на фоне роста интереса к аналитической юриспруденции в целом анализ его взглядов смещается в сторону признания его роли в развитии аналитической юриспруденции [Корженяк, 2024, с. 16–47]. Однако его влияние на современный англо-американский правовой позитивизм за пределами теории Харта практически не упоминается.

Таким образом, в российском научном дискурсе центральное место в осмыслении наследия Бентама заняло представление о нем как о философе-утилитаристе. Его правовая теория рассматривается преимущественно как часть политико-философского учения. В этой связи отечественные исследования по своему масштабу и глубине несопоставимы с работами, посвященными другим представителям классического позитивизма, в частности Джону Остину и Гансу Кельзену. Представляется, что главным следствием сложившейся ситуации является наличие «слепого пятна» в целостном понимании Бентама-правоведа, лишь частично восполняемого фрагментарным образом Бентама-утилитариста, чьи правовые взгляды рассматриваются как производные и остаются без комплексной рефлексии. Представляется, что подобный подход не только обедняет политико-правовое знание, но и скрывает реальную глубину и познавательный потенциал внутренней связи между утилитаристской критикой и позитивистским описанием права, которая является крайне значимой для развития аналитической юриспруденции и, соответственно, выступает необходимым условием грамотного прочтения современного англо-американского правового позитивизма.

Позиционирование Бентама в англо-американском дискурсе

В англо-американской науке присутствует богатая традиция осмысления наследия Бентама, в рамках которой философ не просто упоминается в числе одних из первых британских правоведов, а помещается у истоков классического правового позитивизма и аналитической традиции в праве в целом [Hart, 1982]. Статус предтеч позитивистской традиции в праве хронологически отодвигается к британской традиции эмпиризма и политико-правовым учениям Нового времени, и им наделяются Дэвид Юм и Томас Гоббс [Dyzenhaus, 2010].

Такое объяснение статуса Бентама обусловлено тем, что в его взглядах нашел отражение целый ряд тезисов, формирующих концептуальный каркас раннего правового позитивизма:

1. Критика естественного права. Бентам выступил радикальным критиком естественного права как концептуально, так и практически. Философ категорически отрицал метафизическую основу естественных прав, назвав их «чепухой на ходулях» (nonsense upon stilts) [Schofield, 2003, p. 1–26]. При этом критика философа не была просто частью политической реакции, а содержала в себе содержательные аргументы. В «Анархических заблуждениях» (Anarchical Fallacies) конкретному анализу была подвергнута Французская декларация прав человека и гражданина, лишенная в понимании философа всякого практического смысла и создавшая лишь основу для политического злоупотребления и анархии. Не существует права, основой которого являются метафизические моральные ценности, поскольку оно имеет смысл только в форме позитивного закона, создаваемого и обеспеченного государством [Bentham, 1987, p. 46–76].

2. Право как выраженная в законе государственная воля. Отрицая существование естественного права, Бентам соглашался с существованием общих закономерностей человеческого поведения, которые связывались им со стремлением к благу. Такое стремление в представлении философа может быть обеспечено только посредством принятия государственных законов. Именно государство обладает той силой, которая

способна обеспечить всеобщее наставление и реализовать стремление человека к благу [Bentham, 1970, p. 12]. Потому государственный закон является обязательным и представляет собой систему принудительных велений.

3. Разделение права и морали. Важнейшей позитивистской предпосылкой Бентама стало утверждение о необходимости разделения юридической действительности права как формализованной системы и его внешней оценки с помощью неправовых аргументов. Философ проводит четкую линию между двумя ролями юридического актора как «экспозитора» и «цензора», которые не должны смешиваться в своих оценках относительно права и их последствиям [Postema, 1979, p. 643–670]. Экспозитор (expositor) описывает право таким, какое оно есть, поскольку его задачи чисто практико-юридические и заключаются в применении, систематизации и толковании существующих норм, безотносительно их морального достоинства. Цензор (sensor) же оценивает право с точки зрения того, каким оно должно быть и насколько закон способствует стремлению к благу как внешний моральный стандарт, используя утилитаристский принцип полезности.

4. Аналитическая установка в теории и практике юриспруденции. Бентам стремился превратить юриспруденцию в строгую эмпирически-ориентированную науку, использующую логику для анализа реальных правовых явлений. Практическая юриспруденция должна быть связана с точностью понятий, определенности правовых предписаний и отсутствия законодательных пробелов, что выразилось непосредственно в амбициозном проекте самого Бентама по созданию полного кодекса законов – «Панномион» (Pannomion) [Dinwiddy, 1989]. Такая установка на работу с реальной практикой позитивного закона в целом стала характерной для британских правоведов Новейшего времени [Cotterrell, 2003].

При этом взгляды Бентама при явном позитивистском компоненте полностью не встраиваются в рамки классической позитивистской доктрины по ряду аспектов. Во-первых, принцип утилитаризма выступает у Бентама как всеобъемлющий и может быть интерпретирован как форма морального требования соответствия некой абстрактной цели достижения всеобщего счастья, что нарушает строгий позитивистский запрет на включение моральных критериев в понятие права. Во-вторых, проект философа по созданию идеального законодательства, основанного на принципе полезности, носит ярко выраженный характер нормативной теории, поскольку предписывает юристу не аналитическую задачу по беспристрастной работе с позитивным правом, а его ценностно-наполненное восприятие. Здесь роли экспозитора и цензора сливаются воедино.

Кажется, что данные аргументы говорят не в пользу представления о Бентаме как первом юридическом позитивисте, однако такой вывод можно сделать только если ограничивать его наследие влиянием на политико-правовую мысль Новейшего времени. Важное значение здесь имеет та активная работа по комплексному осмыслению влияния Бентама, которая была проделана на рубеже становления современного англо-американского научного дискурса, где не последнюю роль сыграл Герберт Харт. Аргументы о роли Бентама как морального философа не отрицаются, но интерпретируются в англо-американском пространстве иначе. Утилитаризм здесь рассматривается не как часть онтологии права, а как внешняя, критическая теория для его оценки. Такое последовательное сложное разделение линий аргументации и позволило подтвердить статус Бентама как основоположника юридического позитивизма в англо-американском дискурсе.

Ревизия правового наследия Бентама

Поворотным моментом в восприятии Бентама как правового позитивиста стала комплексная работа Герберта Харта, благодаря которой теория философа была

практически «переоткрыта» и системно реконструирована. Усилия Харта выразились в трех значимых аспектах:

Во-первых, масштабная работа с источниками. До Харта в поле зрения англо-американской науки были труды Бентама преимущественно по теории утилитаризма. Большая часть работ по правоведческой тематике была несистематизированной и малодоступной для исследовательского осмысления. Харт возглавил масштабный проект по анализу, реконструкции и систематизации работ Бентама, результатом которого стало издание нескольких крупных работ и обширного собрания трудов философа по правовой теории в рамках сборника «Эссе по Бентаму: работы по юриспруденции и политической теории» (*Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Theory*) [Honore, 1994]. В результате научное сообщество получило в руки огромный пласт материала для исследования, демонстрирующего всю глубину и комплексность взглядов Бентама на право.

Во-вторых, интерпретация Хартом теории утилитаризма показала ее концептуальную непротиворечивость правовому позитивизму. По Харту, теория философа не стремится смешивать право и мораль, лишая позитивизм его «чистоты» [Hart, 1982, р. 28]. В теории Бентама выражено присутствует дихотомия, в которой утилитаризм – это внешний моральный стандарт, применяемый цензором для оценки права, его критики и проектирования лучшего законодательства, но не определяющий признак права, а позитивизм – это онтологические и методологические рамки для экспозитора – юриста, работающего с правом как социальным фактом, то есть системой источников и логических связей, безотносительно его моральных оценок.

В-третьих, собственная позитивистская теория Харта позволила выстроить непрерывную линию развития правового позитивизма, идущую от Бентама. Система «Бентам-Остин-Харт» используется для анализа процессов становления и развития правового позитивизма в англо-американском дискурсе [Tamanaha, 2007]. В теории Харта ряд тезисов, в частности о необходимости восприятия права как обязательного официальными лицами и требования его минимальной практической эффективности, открыл дорогу к расширению инструментальных (утилитарных) оснований в праве [Харт, 2007].

В конечном счете чтобы бентамовская утилитарная критика была осмысленной, она должна быть помещена в позитивистские рамки, поскольку нужно сначала четко определить, что именно подвергается критике – то есть объективно описать действующее право. В итоге именно благодаря хартовской ревизии в англо-американском научном дискурсе закрепилась и продолжает развиваться позиция о том, что Бентам является первым правовым позитивистом, поскольку его учение содержит в концептуальном виде все ключевые вопросы правового позитивизма и предлагает аналитические методологические рамки описания права.

Ключевые особенности бентамовского позитивизма

Признание Бентама первым правовым позитивистом требует также определения ключевых характеристик его теории. К ним можно отнести три значимых аспекта, выделяющие ее в ряду классических позитивистских концепций и обеспечивающие преемственность в современных: аналитический метод, государственный характер права, критическая инструментальность.

Развивая традицию британского философского эмпиризма в стремлении превратить юриспруденцию из собрания метафизических положений в рациональную науку, Бентам рассмотрел право аналитически как логическую систему. Такой подход подразумевает: во-первых, избавление от абстрактных правовых сущностей типа естественных законов и требование четких, практически обоснованных определений для всех правовых понятий; во-вторых, устранение внутренней двусмысленности и правовой неопределенности

позитивного закона; в-третьих, формирование системы логически непротиворечивых норм в рамках проекта кодификации. Именно при таком подходе может быть построена функционирующая правовая система. Кроме того, это стало основой для центрального позитивистского тезиса, впоследствии сформулированного четко Остином, о необходимости разделения права, как оно есть, от права, каким оно должно быть [Postema, 2012; Михайлов, Костикова, 2022, с. 179].

Право отождествляется с практически существующей системой нормативных отношений между сувереном (государством) и человеком, в рамках которой государство формирует систему общеобязательных правил поведения [Bentham, 1970, p. 34]. Здесь теория Бентама наиболее близка классической командной теории Остина, однако отличается действительно меньшей проработанностью конкретных правоприменительных аспектов. Тем не менее Бентам выделил принципиальную для раннего позитивизма схему – «суверен – приказ – санкция», где суверен – лицо или общность, чьим приказам подчиняется общество, приказ – выраженная в источнике воля государства, а санкция – необходимая мотивационная составляющая правового требования, обеспечивающая его нормативность [Bentham, 1977, p. 18; Bentham, 2010, p. 38]. Главным же отличительным компонентом теории Бентама, выделяющим ее в числе ранних позитивистских концепций стало обоснование установления такой системы нормативных отношений как необходимой для обеспечения стремления к человеческому благу и реализации «принципа величайшего счастья» [Bentham, 1970, p. 12]. Через теорию утилитаризма в бентамовское понимание права встраивается телеологический компонент, однако он определяет не смешение морали и права, а инструментальную природу последнего. Право является формальной нормативной системой, которая тем не менее имеет внешний внеправовой критерий оценки с точки зрения эффективности и полезности законодательства как велений суверена по обеспечению направленного поведения индивидов.

Таким образом, в позитивистской теории Бентама аналитический подход формирует формальный «язык» права, государство определяет его происхождение и формальную действительность, а инструментализм задает цель для его критики и направленного изменения, которое производится через развитие позитивного закона, который должен быть максимально аналитически ясным. В таком контексте теория Бентама действительно опередила свое время, связываясь непосредственно с современным англо-американским позитивизмом через понимание права как инструментально ценного социального института [Shapiro, 1998; Marmor, 2006]. Представляется, что именно этот компонент, определяющий глубину и богатство бентамовского позитивизма недостаточно раскрывается в рамках отечественной науки.

Перспективы расширения понимания бентамовского позитивизма

Представление о Бентаме как первом правовом позитивисте при учете контекста англо-американской интеллектуальной традиции и опыта теоретической ревизии, произведенной Гербертом Хартом, представляет для отечественной юридической науки значимый познавательный интерес и может служить цели методологического обновления позитивистской догмы за счет уточнения статуса ее важнейшего представителя.

В первую очередь формирование комплексного представления о Бентаме не только как о моральном философе, но и как о правоведе, способствует обновлению существующих оценок, поскольку позволяет:

- увидеть преемственность правового позитивизма по отношению большому аналитическому проекту эпохи Просвещения за пределами классической остиновской юриспруденции;
- выстроить сложную хронологию развития позитивистского понимания права не как линейного перехода между теориями, но как сложной многоуровневой системы связей;
- интегрировать в политико-правовые исследования юридического позитивизма оценки британской философской школы, оформившей свой специфический дискурс.

Особенно важным здесь становится то, что англо-американский дискурс через теорию Бентама продемонстрировал, что позитивизм может сочетаться с радикальной критикой его содержания на основе внешних телеологических критериев без значительных внутренних противоречий и ущерба формальной юридической действительности закона. Причем такая интерпретация стала возможна не в современной позитивистской правовой доктрине, а уже на раннем этапе его развития. В таком контексте без объемного понимания наследия Бентама невозможно полноценное восприятие дискурса, сложившегося в рамках современной философии права на мировом уровне, поскольку значительную ее составляющую занимает аналитическая юриспруденция, сформировавшаяся именно под влиянием философа. Понимание Бентама становится важным аспектом определения ее проблемного поля и истоков взглядов современных представителей, в частности упомянутого выше Харта, поскольку они глубоко уходят корнями в проблемы, сформулированные Бентамом. Кроме того, утилитарный инструментальный подход сам по себе является важным компонентом, предвосхищавшим современные исследования в области практико-ориентированных теорий правопонимания, развивающихся в том числе в России [Сигалов, 2022; Киреев, Шох].

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует значительное сужение понимания научного творчества Бентама в отечественной науке по сравнению с родной для философа англо-американской доктриной. Характер взглядов Бентама, подтвержденный масштабной рефлексией его наследия, позволяет признать его не просто моральным философом, а первым правоведом-позитивистом, чье учение заложило концептуальные и методологические основы всей аналитической традиции в юриспруденции. Его позитивистская теория представляет собой сложный синтез идей в рамках аналитического подхода, государственного происхождения права как системы принудительных источников и утилитаристской философии, образующих взаимосвязанную и внутренне непротиворечивую систему. Понимание правовой теории Бентама стало возможным за счет выявления параллелей и связей между классическим позитивистским учением, теорией утилитаризма и современной аналитической юриспруденцией в рамках научной рефлексии и историографической работы, совершенной во многом благодаря усилиям Герберта Харта. В таком контексте непоследовательность и ограниченность отечественных исследований по теории Бентама подтверждается сложившимся пониманием Бентама как философа-утилитариста, правовые взгляды которого разрознены и находятся на периферии его творчества. Поэтому переосмысление и систематизация представлений о фигуре Бентама в российском теоретико-правовом дискурсе значимо как с точки зрения обогащения понимания правового позитивизма и истории его развития, так и с точки зрения получения нового методологического инструментария для интеграции телеологических и формалистских аспектов права, расширения понимания и построения связей с аналитической юриспруденцией. Наследие Бентама – один из мощных источников для саморефлексии современного позитивизма в отечественной доктрине, которая сама стремится к обновлению.

Список литературы

- Груздев В.С., Горбань В.С. 2022. Специфика английской аналитической юриспруденции. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 11-2: 58–62
- Грязнова Т.Е. 2024. К вопросу о становлении аналитической юриспруденции в России. *Юридическая техника*, 18: 67–69.
- Киреев Н.В., Шох М.А. 2013. Парадигма экономической теории права. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 22: 50–54
- Корженяк А.М. 2024. От Бентама до Харта: динамика развития ключевых идей англоязычного юспозитивизма (XIX–XXI вв.). *Право и политика*, 12: 16–47.

- Михайлов А.М., Костикова А.А. 2022. Английский юридический позитивизм между Остином и Хартом: понимание права и юриспруденции в учениях Т. Э. Холланда и Дж. У. Сэлмонда. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки*, 1: 178–186.
- Нерсесянц В.С. 2004. История политических и правовых учений. Москва, Норма, 944 с.
- Остроух А.Н. 2002. Учение Бентама о праве: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 240 с.
- Прокофьев А.В. 2023. Обоснование морали и обоснование утилитаризма в этике Иеремии Бентама. *Философский журнал*, 16(1): 5–20.
- Савюк Л.К. 2012. Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам. Право. *Журнал Высшей школы экономики*, 4: 19–38.
- Сейдеметова Р.Е. 2011. Государственно-правовые идеи И. Бентама, Б. Константа, Л. фон Штейна: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 192 с.
- Сигалов К.Е. 2022. Рецензия на монографию: Колосов И.В. История правового консеквенциализма: результативность права. Москва: Юрлитинформ, 2022. 208 с. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 26(4): 997–1003.
- Сушенцова М.С. 2017. Утилитаризм И. Бентама и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 1: 17–35.
- Харт Г.Л.А. 2007. Понятие права. Пер. с англ. Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 304 с.
- Bentham J. 1977. A Comment on the Commentaries and A Fragment on Government. London, Publ. The Athlone Press, 576 p.
- Bentham J. 1970. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford, Publ. Clarendon Press, 343 p.
- Bentham J. 1987. Anarchical Fallacies. In: Nonsense upon Stilts: Bentham, Burke and Marx on the Rights of Men. Ed. J. Waldron. London, Publ. Routledge: 46–76.
- Bentham J. 2010. Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence. Oxford, Publ. Oxford University Press, 384 p.
- Cotterrell R. 2003. The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy. London, Publ. LexisNexis, 344 p.
- Dinwiddy J.R. 1989. Adjudication under Bentham's Pannomion. *Utilitas*, 2(1): 283–289.
- Dyzenhaus D. 2010. Consent, Legitimacy and the Foundation of Political and Legal Authority. In: Between Consenting Peoples: Political Communities and the Meaning of Consent. Eds. J. Webber, C. Macleod. Vancouver, Publ. UBC Press: 163–187.
- Hart H.L.A. 1982. Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford, Publ. Clarendon Press, 280 p.
- Honore A.M. 1994. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992. *Proceedings of the British Academy*, 84: 295–321.
- Marmor A. 2006. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. *Oxford Journal of Legal Studies*, 26(4): 683–704.
- Postema G. 2012. Legal Positivism: Early Foundations. In: The Routledge Companion to Philosophy of Law. Ed. A. Marmor. New York, Publ. Routledge: 31–48.
- Postema G.J. 1979. The Expositor, the Censor, and the Common Law. *Canadian Journal of Philosophy*, 9(4): 643–670.
- Schofield P. 2003. Jeremy Bentham's 'Nonsense upon Stilts'. *Utilitas*, 15(1): 1–26.
- Shapiro S. 1998. The Difference that Rules Make. In: Analyzing law: New Essays in Legal Theory. Ed. B. Bix. Oxford: Clarendon Press: 47–54.
- Tamanaha B.Z. 2007. The Contemporary Relevance of Legal Positivism. *Australian Journal of Legal Philosophy*, 32: 1–38.

References

- Gruzdev V.S., Gorban V.S. 2022. Spetsifika angliiskoi analiticheskoi yurisprudentsii [The Specificity of English Analytical Jurisprudence]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 11-2: 58–62.

- Gryaznova T.E. 2024. K voprosu o stanovlenii analiticheskoi yurisprudentsii v Rossii [On the Formation of Analytical Jurisprudence in Russia]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 18: 67–69.
- Kireev N.V., Shokh M.A. 2013. Paradigma ekonomicheskoi teorii prava [The Paradigm of Economic Theory of Law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 22: 50–54.
- Korzhenyak A.M. 2024. Ot Bentama do Kharta: dinamika razvitiya klyuchevykh idei angloyazychnogo yuspozitivizma (XIX – XXI vv.) [From Bentham to Hart: The Dynamics of the Development of Key Ideas of Anglophone Legal Positivism (19th – 21st Centuries)]. *Pravo i politika*, 12: 16–47.
- Mikhailov A.M., Kostikova A.A. 2022. Angliiskii yuridicheskii pozitivizm mezhdru Ostinom i Khartom: ponimanie prava i yurisprudentsii v ucheniyakh T. E. Kholanda i Dzh. U. Selmonda [English Legal Positivism between Austin and Hart: The Understanding of Law and Jurisprudence in the Teachings of T.E. Holland and J.W. Salmund]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki*, 1: 178–186.
- Nersesyants V.S. 2004. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Publ. Norma, 944 p.
- Ostroukh A.N. 2002. Uchenie Bentama o prave [Bentham's Doctrine of Law]. Abstract. dis. ... doct. jur. sciences. Moscow, 240 p.
- Prokofiev A.V. 2023. Obosnovanie morali i obosnovanie utilitarizma v etike Ieremii Bentama [Justification of Morality and Justification of Utilitarianism in the Ethics of Jeremy Bentham]. *Filosofskii zhurnal*, 16(1): 5–20.
- Savyuk L.K. 2012. Portrety uchenykh-yuristov: Ieremiya Bentam [Portraits of Legal Scholars: Jeremy Bentham]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 4: 19–38.
- Seidemetova R.E. 2011. Gosudarstvenno-pravovye idei I. Bentama, B. Konstana, L. fon Shteina: istoriko-pravovoi analiz [State-Legal Ideas of J. Bentham, B. Constant, L. von Stein: Historical-Legal Analysis]. Abstract. dis. ... cand. jur. sciences. Saratov, 192 p.
- Sigalov K.E. 2022. Retsenziya na monografiyu: Kolosov I.V. Istoriya pravovogo konsekventsializma: rezul'tativnost' prava. M. : Yurlitinform, 2022. 208 s. [Review of the monograph: Kolosov I.V. History of Legal Consequentialism: The Effectiveness of Law. Moscow, YurLitInform, 2022. 208 p.]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 26(4): 997–1003.
- Sushentsova M.S. 2017. Utilitarizm I. Bentama i Dzh. S. Millya: ot dobrodeteli k ratsional'nosti [Utilitarianism of J. Bentham and J. S. Mill: From Virtue to Rationality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, 1: 17–35.
- Khart G.L.A. 2007. Ponyatie prava [The Concept of Law]. Translated from the Engl. Saint-Petersburg, Publ. Sankt-Peterburgskogo un-ta, 304 p. (Hart H.L.A. 1994. The Concept of Law. Oxford, Publ. Oxford University Press. 328 p.).
- Bentham J. 1977. A Comment on the Commentaries and A Fragment on Government. London, Publ. The Athlone Press, 576 p.
- Bentham J. 1970. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford, Publ. Clarendon Press, 343 p.
- Bentham J. 1987. Anarchical Fallacies. In: Nonsense upon Stilts: Bentham, Burke and Marx on the Rights of Men. Ed. J. Waldron. London, Publ. Routledge: 46–76.
- Bentham J. 2010. Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence. Oxford, Publ. Oxford University Press, 384 p.
- Cotterrell R. 2003. The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy. London, Publ. LexisNexis, 344 p.
- Dinwiddy J.R. 1989. Adjudication under Bentham's Pannomion. *Utilitas*, 2(1): 283–289.
- Dyzenhaus D. 2010. Consent, Legitimacy and the Foundation of Political and Legal Authority. In: Between Consenting Peoples: Political Communities and the Meaning of Consent. Eds. J. Webber, C. Macleod. Vancouver, Publ. UBC Press: 163–187.
- Hart H.L.A. 1982. Essays on Bentham: Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford, Publ. Clarendon Press, 280 p.
- Honore A.M. 1994. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907-1992. *Proceedings of the British Academy*, 84: 295–321.

- Marmor A. 2006. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. *Oxford Journal of Legal Studies*, 26(4): 683–704.
- Postema G. 2012. Legal Positivism: Early Foundations. In: *The Routledge Companion to Philosophy of Law*. Ed. A. Marmor. New York, Publ. Routledge: 31–48.
- Postema G.J. 1979. The Expositor, the Censor, and the Common Law. *Canadian Journal of Philosophy*, 9(4): 643–670.
- Schofield P. 2003. Jeremy Bentham’s ‘Nonsense upon Stilts’. *Utilitas*, 15(1): 1–26.
- Shapiro S. 1998. The Difference that Rules Make. In: *Analyzing law: New Essays in Legal Theory*. Ed. B. Bix. Oxford: Clarendon Press: 47–54.
- Tamanaha B.Z. 2007. The Contemporary Relevance of Legal Positivism. *Australian Journal of Legal Philosophy*, 32: 1–38.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.02.2026

Поступила после рецензирования 18.05.2026

Принята к публикации 29.05.2026

Received February 3, 2026

Revised May 18, 2026

Accepted May 29, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Максим Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim D. Gorbunov, Candidate of Law Science, Associate Professor, Department of History of State and Law, Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

УДК 340.158

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-349-357

EDN AJZBDE

Формально-юридическая периодизация развития военно-патриотического воспитания в СССР

¹ Пряхин А.И., ² Хмелевская И.Г.

¹ ООО «ФосАгро-Регион»

Россия, 119333, Москва, Ленинский пр-т, д. 55/1, стр. 1

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ref038@yandex.ru, khmelevskaya@bsuedu.ru

Аннотация. Система военно-патриотического воспитания в советское время характеризовалась комплексным единством идеологических установок и практикоориентированных навыков, на протяжении нескольких десятилетий демонстрируя высокую результативность. Однако, несмотря на многочисленные публикации, посвященные исследованию сущностных особенностей системы военно-патриотического воспитания, в современной отечественной правовой науке практически отсутствуют исследования, посвященные временной структуризации военно-патриотического воспитания в СССР. Предлагаемые периодизации преимущественно базируются на эмпирических факторах, игнорируя высокую роль нормативно-правового аспекта. Целью данного исследования является определение ключевых периодов развития советского военно-патриотического воспитания сквозь призму нормативно-правовой регламентации его векторных направлений и свойств. Для изучения проблемы был использован формально-догматический метод, основанный на анализе нормативного материала, уяснении смысла и значимости правовых норм исходя из их собственного содержания. В результате исследования были выделены четыре периода развития военно-патриотического воспитания: установочный (1918–1940 гг.), переломный (1941–1945 гг.), адаптационный (1946–1961 гг.) и институциональный (1962–1991 гг.). Полученные результаты вносят вклад в развитие теории государства и права, понимание нормативных и идеологических базисов социалистического государства.

Ключевые слова: советское государство, патриотизм, коммунистическое воспитание, начальная военная подготовка, допризывная подготовка, суверенная государственность

Для цитирования: Пряхин А.И., Хмелевская И.Г. 2026. Формально-юридическая периодизация развития военно-патриотического воспитания в СССР. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 349–357. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-349-357 EDN: AJZBDE

Formal-Legal Periodization of Military and Patriotic Upbringing in the USSR

¹ Aleksei I. Priakhin, ² Irina G. Khmelevskaya

¹ PhosAgro-Region LLC

Bld 1, 55/1 Leninsky Ave, Moscow 119333, Russian Federation

² Belgorod State National Research University,

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

ref038@yandex.ru, khmelevskaya@bsuedu.ru

Abstract. The system of military-patriotic upbringing during Soviet times was characterized by the complex unity of ideological attitudes and practical skills. It demonstrated high efficiency in implementation for several decades, but there are few studies on the temporal structure of this phenomenon in modern Russian law. The periodization of the development is based on empirical data,

ignoring the legal aspect, which is significant. The aim of this study was to identify key periods in the development of Soviet militaristic education through legal regulation. A formal-dogmatic approach was used to analyze regulatory materials and understand the meaning of legal norms. Four periods were identified: initial (1918–1940); turning point (1941–1945); adaptation (1946–1961); and institutional (1962–1991) periods. These findings contribute to state and legal theory and provide insight into the ideological and normative foundations of socialist states.

Keywords: Soviet state, patriotism, communist education, military-patriotic education, basic military training, pre-conscription training, sovereign statehood

For citation: Priakhin A.I., Khmelevskaya I. 2026. Formal-Legal Periodization of Military and Patriotic Upbringing in the USSR. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 349–357 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-349-357 EDN: AJZBDE

Введение

Советскую систему военно-патриотического воспитания часто называют эталонной. Её особенности позволили успешно интегрировать воспитание в жизнь советского общества и достичь высоких результатов. Массовость и всеобщность военно-патриотического воспитания, многообразие его форм, средств и методов, марксистско-ленинская идеология и иные системообразующие черты выступили прочным фундаментом для формирования у граждан СССР устойчивых патриотически ориентированных навыков и нравственных императивов. Однако становление военно-патриотического воспитания в советском государстве осуществлялось постепенно и подчинялось историческим, социокультурным и другим факторам. Это обусловило существование в научной доктрине нескольких точек зрения на его хронологическое оформление в качестве самостоятельного института [Добровольский, 2019; Галодобина, 2008; Кузнецова, 2005].

При этом, несмотря на существующий тренд обращения к исследованию советского опыта военно-патриотического воспитания населения, обусловленный текущими задачами по защите мирного населения и российской государственности в условиях специальной военной операции, авторами игнорируется его периодизация. Правоведы, историки, педагоги и политологи, отмечая многолетнюю продуктивную практику конструирования основ военно-патриотического воспитания в СССР, акцентируют внимание преимущественно на его ценностно-нравственной составляющей [Хорина, 2023; Ильин, Урюпин, 2022], фрагментарном исследовании отдельных исторических этапов развития [Новиков, 2025], ретроспективно-региональной специфике [Митронина, 2025] или сравнении патриотического воспитания в СССР и Российской Федерации [Колесов, Холопова, Силенков, 2023; Воскресенская, Ялозина, 2023].

Подчеркнем, что временная структуризация того или иного явления представляет собой один из фундаментальных элементов научного познания, позволяющий установить ключевые закономерности и тенденции его становления и функционирования, а также связь с иными общественно-политическими конструкциями, характер и основу их взаимодействий.

Цель исследования состоит в определении ключевых этапов развития советской системы военно-патриотического воспитания, сквозь призму нормативно-правовой регламентации его векторных направлений и свойств.

Материалы и методы исследования

Методология исследования включает анализ нормативно-правового материала советской эпохи, регулирующего системы военно-патриотического воздействия на населения. В частности, были рассмотрены положения законодательных актов в сфере воинской обязанности, постановления ЦК КПСС, Совета Министров и Совета Народных

Комиссаров СССР, документы различных оборонных обществ и иные источники. Хронологическими рамками исследования охвачен период с 1918 по 1991 год.

Ключевым способом научного познания выступил формально-догматический метод, который позволил рассмотреть правовые нормы, регламентирующие военно-патриотическое воспитание в советскую эпоху в соответствии с потребностями социалистического государства и юридической практики.

Критерием выделения отдельных периодов развития военно-патриотического воспитания в СССР выступил нормативный фактор, фиксирующие институциональные изменения в структуре и содержании исследуемого феномена.

Периодизация военно-патриотического воспитания в СССР: обзор подходов

Большинство современных исследователей [Галдобина, 2008; Добровольский, 2018] при диагностике идеологических, организационно-правовых и иных изменений в структуре военно-патриотического воспитания рассматривают советскую практику как составной элемент общей модели его исторической эволюции, где замыкающим звеном являются нынешние реалии. Такой подход позволяет проследить преемственность и выявить трансформацию военно-патриотического воспитания на разных этапах. Советская модель военно-патриотического воспитания претерпела за время своего существования ряд значимых преобразований. В связи с этим возникает необходимость в детальном анализе её эволюции и выделении конкретных этапов развития.

Презентуя ключевые доктринальные позиции, отметим, что С. В. Галдобина выделяет три ключевых периода в историографии советского военно-патриотического воспитания:

- 1) 1946 г. – середина 50-гг.;
- 2) вторая половина 50-х гг. – середина 80-х гг.;
- 3) вторая половина 80-х гг. – 1991 г. [Галдобина, 2008, с. 26].

По мнению Галдобины, в рамках первого периода военно-патриотического воспитания центральным являлся тезис о военном обучении населения СССР как о значимом условии укрепления обороноспособности страны, что имело особую актуальность в послевоенное время. Второй период характеризовался критическим осмыслением практики военно-патриотического воспитания граждан и акцентом на качественных показателях, модернизации материально-технической базы, подготовке кадров и т.д. Третий период – постепенное разрушение советской системы военно-патриотического воспитания. Его кульминацией стали утрата созданной в течение нескольких десятилетий учебно-материальной базы, а также отмена школьной начальной военной подготовки как одного из ее фокусных элементов.

А. В. Кузнецова, исследуя ретроспективное развитие института военно-патриотического воспитания, также фиксирует три автономных этапа в рамках советской эпохи [Кузнецова, 2005, с. 71]. Первый – начальный этап – 60-е – начало 70-х гг. XX века характеризовался поступательным и масштабным развитием военно-патриотического воспитания молодежного сообщества. Геополитическая нестабильность и эскалация холодной войны стимулировали государство обращаться к опыту и образу поколения победителей в Великой Отечественной войне. Это, в свою очередь, привело к широкому распространению военно-патриотических идей и методик. Второй этап – с середины 1970-х до конца 1980-х гг. – был периодом пикового развития военно-патриотического воспитания под контролем государства. Контроль осуществляла система профильных органов и структур: Советом Министров СССР, Министерством обороны, Министерством высшего и среднего специального образования, Министерством просвещения, а также Центральными комитетами ВЛКСМ и ДОСААФ и др. Сложившаяся система контроля обеспечивала оперативное и эффективное воздействие на формы и методы военно-патриотического воспитания, а также его организационную структуру в целом. Третий этап – разрушительный – первая половина 1990-х). В этот период выстроенная в СССР

система военно-патриотического воспитания перестала существовать как таковая. Социально-политические и экономические трансформации, отказ от коммунистических ценностей и новый политический курс повлекли за собой разрушение системы военно-патриотического воспитания граждан.

Отметим, что в данной периодизации граница третьего этапа не совпадает с распадом СССР: он продолжался вплоть до 1996 года, захватывая как советский, так и постсоветский периоды.

В свою очередь, В.С. Добровольский в рамках анализа истории отечественного военно-патриотического воспитания выделяет три макропериода:

- 1) досоветский (начальный) – с середины XVIII века до 1917 г.;
- 2) советский период – 1917–1993 гг.;
- 3) постсоветский (современный) период – 1993 г. – настоящее время [Добровольский, 2019, с. 13].

Причем, по его мнению, советский период характеризуется «обоснованием и реализацией государственного системного подхода к использованию сети образовательных учреждений народного комиссариата просвещения СССР для заблаговременной подготовки мобилизационных людских ресурсов в интересах обеспечения обороны и развития ориентированной на военное производство промышленности» [Добровольский, 2019, с. 13], и условно состоит из двух самостоятельных этапов – довоенного (1925–1941 гг.) и послевоенного (1945–1993 гг.).

Исследователи ретроспективного развития военно-патриотического воспитания не всегда предлагают собственные периодизации и часто ограничиваются лишь изучением его особенностей в определенный, выбранный по тем или иным критериям временной отрезок – например, 1960–1980-е гг. как рубежный этап «в развитии системы патриотического воспитания, и особенно в истории становления системы патриотического воспитания «социалистического патриотизма» [Кленчев, 2013, с. 15], или 1921–1941 гг. как период становления особого направления государственной политики в деле воспитания гражданственности у советских школьников, оказавшего влияние на поведенческие и аксиологические паттерны молодежи в контурах Великой Отечественной войны [Попова, 2025]. При этом приведенные выше системные подходы к анализу исторического развития военно-патриотического воспитания и с его делением на конкретные интервалы, несмотря на свою целостность и функциональность, фокусируются на вторичных аспектах. При этом нормативно-правовой фактор часто игнорируется или используется как второстепенный.

Авторский взгляд: формально-догматический подход к периодизации военно-патриотического воспитания в СССР

Соглашаясь с ценностью комплексного подхода, подчеркнём: анализ нормативной базы важен не только для понимания реального состояния любого явления, но и для проверки его соответствия законам, определения круга уполномоченных субъектов и их правового статуса.

На наш взгляд, фокус на догме права позволяет выделить следующие периоды развития советского военно-патриотического воспитания:

- 1) 1918–1940 гг. – установочный – параллельное формирование военно-патриотического воспитания на основе принципов пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма, который изначально (в годы Гражданской войны) оформился в контексте борьбы пролетариата одновременно против внутренней контрреволюции и внешней силы – иностранных интервентов;

2) 1941–1945 гг. – переломный – воспитание патриотических ценностей и получение населением военных компетенций в условиях действующего противостояния внешней угрозе;

3) 1946–1961 гг. – адаптационный – реконструкция превентивной системы военно-патриотического воспитания, основанная на подвиге советского народа и необходимости восстановления страны после войны;

4) 1962–1991 гг. – институциональный – существование устойчивой системы государственных и общественных институтов, организующих военно-патриотическое воспитание граждан, усиление военно-патриотической работы с населением в условиях наличия довольно прочного образовательного, материально-технического и идейного фундамента.

Выявленные особенности нашли отражение в нормативных актах времен СССР. Именно документы, исходящие от различных органов, ведомств и организаций, определяли центральные ориентиры развития и функционирования системы военно-патриотического воспитания, его ведущие принципы и направления. Так, принятый в рамках установочного периода Декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 года «Об обязательном обучении военному искусству» – всеобуч, предписывал отдельным категориям граждан пройти курс обязательного военного обучения, закреплял, что «...социализм имеет одной из своих основных задач освобождение человечества от бремени милитаризма и от варварства кровавых столкновений между народами. Целью социализма является всеобщее разоружение, вечный мир и братское сотрудничество всех народов, населяющих землю»¹. Изданный в его развитие Приказ РВС РСФСР от 24 декабря 1918 года № 457 «О всеобщем военном обучении» дополнял системное значение указанных положений².

Приоритет интернационального боевого воспитания отмечался и в рамках Тринадцатого съезда РКП (б), состоявшегося с 23 по 31 мая 1924 года, в резолюции о работе среди молодежи³. Уже на этом этапе работа с молодёжью стала одним из ключевых приоритетов советского военно-патриотического воспитания. Кульминацией этого процесса стал Закон СССР от 1 сентября 1939 года «О всеобщей воинской обязанности», который ввёл обязательную начальную и допризывную военную подготовку для школьников и студентов. До начала Великой Отечественной войны воспитание продолжалось в тех же формах, но реальная военная угроза потребовала изменения подходов к работе с населением.

Ведущей задачей Советского государства стало ускоренное обучение населения практическим навыкам противостояния военным угрозам. Например, постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 2 июля 1941 года № 1812 была внедрена всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной противохимической обороне всего взрослого населения в возрасте от 16 до 60 лет⁴, а постановлением ГКО от 17 сентября 1941 года № ГКО-690сс «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», повторно вводился Всеобуч – обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет с 1 октября 1941 года⁵. Традиционно большое значение придавалось работе с молодёжью – в 1942 году постановлением СНК

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 19, ед. хр. 9, лл. 71–72.

² Приказ РВС РСФСР от 24 декабря 1918 года № 457 «О всеобщем военном обучении» (утратил силу) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1393–1394.

³ Тринадцатый съезд РКП (б). (23–31 мая 1924 г.) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. Ч. II. М., 1954.

⁴ Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 2 июля 1941 года № 1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» (утратило силу) // Собр. Пост. СССР. 1941. № 16. Ст. 314.

⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 168.

СССР закреплялась обязанность проводить военно-физическую подготовку учащихся во всех начальных и в 1–4 классах неполных средних и средних школ¹.

Послевоенный период развития в СССР военно-патриотического воспитания характеризовался возобновлением превентивной подготовки граждан к отражению возможной агрессии, которая велась параллельно с восстановлением народного хозяйства Советского государства. В Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. отмечено, что «...всемирно-исторической победы можно было добиться только на основе предварительной подготовки всей страны к активной обороне. На подготовку этого грандиозного дела понадобилось осуществление трех пятилетних планов развития народного хозяйства СССР. Материальные возможности подготовки страны к активной обороне перед вступлением во вторую мировую войну Советский Союз создал на основе последовательного проведения политики коммунистической партии, прежде всего при помощи советской политики индустриализации страны и политики коллективизации сельского хозяйства»².

В рамках данного этапа возросла роль добровольных обществ – ДОСАРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ, которые в 1951 году были объединены в единую структуру – Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР).

С деятельностью ДОСААФ связано становление институционального периода развития военно-патриотического воспитания в СССР, который начался в 1962 году – с момента официального использования данного термина в приветствии ЦК КПСС V Всесоюзному съезду ДОСААФ³. В границах 1962–1991 гг. военно-патриотическое воспитание стало устойчивым элементом советской общественно-политической системы. Нормативные акты не только регулировали подготовку к службе и формирование патриотизма, но и определили его как ведущее направление идеологической работы. Например, в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» выдвигалась задача усилить военно-патриотическое воспитание молодежи, подготовку юношей к воинской службе⁴; постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О подготовке молодежи допризывного и призывного возрастов к действительной военной службе в Вооруженных Силах СССР» устанавливало обязанность ЦК ВЛКСМ и комитетов комсомола «добиваться, чтобы вопросы военно-патриотического воспитания юношества допризывного и призывного возрастов, оборонно-массовой работы среди молодежи находились в центре внимания каждой комсомольской организации»⁵.

В период перестройки в Советском Союзе, помимо других значительных реформ, был инициирован комплексный процесс переоценки роли и трансформации облика вооруженных сил, который затронул не только структурные и функциональные аспекты устройства армии, но и ее идеологическое позиционирование в контексте изменяющегося геополитического ландшафта и внутренней социально-экономической динамики. Данные изменения затронули и сферу военно-патриотического воспитания – в 1991 году вместе с распадом СССР завершился его институциональный этап. Причем современная (уже российская) эпоха началась с кризисной ноты – широко тиражируемые в Советском

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 207. Л. 67–68.

² Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР 1946–1950 гг. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 11.

³ Материалы и документы V Всесоюзного съезда Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту / Всесоюз. ордена Красного Знамени добровольное о-во содействия армии, авиации и флоту. М., 1962. 99 с.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 59, д. 422, л. 64–87.

⁵ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 10 июня 1986 года № 699 «О подготовке молодежи допризывного и призывного возрастов к действительной военной службе в Вооруженных Силах СССР» (утратило силу) Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2026).

Союзе и довольно успешные практики и методики военно-патриотического воспитания разрушались, однако не заменялись какими-то альтернативными эффективными механизмами.

Согласно Постановлению Совмина РСФСР от 14 мая 1991 года № 253 «О допризывной подготовке учащейся молодежи в государственных общеобразовательных учебных заведениях в РСФСР», допризывная подготовка учащихся государственных общеобразовательных учебных заведений РСФСР должна была осуществляться «в ходе изучения нового курса «Основы безопасности жизнедеятельности» и на занятиях в кружках, факультативах, спортивных и военно-прикладных секциях, а также на уроках физической культуры»¹. Принятый в 1992 году Закон Российской Федерации «Об образовании» окончательно ликвидировал один из ключевых советских форматов военно-патриотического воспитания, закрепив в пункте 7 статьи 14, что «военная подготовка в гражданских образовательных учреждениях может проводиться только на факультативной основе с согласия обучающихся и (или) родителей (лиц, их замещающих) за счет средств и силами заинтересованного ведомства»².

Таким образом, утратив такие принципиальные черты, как зависимость от коммунистической идеологии, всеобщность и обязательность, структурность и иерархия, а также устойчивый перечень субъектов воздействия на население, система военно-патриотического воспитания де-факто прекратила своё существование.

Заключение

История военно-патриотического воспитания в СССР отличается планомерным формированием уникальных черт, обусловленных спецификой советского государства, и делится на несколько периодов в зависимости от изменения нормативного регулирования.

На основе анализа нормативно-правовой регламентации военно-патриотического воспитания в СССР выделены четыре этапа:

1. 1918–1940 гг. – становление системы военно-патриотического воспитания;
2. 1941–1945 гг. – переломный (Великая Отечественная война);
3. 1946–1961 гг. – послевоенное восстановление и адаптация;
4. 1962–1991 гг. – институциональное оформление (завершённая система).

В отличие от существующих подходов (в основном педагогических или идеологических), в основу данной периодизации положен формально-догматический (юридический) критерий – анализ нормативных правовых актов. Это позволяет выделить этапы, связанные с изменениями в законодательстве, и даёт более чёткую структуру для понимания эволюции воспитания в СССР.

Список литературы

- Воскресенская Н.О., Ялозина Е.А. 2023. Советская и постсоветская модели адаптации духовного опыта молодежи: сравнительный анализ. *Общество: философия, история, культура*, 6(110): 129–135. DOI: [10.24158/fik.2023.6.19](https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.19).
- Галдобина С. В. 2008. Военно-патриотическое воспитание населения СССР в 1946–1991 гг. историографическое исследование. Автореферат дис. ... доктора ист. наук. Санкт-Петербург, 40 с.
- Добровольский В.С. 2019. Возникновение, эволюция и современное состояние системы военной подготовки студентов. М.: МАДИ, 184 с.

¹ Постановление Совета Министров РСФСР от 14 мая 1991 года № 253 «О допризывной подготовке учащейся молодежи в государственных общеобразовательных учебных заведениях в РСФСР» (утратило силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2026).

² Закон РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании» (в ред. от 10.07.1992) (утратил силу) // Российская газета. 1992. № 172.

- Ильин Ю.Д., Урюпин В.Н. 2022. Патриотизм – духовная основа национальной безопасности России. *Военная мысль*, 1: 47-64.
- Кленчев А. Н. 2013. Содержание и методы патриотического воспитания в школе на этапе 1960-1980-х гг. *Научные исследования в образовании*, 3: 15-19.
- Колесов В.И., Холопова Е.Ю., Силенков В.И. 2023. Модифицирование патриотического воспитания в логике развития национальной идеи: сравнительный анализ патриотического воспитания в советскую эпоху и в новое время. *Проблемы современного образования*, 3: 64-71. DOI: [10.31862/2218-8711-2023-3-64-71](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2023-3-64-71).
- Кузнецова А.В. 2005. Формирование патриотического сознания современной молодежи в условиях трансформации российского общества: опыт социол. исслед. М., РИЦ ИПИ РАН, 94 с.
- Митронина С.А. 2025. Мемориальная политика партийного руководства СССР 1950–1970-х гг. в организации празднования юбилеев и памятных дат Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области). *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, 3: 62-75. DOI: [10.21685/2072-3024-2025-3-6](https://doi.org/10.21685/2072-3024-2025-3-6)
- Новиков М. А. 2025. Кризис в государственной политике в вопросе патриотического воспитания в 1990–2000-е гг. *Политика и общество*, 2: 113-122. DOI: [10.7256/2454-0684.2025.2.74499](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.2.74499)
- Попова А.В. 2025. К вопросу о патриотическом воспитании в советской школе (1921–1941 гг.) и его значении в годы Великой Отечественной войны. *История государства и права*, 6: 62-69. DOI: [10.18572/1812-3805-2025-6-62-69](https://doi.org/10.18572/1812-3805-2025-6-62-69)
- Хорина Г.П. 2023. Патриотизм как ценность русской культуры в условиях специальной военной операции. *Знание. Понимание. Умение*, 2: 225-231. DOI: [10.17805/zpu.2023.2.18](https://doi.org/10.17805/zpu.2023.2.18)

References

- Voskresenskaya N.O., Yalozina E.A. 2023. Soviet and Post-Soviet Models of Adaptation of Spiritual Experience by Youth: Comparative Analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*, 6: 129-135 (in Russian). DOI: [10.24158/fik.2023.6.19](https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.19)
- Galdobina S.V. 2008. Voennno-patrioticheskoe vospitanie naseleniya SSSR v 1946-1991 gg. istoriograficheskoe issledovanie [Military-Patriotic Education of the Population of the USSR in 1946-1991: a historiographical study]. Sankt-Peterburg, 40 s.
- Dobrovol'skii V.S. 2019. Vozniknovenie, ehvolyutsiya i sovremennoe sostoyanie sistemy voennoi podgotovki studentov [The emergence, evolution and current state of the system of military training of students]. M., MADI, 184 s.
- Il'in Yu.D., Uryupin V.N. 2022. Patriotizm – dukhovnaya osnova natsional'noi bezopasnosti Rossii [Patriotism is the spiritual foundation of Russia's national security]. *Voennaya mys'*, 1: 47-64.
- Klenchev A.N. 2013. Soderzhanie i metody patrioticheskogo vospitaniya v shkole na ehtape 1960-1980-kh gg. [The content and methods of patriotic education in schools in the 1960s-1980s]. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii*, 3: 15-19.
- Kolesov V. I., Kholopova E. Yu., Silenkov V. I. 2023. Modification of patriotic education in the logic of the development of the national idea: a comparative analysis of the patriotic education in the soviet era and in modern times. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2023, 3: 64-71 (in Russian). DOI: [10.31862/2218-8711-2023-3-64-71](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2023-3-64-71).
- Kuznetsova A.V. 2005. Formirovanie patrioticheskogo soznaniya sovremennoi molodezhi v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva: opyt sotsiol. issled [Formation of patriotic consciousness of modern youth in the context of transformation of Russian society: experience of sociological research]. M., RITs IPI RAN, 94 s.
- Mitronina S.A. 2025. Memorial policy of the party leadership of the USSR in the 1950-1970s in organizing the celebration of anniversaries and memorable dates of the Great Patriotic War (by the example of Penza region). *University proceedings. Volga region. Humanities*, 3: 62-75 (in Russian). DOI: [10.21685/2072-3024-2025-3-6](https://doi.org/10.21685/2072-3024-2025-3-6)
- Novikov M. A. 2025. Krizis v gosudarstvennoi politike v voprose patrioticheskogo vospitaniya v 1990-2000e gg. [Crisis in public policy on patriotic education in the 1990s-2000s]. *Politika i obshchestvo*, 2: 113–122. DOI: [10.7256/2454-0684.2025.2.74499](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.2.74499)

- Popova A. V. 2025. K voprosu o patrioticheskom vospitanii v sovetskoi shkole (1921–1941 gg.) i ego znachenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [On the issue of patriotic education in Soviet schools (1921–1941) and its significance during the Great Patriotic War]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 6: 62–69. DOI: [10.18572/1812-3805-2025-6-62-69](https://doi.org/10.18572/1812-3805-2025-6-62-69)
- Khorina G. P. 2023. Patriotism as a value of Russian culture in the conditions of the special military operation. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2: 225–231 (in Russian). DOI: [10.17805/zpu.2023.2.18](https://doi.org/10.17805/zpu.2023.2.18)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.05.2026
Поступила после рецензирования 18.05.2026
Принята к публикации 15.06.2026

Received May 1, 2026
Revised May 18, 2026
Accepted June 15, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пряхин Алексей Игоревич, главный юрисконсульт, ООО «ФосАгро-Регион», г. Москва, Россия.

Хмелевская Ирина Геннадиевна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksei I. Priakhin, Chief Legal Adviser, PhosAgro-Region LLC, Moscow, Russia.

Irina G. Khmelevskaya, Candidate of Law Sciences, Teaching Assistant, Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 34.05

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-358-366

EDN APAXWB

Система военно-патриотического воспитания в СССР: анализ субъектного состава

¹Туранин В.Ю., ²Пряхин А.И.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

² ООО «ФосАгро-Регион»
Россия, 119333, г. Москва, Ленинский пр-кт, д. 55/1, стр. 1

turanin@bsuedu.ru, ref038@yandex.ru

Аннотация. Текущая российская действительность характеризуется некоторой рецепцией институтов и практик, существовавших в советский период. Довольно ярко данная тенденция проявляется в сфере военно-патриотического воспитания, современная конфигурация которого отличается дефицитом концептуальных принципов и особенностей внутренней структуры, что в результате приводит к недостаточной системности. При этом одним из ключевых факторов, влияющих на эффективность советской системы военно-патриотического воздействия на население, стал выверенный субъектный состав, который обеспечил интеграцию ее механизмов в различные сегменты социального устройства. Цель исследования состоит в анализе функциональной роли различных субъектов, задействованных в реализации военно-патриотического воспитания в СССР, и выявлении базовых закономерностей их совместной работы. Авторами классифицированы субъекты системы военно-патриотического воспитания в советский период, определены основные сущностные параметры функционирования ее отдельных акторов в нормативной и практической плоскостях. Результаты вносят вклад в теорию военно-патриотического воспитания и могут быть применены при разработке современных моделей.

Ключевые слова: суверенная государственность, советское государство, коммунистическое воспитание, традиционные ценности, патриотизм, вооруженные силы

Для цитирования: Туранин В.Ю., Пряхин А.И. 2026. Система военно-патриотического воспитания в СССР: анализ субъектного состава. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 358–366. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-358-366 EDN: APAXWB

Military and Patriotic Upbringing System in the USSR: Analysis of Subject Composition

¹Vladislav Yu.Turanin, ²Aleksei I. Priakhin

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

²PhosAgro-Region LLC
55/1 Leninsky Ave., Moscow 119333, Russian Federation

turanin@bsuedu.ru, ref038@yandex.ru

Abstract. The current state of Russia exhibits certain institutional and procedural elements that characterized the Soviet era. This trend is particularly noticeable in the sphere of military-patriotic upbringing, which currently lacks a well-defined conceptual framework and internal structural features, resulting in insufficient systematization of its activities. One of the key factors contributing to the effectiveness of the Soviet military-patriotic influence on the population was the balanced composition of

its subjects, which facilitated the integration of its mechanisms into various segments of the social order. The objective of this study is to analyze the functional role of various actors involved in implementing military-patriotic upbringing in the USSR and to identify the fundamental patterns of their joint operation. As part of the study, we classified the subjects of the military-patriotic upbringing system during the Soviet period and determined the essential parameters of its individual actors' functioning in both normative and practical dimensions. The results we obtained contribute to the development of the theoretical foundations of domestic military-patriotic upbringing, deepen the understanding of its fundamental retrospective characteristics, and provide a basis for their generalization, which we can selectively apply in developing structural elements of a modern model.

Keywords: sovereign statehood, Soviet state, communist education, traditional values, patriotism, armed forces

For citation: Turanin V.Yu., Priakhin A.I. 2026. Military and Patriotic Upbringing System in the USSR: Analysis of Subject Composition. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 358–366 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-358-366 EDN: APAXWB

Введение

Научный интерес к организационно-правовым аспектам советской системы военно-патриотического воспитания обусловлен её высокой эффективностью как формы коммуникации власти и общества. Современные исследователи отмечают обширную работу по воспитанию молодежи и подготовке к службе в вооруженных силах в СССР, ее высокий потенциал [Борисов, 2025], а также определенные «ренессансные» тенденции, выраженные в возрождении ряда институтов советской системы военно-патриотического воспитания [Улезько, 2025]. Особенности организации военно-патриотического воспитания в Советском Союзе становятся предметом научных изысканий правоведов, историков, социологов и политологов: анализируются региональные и хронологические аспекты [Морозов, 2025; Булдаков, Киреева, 2025; Заводсков, 2023; Федоров, Саввинов, 2022], его сущностные и содержательные характеристики применительно к различным сферам социальной жизни [Тищенко, 2024], организационно-правовой статус отдельных субъектов [Шурманов, Овчаренко, 2022; Марченко, Чимаров, Бялт, 2023].

Одним из ключевых факторов, влияющих на самобытный и уникальный стиль военно-патриотического воспитания в СССР, является субъектный состав, обеспечивающий его системный характер и реализацию принципа коллективизма, определяющего поведенческие и мотивационные паттерны граждан в социалистическом обществе, где общественные интересы превалировали над личными. Однако на сегодняшний день диагностика перечня акторов, активно участвующих в реализации военно-патриотического воспитания в советское время, представляется нам довольно фрагментарной и обрывочной, лишенной комплексности и структуры, эпизодически затрагивающей единичные сегменты этой деятельности. Такой подход не учитывает ведущей характеристики советской системы – её иерархичного устройства, которое и обеспечило массовость и всеохватность. Это требует дополнительного пояснения.

В условиях возвращения на политико-правовой ландшафт некоторых военно-патриотических элементов, имевших широкое признание в СССР, анализ общих композиционных черт советского военно-патриотического «аппарата» является перспективным направлением, в том числе для выявления направлений развития её современного аналога.

Классификация субъектов военно-патриотического воспитания в СССР: краткий экскурс

Подчеркнем, что становление военно-патриотического воспитания в «классическом» советском стиле началось с 1960-х гг., когда закрепился устойчивый комплекс

государственных и общественных компонентов, организующих данное направление работы с населением при наличии стабильной идейной, учебной и материально-технической базы. Вместе с тем нельзя пренебрегать и более ранней историей военно-патриотических коммуникаций государства и общества. С момента прихода к власти коммунистической партии началась активная мультимодальная работа по формированию у граждан ценностей и навыков, обусловленных необходимостью встать на защиту Отечества. В результате развития этой деятельности к середине XX века в СССР сложилась устойчивая система военно-патриотических единиц, эффективно воспроизводящая как ценностно-мотивационные ориентиры в социуме, так и фактический кадровый резерв для вооруженных сил и тыла.

Ретроспективный анализ позволяет заключить, что круг субъектов, реализующих мероприятия военно-патриотического спектра, в советский период был представлен двумя самостоятельными группами, отличающимися правовым статусом и задачами:

- 1) публичной, включающей государственные структуры и институты;
- 2) общественной, включающей различные объединения граждан.

Первая из них играла фундаментальную роль и существовала в статусе «направляющей», определяя центральные векторы развития военно-патриотического воспитания в советском государстве; вторая же являлась «вспомогательным» элементом, исполняющим функцию связующего звена между населением и государством. Такой «смешанный» формат позволял конструировать эффективные управленческие механизмы и достигать максимального результата в контексте военно-патриотического воздействия. Двухфазная и в определенной степени иерархическая система обеспечивала вовлечение в процесс военно-патриотического воспитания всех социальных страт путем использования разнообразных методов и форматов. Отметим, что обе группы были представлены довольно обширным перечнем субъектов, каждый из которых выполнял конкретные функции и задачи в целях создания прочного базиса для патриотически сформированной личности, готовой к защите Родины.

Обзорная характеристика публичных субъектов советской системы военно-патриотического воспитания

Ведущее положение в системе органов, осуществляющих военно-патриотическое воспитание, занимал Центральный комитет партии – сначала РКП(б), затем ВКП(б) и в дальнейшем КПСС. Как отмечают исследователи, партия играла значительную роль в совершенствовании деятельности советских и общественных организаций в условиях развитого социализма, предлагала новые формы и методы работы по улучшению подготовки молодежи к службе, а также разрабатывала предложения и рекомендации, направленные на усиление военно-патриотической работы [Пирогов, 1984].

Ключевым функционалом Центрального комитета являлось нормативное сопровождение и руководство военно-патриотической работой в СССР. Партия юридически закрепляла необходимость пропаганды революционных, боевых и трудовых традиций, выступающих идеологической платформой военно-патриотического воспитания, а также осуществляла перманентный контроль за деятельностью иных органов и учреждений, реализующих мероприятия военно-патриотического спектра – министерств и ведомств, профсоюзных, комсомольских и иных объединений.

Такого рода система, охватывающая одновременно информационно-координирующий и контрольный блоки, позволяла оптимально влиять на формы, методы и способы ведения военно-патриотического воспитания, а также на всю его организационную структуру.

В целом, выбранную партией линию по систематической военно-патриотической работе с населением последовательно продолжали высшие органы государственной власти – Верховный Совет СССР, а также подотчетные ему Президиум Верховного

Совета СССР, Совет Министров и различные министерства, которые также действовали в правовом поле, задавая авангардные тенденции указанной работы и фиксируя ее в качестве одной из центральных задач советского государства

Тезисы о значимости военно-патриотического воспитания транслировались в различных нормативных документах, например, в Законе СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» указывалось на необходимость воспитания «молодых специалистов в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, социалистического интернационализма и патриотизма»¹.

В свою очередь, совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы», фиксировало, что «...школа должна вооружать учащихся пониманием законов общественного развития, воспитывать школьников на революционных и трудовых традициях советского народа; развивать у них высокое чувство советского патриотизма, воспитывать готовность к защите социалистической Родины»².

Закон СССР от 12 октября 1967 г. «О всеобщей воинской обязанности» содержал отдельную главу, посвященную подготовке молодежи к службе в вооруженных силах СССР, где устанавливались основы начальной военной подготовки юношей допризывного и призывного возрастов повсеместно без отрыва от производства и учебы, в том числе обозначались субъекты, реализующие отдельные направления указанной работы³.

В Законе РСФСР от 19 июля 1968 г. «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» отмечалось, что в контексте оборонной работы поселковые и сельские Советы народных депутатов не только осуществляли функции первичному учету военнообязанных и призывников, организации гражданской обороны и т.д., но вели «работу по военно-патриотическому воспитанию населения, особенно молодежи»⁴.

В принятом позднее постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 июня 1986 г. «О подготовке молодежи допризывного и призывного возрастов к действительной военной службе в Вооруженных Силах СССР» фиксировалась обязанность ЦК ВЛКСМ и комитетов комсомола «добиваться, чтобы вопросы военно-патриотического воспитания юношества допризывного и призывного возрастов, оборонно-массовой работы среди молодежи находились в центре внимания каждой комсомольской организации»⁵.

Подчеркнем, что центральные органы власти в Советском Союзе выстраивали грамотную вертикаль военно-патриотического воздействия, построенную по принципу интеграции в нее всех уровней управления (всесоюзных, республиканских и местных) и ведущих социальных институтов – школ, средних и высших учебных заведений, учреждений и предприятий и т.д., а также создавали для нее устойчивый нормативный каркас.

¹ Закон СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 5

² Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета министров СССР от 10 ноября 1966 г. № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» (утратило силу) // СП СССР. 1966. № 23. Ст. 205.

³ Закон СССР от 12 октября 1967 г. № 1950-VII «О всеобщей воинской обязанности» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. Ст. 552.

⁴ Закон РСФСР от 19 июля 1968 г. «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1968. № 30. Ст. 1148.

⁵ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 10 июня 1986 года № 699 «О подготовке молодежи допризывного и призывного возрастов к действительной военной службе в Вооруженных Силах СССР» (утратило силу) Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2026).

Общественные объединения как важнейший актор военно-патриотического воспитания в СССР

Для успешной реализации мероприятий военно-патриотического спектра и большей лояльности со стороны населения в данный процесс активно вовлекались различные коллективы граждан – общественные объединения, которые эффективно осуществляли военно-патриотическую пропаганду и выступали в качестве своеобразного мотивационного элемента.

Особенностью советской системы военно-патриотического воспитания стало существование ряда военно-патриотических обществ, часть из которых в обновленном формате продолжает свою деятельность и в современный российский период.

Первым объединением, фокусирующим свою деятельность вокруг военной тематики, стало созданное в 1920 году Военно-научное общество (ВНО), которое специализировалось не только на проведении теоретических исследований, но и на активной популяризации военных знаний среди военнослужащих и рабочего класса. Военно-научное общество осуществляло тщательное изучение и систематизацию опыта гражданской войны, публиковало научные статьи и брошюры, организовывало лекции и доклады, а также проводило практические занятия, обучая трудящихся основам военной науки.

В 1926 году общество пережило значительную трансформацию – Советом народных комиссаров было принято решение о его переименовании в Общество содействия обороне СССР (ОСО) ¹. Ключевой вектор работы общества сместился с военно-научной деятельности на массовую организацию трудящихся, формирование у населения знаний и навыков, направленных на укрепление обороноспособности государства.

Кроме того, значительно расширились масштабы функционирования объединения – появились его территориальные ячейки, а также первичные организации ОСО на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.

Наравне с этим, СНК СССР обращал внимание «всех советских и общественных организаций на необходимость оказания всемерного содействия Обществу Содействия Обороне Союза ССР в деле популяризации военных знаний среди трудового населения» ².

Как отмечают исследователи, «к октябрю 1926 года этой работой были охвачены 310 тыс. человек. Общество организовало 7360 уголков обороны, более 4000 библиотечек и 7200 кружков военных знаний» [Грищенко, 2011].

Параллельно с этим в марте 1923 года организуется новое военно-патриотическое объединение – Общество друзей Воздушного Флота (ОДВФ), которое наравне с пропагандой военных знаний обеспечивало материальную поддержку авиационной промышленности.

Следующим этапом стало создание в мае 1924 года Общества друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим), которое популяризировало применение химических веществ в мирных целях, но при этом субсидиарно обучало методам защиты от их использования в боевых условиях.

Важными трансформационными векторами, опосредованными повышением эффективности работы оборонных обществ, стали первоначальное слияние в мае 1925 г. Общества друзей Воздушного Флота и Доброхима в Общество друзей авиационной и химической обороны и промышленности (Авиахим) и последующее объединение Авиахима с Обществом содействия обороне в 1927 году.

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров от 27 июля 1926 г. «О переименовании Военно-Научного Общества Союза ССР в «Общество Содействия Обороне Союза ССР» (утратило силу) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1926. № 181.

² Там же.

Образованное в результате Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) ставило своей основной задачей воспитание патриотизма среди членов общества и их подготовка к защите Родины, что опосредовало организацию массовой оборонной работы и, как результат, получение каждым участником общества базовых знаний о военном деле.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов Осоавиахим активно распространял военные знания среди разных социальных групп, включая рабочих, крестьян, служащих и студентов. В годы Великой Отечественной войны общество вело масштабную работу по подготовке специалистов для вооруженных сил и тыла, в том числе в рамках программы Всеобщего, а также по оказанию различной помощи гражданскому населению.

В послевоенный период перед партией и правительством встали новые задачи по повышению роли военно-патриотического воспитания трудящихся. На базе Осоавиахима были созданы три массовые оборонные организации: ДОСАРМ, ДОСАВ. и ДОСФЛОТ. Однако подобное разделение на практике не оправдало себя и в 1951 г. произошло их повторное объединение в новую военно-патриотическую структуру – Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР).

Среди векторных направлений деятельности ДОСААФ можно выделить военно-техническое обучение, в частности, осуществляемое в контурах закона 1967 г. «О всеобщей воинской обязанности», патриотическое воспитание, развитие технических и прикладных видов спорта, подготовку кадров для народного хозяйства в контексте профессий с военно-прикладным значением (водители, электрики, мотористы и проч.).

По нашему мнению, именно работа ДОСААФ обеспечила конструирование системного и многофакторного характера военно-патриотического воспитания в СССР, базирующегося не только на «практическом» компоненте – формировании технических навыков у населения, в перспективе приносящих пользу для обороны и экономики, но и на идейно-нравственном фундаменте, а также элементе «массовости».

Слияние различных оборонных обществ в единую конструкцию позволило организовать грамотное и эффективное управление в сфере воспитания населения в военно-патриотических традициях, ставшими основами советского культурного кода, а также получения гражданами реальных компетенций, необходимых для обеспечения обороноспособности и экономического потенциала страны.

В контурах становления уникального и довольно результативного «стиля» военно-патриотического воспитания населения СССР, в частности его молодежной составляющей, важно подчеркнуть и роль боевого помощника и резерва коммунистической партии – комсомольской организации.

Существуя в статусе общественного объединения, обладающего исключительным положением в социально-политической конъюнктуре, ВЛКСМ активно включился в работу по военно-патриотическому воспитанию практически с момента своего создания.

После окончания Гражданской войны векторной задачей молодого советского государства стала реконструкция Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, в которую значительным образом была вовлечена комсомольская организация.

Коммунистическая партия, осознавая острую потребность в военном «строительстве» уже в мирных условиях, выбрала оптимальную стратегию, интегрировав молодых и идеологически мотивированных граждан в деятельность по восстановлению оборонных резервов и созданию новой системы вооруженных сил.

Так называемая «военно-шефская» работа и в последующие периоды становления и развития советского государства стала одним из базовых направлений работы комсомола, который функционировал в трех относительно автономных проекциях:

1) военно-патриотическая работа, реализуемая в широких масштабах в формате различных мероприятий с целью конструирования у молодежи и трудовых коллективов чувства неразрывной связи с вооруженными силами и популяризации их роли в жизни общества;

2) военно-мобилизационная работа, направленная на агитацию молодежи для поступления на службу в вооруженные силы, а также их предварительную подготовку по военным, военно-техническим, политическим и физическим дисциплинам;

3) регулярная материально-техническая, культурная и морально-политическая помощь вооруженным силам.

Подчеркнем, что первоначальное включение комсомольских организаций в систему военно-патриотического воспитания в СССР, обусловленное необходимостью комплексной работы по восстановлению обороноспособности страны в 1920-е гг. и решения кадровой проблемы, в дальнейшем стало довольно действенной формой взаимодействия с населением в заданной сфере.

Комсомол, непосредственно участвуя в военно-патриотическом воспитании советских граждан, прежде всего, молодежи, подтвердил свою общественно-политическую значимость в качестве одного из ключевых союзников партии в военной сфере.

Заключение

Военно-патриотическое воспитание в СССР представляло собой иерархическую систему органов и объединений граждан, обеспечивающих прочный нормативный, идеологический и реализационный фундамент указанной работы.

Каждый субъект данной системы обладал устойчивой функциональной ролью, позволяющей эффективно реализовывать комплексную задачу по формированию у советских граждан чувства патриотизма и реальных компетенций в сфере защиты Родины.

Причем принципиальной особенностью советской системы военно-патриотического воспитания стала оптимально выстроенная вертикаль, охватывающая практически все сегменты жизни социума.

Партия и государственные органы выступали в качестве координатора обозначенной деятельности, определяя ее ключевые нормативные и функциональные ориентиры, а общественные объединения при поддержке публичной власти обеспечивали экстраполяцию предлагаемых инициатив в реальность.

Таким образом, именно оригинальный субъектный состав позволил достичь становления базовых характеристик советской системы военно-патриотического воспитания, таких как распространенность на все аспекты социальной действительности, иерархичность и массовость, тем самым зафиксировав за ней уникальный статус и своеобразный «бренд», отличающийся качеством и результативностью.

Список литературы

- Борисов Г.В. 2025. Правовые основы военно-патриотического воспитания и начальной военной подготовки в постсоветской России. *Закон и право*, 5: 17–25. DOI: [10.24412/2073-3313-2025-5-17-25](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-5-17-25)
- Булдаков В.О, Киреева Ю.А 2025. Исследование идеологии и практики военно-патриотического воспитания в СССР в период с 1939 по 1953 гг. *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*, 19(1): 4–14.
- Грищенко А.Н. 2011. Военно-научное общество: от академического до всесоюзного. *Военно-исторический журнал*, 3: 40–42.
- Марченко Г.В., Чимаров С.Ю., Бялт В.С. 2023. Деятельность военно-политических органов силовых структур: историческая ретроспектива и современные приоритеты. *Управленческое консультирование*, 3(171): 86–100.

- Морозов Н.М. 2025. Военно-патриотическое воспитание населения Кемерово в 1930-е гг. *Известия Алтайского государственного университета*, 3(143): 31–35. DOI: [10.14258/izvasu\(2025\)3-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)3-04)
- Пирогов В.Н. 1984. Возрастание роли КПСС в руководстве военно-патриотическим воспитанием молодежи в условиях совершенствования развитого социализма. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 215 с.
- Тищенко К.И. 2024. Сущность и содержание военно-патриотического воспитания в советской системе образования в 70–80-х годах XX века. *Вестник науки*, 4(11): 802–811.
- Улезько Е.В. 2025. Патриотизм как базовая общественная ценность и основа воспитания молодого поколения. *Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации*, 1(26): 28–31.
- Федоров Д.С., Саввинов А.С. 2022. Духовно-нравственное и физическое воспитание молодежи якутии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия*, 3(27): 91–97.
- Шурманов Е.А., Овчаренко П.А. 2022. Всесоюзный спортивный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» и организационно-правовой статус добровольных спортивных организаций в СССР в 1930-е годы. *Вестник Уральского юридического института МВД России*, 1 (33): 135–139.

References

- Borisov G.V. 2025. The legal foundations of military-patriotic education and basic military training in post-Soviet Russia. *Law and legislation*, 5: 17–25 (in Russian). DOI: 10.24412/2073-3313-2025-5-17-25
- Buldakov V.O., Kireeva Yu.A. 2025. Issledovanie ideologii i praktiki voenno-patrioticheskogo vospitaniya v SSSR v period s 1939 po 1953 gg. [Research on the ideology and practice of military-patriotic education in the USSR from 1939 to 1953]. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*, 19(1): 4–14.
- Grishchenko A.N. 2011. Voенно-nauchnoe obshchestvo: ot akademicheskogo do vsesoyuznogo [Military scientific society: from academic to all-union]. *Military history magazine*, 3: 40–42.
- Marchenko G.V., Chimarov S.Yu., Bjalt V.S. 2023. Activities of Force Structure Military-Political Bodies: Historical Retrospective and Modern Priorities. *Administrative consulting*, 3(171): 86–100 (in Russian).
- Morozov N.M. 2025. Military-Patriotic Education of the Population in Kemerovo in the 1930s. *Izvestiya of Altai State University*, 3(143): 31–35 (in Russian). DOI: [10.14258/izvasu\(2025\)3-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)3-04)
- Pirogov V. N. 1984. Vozrastanie roli KPSS v rukovodstve voenno-patrioticheskim vospitaniem molodezhi v usloviyakh sovershenstvovaniya razvitogo sotsializma [The growing role of the Communist Party of the Soviet Union in leading the military-patriotic education of young people in the context of the development of advanced socialism]. Dis. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl', 215 p.
- Tishchenko K.I. 2024. Essence and content of military-patriotic education in soviet education system in 70-80s of XX century. *Vestnik nauki*, 4(11): 802–811 (in Russian).
- Ulez'ko E. V. 2025. Patriotizm kak bazovaya obshchestvennaya tsennost' i osnova vospitaniya molodogo pokoleniya [Patriotism is a basic social value and the foundation of upbringing the younger generation]. *Uchenye zapiski Altaiskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 1(26): 28–31.
- Fedorov D. S., Savvinov A. S. 2022. Spiritual, moral and physical education of the youth in Yakutia during the Great patriotic War of 1941–1945. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*, 3(27): 91–97 (in Russian).
- Shurmanov E. A., Ovcharenko P. A. 2022. The all-union sports complex «Ready for labor and defense of the USSR» and the organizational and legal status of voluntary sports organizations in the USSR in the 1930s. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 1(33): 135–139 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 03.05.2026
Поступила після рецензування 18.05.2026
Прийнята к публікації 10.06.2026

Received May 3, 2026
Revised May 18, 2026
Accepted June 10, 2026

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

Туранин Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, професор, заведуючий кафедрою теорії і історії державства і права юридического інститута, Белгородський державний національний дослідницький університет, г. Белгород, Росія.

Пряхин Алексей Игоревич, головний юриконсульт ООО «ФосАгро-Регион», г. Москва, Росія.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Aleksei I. Priakhin, Chief Legal Counsel of PhosAgro-Region LLC, Moscow, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-367-375

EDN AWTTZL

Правовые презумпции в административной деятельности органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации в цифровую эпоху

Зубкова И.А.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

ieghorova1997@mail.ru

Аннотация. Целью работы является выявление и систематизация пробелов и коллизий в регулировании правовых презумпций, используемых при привлечении к административной ответственности с опорой на цифровые данные. Правовые презумпции рассмотрены как системный элемент механизма правового регулирования, включающий нормативное закрепление презюмируемого положения, факт-основание, распределение бремени опровержения. Выявлено, что цифровая среда административного процесса (автоматизированная фиксация правонарушений, государственные информационные системы, электронный документооборот) формирует особые режимы ответственности, основанные на презюмируемой достоверности цифровых доказательств и юридической связке «регистрация – собственник», что объективно трансформирует действие презумпции невиновности и влияет на стандарт доказывания. Обоснована необходимость выделения особой группы «цифровых» презумпций, связанных с достоверностью и корректность функционирования технических средств. Впервые сформулирована концептуальная модель механизма правовых презумпций в административной деятельности органов внутренних дел (полиции) в цифровой среде.

Ключевые слова: правовые презумпции, административное право, органы внутренних дел, презумпция невиновности, цифровизация, автоматическая фиксация правонарушений, цифровые доказательства

Для цитирования: Зубкова И.А. 2026. Правовые презумпции в административной деятельности органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации в цифровую эпоху. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 367–375. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-367-375 EDN: AWTTZL

Legal Presumptions in the Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies (Police) of the Russian Federation in the Digital Age

Irina A. Zubkova

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

ieghorova1997@mail.ru

Abstract. This article examines the legal regulation of legal presumptions in the administrative activities of the internal affairs bodies (police) of the Russian Federation in the context of the digitalization of

administrative law. The aim of the work is to identify and systematize gaps and conflicts in the regulation of key legal presumptions used in imposing administrative liability based on digital data, as well as to develop theoretically sound proposals for their improvement. Legal presumptions are considered a systemic element of the legal regulation mechanism, including the normative consolidation of the presumed position, the supporting fact, and the distribution of the burden of refutation. It is studied that the digital environment of the administrative process (automated recording of offenses, state information systems, electronic document management) creates special liability regimes based on the presumed reliability of digital evidence and the legal link "registration-ownership," which objectively transforms the effect of the presumption of innocence and influences the standard of proof. The need for and identification of a special group of "digital" presumptions related to the reliability and correct functioning of technical equipment is substantiated. The author's contribution consists of formulating a conceptual model of the mechanism of legal presumptions in the administrative activities of internal affairs agencies (police) in the digital environment and proposing areas for improving administrative and legal regulation that ensure a balance between the public effectiveness of digital law enforcement and the protection of individual rights and freedoms.

Keywords: legal presumptions, administrative law, internal affairs bodies, presumption of innocence, digitalization, automatic recording of offenses, and digital evidence

For citation: Zubkova I.A. 2026. Legal Presumptions in the Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies (Police) of the Russian Federation in the Digital Age. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 367–375 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-367-375 EDN: AWTTZL

Введение

Правовые презумпции традиционно рассматриваются в отечественной юридической литературе как один из ключевых инструментов упорядочения правового регулирования и оптимизации доказывания, позволяющий в установленном законом порядке исходить наличия либо отсутствия определенных юридически значимых обстоятельств без их непосредственного подтверждения в каждом конкретном случае.

В сфере административного права и, в особенности, в административной деятельности органов внутренних дел, такие презумпции формируют основу стандартов правоприменения, влияя на распределение бремени доказывания, характер оценки фактических данных и пределы вмешательства государства в сферу прав и свобод личности. В то же время современный этап развития публичного управления характеризуется стремительным внедрением цифровых технологий: автоматизированных комплексов фото- и видеофиксации правонарушений, государственных информационных систем, электронного документооборота и дистанционных сервисов взаимодействия с гражданами, в результате чего существенная часть доказательственной базы административного процесса формируется на основе цифровых данных, полученных с использованием технических средств фиксации и обработки информации. Это обстоятельство усложняет контур реализации правовых презумпций в деятельности органов внутренних дел (полиции), ставя под вопрос привычные модели соотношения публичной эффективности правоприменения, доказательственного стандарта и конституционных гарантий личности.

В рамках данного исследования предполагается выявить, пробелы и коллизии, связанные с нормативными оформлением презумпций достоверности цифровых доказательств и корректности работы автоматизированных комплексов, с особым режимом ответственности собственников транспортных средств при автоматизированной фиксации правонарушений из статьи 2.6.1 КоАП РФ, с перераспределением бремени опровержения в пользу публичного субъекта, а также с отсутствием закрепленных процессуальных гарантий проверки и опровержения цифровых презумпций в административной деятельности органов внутренних дел (полиции).

Современная доктрина правовых презумпций в значительной степени концентрируется на общетеоретических аспектах данной конструкции: понятии, классификации, роли механизма правового регулирования и распределения бремени доказывания. Существенный пласт исследования посвящен презумпции невиновности как конституционному и отраслевому принципу, в том числе в административном процессе, а акцентом на толкование статьи 1.5 КоАП РФ и статьи 49 Конституции Российской Федерации, а также на проблемные вопросы ее реализации в практике органов публичной власти. Отдельное направление составляют работы, анализирующие влияние цифровых технологий на доказывание и эволюцию доктрины презумпции невиновности, в которых отмечается необходимость переосмысления традиционных подходов в условиях автоматизированного сбора и обработки информации, в ряде исследований рассматриваются специальные вопросы административной ответственности собственников транспортных средств при автоматизированной фиксации нарушений, включая оценку допустимости перераспределения бремени доказывания и рисков объективного вменения.

Целью исследования является выявление и систематизация пробелов и коллизий в правом регулировании ключевых правовых презумпций, применяемых в административной деятельности органов внутренних дел в цифровой среде.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют общая теория права о правовых презумпциях, доктрина презумпции невиновности в административном процессе, а также концепции цифровизации административно-юрисдикционного производства и использования цифровых доказательств. В исследовании применен системный подход к анализу механизма правового регулирования в административной деятельности органов внутренних дел, позволяющий рассматривать правовые презумпции в их взаимосвязи с нормативной базой, доказательственной средой и организацией правоприменительной деятельности.

Эмпирическую базу исследования составили нормы Конституции Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федерального закона «О полиции», Федерального закона от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», подзаконные акты МВД России, регулирующие использование автоматизированных средств фиксации и электронного документооборота, официальные данные МВД России и ГИБДД о применении технических средств контроля.

В качестве основных методов исследования использовались формально-юридический анализ нормативных правовых актов, регламентирующих административную деятельность органов внутренних дел и производство по делам об административных правонарушениях; системный анализ для построения модели механизма правовых презумпций в цифровой среде; сравнительно-правовой метод для сопоставления российского регулирования и зарубежных подходов к презумпциям, связанным с цифровыми доказательствами; а также анализ зарубежной практики, позволяющий выявить реальные механизмы реализации презумпции невиновности и иных правовых презумпций при использовании автоматизированных комплексов фиксации и электронных процедур.

Общий механизм регулирования правовых презумпций в административной деятельности ОВД (полиции) РФ

Термин «презумпция» (от лат. *praesumptio* – *предположение*) имеет длительную историю использования в правовой науке. С.И. Ожегов определяет презумпцию как «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное» [Ожегов, 2020,

с. 522]. Данное общеупотребительное определение отражает базовую сущность рассматриваемого правового явления, однако не исчерпывает всего многообразия его юридических свойств.

В отечественной правовой науке содержание понятия правовой презумпции раскрывается через несколько подходов. По мнению В.К. Бабаева, правовая презумпция представляет собой «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [Бабаев, 1974, с. 14]. Данное определение акцентирует внимание на нормативности презумпции и ее связи с эмпирически подтвержденной закономерностью.

Н.Н. Цуканов, исследуя презумпции в административной деятельности милиции, предложил рассматривать правовую презумпцию как «закрепленную в норме права юридическую обязанность признать определенный (презюмируемый) факт при наличии факта исходного, пока иное не будет установлено правоприменительным решением компетентного субъекта» [Цуканов, 2001, с. 9]. Такой подход подчеркивает императивный характер правовой презумпции и ее обязательность для правоприменителя.

В.И. Каминская указывала, что правовая презумпция есть «положение, выраженное прямо или косвенно в правовой норме, которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим в силу этого специальных доказательств» [Каминская, 1948, с. 84]. Приведенное определение фиксирует регулятивный потенциал презумпции как средства, позволяющего установить типичный порядок правоотношений.

Проведенные ранее исследования в области теории правовых презумпций и их отраслевых проявлений [Мосин, 2005; Никиташина, 2004], а также специальные работы, посвященные административной деятельности милиции (полиции) [Цуканов, 2001], подтверждают, что правовые презумпции являются значимым инструментом административного регулирования и правоприменения. Исследования С.А. Мосина [2005] указывают, что общей в теории права презумпции выполняют функцию юридической экономии доказательств и стандартизации правоприменительных решений, обеспечивая стабильность и предсказуемость юридической практики. Н.А. Никиташина детализировала эту картину в отраслевом плане, тем самым, выявив, что презумпции в гражданском и уголовном праве формируют специфические модели распределения бремени доказывания и влияют на логику судебной оценки фактов.

Н.Н. Цуканов впервые в отечественной науке поставил вопрос о презумпциях в административной деятельности милиции, предложив рассматривать их как юридическую обязанность признавать презюмируемый факт при наличии исходного факта, пока иное не установлено правоприменительным решением. Его научное исследование, выявило что в деятельности милиции презумпции имеют императивный характер и непосредственно связаны с реализацией административно-властных полномочий, однако исследование проводилось в условиях, когда административный процесс не был существенно цифровизирован, электронное производство по делам об административных правонарушениях отсутствовало, а автоматизированные комплексы фиксации правонарушений правил дорожного движения не имели такого масштаба, как сегодня.

Изученные исследования представляют важную теоретическую основу понимания правовой природы презумпций и их роли в административной деятельности органов внутренних дел в условиях характерных для их периода проведения. Ученые достоверно выявили нормативную закрепленность презумпций, их императивный характер и связь с реализацией административно-властных полномочий милиции (полиции). Однако, в научных трудах не осуществлен системный анализ возможных пробелов и коллизий в регулировании тех презумпций, которые в современных условиях становятся значимыми для деятельности органов внутренних дел (полиции).

Институционный переход к электронному производству по делам об административных правонарушениях, закрепленный в Федеральном законе от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», внес важные изменения в распределение бремени опровержения цифровых доказательств. Так, прежние теоритические модели должны учитывать специфику различных групп правовых презумпций – общеправовых, межотраслевых и специальных отраслевых, определяющих пределы и способы осуществления административно-властных полномочий органов внутренних дел.

Применительно к административной деятельности органов внутренних дел правовые презумпции следует рассматривать как нормативно-закрепленные и правоприменительно значимые модели, призванные обеспечить единство и предсказуемость решений. При этом необходимо учитывать современную динамику правоприменения, связанную с ускорением информационных процессов и изменением общественных потребностей. В современных условиях их значение существенно возрастает, поскольку реализация полномочий сотрудника полиции в большей степени осуществляется в среде цифрового управления, использования информационных систем, государственных информационных ресурсов, средств видеофиксации, автоматизированного учета и технических устройств контроля. Вследствие этого отметим, что правовые презумпции все в большей степени функционируют не только как классические юридические предположения, но и как особые нормативные конструкции, опосредующие юридическое значение цифровых данных и технически зафиксированных обстоятельств.

В указанных условиях особую значимость приобретает необходимость постоянной адаптации правовых презумпций к изменяющимся условиям административной деятельности полиции. Такая адаптация обусловлена не отказом от традиционных юридических конструкций, а потребностью их согласования с новыми формами правоприменения, основанными на использовании видеокамер, носимых видеорегистраторов, информационных порталов, электронных баз данных и иных цифровых ресурсов. При этом технология правоприменительной деятельности не устраняет требования законности, обоснованности и проверки правовых презумпций, а напротив, усиливает значение процессуальных гарантий, обеспечивающих возможность проверки технических фиксаций и опровержения соответствующего резюмируемого вывода.

В этой связи правовые презумпции в административной деятельности ОВД (полиции) РФ следует рассматривать не изолированно, а в составе целостного механизма правового регулирования, включающего нормативное закрепление презюмируемого положения, определение юридически значимого факта-основания, распределение бремени опровержения, процессуальные гарантии проверки и контроль за законностью правоприменительного вывода. Такой механизм обеспечивает перевод абстрактного предположения в плоскость конкретного административного производства, где презумпция начинает выполнять функцию юридической экономии, стандартизации правоприменения и обеспечения предсказуемости решений. При этом в деятельности полиции особое значение приобретает связь презумпций с технически фиксируемыми данными, сведениями информационных систем, материалами фото- и видеонаблюдения, а также требует не только признания юридической силы таких данных, но и сохранения реальной возможности их опровержения и проверки. Именно поэтому цифровизация административного процесса не устраняет значение правовых презумпций, а напротив усиливает потребность в их процедурной определенности, нормативной ясности и доказательственной проверки.

В зарубежной практике показателен подход Великобритании к цифровым доказательствам. В 2025 году Министерство юстиции опубликовало «Использование

доказательств, сгенерированных с помощью программного обеспечения, в уголовном судопроизводстве»¹, подтвердив действие опровержимой презумпции корректной работы компьютера – программное обеспечение функционировало исправно в соответствующий момент времени, пока не доказано иное. При заявлении возражений о возможной неисправности бремя доказывания корректной работы системы переходит к стороне, которая ссылается на цифровой результат, что демонстрирует интеграцию классического механизма опровержимой презумпции в режим обращения с электронными доказательствами.

По данным МВД России и ГИБДД, с 2020 года наблюдается устойчивый рост цифровых средств фиксации в механизме административно-правового регулирования, что напрямую отражается на значении связанных с ними правовых презумпций. Так, раздел «Статистика и аналитика»² МВД РФ публикует сведения о состоянии безопасности дорожного движения и количестве выявленных нарушения ПДД, из которых следует, что значительная доля правонарушений фиксируется с использованием автоматизированных комплексов и иных технических устройств, а соответствующие показатели ежегодно обновляются и используются в качестве официальной базы для управленческих и правоприменительных решений. Одновременно Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», легализовал переход к электронному производству по делам об административных правонарушениях, что институционально закрепило использование цифровых технологий (электронных документов, видеоконференц-связи, информационных систем) в качестве обычного элемента административного процесса. В совокупности указанные официальные данные подтверждают, что к 2025–2026 годам правоприменение в значительной мере опирается на цифровые источники информации, а презумпции, связанные с корректностью работы технических средств, достоверностью автоматической фиксации и юридической значимостью электронных процедур, приобретают более весомое практическое значение по сравнению с началом десятилетия.

Механизм правовых презумпций в административной деятельности ОВД России: цифровой аспект

Проблематика правовых презумпций в административной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях приобретает не локальный, а системный характер, поскольку затрагивает базовые параметры соотношения публичной эффективности, доказательственного стандарта и гарантий прав личности. Нормативным ядром рассматриваемого механизма выступают положения статьи 1.5 КоАП РФ³, закрепляющий презумпцию невиновности, а также статьи 24.1 КоАП РФ, в соответствии с которой задачами производства по делам об административных правонарушениях является всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела и его разрешение в соответствии с законом. В свою очередь, конституционный масштаб данной конструкции задается

¹ Министерство юстиции Великобритании. Use of evidence generated by software in criminal proceedings: Call for Evidence // Официальный интернет портал Правительства Великобритании: сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/calls-for-evidence/use-of-evidence-generated-by-software-in-criminal-proceedings/use-of-evidence-generated-by-software-in-criminal-proceedings-call-for-evidence> (дата обращения 10.06.2026).

² Статистика и аналитика / Официальный интернет-сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации URL <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения 10.06.2026).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Официальный сайт Президента Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704> (дата обращения: 10.06.2026).

статьей 49 Конституции Российской Федерации¹, а правовую основу правоприменения в деятельности органов внутренних дел и содержание ее обязанностей закрепляет Федеральный закон «О полиции»².

Этап развития административных правоотношений характеризуется тем, что классическая конфигурация указанного механизма фактически дополняется новым измерением – цифровой среде. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях, охватывающая автоматическую фиксацию правонарушений, электронный документооборот, использование информационных систем и дистанционных сервисов, с одной стороны, декларируется как инструмент повышения эффективности и прозрачности правоприменения, а с другой – создает дополнительные напряжения в сфере реализации презумпции невиновности и доказательственного стандарта. Х.И. Гаджиев отмечает, «доктрина презумпции невиновности в условиях стремительного развития информационных технологий нуждается в переосмыслении не только на уровне формулы, но и на уровне практики ее применения. Цифровые технологии, будучи важным средством поддержания общественной безопасности и повышения качества доказывания, одновременно несут риск «размывания» персонализированной ответственности, если их использование не сопровождается надлежащими гарантиями прав человека» [Гаджиев, 2020, с. 16].

Нормативная обусловленность включения цифрового измерения в анализ правовых презумпций в административном праве непосредственно вытекает из системного толкования положений КоАП РФ. С одной стороны, статья 24.1 КоАП РФ закрепляет требование всестороннего исследования обстоятельств дела, что в условиях цифровизации предполагает не только формальное наличие технических данных, но и их критическую оценку с точки зрения достоверности, относимости и допустимости, с другой – применение к статье 1.5 и статья 2.6.1 КоАП РФ вводят особый порядок привлечения к ответственности по данным автоматических средств фиксации, при котором часть гарантий презумпции невиновности прямо ограничивается. Именно на эту двойственность обращает внимание современная доктрина административного права. Так, в одной из последних работ о доказательствах и цифровизации подчеркивается, что цифровые технологии в административном судопроизводстве являются лишь инструментами, тогда как ядром процесса остаются доказательства и доказывание, а значит, любые технологические новации должны подчиняться требованиям сущностной теории доказательств и не могут подменять собой презумпцию невиновности и принцип всестороннего исследования обстоятельств дела. Включение цифровой составляющей в анализ правовых презумпций в административной деятельности органов внутренних дел обусловлено не только изменившимися фактическими условиями правоприменения, но и качественным усложнением самого доказательственного и процессуального контуров административных правоотношений.

Современная практика применения законодательства об административных правонарушениях демонстрирует формирование особых режимов ответственности, основанных на данных автоматических средств фиксации. Судебные акты по делам о нарушении правил дорожного движения, выявленных комплексами фото- и видеофиксации, показывают, что привлечение к ответственности собственников транспортных средств строится на презюмируемой достоверности цифровых данных и связке «регистрация-собственник», а обязанность опровергнуть такую презумпцию фактически переносится на привлекаемое лицо.

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2026).

² Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 29.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900. Ст. 13, п. 2.

Практика высших судебных инстанций подтверждает сохранение значения конституционной презумпции невиновности в цифровой среде. При рассмотрении жалоб на автоматической фиксации, высшие суды признают допустимым установление специальных процедур и перераспределение бремени доказывания, подчеркивая при этом недопустимость превращения таких процедур в форму объективного вменения и необходимость наличия реальных механизмов опровержения презюмируемой причастности¹.

Дальнейшее теоритическое осмысление механизма правовых презумпций в административной деятельности органов внутренних дел предполагает выход за рамки традиционного деления на общеправовые, отраслевые, специальные и признание цифрового измерения самостоятельным анализом. Правовые презумпции в современных условиях следует рассматривать как систему юридических и технологических допущений, действующих в процессе рассмотрения дел. Такое понимание позволяет сформулировать задачу согласования публичной эффективности и гарантий прав личности как задачу переосмысления самого механизма презумпций с учетом цифрового контекста.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформировать целостное представление о механизме правовых презумпций в административной деятельности органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации с учетом цифровизации административного процесса и внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях на основе Федерального закона от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Отмечено, что правовые презумпции, традиционно рассматриваемые доктриной как инструмент юридической экономии и стандартизации правоприменения, в современных условиях функционируют в усложненной цифровой среде, где значительная часть доказательственной информации формируется посредством автоматизированных комплексов фиксации, государственных информационных систем и электронного документооборота.

Установлено, что действующее регулирование содержит пробелы и коллизии, связанные с нормативным закреплением доказательств и корректности работ технических средств, а также с особым режимом ответственности собственников транспортных средств при автоматизированной фиксации правонарушений по статье 2.6.1 КоАП РФ, что фактически ведет к перераспределению бремени опровержения в пользу публичного субъекта и создает риск объективного вменения. Обосновано, что презумпция невиновности (статья 1.5 КоАП РФ, статья 49 Конституции РФ) – ядро механизма, внутри которого любые «цифровые» презумпции допустимы лишь при наличии закрепленных процессуальных гарантий проверки и опровержения и не могут подменять собой требования всестороннего полного и объективного исследования обстоятельств дела. Отмечено, что традиционное деление презумпций на общеправовые, межотраслевые и специальные отраслевые оказывается недостаточным для описания современной практики, потому как в административной деятельности органов внутренних дел (полиции) формируется самостоятельный пласт «цифровых» презумпций, опосредующих придание юридического значения данным электронных систем и технико-аппаратным результатам.

Предложена концептуальная модель правового презумпции как элемента целостного механизма административно-правового регулирования в административной деятельности органов внутренних дел (полиции) включающего: презюмируемое положение, факт-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2025 г. № 1221 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы...». Официальный портал правовой информации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13052025-n-1222-o/?ysclid=mqdwu3asya294905293>

основания, распределение бремени опровержения, процессуальные гарантии проверки и формы судебного и ведомственного контроля, выделено в системе административно-правовых презумпций группы – о «цифровых» презумпций, связанных с достоверностью цифровых доказательств и корректности работы технических средств фиксации.

Список литературы

- Бабаев В.К. 1974. Презумпции в советском праве. Горький, Горьковская высшая школа МВД СССР, 124 с.
- Каминская В.И. 1948. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., Л., Изд-во АН СССР, 132 с.
- Цуканов Н.Н. 2001. Правовые презумпции в административной деятельности милиции. Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 187 с.
- Мосин С.А. 2005. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 198 с.
- Кузнецова И.А. 2020. Правовые презумпции в судебном административном процессуальном праве. М., Статут, 192 с.
- Ожегов С.И. 2020. Толковый словарь русского языка. М., Мир и Образование, 1376 с.
- Никиташина Н.А. 2023. Классификация правовых презумпций. *Актуальные проблемы российского права*, 4: 47–58.
- Гаджиев Х.И. 2020. Доктрина презумпции невиновности в век цифровых технологий. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 4: 16–30.

References

- Babaev V.K. 1974. Prezumpcii v sovetskom prave [Presumptions in Soviet Law]. Gorky, Publ. Main Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 124 p.
- Kaminskaya V.I. 1948. Uchenie o pravovyh prezumpciyah v ugovnom processe [The Theory of Legal Presumptions in Criminal Procedure]. Moscow, Leningrad, Publ. Academy of Sciences of the USSR, 132 p.
- Tsukanov N.N. 2001. Pravovye prezumpcii v administrativnoj deyatel'nosti milicii [Legal Presumptions in the Administrative Activities of the Police]. Diss. ... cand. of law sciences. Omsk, 187 p.
- Mosin S.A. 2005. Pravovye prezumpcii v teorii prava i rossijskom zakonodatel'stve [Legal Presumptions in Legal Theory and Russian Legislation]. Diss. ... cand. of law sciences. Moscow, 198 p.
- Kuznetsova I. A. 2020. Pravovye prezumpcii v sudebnom administrativnom processual'nom prave [Legal Presumptions in Judicial Administrative Procedural Law]. Moscow, Publ. Statut, 192 p.
- Ozhegov S. I. 2020. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Publ. Mir i Obrazovanie, 1376 p.
- Nikitashina N. A. 2023. Classification of Legal Presumptions. *Actual Problems of Russian Law*, 4: 47–58 (in Russian).
- Gadzhiev H.I. 2020. The Doctrine of the Presumption of Innocence in the Digital Age. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 4: 16–30 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.03.2026

Поступила после рецензирования 10.06.2026

Принята к публикации 15.06.2026

Received March 12, 2026

Revised June 10, 2026

Accepted June 15, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зубкова Ирина Андреевна, адъюнкт, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Zubkova, Adjunct, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation.

УДК 342.5

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-376-387

EDN HJCTGP

Формализация солидарности, единства и согласия в конституциях стран АСЕАН

Белоцеркович Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

belotserkovich@bsuedu.ru

Аннотация. В условиях переориентации внешней политики России на Азиатско-Тихоокеанский регион возрастает потребность в понимании конституционных ценностей стран АСЕАН, включая принцип солидарности. Это необходимо как для выработки эффективных дипломатических стратегий, так и для развития российского законодательства о социальном партнёрстве и межгосударственной интеграции. Несмотря на значительное количество публикаций о солидарности как социально-философском и политическом феномене, комплексные сравнительно-правовые исследования конституционной формализации солидарности и сопряженных с ней категорий «единство» и «согласие» в странах АСЕАН отсутствуют. Восполняя этот пробел, автор ставит целью выявить, систематизировать и охарактеризовать конституционные модели закрепления указанных категорий, а также определить их ценностное и процедурное значение для конституционного регулирования. Исследование выполнено на основе формально-юридического и сравнительно-правового анализа конституций всех 11 государств-членов АСЕАН. В результате работы были выделены типы способов легализации нормативных предписаний. Установлено, что солидарность прямо закреплена лишь в конституциях Вьетнама, Мьянмы и Восточного Тимора, образуя три национальные модели: ценностно-идеологическую, обязывающе-обеспечительную и внешнеполитическую. Категория «единство» присутствует во всех основных законах региона, выполняя ценностно-символическую, целеполагающую, территориально-обеспечительную и культурно-образовательную функции. Категория «согласие» носит преимущественно инструментально-процедурный характер, являясь юридико-техническим механизмом легитимации властных решений и защиты прав личности; ценностное измерение согласия выявлено лишь в конституциях Малайзии и Брунея. Полученные результаты вносят вклад в сравнительное конституционное право и могут быть использованы для развития аксиологических (ценностных) основ конституционализма.

Ключевые слова: солидарность, согласие, единство, конституционные ценности, сравнительное правоведение, государство, народ, личность

Для цитирования: Белоцеркович Д.В. 2026. Формализация солидарности, единства и согласия в конституциях стран АСЕАН. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 376–387
DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-376-387 EDN: HJCTGP

Formalization of Solidarity, Unity and Accord in the Constitutions of ASEAN Countries

Denis V. Belotserkovich

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

belotserkovich@bsuedu.ru

Abstract. In the context of global geopolitical shifts and Russia's increasing interest in the Asia-Pacific region, the analysis of the constitutional experience of the member states of the Association of Southeast

Asian Nations (ASEAN) is becoming particularly relevant. Despite a significant number of publications on solidarity as a socio-philosophical and political phenomenon, there are no comprehensive comparative legal studies of the constitutional formalization of solidarity and related categories of "unity" and "accord" in the ASEAN countries. Filling this gap, the author aims to identify, systematize and characterize the constitutional models of the consolidation of these categories, as well as to determine their value and procedural significance for constitutional regulation. The study is based on a formal legal and comparative legal analysis of the constitutions of all 10 ASEAN member states using a typology of ways to legalize regulatory prescriptions. As a result of the work, it has been established that solidarity is directly enshrined only in the constitutions of Vietnam, Myanmar and East Timor, forming three national models: value-ideological, binding-security and foreign policy. The category of «unity» is present in all the basic laws of the region, fulfilling value-symbolic, goal-setting, territorial, security, and cultural and educational functions. The category of "accord" is primarily instrumental and procedural in nature, being a legal and technical mechanism for legitimizing governmental decisions and protecting individual rights. The value dimension of accord has been revealed only in the Constitutions of Malaysia and Brunei. The results obtained contribute to comparative constitutional law by systematizing regional models of formalization of the categories under study, and can be used in the development of theoretical axiological foundations of constitutionalism.

Keywords: solidarity, accord, unity, constitutional values, comparative jurisprudence, state, people, personality

For citation: Belotserkovich D.V. 2026. Formalization of Solidarity, Unity and Accord in the Constitutions of ASEAN Countries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 376–387 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-376-387 EDN: HJCTGP

Введение

Категория солидарности, будучи одной из фундаментальных основ социального бытия, сохраняет высокую востребованность в современной юридической науке. Однако ее концептуальное осмысление остается фрагментарным: отсутствует единство подходов к определению, не систематизированы конституционные модели закрепления, а сравнительные исследования ограничиваются отдельными государствами или регионами. Согласно правовой доктрине, в условиях глобальных вызовов согласование интересов различных слоёв общества становится категорическим императивом, а его основой выступает солидарность [Цыбулевская, 2022].

В правовой науке солидарность рассматривают в качестве конституционно-правовой ценности [Майборода, 2022; Руденко, 2025], принципа (постиндустриального общества [Умнова-Конюхова, Алешкова, 2021]) экономической деятельности граждан ([Шапсугова, 2021]); в видовом многообразии (экономическая [Агамагомедова, 2023], социальная [Алебастрова, 2017; Руденко, 2024; Сальников, Брылева, Захарцев, 2022]); в качестве вообразяемого политико-правового состояния [Исаев, 2009] и пр.

Более того, солидарность «выступает по своей сути понятием-парадигмой, концептогенным понятием-стратегией (что ни в коей мере не отменяет, а скорее способствует тому, чтобы было усилено и обогащалось ее регулирующее значение в качестве нормативного принципа)» [Зуйков, 2025]. Приведенные подходы свидетельствуют о научном интересе к тематике солидарности. Вместе с тем в юриспруденции с позиции отрасли конституционного права единичны специальные исследования, посвященные зарубежным моделям формализации солидарности [Белоцеркович, Новикова, 2025].

Методологически оправданным представляется обращение именно к конституционному опыту стран АСЕАН. В конституциях этих государств единство и согласие выступают не только в качестве ценностных ориентиров, но и как юридически значимые принципы, структурирующие публичную власть и правопорядок [Грачева, 2012; Тихомиров, 2017; Барциц, 2000].

Обзор современных научных трудов показал, что детального сопоставительного анализа того, как указанные категории закреплены в конституциях всех десяти стран АСЕАН, до настоящего времени не проводилось.

Цель исследования – выявить, систематизировать и охарактеризовать конституционные модели формализации солидарности, единства и согласия в странах АСЕАН, а также определить их ценностное и процедурное значение для конституционного регулирования.

В статье последовательно анализируются способы легализации каждой из трех категорий, выявляются национальные особенности, группируются функциональные роли (ценностно-символическая, целеполагающая, территориально-обеспечительная, инструментально-процедурная). Основное внимание уделяется типологии конституционных моделей и их сравнительной характеристике.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили тексты конституций 11 государств – членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Брунея, Восточного Тимора, Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Филиппин. Использовались аутентичные тексты на английском языке, а также переводы на русский язык, размещенные на портале worldconstitutions.ru.

Объект сравнения – способы конституционной формализации категорий «солидарность», «единство» и «согласие», а также их функциональная роль (ценностная, целеполагающая, процедурная, институциональная).

Методология исследования включает формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также типологизацию.

Процедура анализа состояла из следующих этапов: 1) сплошной поиск лексем «солидарность», «единство», «согласие» и их однокоренных вариантов в текстах конституций; 2) контекстуальный анализ выявленных фрагментов для определения функциональной нагрузки категории (ценностная, целевая, процедурная и пр.); 3) группировка однородных норм по выделенным смысловым блокам; 4) сравнительное обобщение.

Анализ ограничен исключительно текстами конституций; не рассматривались подзаконные акты, судебная практика и фактическая реализация закрепленных норм.

Конституционная формализация солидарности в странах АСЕАН

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституций государств-членов АСЕАН позволил заключить, что категория солидарности не получила в них повсеместного и унифицированного закрепления. Более того, ее конституционная формализация носит фрагментарный и, как правило, идеологически или ценностно окрашенный характер. В зависимости от национальной специфики можно выделить несколько моделей присутствия солидарности в конституционном тексте.

Наиболее показательным в этом отношении является Вьетнам, конституция которого содержит сразу несколько норм, прямо апеллирующих к солидарности. Так, в преамбуле Конституции этого государства говорится о том, что именно в процессе борьбы за независимость «выковывались традиции солидарности»¹, а вьетнамский народ, «воодушевленный идеями солидарности... строит свою страну, ведет независимую, суверенную, мирную внешнюю политику, проявляя солидарность с народами всех

¹ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 112–146.

стран»¹. Помимо преамбулы, солидарность формализована в качестве одного из принципов государственной политики: «государство осуществляет политику равноправия, солидарности и взаимопомощи между всеми нациями»² (ст. 5).

Отечественный фронт Вьетнама, составляющий политическую основу народной власти, призван развивать «традиции всенародной солидарности»³ (ст. 9), а сама Республика во внешнеполитической деятельности «укрепляет солидарность... с социалистическими и соседними странами» (ст. 14)⁴.

Принципиально иной подход демонстрирует Конституция Мьянмы, где солидарность неизменно сопрягается с категорией «национальной» и рассматривается в первую очередь как инструмент сохранения целостности государства. В преамбуле зафиксировано намерение народа «строго придерживаться целей сохранения целостности Союза, единства, национальной солидарности и сохранения в веках суверенитета своей страны»⁵, а в качестве одной из неизменных целей Союза названо единство национальной солидарности (п. «b» ст. 6).

Обращает на себя внимание следующий юридико-технический прием: наряду с категорией «национальная солидарность» (как ценностная характеристика) в тексте фигурирует словосочетание «единство национальной солидарности». Последнее представляет собой смысловое усиление, где единство выступает атрибутом, указывающим на целостность внутри самой солидарности. Тем самым на конституционном уровне подчеркивается необходимость солидарного состояния общества. Обязанность поддерживать это единство адресована не только государственно-политическим институтам (Силам обороны (п. «е» ст. 20), политическим партиям (п. «а» ст. 404)), но и каждому гражданину (п. «b» ст. 383), а также формально закреплена в текстах присяги Президента, вице-президента (ст. 65) и депутатов (ст. 125). Таким образом, в Мьянме солидарность обретает черты не столько ценностного ориентира, сколько конституционно-правовой обязанности, обеспечивающей суверенитет и территориальную целостность.

Особняком стоит норма Конституции Восточного Тимора (ч. 1 ст. 10), которая провозглашает солидарность государства с «борьбой других наций за национальную свободу»⁶. Здесь солидарность выступает как принцип внешней политики, ориентированный на поддержку освободительных движений.

В конституциях других стран АСЕАН – Брунея, Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин – прямое использование категории «солидарность» в тексте основных законов не зафиксировано. Этот факт, однако, не означает отсутствия данного феномена в конституционном дискурсе указанных государств. Как будет показано в последующих разделах, функциональную нагрузку солидарности здесь берут на себя сопряженные с ней категории «единства» и «согласия», которые либо замещают ее в тексте, либо выступают ее конституционными аналогами.

¹ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 112–146.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Конституция Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 553–664.

⁶ Конституция Демократической Республики Восточный Тимор от 20 мая 2002 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 53–98.

Конституционная формализация единства в странах АСЕАН

Категория «единство» встречается в конституциях государств-членов АСЕАН чаще, чем солидарность, и выполняет более разнообразные функции. Она предстает одновременно и как ценностно-символическая категория, и как цель государственной политики (включая экономическую сферу), и как принцип территориальной организации, и как основа культурной, образовательной и этнонациональной политики. Отдельные конституции демонстрируют оригинальные подходы, связывающие единство с равенством прав и обязанностей граждан.

В части единства как ценностно-символической категории отметим следующее. В ряде конституций единство фигурирует в преамбулах или иных нормах, имеющих высокое символическое значение. Так, в преамбуле Конституции Индонезии провозглашается, что государство основывается на «единстве Индонезии и демократии»¹. На национальном гербе этой же страны содержится надпись «Единство в многообразии» (ст. 36), что подчеркивает интегративную идею при сохранении этнического и культурного плюрализма. Аналогичный символический смысл заложен в надписи на государственном гербе Лаосской Народно-Демократической Республики – «Мир, Независимость, Демократия, Единство и Процветание» (ст. 90). В преамбуле Конституции Камбоджи упоминается национальное единство, а ее Король провозглашается «символом единства и бессмертия нации», а также «гарантом территориального единства Королевства»² (ст. 8).

В ряде стран единство выступает в качестве ориентира для деятельности публичной власти. Например, в ст. 52 Конституции Камбоджи обеспечение национального единства заявлено как одна из целей Королевского правительства. Более того, ст. 55 устанавливает, что «любые договоры и соглашения, несовместимые с... национальным единством Королевства Камбоджа, подлежат аннулированию»³, что придает категории единства не только декларативное, но и юридически охраняемое значение. В Конституции Таиланда (п. 6 ст. 80) в качестве государственной задачи закреплено «стимулирование и привитие правильного понимания национального единства и задач обучения»⁴. Правительству Индонезии вменяется в обязанность учитывать требования «национального единства во имя развития цивилизации и благополучия человечества»⁵ (ч. 5 ст. 31).

В ч. 4 ст. 33 Конституции Индонезии легализована экономическая демократия, предназначенная для развития и единства национальной экономики. Тем самым единство из сугубо политической или территориальной категории переводится в экономическую плоскость, приобретая значение принципа организации хозяйственной жизни страны.

Наиболее ярко единство как основа территориальной целостности выражена в Конституции Вьетнама, где единство Отечества выступает объектом защиты (ст. 13), а Народные вооруженные силы обязаны находиться в постоянной боевой готовности для защиты «единства и территориальной целостности страны»⁶ (ст. 45). В Конституции

¹ Конституция Республики Индонезии от 18 августа 1945 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 29.04.2026).

² Конституция Королевства Камбоджа от 21 сентября 1993 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 179–208.

³ Там же.

⁴ Конституция Королевства Таиланд от 24 августа 2007 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 789–912.

⁵ Конституция Республики Индонезии от 18 августа 1945 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 29.04.2026).

⁶ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 112–146.

Мьянмы единство проявляется через территориальную составляющую: при перечислении состава территории подчеркивается, что именно эти элементы (земля, море и воздушное пространство над ними) «в единстве образуют территорию государства»¹ (ст. 5). В преамбуле этой же Конституции отмечены единство и целостность народа как исторический и целевой векторы развития.

Особого внимания заслуживает формулировка территориального единства в Конституции Камбоджи, где оно определяется как «абсолютное в границах, установленных в период 1933–1955 годов по карте масштабом 1/100000 и признанных в 1963–1969 годах международным сообществом»² (ст. 2). Такая детализированная привязка к конкретным историческим картографическим источникам не имеет аналогов в конституциях других стран региона и подчеркивает особую политико-правовую значимость территориального единства для Камбоджи.

В ряде конституций единство выступает основой этнокультурной и образовательной политики. Так, в Конституции Лаоса закреплено, что государство «осуществляет политику, обеспечивающую единство и равенство всех этнических групп»³ (ст. 8). В Конституции Филиппин государство признает и обеспечивает право местных племенных общин на культурное развитие «в рамках политики национального единства и общественного развития» (Раздел 22 Статьи II)⁴. Более того, согласно Разделу 14 Статьи XIV, государство «поощряет обогащение и динамичное развитие филиппинской национальной культуры, основанной на принципе единства в разнообразии»⁵. В сфере образования Конституция Вьетнама устанавливает, что государство «управляет народным образованием, исходя из единства целей, содержания учебных планов, нормативов соответствия учителей, экзаменационных правил и аттестационных норм»⁶ (ст. 36), что указывает на унификацию образовательного пространства как проявление единства.

Конституция Восточного Тимора содержит интересную особенность. Ее ст. 16 озаглавлена «Единство и равенство», однако в самом тексте нормы категория «единство» отсутствует, при этом в двух частях закреплены равенство перед законом и судом, одинаковые обязанности и запрет дискриминации. Полагаем, в данном случае единство может быть сопоставлено с одинаковыми обязанностями граждан, что придает этой категории не столько интегративное, сколько уравнивающее значение.

Конституционная формализация согласия в странах АСЕАН

Категория «согласие» в конституциях государств-членов АСЕАН, в отличие от солидарности и единства, выполняет не столько ценностно-идеологическую, сколько инструментально-процедурную функцию. Согласие выступает здесь преимущественно как юридико-технический механизм легитимации властных решений, разграничения

¹ Конституция Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 553–664.

² Конституция Королевства Камбоджа от 21 сентября 1993 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 179–208.

³ Конституция Лаосской Народно-Демократической Республики от 14 августа 1991 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 303–322.

⁴ Конституция Республики Филиппины от 02 февраля 1987 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 922–976.

⁵ Там же.

⁶ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 112–146.

компетенции и защиты прав личности. В зависимости от субъекта, чье согласие требуется, можно выделить несколько групп конституционных норм, формализующих данную категорию.

В ряде конституций согласие, как и единство, приобретает ценностное звучание. В преамбуле Конституции Брунея отмечена опора на «согласие традиционных советников» при принятии этого документа, что подчеркивает роль консенсусных механизмов в политической культуре этого государства. Наиболее ярко ценностный аспект согласия выражен в ч. 1 ст. 3 Конституции Малайзии, согласно которой «ислам является религией Федерации; однако другие религии могут исповедоваться в мире и согласии в любой части Федерации»¹. Здесь согласие выступает как принцип межконфессиональной гармонии, обеспечивающий социальную стабильность в полиэтническом и полирелигиозном обществе.

Наиболее многочисленную группу образуют нормы, в которых согласие выступает обязательным условием совершения юридически значимых действий различными субъектами публичной власти.

Согласие главы государства

В Конституции Брунея закреплено, что Его Величество Султан подписывает законопроект «и прилагает к нему Государственную печать в знак своего согласия»² (ч. 1 ст. 45). Султан также дает согласие на прекращение действия приказа о введении чрезвычайного положения (ч. 7 ст. 83). В Конституции Сингапура требуется согласие Президента на «назначение на должность или отмена принятого решения о назначении председателя, члена, высшего должностного лица какого-либо внутриправительственного комитета» (п. «b» ч. 1 ст. 22А)³, а также на продление полномочий судьи Верховного суда после достижения 65-летнего возраста (ч. 1 ст. 98) и на передачу заявления об отстранении члена Комиссии на рассмотрение трибунала (ч. 2 ст. 107). На Филиппинах Президент дает согласие на присутствие в палате и выступление Глав департаментов (Раздел 22 Статьи VI).

Согласие Совета правителей (Малайзия)

Этот орган наделен широкими полномочиями, требующими его согласия на: принятие Парламентом закона об осуществлении одним из Правителей полномочий Янг ди-Пертуан Агонга (ч. 5 ст. 33); выезд главы государства за пределы Федерации более чем на 15 дней (ч. 5 ст. 34); распространение религиозных актов на всю Федерацию (п. «b» ч. 2 ст. 38); принятие закона, а также на назначения, требующие согласия Совета, включая вопросы национальной политики (п. «с» ч. 2 ст. 38); принятие закона, затрагивающего привилегии, почести или титулы правителей (ч. 4 ст. 38). Процедурные особенности закреплены в ст. 9 раздела о Совете правителей: «любое согласие, назначение или мнение Совета правителей ... должны быть скреплены государственной печатью; в том случае, когда большинство членов Совета выразило свое согласие ..., Хранитель государственной печати скрепляет печатью решение Совета, не созывая его»⁴.

¹ Конституция Федерации Малайзии от 27 августа 1957 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 328–464.

² Конституция Государства Бруней Даруссалам от 29 сентября 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 10–46.

³ Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при

⁴ Конституция Федерации Малайзии от 27 августа 1957 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 328–464.

Согласие Парламента и его палат

Конституции стран АСЕАН детально регламентируют случаи, требующие согласия законодательного органа.

Внешняя политика и безопасность: объявление войны и поддержание мира (п. «h» ст. 85 Конституции Восточного Тимора, ч. 1 ст. 11 Конституции Индонезии, п. «с» ст. 213 Конституции Мьянмы); установление и прекращение дипломатических отношений с иностранными государствами (ст. 206 Конституции Мьянмы); заключение международных соглашений, «которые могут оказать значительное влияние на жизнь народа, влекут за собой расходы из государственного бюджета и (или) требуют изменения действующих либо принятия новых законов»¹ (ч. 2 ст. 11 Конституции Индонезии).

Внутренняя безопасность: введение военного или чрезвычайного положения (п. «g» ст. 85 Конституции Восточного Тимора); изменение территориальной границы Союза (п. «e» ст. 52 Конституции Мьянмы); пересмотр территориальной границы региона или штата с согласия избирателей, проживающих в соответствующем поселении (п. «a» ст. 53 Конституции Мьянмы).

Формирование и функционирование правительства: назначение или отстранение от должности Премьер-министра (ст. 72 Конституции Лаоса); назначение министров Союзного правительства и изменение их количества (п. «a» ст. 202 Конституции Мьянмы); назначение видного представителя победившей на выборах партии для формирования Королевского правительства (ст. 119 Конституции Камбоджи); задержание членов Правительства (ст. 114 Конституции Восточного Тимора).

Парламентские процедуры: принятие проектов законов и органических законов (ст. 90 Конституции Таиланда); принятие закона, предоставляющего освобождение от налогообложения (ч. 4 Раздела 28 Статьи VI Конституции Филиппин); объявление амнистии (Раздел 19 Статьи VII Конституции Филиппин); приостановление одного из правил процедуры, «если... такое приостановление необходимо для обеспечения надлежащей и оперативной работы Законодательного совета»² (ч. 3 ст. 48 Конституции Брунея).

Изменение Конституции: пересмотр Конституции большинством в две трети голосов членов Парламента (п. «i» ч. 3 ст. 85 Конституции Восточного Тимора) либо не менее 50 процентов плюс один голос от общего состава Народного консультативного собрания (ч. 4 ст. 37 Конституции Индонезии).

Статус депутатов: арест и привлечение депутата к судебной ответственности (ст. 99 Конституции Вьетнама, ст. 93 Конституции Мьянмы); судебное преследование или ограничение свободы депутатов (ст. 64 Конституции Лаоса, ст. 131 Конституции Таиланда); приостановление членства или исключение члена палаты из ее состава (ч. 3 Раздела 16 Статьи VI Конституции Филиппин); отсутствие депутата на сессиях более 15 дней подряд (ст. 87 Конституции Мьянмы).

Иные полномочия: отсутствие Президента в стране или осуществление им официальных визитов (ч. 1 ст. 80, п. «h» ч. 3 ст. 85 Конституции Восточного Тимора); назначение и смещение с должности членов Комиссии по судебским делам (ч. 3 ст. 24В Конституции Индонезии); повышение сотрудников Парламента по службе или перевод на работу в другие государственные органы (ч. 5 ст. 51 Конституции Сингапура); дела об импичменте (ч. 6 Раздел 3 Статьи XI Конституции Филиппин).

Интересна ст. 60 Конституции Сингапура, согласно которой «в каждом законопроекте, представленном на утверждение Президента, должна содержаться

¹ Конституция Республики Индонезии от 18 августа 1945 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 29.04.2026).

² Конституция Государства Бруней Даруссалам от 29 сентября 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 10–46.

формулировка: "Подлежит утверждению Президентом Республики Сингапур по совету и с согласия Парламента Республики Сингапур..."»¹.

Согласие Правительства, Премьер-министра и Кабинета министров

В Восточном Тиморе согласие Правительства или Премьер-министра требуется для: назначения и увольнения членов Правительства (п. «h» ст. 86); назначения и увольнения Главнокомандующего Вооруженными силами (п. «m» ст. 86); назначения и увольнения послов (п. «b» ст. 87); дарования помилования и смягчения наказания (п. «i» ст. 85 Конституции Восточного Тимора); проведения переговоров по международным соглашениям в области обороны и безопасности (п. «d» ст. 87); действий Правительства, касающихся увеличения или уменьшения государственных доходов или расходов (п. «e» ст. 116). В Конституции Сингапура предусмотрено согласие Кабинета министров на подготовку «корректирующего проекта расходной части бюджета ... который должен быть представлен на рассмотрение и голосование в Парламент»² (ст. 148), а также согласие Премьер-министра на отстранение Генерального прокурора от должности (п. «a» ч. 5 ст. 35). В Малайзии требуется согласие Кабинета министров на объявление земли на территории штата районом застройки (ч. 3 ст. 95E).

Отдельную группу образуют нормы, требующие согласия на уровне федеративных отношений. В Малайзии необходимо согласие Федерации на расширение штатом своих учреждений или изменение окладов, если это влечет увеличение ответственности Федерации в отношении пенсий и компенсаций (ч. 1 ст. 112); согласие штата – на изменение его границ (п. «b» ст. 2); согласие Правительства штата – на возврат земли, право пользования которой было предоставлено Федерации (ч. 1 ст. 84); согласие лица – на его выдвижение кандидатом на выборах в Парламент или назначение в Сенат (ч. 4 ст. 50).

В Мьянме требуется согласие законодательного собрания региона или штата на: создание министерства региона или штата, изменение их количества и структуры (п. «i» ст. 248); назначение лица на должность Генерального прокурора региона или штата (п. «a» ст. 266); назначение лица на должность Генерального аудитора региона или штата (п. «a» ст. 271); установление числа министров региона или штата (п. «ii» ст. 248).

На Филиппинах закреплено согласие государства на его преследование в судебном порядке (Раздел 3 Статьи XVI).

Конституции предусматривают случаи, когда требуется согласие судьи: на его перевод на другую должность, кроме случаев настоятельной необходимости (ст. 197 Конституции Таиланда); на его перевод в другое место пребывания, если этого требуют государственные интересы (Раздел 5 Статьи VIII Конституции Филиппин).

Конституции стран АСЕАН закрепляют ряд случаев, когда действия публичной власти или иных лиц требуют добровольного согласия гражданина на: проникновение в жилище (ч. 2 ст. 37 Конституции Восточного Тимора; ст. 33 Конституции Таиланда); сбор персональных данных о личной жизни, убеждениях, религиозных взглядах, принадлежности к партии и т.д. (ч. 3 ст. 38 Конституции Восточного Тимора); вступление в какое-либо объединение или пребывание в нем (ч. 2 ст. 43 Конституции Восточного Тимора); добровольное согласие сторон как основа для брака (ч. 3 ст. 39 Конституции Восточного Тимора, ст. 45 Конституции Камбоджи). В Малайзии предусмотрено право лица, имеющего «охраняемый законом интерес», требовать согласия на объявление правительством штата земель, зарезервированных для малайцев (п. «b» ч. 3 ст. 89).

¹ Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 675–782.

² Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 675–782.

В ст. 365 Конституции Мьянмы установлено: «Каждый гражданин... имеет право содействовать свободному развитию литературы, культуры, искусств, обычаев и традиций, которые он ценит и любит. Осуществляя это право, граждане обязаны избегать любых действий, которые могут нанести вред национальной солидарности. Более того, любое действие, которое может привести к негативным последствиям для интересов одной или нескольких национальностей, может быть предпринято только после... получения согласия от тех, чьи интересы оно может непосредственно затронуть»¹. На наш взгляд, уникальность представленной нормы проявляется в том, что она связывает согласие с защитой национальной солидарности и коллективных интересов этнических групп, что придает категории согласия не только правозащитное, но и этнополитическое измерение.

Согласие в конституциях стран АСЕАН – это преимущественно процедурная категория, обеспечивающая легитимацию властных решений, разграничение полномочий и защиту прав личности. В отличие от солидарности и единства, его ценностное измерение выражено слабее (заметно лишь в Малайзии и Брунее). Наибольшее разнообразие норм о согласии характерно для конституций Восточного Тимора, Индонезии, Малайзии, Мьянмы и Филиппин, тогда как в конституциях Лаоса, Таиланда и Сингапура эта категория встречается фрагментарно.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование конституций государств – членов АСЕАН позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, солидарность не получила в конституциях стран региона повсеместного закрепления. Она прямо присутствует лишь в трех государствах (Восточный Тимор, Вьетнам, Мьянма), причем каждая из этих моделей отражает национальную специфику: во Вьетнаме солидарность выступает ценностно-идеологической основой государственной политики и внешнеполитической деятельности; в Мьянме – инструментом сохранения территориальной целостности и суверенитета, облеченным в форму конституционно-правовой обязанности; в Восточном Тиморе – принципом внешней политики, ориентированным на поддержку освободительных движений. В остальных странах АСЕАН солидарность выражена через сопряженные категории, что подтверждает методологическую оправданность их комплексного анализа.

Во-вторых, единство, в отличие от солидарности, является универсальной категорией, присутствующей в конституциях всех рассмотренных государств. Оно выполняет несколько функций: ценностно-символическую (преамбулы, государственные символы, конституционная роль главы государства), целеполагающую (ориентиры для публичной власти, включая экономическую сферу), территориально-обеспечительную (защита целостности государства, включая уникальную привязку к историческим картам в Камбодже) и культурно-образовательную (единство как основа этнонациональной, образовательной и культурной политики). Отдельного внимания заслуживает оригинальная трактовка единства в Конституции Восточного Тимора, связывающая его с равенством прав и обязанностей граждан.

В-третьих, согласие в конституциях стран АСЕАН выполняет преимущественно инструментально-процедурную функцию, выступая юридико-техническим механизмом легитимации властных решений, разграничения компетенции и защиты прав личности. Наибольшее разнообразие процедурных норм о согласии характерно для конституций Восточного Тимора, Индонезии, Малайзии, Мьянмы и Филиппин. Наименьшее – для

¹ Конституция Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. С. 553–664.

Лаоса, Таїланда і Сингапура, де згода зустрічається фрагментарно. Ціннісне вимірювання згоди виражено слабше і помітно лише в Малайзії (принцип міжконфесійної гармонії) і Брунеї (опора на консенсус традиційних радників). Унікальною є ст. 365 Конституції М'янми, що зв'язує згоду з захистом національної солідарності і колективних інтересів етнічних груп, що надає категорії згоди не тільки правозахисну, але і етнополітичне вимірювання.

Таким чином, дослідження підтвердило, що конституційна формалізація солідарності, єдності і згоди в країнах АСЕАН не є уніфікованою, але підпорядковується загальній логіці: солідарність виступає ціннісно-ідеологічним фундаментом (де вона прямо закріплена), єдність – інтегративної основою державного і суспільного устрою, а згода – процедурним інструментом його функціонування. Предложена систематизація конституційних моделей може бути використана для подальших компаративістських досліджень правових систем Юго-Східної Азії, а також для удосконалення конституційного регулювання в сфері публічно-владних відносин зарубіжних країн з урахуванням кращих практик країн регіону.

Список літератури

- Агамагомедова С.А. 2023. Солідарність: конституційний принцип і цінність економічного взаємодіяння. *Право. Журнал Вищої школи економіки*, 51(2): 114–138. DOI: [10.17323/2072-8166.2023.2.114.138](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.114.138)
- Алебастрова І.А. 2017. Принцип соціальної солідарності в конституційному праві: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 555 с.
- Белоцеркович Д.В., Новикова А.Е. 2025. Формалізація солідарності і сопряжених категорій в конституціях країн СНГ. *Право і держава: теорія і практика*, 12: 1021–1025. DOI: [10.47643/1815-1337_2025_12_1021](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1021)
- Зуйков А.В. 2025. Солідарність і її економічна складова в конституційному вимірюванні. *Вісник Московського університету. Серія ІІ. Право*, 1: 135–145. DOI: [10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7](https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7)
- Ісаєв І.А. 2009. Солідарність як уявляється політико-правове стан: монографія. М.: Проспект, 176 с.
- Майборода Е.Т. 2024. Ціннісна солідарність – інструмент правового прогнозування інтересу колективного суб'єкта. *Аграрне і земельне право*, 9(237): 30–32. DOI: [10.47643/1815-1329_2024_9_30](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_9_30)
- Руденко В.В. 2025. Солідарність як конституційно-правова цінність в Росії. *Антиномії*, 25(1): 198–216. DOI: [10.17506/26867206_2025_25_1_198](https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_198)
- Руденко В.В. 2024. Соціальна солідарність в документах стратегічного планування. *Вісник Сургутського державного університету*, 12 (3): 107–113. DOI: [10.35266/2949-3455-2024-3-11](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-3-11)
- Сальников В.П., Брылева Е.А., Захарцев С.И. 2022. Соціальна солідарність як відображення політики держави. *Образование и право*, 12: 11–18. DOI: [10.24412/2076-1503-2022-12-11-18](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-11-18)
- Умнова-Конюхова І.А., Алешкова І.А. 2021. Принцип солідарності в постіндустріальному суспільстві: особливості змісту тенденції розвитку. *Міжнародне публічне і приватне право*, 1: 3–7.
- Цыбулевская О.И. 2022. Солідарність в праві в фокусі моральних проблем. *Державно-правові дослідження*, 5: 63–68.
- Шапсугова М.Д. 2021. Солідарність як новий принцип економічної діяльності громадян. *Право і практика*, 2: 14–20. DOI: [10.24412/2411-2275-2021-2-14-20](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-2-14-20)

References

- Agamagomedova S.A. 2023. Economic solidarity: Constitutional Principle and Value of Economic Interaction. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 51(2): 114–138. DOI: [10.17323/2072-8166.2023.2.114.138](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.114.138). (In Russian)

- Alebastrova I.A. 2017. Princip social'noj solidarnosti v konstitucionnom prave [The principle of social solidarity in constitutional law]: Dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva. 555 s.
- Belotserkovich D.V. 2025. Formalization of Solidarity and Related Categories in the Constitutions of THE CIS Countries. *Law and state: theory and practice*, 12: 1021–1025. (In Russian) http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1021.
- Zuykov A.V. 2025. Solidarity and its economic component in the constitutional dimension. *Lomonosov Law Journal*, 1: 135–145. (In Russian). DOI: [10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7](https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7).
- Isaev I.A. 2009. Solidarnost' kak voobrazhaemoe politiko-pravovoe sostoyanie [Solidarity as an imaginary political and legal condition]: monografiya. M.: Prospekt, 176 s.
- Maiboroda E.T. 2024. Value solidarity as a tool for legal forecasting of the Interest of a collective. *Agrarian and land law*, 9 (237): 30–32. (In Russian). DOI: [10.47643/1815-1329_2024_9_30](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_9_30).
- Rudenko V.V. 2025. Solidarity as a Constitutional and Legal Value in Russia, *Antinomies*, 25 (1): 198–216. (In Russian). DOI: [10.17506/26867206_2025_25_1_198](https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_198).
- Rudenko V.V. 2024. Social solidarity in the strategic planning documents. *Surgut State University Journal*, 12 (3):107–113. (In Russian). DOI: [10.35266/2949-3455-2024-3-11](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-3-11).
- Salnikov V.P., Bryleva E.A., Zakhartsev S.I. 2022. Social solidarity as a reflection of state policy. *Obrazovanie i pravo*, 12: 11–18. (In Russian). DOI: [10.24412/2076-1503-2022-12-11-18](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-11-18).
- Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A. 2021. The principle of solidarity in the post-industrial society: content peculiarities and development tendencies. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 1: 3–7. (In Russian)
- Tsybulevskaya O.I. 2022. Solidarity in law in the focus of moral problems. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya*, 5: 63–68. (In Russian)
- Shapsugova M.D. 2021. Solidarity as a new principle of economic activity of individuals. *Pravo i praktika*, 2: 14–20. (In Russian). DOI: [10.24412/2411-2275-2021-2-14-20](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-2-14-20).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.05.2026

Поступила после рецензирования 24.05.2026

Принята к публикации 05.06.2026

Received May 15, 2026

Revised May 24, 2026

Accepted June 5, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоцеркович Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, советник при ректорате, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis V. Belotserkovich, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Advisor to the Rector's Office, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 342
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-388-394
EDN HQDTRX

Общие принципы права: дедуктивность, конкуренция и баланс (от интерпретации к атрибутивным чертам конституционных принципов)

Кемрюгов Т.Х.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
Россия, Санкт-Петербург, 196601, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 2
tengiz_09@bk.ru

Аннотация. Исследуется юридическая природа общих принципов права, их роль в интерпретации закона и восполнении пробелов. На основе концепции Ж.-Л. Берজেля анализируется дедуктивность принципов, позволяющая выводить из абстрактных стандартов конкретные нормативные предписания, а также фундаментальная и техническая функции принципов. Обосновано, что дедукция является необходимым, но не исчерпывающим свойством: принципы вступают в коллизии, требующие не выведения правил, а взвешивания и балансирования. Конкуренция принципов трактуется как имманентный признак правовой системы, обеспечивающий сосуществование разнонаправленных ценностей. Компромисс при столкновении принципов предложено описывать в терминах Парето-эффективности и равновесия Нэша, что характеризует применение принципов как «искусство баланса». Дополнительно, с опорой на позицию Г.А. Гаджиева, выявлена специфика логической структуры принципов (отсутствие диспозиции, праввосстановительная санкция). На основе проведённого анализа определены атрибутивные черты конституционно-правовых принципов: этическая основа, статус стандарта (требования оптимизации), отсутствие прямого регулирования, нетипичность логической структуры, градуальная реализуемость и конкуренция как источник динамического равновесия.

Ключевые слова: конституционный баланс, дедуктивность, сбалансированность, принципы права

Для цитирования: Кемрюгов Т.Х. 2026. Общие принципы права: дедуктивность, конкуренция и баланс (от интерпретации к атрибутивным чертам конституционных принципов). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 388–394. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-388-394
EDN: HQDTRX

General Principles of Law: Deduction, Competition, and Balance (from Interpretation to Attributive Features of Constitutional Principles)

Tengiz Kh. Kemryugov

Saint Petersburg State Agrarian University
2 Peterburgskoye Hwy, Saint Petersburg, Pushkin 196601, Russian Federation
tengiz_09@bk.ru

Abstract. This paper examines the legal nature of general principles of law, their role in interpreting the law, and filling legal gaps. Drawing on J.-L. Bergel's concept, the paper analyzes the deductive nature of principles, which allows for the derivation of specific normative prescriptions from abstract standards, as well as the fundamental and technical functions of principles. The author that deduction is a necessary but not exhaustive property: principles collide, requiring not the derivation of rules, but rather weighing and balancing. The competition of principles is interpreted as an inherent feature of the legal system, ensuring the coexistence of divergent values. It is proposed to describe compromise in the event of a clash of

principles in terms of Pareto efficiency and Nash equilibrium, which characterizes the application of principles as the "art of balance." Additionally, drawing on G.A. Gadzhiev's position, the specific features of the logical structure of principles (absence of disposition, restorative sanction) have been identified. Based on the analysis, the attributive features of constitutional and legal principles are formulated: ethical foundation, standard status (optimization requirements), absence of direct regulation, atypical logical structure, gradual feasibility, and competition as a source of dynamic equilibrium.

Keywords: constitutional balance, deduction, balance, principles of law

For citation: Kemryugov T.Kh. 2026. General Principles of Law: Deduction, Competition, and Balance (from Interpretation to Attributive Features of Constitutional Principles). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 388–394 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-388-394 EDN: HQDTRX

Введение

Разработка идеи баланса с позиции конституционно-правовой теории и практики закономерно связана с выявлением роли принципов права в процессе гармонизации общественных отношений. Особый, заслуживающий пристального научного внимания статус принципов, предложен Г.В. Мальцевым: «Объективны по происхождению общественные и гуманитарные принципы, за которыми в конечном счете, обнаруживаются познанные законы развития общества и человека. Здесь, собственно, заложен первичный источник нормативности общественных, в особенности этических и правовых, принципов» [Мальцев, 2007, с. 662]. Далее он резюмировал, что «Правовой принцип – это норма широкого диапазона действия, воплощение начал, которые пронизывают все уровни правовой жизни [Мальцев, 2007, с. 668]. Полагаем именно поэтому правовые принципы получают освещение с позиции их роли в формировании отраслевой модели системы права [Тонков, Синенко, 2022], исследуются в видовом ключе [Кемрюгов, 2021; Мархгейм, Лукьянова, 2024], акцентируются в специализированном фокусе [Таболин, Мархгейм, 2025].

В данной работе обратим внимание на абстрактный характер принципов права, который, обеспечивая их универсальность и нормативную гибкость, одновременно актуализирует такое значимое свойство, как дедуктивность. Именно через дедукцию – выведение конкретных требований из общего замысла – принцип обретает способность к практическому применению. Как справедливо отмечено Ж.-Л. Бержелем, общие принципы составляют «каркас юридической мысли», играя ключевую роль как при интерпретации неясных норм, так и при сглаживании юридических пустот [Бержель, 2000, с. 180]. При этом дедуктивная логика развертывания принципа позволяет перейти от абстрактного стандарта к относительно определенным нормативным предписаниям, способным урегулировать конкретное общественное отношение. Лишь после такого выведения содержания принцип становится операционализируемым – то есть готовым к непосредственному применению в правовой практике. Представим логику рассуждений по этому поводу, опираясь на идеи и аргументы Ж.-Л. Бержеля, Д.Ф. Нэша и Г.А. Гаджиева.

Роль общих принципов права в преодолении неясностей и пробелов в законодательстве (версия Ж.-Л. Бержеля)

Исходно рассмотрим такое значимое свойство принципов, как их дедуктивность. Имея абстрактное содержание, принципы права, с одной стороны, нуждаются в пояснении, интерпретации, а с другой – сами служат преодолению неопределенности, приращению содержания юридической нормы, толкованию закона. По убеждению Ж.-Л. Бержеля, представленному в работе «Общая теория права» в разделе, принципы права «...в широком смысле, составляют каркас юридической мысли и играют важную роль в интерпретации закона» [Бержель, 2000, с. 180]. Он обратил внимание и на то, что

на принципы опираются судьи, «когда необходимо определить смысл неясных или двусмысленных текстов. Если при анализе некоторого правила выясняется его несоответствие принципу, суд должен дать строгую интерпретацию такого правила». Еще более значительную роль отвел данный автор принципам в процессе «сглаживания юридических пустот» [Бержель, 2000, с. 180].

Возвращаясь к интерпретации принципов права, отметим, что в этом процессе из этой идеи выводятся (дедущируются) относительно конкретные требования, которые приобретают форму правила. Иными словами, дедукция позволяет перейти от стандарта (общего замысла) к более определённым нормативным предписаниям, способным урегулировать конкретное общественное отношение. Только после такого выведения и формулирования содержания принципа последний становится операционализируемым.

Однако сам по себе процесс дедукции правила из стандарта не исчерпывает природы принципов права. Он описывает лишь один из этапов их действия – этап конкретизации. За рамками остаётся, по крайней мере, следующее: принципы способны вступать в коллизии, требующие не дедукции, а взвешивания и балансировки; они сохраняют свою самостоятельную нормативную силу даже после того, как из них выведены частные правила; кроме того, дедукция не объясняет, как принцип влияет на правотворчество и правоприменение в ситуациях, где правило отсутствует или допускает исключения. Таким образом, дедуктивность – необходимое, но не исчерпывающее свойство принципов права, их юридической природы. Как отмечал Ж.-Л. Бержель, «несмотря на то, что мы регулярно обращаемся к понятию «общие принципы права», его значение остается смутным, а природа «общих принципов» – неопределённой, в том числе по причине неопределённости их источников» [Бержель, 2000, с. 163]. Он также акцентировал, что «подлинно общие принципы, то есть те, которые не только служат элементами, объединяющими здание отдельного правового института... но и соприкасаются с самим фундаментом юридической системы, имеют очень долгий срок жизни; эти принципы служат интерпретации новых законов, которые таким путем интегрируются в общий юридический порядок и адаптируются к нему, поэтому названные принципы выступают фактором стабильности правовой системы, не исключая при этом возможности ее эволюции» [Бержель, 2000, с. 182]. Это в определенной мере подступ к выявлению различных функций принципов права и их значения.

Обращаясь к освещению вопроса функционального значения общих принципов права, Ж.-Л. Бержель связывал его «с авторитетом, который за ними признается и благодаря которому они вменяются судье, органам регламентарной власти или даже законодателю. Помимо зависящих от конкретного случая моральных и философских целей общие принципы, выступая структурным элементом юридического порядка, раскрывают свою двойную фундаментальную... и техническую... функцию» [Бержель, 2000, с. 178]. Первая функция общих принципов права выражается тем, что они «составляют базу всякой юридической конструкции», т. е. формулирование и развитие юридических правил опосредуется общими принципами права. Вторая функция общих принципов права поименована технической, в рамках которой проявляют себя направляющие и корректирующие функции. Техническая функция общих принципов права, по описанию Ж.-Л. Бержеля, обусловлена тем, что каждый принцип обладает соответствующей технической ролью, проявляющейся при взаимодействии их друг с другом «в рамках одной ситуации или в рамках данной юридической сферы» [Бержель, 2000, с. 183]. При этом он подчеркнул, что несмотря на сложность верно «уловить тонкую игру взаимодействий между различными общими принципами» [Бержель, 2000, с. 183], есть основания «констатировать, что во всех юридических сферах одновременно сталкиваются принципы, определяющие правила или юридические решения, и принципы, предназначенные для корректировки законных решений (то есть для предотвращения злоупотреблений и отклонений от норм) [Бержель, 2000, с. 183]. В рамках рассуждений

Ж.Л. Бержеля о функциях принципов права складывается, скажем так, фон конкуренции принципов права: двойственность функций, тонкости взаимодействия общих принципов права в рамках одной юридической ситуации, столкновение принципов права разного предназначения и пр. Соответственно, статус общих принципов права требует сообразного способа их «примирения», а именно – путем балансирования.

Поскольку юридическая ситуация может подчиняться не одному, а нескольким принципам, постольку к этим случаям также обращено внимание исследователя. Правовой процесс, по словам Ж.-Л. Бержеля, «всегда подвержен влиянию со стороны множества различных обстоятельств; технические роли взаимодействующих друг с другом принципов имеют определяющее значение для юридического решения, которое должно из этих ролей вытекать» [Бержель, 2000, с. 183]. Такие ситуации создают почву для конкуренции принципов права. При этом важно отметить, что конкуренция принципов – это не дефект правовой системы, а её неотъемлемый признак, обеспечивающий сосуществование в праве разнонаправленных, но одинаково легитимных идей. В любом развитом правовом порядке, особенно в конституционном, неизбежно присутствуют конкурирующие ценностные представления (например, свобода и равенство, частная автономия и социальная солидарность).

Принципы права: искусство баланса и логика отсутствия диспозиции (от равновесия Д.Ф. Нэша к структуре Г.А. Гаджиева)

Когда идеи, заключенные в принципах, получают формализацию, тогда субъекты правоотношений, уполномоченные принимать юридически значимые решения, обязаны основываться на них. Поскольку, по словам Г.В. Мальцева, применение принципов «целиком находится в области субъективного», постольку «...самое распространенное злоупотребление принципами, связанное с их иерархической, ценностной структурой, – это недооценка одних принципов и переоценка других» [Мальцев, 2007, с. 662]. Обратив внимание на этот нередко допускаемый методологический огрех при обращении с принципами права, уточним, что ценностная иерархия принципов права в определенной мере служит их гармонизации.

При этом, как ранее отмечено, одни и те же юридические обстоятельства могут притягивать целую группу значимых, иерархически сопоставимых принципов, среди которых неминуемо есть конкурирующие. В таких условиях предпочтение – по объективным или умозрительным основаниям – какого-то одного принципа права без учёта иных принципов в максимально полном объёме неизбежно исключило бы действие всех конкурирующих с ним принципов. Более того, такое абсолютное доминирование одного принципа привело бы к отрицанию самой юридической действительности других принципов, сделав невозможным их сосуществование в системе права. Именно поэтому общим принципам права показана возможность находиться в условиях «здорового соперничества», не приводящего к утрате их статуса основополагающего начала и руководящей идеи. В разных ситуациях могут на передний план принятия решения вырываться разные принципы, при этом все из них сохраняют ранг действительных. Опираясь на доводы авторов, разрабатывающих проблему принципов права, принципы права, в отличие от норм права, в своей конкуренции не могут быть признаны ничтожными. Это принципиальный вывод. При этом само наличие конкуренции принципов права обуславливает запрос на минимизацию потенциальных рисков, с этим связанных. Благоприятствовать «примирению» соперничающих принципов права вообще, а конституционных – прежде всего, будет не установление иерархии, не определение «весовой категории» убедительности принципа права, а гармонизация путем компромиссного подхода.

Такой компромисс может быть описан, например, в терминах Парето-эффективности [Парето, 2007] (состояние, при котором невозможно улучшить положение

одного участника без ухудшения положения другого) или равновесия Дж. Нэша [Nash, 1996] (ситуация, в которой ни один участник не может увеличить свою выгоду, в одностороннем порядке изменив своё поведение, при условии, что другие участники сохраняют свои стратегии). Иными словами, применение принципов – это искусство баланса, а не акт устранения. Как представляется, это наиболее подходящее статусу принципов права обращение.

Еще на один значимый аспект принципов права обратил внимание Г.А. Гаджиев. Он обнаруживается при сопоставлении логической структуры нормы права (гипотеза – диспозиция – санкция; условие – предписание) и принципа. Вот как это обобщено Г.А. Гаджиевым: «Гипотеза конституционного принципа отвлечена от предметных обстоятельств его действия, но может состоять из указания на субъект (впрочем, принцип может не включать и этого), который должен обеспечить реализацию принципа. Нет диспозиции, принцип не может устанавливать права и обязанности, иначе он становился бы нормой; он лишь устанавливает некую идеальную цель. Санкция существует, по-видимому, только в правовосстановительной, но не карательной форме» [Гаджиев, 2008, с. 44]. Определенное согласование принципов права и норм права могло бы быть в компромиссном выражении «норма-принцип», однако данный термин не является общеупотребительным. При этом, разрабатывая теорию современной конституции, Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин характеризовали норму-принцип в конституциях в качестве правового выражения «основ, начал, которыми следует руководствоваться» [Хабриева, Чиркин, 2005, с. 55].

Исходя из проведенного анализа различий между нормами (правилами) и принципами права, а также особенностей их конкуренции и ее консенсуального преодоления в русле балансирования, представляется возможным провести очевидные параллели с принципами конституционного права.

Атрибутивные черты конституционных принципов

Поскольку конституционные принципы являются специфической разновидностью правовых принципов, постольку представляется интересным с учетом выше выясненного акцентировать и последовательно обобщить атрибутивные черты конституционных принципов.

Прежде всего, в таких чертах отметим нравственную составляющую или этическую основу. Сообразны статусу конституционного права как науки и ведущей отрасли права и ее принципы. Они зиждутся на этически релевантной, конституционно значимой идее, отражающей нормативный образ должного в пространстве конституционно-правового регулирования (например, о достоинстве личности, демократии, социальной справедливости).

Следующая атрибутивная черта принципа конституционного права – это то, что он есть стандарт, но не конкретное предписание. Это означает, что в содержании конституционного принципа формулируется как особый эталон/стандарт: в нем выражается не жёсткое правило, а, скажем так, «требование оптимизации» – необходимость максимально возможного (с учётом фактических и юридических ограничений) соответствия поведения или состояния дел данной идее.

Несмотря на прямое действие Конституции как обладающего верховенством акта ее нормы-принципы не обладают свойством прямого регулирования. Это полагаем возможным также отнести к атрибутивным чертам принципа конституционного права. Такой вывод обусловлен пониманием, что сам по себе такой принцип при всей своей этической значимости и эталонном предназначении не конкретизирует как прав и обязанностей субъектов конституционно-правовых отношений, так и порядка собственной реализации. Все это может получить детализацию посредством интерпретации (дедуктирования) в русле приложения данного конституционного принципа в определенных отношениях.

Неотрывной чертой принципа конституционного права является также специфика/нетипичность логической структуры. В отличие от классической нормы права, имеющей трёхчленную структуру (гипотеза – диспозиция – санкция) или двухзвенную (условие – предписание), принцип конституционного права такой структурой не обладает, не задаёт автоматически применимого условия и не содержит готовой меры должного поведения.

В качестве атрибутивной черты принципа конституционного права выступает его относительная (градуальная) реализуемость. Принцип задаёт идеальную цель, которая в реальной правовой жизни не может быть достигнута абсолютно и окончательно. Он реализуется лишь в той или иной степени – через взвешивание с другими принципами и поиск компромисса, но никогда не претворяется полностью наподобие правила «всё или ничего».

Еще одним сущностным признаком (атрибутивной чертой) принципов конституционного права является их конкуренция. Состояние взаимной конкуренции принципов конституционного права (когда несколько одинаково действительных принципов требуют противоположных решений) – это не аномалия, а существенный признак, отличающий их от норм конституционного права: если для норм права конкуренция разрешается через признание одной из них недействительной, то для принципов конкуренция неустраима и является источником их динамического равновесия.

Заключение

Подходы Ж.-Л. Берজেя, Дж. Нэша и Г.А. Гаджиева к исследованию принципов права с учетом убедительных обобщений Г.В. Мальцева являются основанием для корректного сопоставления полученных результатов с принципами конституционного права.

Принцип конституционного права есть не абстрактная идея, а особое средство правового регулирования, признаками которого являются: выражение общеобязательного, формально определенного стандарта поведения; способность вступать в состояние конкуренции (противоречия) с иными принципами в конкретных правовых ситуациях.

Именно благодаря дедуктивному развитию конституционно значимых идей от общего к частному, принципы конституционного права выполняют роль универсального инструмента, позволяющего обеспечить непротиворечивое и конституционно правомерное развитие всей правовой системы. Они выступают в качестве защитного механизма, предохраняющего от деформации те основополагающие идеи, на которых зиждется российская государственность и публичный правопорядок.

Принципы конституционного права (как разновидность принципов права) служат трем ключевым целям конституционного правотворчества и правоприменения: интерпретации права (герменевтическая основа для уяснения смысла конституционных и отраслевых норм); преодолению пробелов в праве (непосредственное основание для разрешения дел в условиях феномена «отсутствия нормы» (аналогия права); оценки (верификация) конституционности (критерий для определения соответствия текущего законодательства «духу» и «букве» Конституции).

Список литературы

- Бержель Ж.-Л. 2000. Общая теория права. Пер.с фр. Под общ. ред. В.И. Даниленко. М., Издательский дом Nota Bene, 576 с. (Jean-Louis Bergel. 1989. *Théorie générale du droit*. Dalloz, 576 p.).
- Гаджиев Г.А. 2008. Принципы права и право из принципов. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2(63): 22–45.
- Кемрюгов Т.Х. 2021. Конституционные принципы и ценности как предмет баланса (пропорциональности): к вопросу о сложностях теоретического и практического содержания. *Государство и право*, 1: 135–142. DOI: [10.31857/S102694520013236-0](https://doi.org/10.31857/S102694520013236-0)

- Мальцев Г.В. 2007. Социальные основания права. М. : Норма, 800 с.
- Мархгейм М.В., Лукьянова И.Ю. 2024. Правозащитные принципы конституционного ограничения прав и свобод личности в России. *Лоббирование в законодательстве*, 3(3): 16–21. DOI: [10.33693/2782-7372-2026-5-1-20-26](https://doi.org/10.33693/2782-7372-2026-5-1-20-26).
- Парето В. 2007. Компендиум по общей социологии. М., ГУ ВШЭ, 511 с. (Pareto V. 1920. *Compendio di sociologia generale*. Firenze, 593 p.)
- Таболин В.В., Мархгейм М.В. 2025. Принцип надежности государства как альтернатива западной концепции устойчивого развития: правовые проблемы применения в России. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 50(4): 858–866. DOI: [10.52575/2712-746X-2025-50-4-858-866](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2025-50-4-858-866)
- Тонков Е.Е., Синенко В.С. 2022. Роль правовых принципов в формировании отраслевой модели системы права. *Современное право*, 11: 21–34. DOI: [10.25799/NI.2022.36.85.004](https://doi.org/10.25799/NI.2022.36.85.004)
- Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. 319 с.
- Nash J.F., Jr. 1996. *Essays on Games Theory*. Publ. Cheltenham, 91 p.

References

- Bergel J.-L. 2000. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Translated from French. Edited by V.I. Danilenko. Moscow, Publ. “Nota Bene”, 576 p.
- Gadzhiev G.A. 2008. Principy prava i pravo iz principov [Principles of Law and Law from Principles]. *Comparative Constitutional Review*, 2(63): 22–45.
- Kemryugov T.Kh. 2021. Constitutional Principles and Values as a Subject of Balance (Proportionality): On the Difficulties of Theoretical and Practical Content. *State and Law*, 1: 135–142 (In Russian). DOI: [10.31857/S102694520013236-0](https://doi.org/10.31857/S102694520013236-0)
- Maltsev G.V. 2007. *Social Foundations of Law*. Moscow: Norma, 800 p. (In Russian).
- Markhgeym M.V., Lukyanova I.Yu. 2024. Human Rights Principles of Constitutional Restrictions on Individual Rights and Freedoms in Russia. *Lobbying in Legislation*, 3(3): 16–21 (In Russian). DOI: [10.33693/2782-7372-2026-5-1-20-26](https://doi.org/10.33693/2782-7372-2026-5-1-20-26)
- Pareto V. 2007. *Kompendum po obshchej sociologii* [Compendium of General Sociology]. Translated from the Italian. Moscow, State University of the Higher School of Economics, 511 p. (Pareto V. 1920. *Compendio di sociologia generale*. Firenze, 593 p.)
- Tabolin V.V., Markhgeym M.V. 2025. The Principle of State Reliability as an Alternative to the Western Concept of Sustainable Development: Legal Issues of Application in Russia. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 858–866 (In Russian). DOI: [10.52575/2712-746X-2025-50-4-858-866](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2025-50-4-858-866)
- Tonkov E.E., Sinenko V.S. 2022. The Role of Legal Principles in the Formation of a Sectoral Model of the Legal System. *Modern Law*, 11: 21–34 (In Russian). DOI: [10.25799/NI.2022.36.85.004](https://doi.org/10.25799/NI.2022.36.85.004)
- Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. 2005. *Theory of the Modern Constitution*. Moscow, 319 p. (In Russian)
- Nash J.F., Jr. 1996. *Essays on Games Theory*. Publ. Cheltenham, 91 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.05.2026

Поступила после рецензирования 23.05.2026

Принята к публикации 10.06.2026

Received May 1, 2026

Revised May 23, 2026

Accepted June 10, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кемрюгов Тенгиз Хатызович, кандидат юридических наук, доцент, директор юридического института им. Е.А. Энгеля, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tengiz Kh. Kemryugov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Director of the E.A. Engel Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

УДК 349.6

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-395-403

EDN IGKKAR

Механизм правового регулирования коммерческого оборота объектов животного мира в Российской Федерации

¹ Кравцова Е.А., ² Митякина Н.М.

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
kravtsova_e@bsuedu.ru, mityakina@bsuedu.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить правовую сущность и механизм коммерческого оборота объектов животного мира в Российской Федерации в условиях исключительной государственной собственности на данные природные ресурсы. Обосновано, что объектом коммерческого оборота в рамках природоресурсного законодательства является дикое животное в состоянии естественной свободы, а также животные, содержащиеся в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания. Установлено, что индивидуализация передаваемого объекта осуществляется только по видовому признаку, что порождает противоречие между конструкцией «предоставление в пользование» и фактическим отчуждением животных. Определен исчерпывающий перечень оснований перехода животного мира от государства к субъектам предпринимательской деятельности, включающий договоры и административно-правовой механизм (разрешения на добычу). Выявлено, что все договорные формы носят исключительно коммерческий характер, тогда как оборот на основании разрешений признается коммерческим только при наличии предпринимательской цели. Особое внимание уделено субъектному составу: государство как собственник выступает на стороне передающей, а индивидуальные предприниматели и юридические лица – на стороне получающей. Значение результатов заключается в систематизации механизма коммерческого оборота животного мира, выявлении его правовых пробелов и обосновании необходимости корректировки законодательной конструкции «предоставление в пользование».

Ключевые слова: природоресурсное право, исключительная государственная собственность, дикая фауна, договор пользования животным миром, разрешение на добычу, водные биологические ресурсы, охотхозяйственное соглашение, субъект предпринимательской деятельности

Для цитирования: Кравцова Е.А., Митякина Н.М. 2026. Механизм правового регулирования коммерческого оборота объектов животного мира в Российской Федерации. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 395–403. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-395-403 EDN: IGKKAR

Mechanism of Legal Regulation of of Wild Fauna Commercial Circulation in the Russian Federation

¹ Elena A. Kravtsova, ² Nadezhda M. Mityakina

¹ Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
kravtsova_e@bsuedu.ru, mityakina@bsuedu.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify the legal nature and mechanism of commercial trade in wild fauna objects in the Russian Federation under the exclusive state ownership of these natural

resources. The article argues that, under natural resource legislation, the object of commercial circulation is a wild animal in its natural habitat, as well as animals kept in semi-captive conditions or in human-made environments. The study reveals that the transferred object is identified solely by its species, which gives rise to a conflict between the legal notion of "providing for use" and the de facto alienation of animals. An exhaustive list of grounds for the transfer of wildlife from the state to business entities is defined, including contracts and administrative-legal mechanisms (hunting permits). The study has revealed that all contractual forms are exclusively commercial in nature, whereas trade based on permits is recognized as commercial only if there is an entrepreneurial purpose. Particular attention is paid to the composition of the subjects: the state, as the owner, acts as the transferor, while individual entrepreneurs and legal entities act as the recipient. The significance of the results lies in systematizing the mechanism of commercial wildlife trade, identifying its legal gaps, and justifying the need to adjust the legislative framework for "providing for use".

Keywords: natural resources law, exclusive state ownership, wild fauna, contract for fauna use, hunting permit, aquatic biological resources, hunting agreement, business entity

For citation: Kravtsova E.A., Mityakina N.M. 2026. Mechanism of Legal Regulation of of Wild Fauna Commercial Circulation in the Russian Federation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 395–403 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-395-403 EDN: IGKKAR

Введение

Правовой режим животного мира в Российской Федерации строится на принципе исключительной государственной собственности, что предполагает особый порядок вовлечения диких животных в имущественный оборот. Коммерческое использование объектов животного мира – прежде всего водных биологических ресурсов и охотничьих ресурсов – является значимым сектором экономики, однако механизм передачи права пользования этими объектами от государства к субъектам предпринимательской деятельности сочетает в себе как частноправовые (договорные), так и публично-правовые (разрешительные) инструменты. Такая двойственность порождает правовые коллизии: с одной стороны, законодательство запрещает сделки, влекущие отчуждение объектов животного мира, находящихся в естественной свободе; с другой стороны, фактическая передача права на их добычу по своей экономической сути мало отличается от купли-продажи. Кроме того, индивидуализация передаваемых животных только по видовому признаку ставит под сомнение классическое понимание вещи как индивидуально определенного объекта гражданского оборота.

В юридической литературе вопросы оборота природных ресурсов традиционно привлекают внимание ученых-цивилистов и специалистов в области природоресурсного права. В научной среде идут споры о том, какова правовая природа диких животных с точки зрения гражданского права: можно ли рассматривать их в качестве объектов гражданских прав, насколько они оборотоспособны и допустимо ли устанавливать вещные права на природные объекты, которые не созданы трудом человека.

Высказывались различные позиции: от отрицания вещно-правового статуса диких животных в естественной среде обитания до предложений рассматривать их в качестве «объектов достояния народа». Вместе с тем комплексное исследование механизма именно коммерческого оборота животного мира, включающее системный анализ всех договорных и разрешительных оснований перехода права пользования, а также выявление особенностей субъектного состава (в том числе ограничений для иностранных инвесторов) в современной науке отсутствует. Недостаточно изучен и вопрос о том, как преодолевается противоречие между конструкцией «предоставление в пользование» и фактическим отчуждением диких животных в рамках коммерческой деятельности.

Цель исследования – выявить правовую сущность и механизм коммерческого оборота объектов животного мира в Российской Федерации, определить его объектные и субъектные характеристики, а также установить исчерпывающий перечень юридических оснований перехода права пользования животным миром от государства к субъектам предпринимательской деятельности.

Понятие и место коммерческого оборота животного мира в системе природоресурсного законодательства

В преамбуле Федерального закона «О животном мире»¹ говорится, что животный мир представляет собой достояние народов России, служит неотъемлемой частью природной среды и биологического разнообразия планеты, выступает возобновляемым природным ресурсом, является важным регулятором и стабилизирующим звеном биосферы, а также всемерно охраняется и рационально используется для удовлетворения как духовных, так и материальных потребностей российских граждан. Представленная формулировка позволяет сделать вывод: законодатель ставит во главу угла экологическую значимость животного мира, рассматривая его в качестве одного из основополагающих компонентов биосферы. Что касается материальных нужд граждан, то они упоминаются только в завершающей части преамбулы, да и то с обязательной оговоркой о необходимости рационального природопользования. Впрочем, из этого вовсе не следует, что имущественная составляющая отодвигается на задний план. Оборот объектов животного мира в коммерческих и иных имущественных целях составляет значимую часть отраслевой деятельности. Наиболее ярко это проявляется в сфере водных биоресурсов, поскольку «рыбное хозяйство в Российской Федерации является комплексным сектором экономики»² и служит важным источником продовольствия, кормов и технического сырья – например, рыбной муки, жира, рыбы для кормления пушных зверей, агар-агара и целого ряда биологически активных веществ. В общем объеме потребления белков животного происхождения на долю рыбных белков приходится примерно 10%, а в структуре мясорыбного баланса – около 25%. При этом оборот водных биоресурсов по преимуществу носит коммерческий характер, поскольку правом на их изъятие в основном наделяются субъекты предпринимательской деятельности.

В Федеральном законе «О животном мире» само слово «оборот» применительно к животному миру напрямую не встречается. Однако в нем урегулированы имущественные вопросы, связанные с охраной и использованием животного мира (ч. 6 ст. 3), а также отношения по владению, пользованию и распоряжению объектами животного мира, то есть животными (ч. 8 и 9 ст. 4). А вот специальные законы – «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов...», а также «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» – уже прямо говорят об обороте охотничьих ресурсов, продукции охоты и водных биоресурсов. Из этих норм можно выделить те понятия, которые законодатель рассматривает в качестве объектов оборота. Базовый закон оперирует терминами «животный мир», «объект животного мира» либо «животное» (что тождественно), а специальные законы – понятиями «охотничьи ресурсы», «продукция охоты», «водные биологические ресурсы». Авторская позиция относительно использования термина «ресурс» применительно к объектам имущественного оборота уже излагалась ранее, в связи с чем нет необходимости повторно останавливаться на этом вопросе. Отметим только, что «охотничьи ресурсы» и «водные биологические ресурсы» являются разновидностями объектов коммерческого оборота в данной сфере. Обобщающее же

¹ Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире». СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

² Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2003 № 1265-р «О Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года». СЗ РФ. 2003. № 36. Ст. 3557.

понятие, охватывающее все подобные объекты, следует искать в базовом Законе «О животном мире». В рамках природоресурсного законодательства родовым понятием, объединяющим всех животных, выступает животный мир. Здесь прослеживается та же логика, что и в других отраслях: в земельном праве – земля, в горном – недра, в водном – водный фонд, в лесном – лес. Однако сам по себе животный мир как совокупность живых организмов всех видов диких животных, которые постоянно или временно обитают на территории России и находятся в естественной свободе, а также относятся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны страны, объектом оборота быть не может. В таком виде он неспособен переходить от одного лица к другому. В обороте всегда находится только конкретный представитель животного мира, то есть отдельно взятое животное.

Объект коммерческого оборота: дикое животное как правовая категория

Согласно ч. 1 ст. 1 ФЗ «О животном мире», объект животного мира – это организм животного происхождения (дикое животное). В юридической литературе данное определение неоднократно подвергалось критике. Так, профессор Н.Н. Веденин указывал на его узость, ограничивающую животный мир только дикой фауной [Веденин, 2002]. Модельный закон «Об обращении с животными»¹ относит к диким животным млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб, которые обитают в условиях естественной свободы – на поверхности земли, в почве, подземных полостях, водоемах или атмосфере. С общенаучной точки зрения такое ограничение может считаться неверным, однако применительно к целям природоресурсного законодательства, учитывая его природоохранную направленность, сужение животного мира исключительно до дикой фауны представляется оправданным. Причина здесь в следующем.

Отношения, связанные с охраной и использованием сельскохозяйственных животных, прочих одомашненных видов, а также диких животных, которые содержатся в неволе, регулируются уже иными федеральными законами и другими нормативными правовыми актами России (ч. 3 ст. 3 Закона «О животном мире»). Кроме того, как указано в ч. 3 ст. 4 Закона об охоте, положения данного федерального закона не распространяются на отношения, касающиеся использования и охраны диких животных, находящихся в неволе. Следовательно, домашние животные и дикие животные в неволе выведены из-под действия природоресурсного законодательства, а их оборот регулируется гражданским правом. Поэтому в контексте оборота природных объектов они не рассматриваются. Таким образом, объектом коммерческого оборота в рамках природоресурсного права выступает дикое животное, пребывающее в естественной свободе. Впрочем, из этого правила есть одно исключение. Согласно ч. 2 ст. 3 Закона «О животном мире», отношения по охране и использованию животных, которые содержатся в полувольных условиях либо в искусственно созданной для них среде, когда это делается ради сохранения ресурса и генетического фонда, а также в других научных или просветительских целях, регулируются именно этим Законом, а также иными нормативными правовыми актами. Анализ этих положений позволяет заключить, что оборот таких животных также относится к обороту природных объектов и может быть коммерческим. Следовательно, в рамках настоящего исследования объектом коммерческого оборота признается дикое животное, находящееся в состоянии естественной свободы либо содержащееся в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания.

¹ Модельный закон об обращении с животными (Принят в г. Санкт-Петербурге 31.10.2007 Постановлением 29–17 на 29-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41. С. 443–485.

Проблема индивидуализации объекта оборота и дискуссия о правовой природе диких животных

Дикое животное как объект коммерческого оборота является индивидуально определенной вещью. Казалось бы, это предполагает наличие индивидуализирующих признаков для передачи в пользование. Однако в сфере оборота объектов животного мира ситуация сложнее. Правовые нормы, регулирующие передачу диких животных в пользование через разрешения, решения и договоры, позволяют утверждать, что передаваемые животные индивидуализируются лишь посредством указания на их вид. То есть предоставляется возможность использования одного или определенного количества особей из множества подобных. Это порождает проблему. Когда государство предоставляет животных в пользование, такие объекты должны иметь индивидуальные признаки. Без этого фактически имеет место отчуждение животных, что как раз и происходит на практике при их добыче. Но действующий режим исключительной государственной собственности не допускает перевода таких объектов в частную собственность. В отношении объектов животного мира не допускается заключение договоров купли-продажи, залога или любых других сделок, результатом которых (или потенциальным результатом) становится их отчуждение [Малая, 2003, с. 22].

П.П. Згонников предлагает радикальное решение. По его мнению, «дикие животные в состоянии естественной свободы вещами, исходя из гражданского права, не являются и установить на них какое-либо вещное право невозможно» [Згонников, 2016, с. 63], поскольку «гражданско-правовое понимание вещи основывается на возможности обладания ею, иными словами, контроля над ней» [Згонников, 2016, с. 63] (чего нет в отношении диких животных), а также они не отвечают такому признаку, как «полезность, т.е. возможность удовлетворять потребности человека при использовании вещи (ее полезных свойств)» [Згонников, 2016, с. 63]. При этом ученый не отрицает возможности гражданского права регулировать имущественные отношения, связанные с дикими животными. Сходную позицию высказывают У. Маттеи и Е.А. Суханов. По их словам, данные объекты все равно вовлекаются в товарный оборот, хотя то, что они не обладают свойствами продуктов чужого труда, и их естественная ограниченность позволяют предполагать необходимость особого правового режима – по сути, режима «объекта достояния народа», который никому конкретно не принадлежит [Маттеи, Суханов, 1999, с. 333].

Выше уже затрагивалась проблема правового регулирования оборота природных объектов в целом. Отметим лишь, что существование имущественного оборота животного мира в научном сообществе не оспаривается. Для решения же вопроса об идентифицирующих признаках объекта животного мира как объекта оборота следует признать: в силу особенностей животного мира проблема не в отсутствии этих признаков (кроме видовой принадлежности), а в том, что конструкция «предоставление в пользование» нуждается в корректировке.

Субъектный состав отношений коммерческого оборота объектов животного мира

Субъектный состав отношений коммерческого оборота объектов животного мира одновременно и прост, и сложен. Учитывая исключительную государственную собственность на животный мир, можно утверждать, что одной из сторон коммерческого оборота в этой области выступает собственник – государство. В отношении федеральных объектов – Российская Федерация, в отношении животных, находящихся в собственности субъектов РФ, – соответствующие субъекты. Помимо этого, согласно ст. 6 Закона «О животном мире», Российская Федерация наделяет органы государственной власти регионов полномочиями выдавать разрешения на пользование объектами животного мира.

Исключение составляют объекты, которые находятся на особо охраняемых природных территориях федерального значения, а также те, что внесены в Красную книгу России. Таким образом, когда такие полномочия передаются, стороной в обороте выступает уже непосредственно субъект Российской Федерации, а именно – его уполномоченный исполнительный орган.

В контексте именно коммерческого оборота животного мира важно подчеркнуть следующее. Поскольку государственные органы не являются субъектами предпринимательской деятельности, коммерческий оборот животного мира признается лишь тогда, когда второй стороной правоотношения – получателем объекта животного мира – выступает индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, использующее право пользования животным миром в предпринимательских целях.

Основания перехода животного мира в пользование: договоры и разрешения

Законодательство предусматривает восемь случаев возникновения правоотношений коммерческого оборота животного мира между указанными сторонами (госорган – субъект предпринимательства).

1. Передача объектов животного мира на основании охотхозяйственного соглашения. Как сказано в ч. 2 ст. 27 Закона об охотее¹, региональный орган власти, заключая охотхозяйственное соглашение, обязуется на весь срок действия этого соглашения передать в аренду земельные и лесные наделы, а также наделить индивидуального предпринимателя или юридическое лицо правом на добычу охотничьих ресурсов в пределах тех самых охотничьих угодий.

2. По условиям договора, который закрепляет за пользователем доли квот на вылов водных биоресурсов, государственный орган берет на себя обязанность предоставить право на добычу (вылов) либо юридическому лицу, либо индивидуальному предпринимателю (ч. 2 ст. 33.1 Закона о рыболовстве²).

3. Договор, по которому государство в лице уполномоченного органа предоставляет предпринимателю право на добычу водных биоресурсов. Это право действует в границах заранее установленного рыбопромыслового участка.

4. Договор пользования водными биоресурсами. Здесь государственный орган принимает на себя обязательство предоставить юридическому лицу или ИП право на добычу (вылов) водных биоресурсов.

5. Договор, который закрепляет за пользователем долю квоты на вылов водных биоресурсов и предоставляет ее в инвестиционных целях. По условиям этого договора государственный орган обязуется закрепить за юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем соответствующую долю и передать ему право на добычу (вылов).

6. Шестой случай регулируется ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 36 Закона о рыболовстве, а также п. 2 Постановления Правительства РФ № 775³. Здесь разрешение на вылов выдает Росрыболовство. Это происходит, например, при следующих видах деятельности: промышленное рыболовство; прибрежное рыболовство; научно-исследовательский и контрольный вылов; рыболовство в учебных и культурно-просветительских целях; рыболовство для аквакультуры (рыбоводства) и так далее. Из всего, что перечислено в законе, к предпринимательству можно причислить промышленное и прибрежное

¹ Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

² Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». СЗ. 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5270.

³ Постановление Правительства РФ от 22.10.2008 № 775 «Об оформлении, выдаче, регистрации, приостановлении действия и аннулировании разрешений на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, а также о внесении в них изменений». СЗ РФ. 2008. № 43. Ст. 4953.

рыболовство, аквакультуру, организацию любительской и спортивной рыбалки, промысел ради сохранения традиционного уклада жизни коренных народов, лов рыбы в районах, подпадающих под международные соглашения, и в открытом море, а также добычу в исключительной экономической зоне. Из этого следует, что оборот водных биоресурсов на основании разрешения, выдаваемого Росрыболовством, не всегда носит коммерческий характер. Все упомянутые выше договоры как раз и представляют собой исключительно коммерческий оборот.

7. Охота на основании разрешения на добычу охотничьих ресурсов (ст. 29 Закона об охоте).

8. Добыча объектов животного мира, не отнесенных к охотничьим ресурсам и водным биоресурсам, на основании разрешения (ст. 43 ФЗ «О животном мире»).

Из приведенных норм о предоставлении права пользования животным миром следуют два вывода. Первый вывод касается субъектного состава оборота диких животных. В пяти поименованных договорах получателями выступают исключительно субъекты предпринимательства; при выдаче разрешений – как предприниматели, так и непредприниматели. Согласно Постановлению № 775, разрешения выдаются на основании заявлений, поданных российскими организациями (причем как теми, которые не контролируются иностранным инвестором, так и теми, кто находится под таким контролем, но только в случаях, оговоренных в законе о стратегических инвестициях), индивидуальными предпринимателями и обычными гражданами (все они именуются российскими пользователями), а также иностранными пользователями, но с обязательным соблюдением всех требований, которые установлены российским законодательством. Таким образом, получатели водных биоресурсов в коммерческом обороте делятся на российских и иностранных. К ним могут предъявляться дополнительные требования, в частности по гражданству/принадлежности. По общему правилу, юрлица, зарегистрированные в РФ и находящиеся под контролем иностранного инвестора, не вправе осуществлять добычу (вылов) водных биоресурсов, за исключением случаев, предусмотренных ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение...»¹. Поскольку этот закон говорит именно о хозяйственных обществах (коммерческих юрлицах), данные случаи получения иностранными организациями права добычи полностью входят в коммерческий оборот животного мира. Следует заметить, что аналогичных ограничений для иных объектов животного мира не предусмотрено.

Получателями разрешений на охоту или добычу объектов, не отнесенных к охотничьим и водным ресурсам, также могут быть как предприниматели, так и иные лица. Например, при промысловой охоте (ст. 13 Закона об охоте) ее субъектами выступают ИП или юрлица, и она носит коммерческий характер. Добыча объектов животного мира, не отнесенных к охотничьим и водным ресурсам, также может быть коммерческой деятельностью, как указано в п. 4 Методических рекомендаций по подготовке правил добывания таких объектов на территории субъекта РФ².

Второй вывод из перечня оснований перехода животного мира в пользование субъектам предпринимательства непосредственно от государства: данный перечень является исчерпывающим и включает, во-первых, частноправовой механизм (договоры, хотя и не известные гражданскому праву, но построенные на частноправовых началах), во-вторых, административно-правовой способ (разрешение).

¹ Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

² Методические рекомендации по подготовке правил добывания объектов животного мира, не отнесенных к объектам охоты и рыболовства и не принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, на территории субъекта Российской Федерации (разосланы с письмом Госкомэкологии РФ от 16.06.1998 № 18-01-31/604) // СПС «КонсультантПлюс».

Переход права пользования животным миром от одного пользователя к другому

Коммерческий оборот животного мира не ограничивается лишь ситуациями, где право пользования дает само государство. Есть и другие варианты перехода такого права, и их тоже без сомнений можно относить к этому обороту. Право пользования животным миром может переходить от одного пользователя к другому. Как отмечено в научной литературе, переход права трактуется как утрата прав одним лицом и одновременное появление точно такого же права в том же объеме у другого лица. Ключевое условие здесь – первоначальный обладатель права должен полностью его лишиться, при этом «правообладатель, утрачивающий право, может повлиять на выбор субъекта, к которому перейдет это право»¹. В соответствии с ч. 2 ст. 31 Закона об охоте, государственные органы предоставляют юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, имеющим заключенные охотхозяйственные соглашения, бланки разрешений на добычу охотничьих ресурсов. Эти бланки предназначены для того, чтобы в дальнейшем выдавать такие разрешения уже непосредственно охотникам – физическим лицам. Таким образом, в этом случае право пользования животным миром предоставляет уже не государство (собственник), а предприниматель – инвестор по охотхозяйственному соглашению; получателем выступает физическое лицо. Если предприниматель выдает разрешение в рамках предпринимательской деятельности (а это подавляющее большинство случаев), то такой оборот является коммерческим. Ст. 32 Закона о рыболовстве также предусматривает возможность перехода права пользования животным миром от одного лица к другому (в отношении водных биоресурсов). Указано, что такой переход возможен в случаях, предусмотренных федеральным законом. В действующей редакции статьи 32 в качестве единственного основания перехода названо универсальное правопреемство. До середины 2016 года данная норма позволяла также передавать право на вылов водных биоресурсов от одного лица другому на основании договора, который заключался по итогам аукциона, однако позже это положение убрали. На сегодняшний день, помимо универсального правопреемства, никаких других вариантов перехода водных биоресурсов по схеме «от пользователя к пользователю» законом не предусмотрено. Ранее Верховный Суд уже обращал внимание на то, что законодательство не устанавливает административных процедур для оформления подобного перехода прав на добычу водных биоресурсов. В настоящее время не предусмотрены и договорные процедуры.

Заключение

В качестве объектов коммерческого оборота животного мира выступают, во-первых, дикие звери и птицы, обитающие на воле, а во-вторых, животные, которые содержатся в полувольных условиях либо в среде, созданной искусственно. Главная особенность индивидуализации дикого животного, которое попадает в коммерческий оборот, заключается в том, что его определяют исключительно по видовой принадлежности – никаких других отличительных признаков законом не предусмотрено. Учитывая исключительную государственную собственность на животный мир, одной из сторон коммерческого оборота выступает государство в лице своих органов. Поскольку госорганы не являются субъектами предпринимательства, оборот признается коммерческим только тогда, когда получателем объекта выступает ИП или юрлицо, использующее право пользования в предпринимательских целях.

Перечень оснований перехода животного мира в пользование субъектам предпринимательства непосредственно от государства является исчерпывающим и

¹ Бажайкин А.Л., Бортник И.Ю., Дубовик О.Л. и др. 2011. Комментарий к Федеральному закону от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (постатейный). Под ред. О.Л. Дубовик. СПС КонсультантПлюс.

включает договоры и разрешения. Все договоры носят предпринимательский характер, следовательно, полностью включаются в коммерческий оборот. Передача права на добычу (вылов) водных биоресурсов на основании разрешения включается в коммерческий оборот только в том случае, если пользователь является предпринимателем, а цель получения – коммерческая. В сфере коммерческого оборота водных биологических ресурсов особенностью субъектного состава является принадлежность получателя к российским пользователям, за исключением случаев, предусмотренных ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

В коммерческий оборот животного мира включаются также случаи перехода права пользования от одного пользователя к другому (например, универсальное правопреемство или выдача разрешений на добычу охотничьих ресурсов инвестором по охотхозяйственному соглашению).

Список литературы

- Веденин Н.Н. 2002. Животный мир: проблемы охраны и использования. *Журнал российского права*, 12: 45–52.
- Згонников П.П. 2016. О развитии и совершенствовании вещных прав на животный мир. *Современное право*, 6: 63–67.
- Малая Т.Н. 2003. К вопросу о формах реализации права собственности на природные ресурсы. *Экологическое право*, 6: 22–26.
- Маттеи У., Суханов Е.А. 1999. Основные положения права собственности. М., 333 с.

References

- Vedenin N.N. 2002. Zhivotnyy mir: problemy okhrany i ispol'zovaniya [Wildlife: problems of protection and use]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 12: 45–52.
- Zgonnikov P.P. 2016. O razvitii i sovershenstvovanii veshchnykh prav na zhivotnyy mir [On the development and improvement of property rights to wildlife]. *Sovremennoe pravo*, 6: 63–67.
- Malaya T.N. 2003. K voprosu o formakh realizatsii prava sobstvennosti na prirodnyye resursy [On the issue of forms of implementation of property rights to natural resources]. *Ekologicheskoe pravo*, 6: 22–26.
- Mattei U., Sukhanov E.A. 1999. Osnovnyye polozheniya prava sobstvennosti [Fundamental principles of property law]. Moscow, 333 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.05.2026

Поступила после рецензирования 23.05.2026

Принята к публикации 10.06.2026

Received May 1, 2026

Revised May 23, 2026

Accepted June 10, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кравцова Елена Александровна, доктор юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Митякина Надежда Михайловна, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой трудового и предпринимательского права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Kravtsova, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russian Federation.

Nadezhda M. Mityakina, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Labor and Entrepreneurial Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 172.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-404-413
EDN LHFLUO

Трансформация идеи служения Отечеству и её роль в формировании российской идентичности: от Древней Руси до современности

Тумин А.Ю.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Россия, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

tumin-msk@mail.ru

Аннотация. Идея служения Отечеству является ключевой ценностью русской культуры, обладает исторической преемственностью и аксиологической устойчивостью. На основе анализа философской литературы в работе раскрыта диалектика личного и всеобщего в патриотическом сознании, а также его духовно-нравственные основания. Особое внимание уделено кризису патриотических ценностей в современном российском обществе, обусловленному процессами глобализации, распадом СССР и деформацией коллективной идентичности. Методологическая база исследования включает концептуальный и герменевтический анализ, а также историческую реконструкцию, позволяющие проследить эволюцию идеи служения Отечеству от древнерусского государства до современности. Сделан вывод о необходимости формирования новой цивилизационной идентичности России как ответа на вызовы глобализации. Современные геополитические процессы, включая специальную военную операцию, актуализируют традиционные ценности (коллективизм, православие, приоритет духовного над материальным), что создаёт условия для преодоления лакуны в патриотическом сознании молодёжи. Восстановление идеи служения Отечеству интерпретируется как необходимое условие устойчивого развития российского государства в контексте защиты его культурно-исторической уникальности.

Ключевые слова: патриотизм, ценности, служение Отечеству, культура, Родина, идентичность, цивилизация

Для цитирования: Тумин А.Ю. 2026. Трансформация идеи служения Отечеству и её роль в формировании российской идентичности: от Древней Руси до современности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 404–413. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-404-413
EDN: LHFLUO

Transformation of the Idea of Serving the Fatherland and Its Role in the Formation of Russian Identity: From Ancient Rus to the Present

Alexander Yu. Tumin

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
12 Academician Volgin St., Moscow 117997, Russian Federation

tumin-msk@mail.ru

Abstract. This article explores the idea of serving the Fatherland and the place it occupies in the value paradigm of young people. It is shown that in the worldview of a modern young man there is a clear gap

in the idea of serving the Fatherland, which determines the low expression of patriotic consciousness. Despite the fact that the attitude towards one's state has not been uniform throughout Russian history, the idea of serving the Fatherland has somehow occupied an important place in the ideological structure of the public consciousness of the Russian people. It is shown that this lacuna is a very unique phenomenon in Russian history. Its prerequisites reveal themselves in the ideological consequences of the massization of society, globalization processes and the intensive spread of liberal democratic ideology. The connection between these processes and the crisis of the collective identity of modern youth has been revealed. Addressing this topic makes it possible to clarify the nature of the crisis of the modern patriotic consciousness of youth and to develop means to overcome it.

Keywords: patriotism, values, service to the Fatherland, culture, Homeland, identity, civilization

For citation: Tumin A.Yu. 2026. Transformation of the Idea of Serving the Fatherland and Its Role in the Formation of Russian Identity: From Ancient Rus to the Present. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 404–413 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-404-413 EDN: LHFLUO

Введение

Идея служения Отечеству и ценности патриотизма всегда были присущи русской культуре. Эта идея, воплощающая диалектику личного и всеобщего, находит своё выражение в словах литературного критика В.Г. Белинского: «Любить свою Родину – значит, пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому» [Белинский, 1954, с. 488]. Русский философ, писатель и публицист И.А. Ильин, глубоко исследовавший тему патриотизма и духовных основ служения Родине, писал: «...истинный патриот любит свое Отечество не обычным сильным пристрастием... Он любит ее духовною, зрячею любовью...». И далее: «Никогда еще ни одному человеку не удалось и не удастся полюбить на основании приказа...» [Ильин, 2011]. Философ неоднократно подчёркивал, что истинный патриотизм должен быть осознанным, основанным на духовных и нравственных принципах, а не на слепой вере или агрессивном национализме. Отечественный религиозный и политический философ Н.А. Бердяев отмечал: «Без изначальной и стихийной любви к России невозможен никакой творческий исторический путь» [Бердяев, 1918, с. 101]. Современный исследователь О.М. Троненкова, рассуждая на эту тему, пишет, что «основой и характерной чертой менталитета русского народа с начала существования Руси являлась любовь и преданность своей Родине» [Троненкова, 2002, с. 33]. Конечно, характер этой любви, представленность в идеологической структуре общественного сознания и другие параметры идеи служения Отечеству в истории России имели свои особенности, специфика которых проявлялась в отдельных социокультурных и политических обстоятельствах жизни страны. Современное состояние общественного сознания молодежи говорит о явном недостатке патриотических ценностей и любви к Отечеству. Р.Р. Галиев отмечает, отмечает, что взросление молодежи в постсоветский период совпало с ценностным кризисом: разрушение прежней системы воспитания и идеологический вакуум 1990-х годов не предложили чётких нравственных ориентиров, что затруднило формирование устойчивого патриотического сознания [Галиев, 2022, с. 143]. Обращение к данной теме позволяет не только преодолеть разрыв в патриотическом сознании молодежи и выработать идеологические основы формирования патриотического сознания современной молодежи, но и прояснить специфику социокультурной и политической ситуации современной России.

Исследовательский интерес сосредоточен на динамике идеологических воззрений российского общества и их влиянии на формирование патриотизма у молодежи. Предполагается, что культивирование идеи служения Отечеству в сознании молодежи способно выступать как необходимое условие стабильного развития государства в будущем.

Методы исследования

Методологическая основа данной работы определяется двоякой задачей: реконструкцией идеи служения Отечеству в исторической перспективе и прояснением истоков кризиса этой идеи в сознании современной молодежи, выработкой путей его преодоления. Формируется необходимость обращения к концептуальному анализу первоисточников, посвященных роли идеи служения Отечеству в различные исторические периоды развития России (А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, Д.С. Лихачев, А.В. Верещагина, О.М. Троненкова). Также обращено внимание к научной литературе, направленной на анализ исследуемой лакуны в идее служения Отечеству и кризиса патриотического сознания современного российского общества в целом и молодежи в частности (Р.Р. Галиев, И.Ф. Понизовкина). Отдельный интерес представили работы, которые были направлены на изучение цивилизационного подхода и в которых проясняется как сущность феномена цивилизации (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер), так и то, где этот подход рассматривается как способ преодоления кризиса патриотического сознания молодежи (И.С. Семененко).

В качестве метода исследования стоит указать на метод концептуального анализа, направленный на выявление сущности таких концептов, как «служение Отечеству», «цивилизация», «кризис идентичности». Также в работе был использован герменевтический метод, необходимый для погружения в культурный контекст различных периодов российской истории и выявления места идеи служения Отечеству в разные периоды. Кроме того, герменевтический метод позволяет учитывать культурные детерминации сегодняшнего дня, опосредующие понимание идеи служения Отечеству. Также в статье был применен метод исторической реконструкции, направленный на наиболее детальное воспроизведение отдельных исторических состояний российской государственности с точки зрения существующих в ней патриотических ценностей.

Результаты исследования

Само понятие «Отечество» тесно связано с воспроизведением и сохранением государства, происходящим через трансляцию из поколения в поколение. Образование государства как такового есть доблестная заслуга предков [Чикаева, 2018, с. 105]. Таким образом, идея служения Отечеству является неразрывной с этим процессом. В традиции служения Отечеству как его непрерывного воспроизведения проявляется темпоральное измерение этого феномена. Законы социокультурного и экономического развития трансформирует содержание государства, однако, его восприятие в качестве «Отечества» остается здесь универсальным. Понятие «Отечество» в данной временной перспективе представляет собой единство исторического развития. Иначе говоря, «Отечество» не является таким состоянием государства, которое полностью определяется его конкретным уровнем исторического развития. Любой конкретный уровень исторического развития государства имеет различный охват своего прошлого, однако весь процесс становления государства в своей полноте, в том числе и в своем потенциальном развитии, формирует феномен «Отечества».

Важным аспектом понимания идеи служения Отечеству в реалиях России является понимание ее духовного статуса. Традиционалистский пафос понятия «отечество» актуализирует необходимость передачи традиции, где ее духовным ядром является весьма умеренное и второстепенное отношение к материальным ценностям. Т.А. Рассадина говорит о том, что ключевой духовной ценностью русского человека, имеющей свое проявление как в дохристианской, так и в христианской Руси, была совесть [Рассадина, 2008, с. 51]. Совесть тесно связана с правдой. Правда – понятие историческое. Нравственным основанием поступка, согласно совести и правде, выступает абсолютный

характер истины, воспроизводящейся в поколениях. Совесть возникает из чувства долга к Отечеству и его традициям, которые преобладают над индивидуальными потребностями.

Так, Е.Ю. Иванова видит в этом аксиологическом феномене объективную необходимость, обусловленную историческими обстоятельствами существования Древней Руси. Среда заставляла выживать древних славян в условиях окружающих их враждебных племен. Необходимость социальной консолидации и служения общим ценностям представлялась как необходимое условие выживания языческой Руси в конкретных обстоятельствах [Иванова, 2024, с. 26]. С тех пор ценность идеи служения Отечеству в разных историко-культурных контекстах так или иначе передавалась от поколения к поколению на протяжении всей истории России.

Отсюда необходимо перейти к анализу историко-культурной динамики, приведшей к явному пробелу патриотического сознания в современной России. Учитывая фундаментальность патриотических ценностей для российской культуры, данная лакуна выступает в качестве беспрецедентного явления, которое в истории России едва ли встречалось. Идея служения Отечеству – одна из структурообразующих для системы ценностей русской культуры.

Примечательно, что идея служения Отечеству здесь оказывается ярко выраженной уже в русской древности. Академик Д.С. Лихачев, интерпретируя памятники древнерусского государства, писал: «В древнерусской литературе сформировались представления о единстве мира, о единстве человечества и его истории, сочетавшиеся с глубоким патриотизмом, лишенным чувства национальной исключительности, тупого и узкого шовинизма» [Лихачев, 1987, с. 10]. Необходимость создания единого государства определяло величие Древней Руси, и лишь в своем единстве ей удавалось преодолевать наиболее сложные периоды своей истории. Вместе с тем такое отношение к собственному государству не было светским. Любовь к Родине всегда имела сакральную связь с религиозной верой – православием. Так, в Ипатьевской летописи XII века можно прочесть следующие строки: «Дай Бог за крестьян и за землю Русскую головы сложити» [Соловьев, 1958, с. 191]. Обнаруживаются религиозные смыслы идеи «служения» как таковой, эта идея становится условием религиозного отношения к самому Отечеству. Патриотизм в Древней Руси носил не только политический, но и сакральный характер, поскольку сама государственность осмыслялась как богоустановленный порядок. Это отразилось в концепции «Святой Руси», где верность Отечеству приравнивалась к религиозному долгу. В своей динамике идея служения Отечеству является сквозной для всей истории русской культуры. Обретая конкретную специфику в отдельные исторические периоды, она так или иначе выступала в качестве главной консолидирующей силы, объединяющей русский народ. В древнерусских летописях и воинских повестях (например, «Слово о полку Игореве») защита Родины часто изображалась как духовный подвиг, а поражения трактовались как следствие греховного разделения. Таким образом, единство Руси понималось не только как политическая необходимость, но и как нравственно-религиозный императив.

С процессами секуляризации ценности патриотизма также остаются фундаментальными для русской государственности. Во время царствования Петра I служение Отечеству представляло собой фундамент государственной идеологии, а фигура императора являлась наиболее полным воплощением идеи служения Отечеству, где индивидуальная воля монарха становилась выражением всеобщей воли нации. Считается, что само понятие «патриот» было внедрено в русскую речь именно в этот исторический период [Майкова, 2004]. М.В. Моисеенко на этой основе формирует образ патриота как гражданина, ценностная система координат которого складывается из таких понятий, как жертвенность, воля к служению Отечеству, патриотизм и почитание традиций [Моисеенко, 2017, с. 338].

Русские просветители также уделяли внимание феномену патриотизма. В их трудах индивидуализация идеи служения Отечеству в пределах отдельной личности, интерпретация готовности следовать идее служения Отечеству формирует необходимость педагогического толкования этой идеи. Именно педагогическое измерение идеи служения Отечеству обретает особую важность в контексте образовавшейся лакуны. По А.Н. Радищеву, служение Отечеству не является изначально данным человеку качеством, и при всех возможных талантах отдельного индивида патриотизм является такой ценностью, которая культивируется в ходе обучения и социализации личности [Радищев, 1949, с. 311]. Н.М. Карамзин в 1804 году поднимает тему воспитания любви к Отечеству в пространстве социально-политического дискурса того времени, что запускает ряд интеллектуальных дискуссий и более интенсивное обсуждение этой темы в кругах русской интеллигенции. В своей статье «О любви к Отечеству и народной гордости» он говорит о нравственном фундаменте отношения человека к своим соотечественникам: «Душа их сообразуется с нашею; делается некоторым её зеркалом; служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается в предмет склонности для сердца» [Карамзин, 2013, с. 195]. В дальнейшем тема патриотизма и служения Отечеству все более захватывала поле дискуссий русской интеллигенции.

Основоположник отечественной научной педагогики К.Д. Ушинский выделял ряд измерений в системе ценностей русской культуры, передача которых становится необходимым условием формирования патриотического мировоззрения. К ним он причислял обучение родному языку, знание природы родной страны, православную веру и литературу [Ушинский, 1953, с. 132]. В случае систематического рационального обучения этим единицам идея служения Отечеству становится частью эмоционального отношения к миру, выраженного в чувстве гордости за свою страну. Этим подобный тип патриотизма отличается от стихийного патриотизма, который свойственен скорее массовой психологии в периоды бурных катаклизмов.

В советский период истории России ценности патриотизма также интегрировались в новую на тот исторический период коммунистическую идеологию. Одним из важнейших компонентов служения Отечеству стали не только доблестные подвиги, но и ежедневный труд, остающийся зачастую никем не замеченным. А.С. Макаренко отмечал, что «Воспитание советского патриота – значит воспитать всесторонне развитую личность, активно и сознательно борющуюся за укрепление могущества Родины» [Макаренко, 1958, с. 408]. Условием этого могущества выступает непрерывный труд, вложенный его гражданами в построение своего Отечества.

Огромная роль идеи служения Отечеству в Советском Союзе проявила себя в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Непрерывность патриотического воспитания, продолжающегося практически всю историю России, позволила ей вновь объединиться и справиться с беспрецедентными в своей истории внешними угрозами.

Именно после развала Советского Союза идея служения Отечеству как непрерывно реактуализирующаяся в традиции русской культуры ценность подвергается в кризисное состояние. Либерализация российского общества, начавшаяся в 90-е годы, погружает его в процессы глобализации, которые приводят к утрате идентичности. Появляется возможность осмыслить лакуну в идее служения Отечеству через феномен кризиса идентичности, присущий не только современной молодежи, но и современному российскому обществу в целом. Возможно говорить о том, что современные геополитические сдвиги, одним из ключевых действующих субъектов которых является Россия, способствуют укреплению цивилизационной идентичности.

По мнению А. Эткинды, кризис идентичности для современного россиянина является весьма существенной психологической нагрузкой [Etkind, 1996]. Но данная ситуация не является специфичной только для России, она касается многих государств современного

мира, чья национальная идентичность размывается в результате происходящих процессов глобализации. Однако сегодня говорят также об обратном процессе – глокализации. Термин происходит из смешения слов «глобальности» и «локальности» и обозначает те явления в современном мире, когда относительно автономные национальные и этнические общности усиливают процесс социальной консолидации в свете рассмотренных процессов глобализации как угрозы. Так, И.Ф. Понизовкина отмечает, что современные процессы глокализации, а также трансформация устоявшейся системы международных отношений заставляют современную молодежь вновь обращаться к необходимости поиска своей идентичности [Понизовкина, 2021, с. 242].

Данные процессы, начавшиеся примерно со второй половины XX века и продолжающиеся по сей день, имеют ярко выраженный политический контекст. Процессы глобализации и унификации сопровождаются усилением политической, культурной и экономической гегемонии США и стран западной Европы.

Американский философ Ноам Хомский в своем труде «Кто правит миром?» дает историческую справку относительно роли Америки в пространстве международных отношений. Он показывает, что основные предпосылки к формированию роли США как мирового гегемона были сформированы в период второй мировой войны, в ходе которой промышленность США получила виток активного развития, позволив ей выкарабкаться из тяжелого состояния, вызванного «Великой депрессией». Хомский утверждает, что американские прогнозисты тех лет уже предвидели то, что по результатам войны Америка станет безусловным лидером на мировой арене. Важным обстоятельством является то, что ее лидерство было не только промышленным, но и военным [Хомский, 2019]. Америке удалось это лидерство завоевать. Однако Хомский показывает, что пик лидерства продолжался недолго, и уже с начала 1950-х годов прошлого столетия положение Америки только усугублялось. Сначала в противовес Америке появился Советский Союз, с которым начинается длительное геополитическое противостояние, известное как «холодная война». Уже в 1970-х годах кроме СССР формируется третий полюс – азиатский, с центром в стремительно развивающейся Японии.

После поражения Советского Союза в «холодной войне» США вышли победителем, за счет чего они утвердили себя в качестве безоговорочного мирового лидера. Хомский называет это периодом «эйфории», обращаясь также к сюжету Ф. Фукуямы о конце мировой истории как к очередному мифу, который был продуктом той эпохи. На деле же США инерционно продолжали те же процессы, которые развивались и до окончания «холодной войны» [Хомский, 2019, с. 234]. Современная политика США и идеология «конца истории» стала настоящей угрозой для существования России. Особую опасность представляет то, что общественное сознание молодежи встречает эту опасность с явной лакуной в патриотическом сознании. Впрочем можно говорить и о преодолении данной лакеры в течение последних лет.

В наиболее уязвимые для экзистенциального существования России периоды понятие «отечество» и идея служения ему актуализировались с новой силой. Не случайно в истории России война 1812 года и вторая мировая война получили название «отечественных». В те периоды все народы встали на защиту своей «большой» Родины. Внешние угрозы как на заре истории России, так и в недавней ее истории были выдержаны Россией постольку, поскольку ценность Отечества приобретала ключевой характер для всех народов страны. Эта ценность имела и имеет статус объективной необходимости выживания России в кризисных условиях [Верещагина, 2021, с. 181]. В этой связи явная лакуна в сознании современной молодежи формируется из представления об отсутствии внешних угроз. На деле это представление само оказывается идеологическим инструментом противостояния России, так как в последние десятилетия западная культура имеет большее преимущество в идеологическом влиянии на умы российской молодежи, чем сама Россия.

В современной России XXI века наблюдается очень плавное возвращение к осмыслению идеи служения Отечеству. Качественный скачок и интенсификация обращения общественного сознания современной России к патриотическим ценностям происходит в результате специальной военной операции, начавшейся в феврале 2022 года. Москва сегодня представляет собой новый центр мировой духовной культуры, охраняющий традиционные ценности в условиях повсеместных попыток вытеснить их.

Особое внимание здесь стоит обратить на возрастающее значение цивилизационного дискурса как инструмента преодоления лакуны в идее служения Отечеству. И.С. Семененко называет актуализацию цивилизационного дискурса современности «новой политикой идентичности», в которой она видит ключевую роль в дальнейшем развитии идеологического фундамента России [Семененко, 2024, с. 80].

Понятие «цивилизация» возникает в нынешнем виде в немецкой философской романтической традиции, противостоящей механистическому и позитивистскому пониманию истории. Появилась категория «жизни» как некоего иррационального начала, пронизывающего духовный и материальный мир на разных уровнях, где одним из этих уровней являются непосредственно цивилизации, которые выступают как формы проявления самой жизни. О. Шпенглер, например, считал, что культура подобна живому организму, она рождается, достигает расцвета, стареет и умирает. Восходящая стадия в её развитии – это и есть собственно культура, а нисходящую он назвал цивилизацией. Для культуры характерно творение новых форм, в то время как для цивилизации – налаживание технических коммуникаций. Всего, по его мнению, их восемь, они не связаны друг с другом, замкнуты, изолированы, нет между ними никакой преемственности [Шпенглер, 1998]. Английский историк и философ А. Тойнби полагал, что нет никакой единой истории, есть только истории различных цивилизаций. Он детально описал их в своём исследовании «Постижение истории». Цивилизации слабо связаны друг с другом, но некоторая преемственность между ними существует. Только в XX веке можно говорить о складывающейся общечеловеческой цивилизации, но она, считал Тойнби, обречена на гибель [Тойнби, 1990].

Кроме того, понятие «цивилизация» может быть раскрыто и в исторической перспективе. Как правило, теоретики цивилизации выделяли в качестве таковых известные, могущественные культуры, существовавшие весьма долгие сроки относительно человеческой истории. Они объединяли в себе множество этносов, языков, удерживая внутреннее разнообразие в единстве. Относительно мировой истории цивилизации играли также важную геополитическую роль.

Цивилизация отражает человеческую индивидуальность так, как макрокосм отражает микрокосм. Своеобразие культуры отличается особым «почерком», который наличествует как в экономике, так и в политике, в сфере духовных ценностей, в религиозной жизни, и, очевидно, в художественном творчестве. Начиная с того времени, когда российское государство обрело свое единство, оно начало «подавать» все признаки и аспекты цивилизации, которые были выделены ключевыми теоретиками цивилизации. Об этом говорил еще Данилевский, называя Россию особым культурно-историческим типом. В своей работе «Россия и Европа» он вступает в теоретическую полемику, заданную еще в немецкой традиции, и обосновывает это совокупностью культурных различий в российской культуре в сравнении с западной культурой. Сегодня России, как особому культурно-историческому типу (по Данилевскому), угрожает процесс глобализации. Западная культура является источником глобализации, выступая в качестве угрозы национальным культурам и коллективным формам идентичности. Данные процессы и образуют «лакуну» в идее служения Отечеству. Ведь в данном случае само Отечество теряет черты самостоятельности и исключительности. Н.Я. Данилевский, будучи современником начала подобных процессов, отмечал: «...если же цивилизации или этносы одного типа навязывается код и ценностная система общества совершенно

другого типа, то первое вырождается, превращаясь, как правило, в лимитроф без четкой национальной идентификации» [Данилевский, 2014, с. 119].

На современном этапе Россия обладает большинством признаков цивилизации: единство в ней многообразия отдельных народов и языков, влияние на общемировую историю, в том числе и культурную, наличие своей особой – православной веры. Эти факторы до сих пор определяют Россию как страну-цивилизацию. Особенно важно то, что сегодня сей факт выражается в самосознании данной цивилизации, в декларации себя как таковой. Отсюда появляется возможность преодоления лакуны в идее служения Отечеству, где формируется коллективная идентичность цивилизационного типа.

Заключение

Исторические особенности развития и трансформаций типов национальной идентичности, встречавшихся в истории России, так или иначе сохраняли в себе идею служения Отечеству и передавали ее следующим поколениям. Россия в своей истории знала ряд событий, приводящих к ее существенным идеологическим изменениям. Однако несмотря на эти изменения, среди которых присутствует и ценность патриотизма, ряд ценностных констант оставались неизменными. Но, начиная со второй половины XX века, ситуация начала меняться в сторону забвения идеи служения Отечеству. Процессы глобализации, появление мировой гегемонии со стороны стран Запада привели к распаду Советского Союза. Россия вступила в новый виток, для которого стал характерен ярко выраженный кризис коллективной идентичности. Его усилили также и внешние факторы, к которым относится экспансия либерально-демократической идеологии, отрицающей всякие формы коллективной идентичности, и внутренние социально-политические факторы, отмеченные становлением нового типа государственности. Пик этого кризиса пришелся на взросление современной молодежи, в идеологической структуре общественного сознания которой практически не уделяется место идее служения Отечеству. Однако данный кризис медленно идет на спад. Начало Специальной военной операции на Украине привело к значительной интенсификации его преодоления и росту социальной консолидации российского общества. Результатом этих процессов становится обретение идентичности нового типа – цивилизационного. Россия начинает осознавать себя как государство-цивилизацию, имеющее свои уникальные черты и особую историческую миссию. Именно они становятся новым содержанием понятия «отечество» и раскрывают идею служения в новой перспективе, не устранив фундаментальное традиционное значение идеи служения Отечеству в целом. Эта перспектива выражена в практике сохранения и развития цивилизационной идентичности Отечества и его уникальности, противостоящей глобальной унификации и глобализации.

Традиционные ценности, выраженные в коллективном характере русской культуры, следовании православной вере, опоре на совесть и правду, становятся здесь аксиологическим ядром цивилизационной идентичности современной России. Эти идеологические сдвиги способны заполнить пространство патриотического сознания современной молодежи.

Список литературы

- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4. М., Академия наук СССР, 675 с.
Бердяев Н.А. 1918. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М., Изд-е Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 240 с.
Верещагина А.В., Кумыков А.М. 2021. Патриотическая тема в интеллектуальной традиции Российского общества. Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова, 1(31): 173–181.
Галиев Р.Р. 2022. Формирование духовно-нравственных ценностей и патриотизма в современной России. *Социально-гуманитарные знания*, 5: 141–144.
Данилевский Н.Я. 2014. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М., Алгоритм. 590 с.

- Иванова Е.Ю. 2024. Генезис понятия «патриотизм» и трансформация патриотического воспитания: от Древней Руси до начала XX века. *Гуманитарные науки*, 1(65): 24–29.
- Ильин И.А. 2011. Путь духовного обновления. М., Институт русской цивилизации. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (дата обращения: 30.10.2025).
- Карамзин Н.М. 2013. О любви к Отечеству и народной гордости. М., Институт русской цивилизации, 736 с.
- Лихачев Д.С. 1987. Избранные работы: в 3 т. Т.3. Л., Художественная литература, 519 с.
- Майкова Т.С. 2004. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Сост. Т.С. Майкова; под общ. ред. А.А. Преображенского. М., Круг, 632 с.
- Макаренко А.С. 1958. Общие вопросы педагогики. В 7 т. Т. 5: Воспитание в советской школе / [Коммент. и примеч. В.Е. Гмурмана]. 558 с.
- Моисеенко М.В. 2017. Нравственный феномен служения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 21(3): 338–345. DOI: [10.22363/231323022017213338345](https://doi.org/10.22363/231323022017213338345)
- Понизовкина И.Ф. 2021. Глокализация: уроки процесса глобализации. *Социально-гуманитарные знания*, 2: 238–243. DOI: [10.34823/SGZ.2021.2.51571](https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.2.51571)
- Радищев А.Н. 1949. Беседа о том, кто есть сын Отечества. *Избр. произведения*. М.-Л., Гослитиздат: 308–324.
- Рассади́на Т.А. 2008. Традиционные ценности русской культуры. *Социально-гуманитарные знания*, 1: 44–54.
- Семененко И.С. 2024. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты. *Государственное управление. Электронный вестник*, 104: 79–87. DOI: [10.24412/8s7hzd28](https://doi.org/10.24412/8s7hzd28)
- Соловьев А.В. 1958. Автор «Задонщины» и его политические идеи. М., Изд-во Академии наук СССР, 675 с.
- Тойнби А.Дж. 1990. Изучение истории. В 3 т. Т. 2. Цивилизации во времени и пространстве. М., Мысль, 432 с.
- Троненкова О.М. 2022. Патриотизм: поиски идеала в истории России. *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*, 2(91): 32–37.
- Ушинский К.Д. 1953. Избранные педагогические сочинения. В 2 т. Т. 1. Вопросы воспитания. М., Учпедгизд, 638 с.
- Хомский Н. 2019. Кто правит миром? М., РИПОЛ классик. 416 с.
- Чикаева Т.А. 2018. «Отечество» как философская категория. *Вестник Омского университета*, 2(23): 105–111. DOI: [10.25513/1812-3996.2018.23\(2\).105-11](https://doi.org/10.25513/1812-3996.2018.23(2).105-11)
- Шпенглер О. 1998. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М., Мысль. 606 с.
- Etkind A.M. 1996. Psychological culture. In: Shalin D. (ed.). *Russian Culture at the Crossroad*. Boulder, Colorado, Westview Press, 99–154.

References

- Belinsky V.G. 1954. *Polnoe sobranie sochineniy*. V 13 t. T. 4 [Complete Works. In 13 vols. Vol. 4]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 675 p.
- Berdyayev N.A. 1918. *Sud'ba Rossii: opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia: Essays on the Psychology of War and Nationality]. Moscow, Izd. G.A. Lemana i S.I. Sakharova, 240 p.
- Vereshchagina A.V., Kumykov A.M. 2021. Patrioticheskaya tema v intellektual'noy traditsii Rossiyskogo obshchestva [The Patriotic Theme in the Intellectual Tradition of Russian Society]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta im. V.M. Kokova*, 1(31): 173–181.
- Galiev R.R. 2022. Formirovanie dukhovno-nravstvennykh tsennostey i patriotizma v sovremennoy Rossii [Formation of Spiritual and Moral Values and Patriotism in Modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 5: 141–144.
- Danilevskiy N.Ya. 2014. *Rossiya i Evropa. Epokha stolknoveniya tsivilizatsiy* [Russia and Europe. The Era of Clash of Civilizations]. Moscow, Algoritm, 590 p.
- Ivanova E.Yu. 2024. Genezis ponyatiya "patriotizm" i transformatsiya patrioticheskogo vospitaniya: ot Drevney Rusi do nachala XX veka [The Genesis of the Concept of "Patriotism" and the Transformation of Patriotic Education: From Ancient Rus' to the Beginning of the 20th Century]. *Gumanitarnye nauki*, 1(65): 24–29.
- Il'in I.A. 2011. *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The Path of Spiritual Renewal]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (accessed: 2025-10-30).

- Karamzin N.M. 2013. O lyubvi k Otechestvu i narodnoy gordosti [On Love for the Fatherland and National Pride]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsie, 736 p.
- Likhachev D.S. 1987. Izbrannye raboty. [Selected Works]: in 3 vols. Vol. 3. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 519 p.
- Maykova T.S. 2004. Gistoriya Sveyskoy voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo) [The History of the Swedish War (Daily Notes of Peter the Great)]. Ed. by A.A. Preobrazhenskiy. Moscow, 632 p.
- Makarenko A.S. 1958. Obshchie voprosy pedagogiki. Vospitanie v sovetskoy shkole [General Questions of Pedagogy. In 7 vols. Vol. 5: Upbringing in the Soviet School]. Ed. by V.E. Gmurman. 558 p.
- Moiseenko M.V. 2017. Nravstvennyy fenomen sluzheniya [The Moral Phenomenon of Service]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya*, 21(3): 338–345. DOI: [10.22363/231323022017213338345](https://doi.org/10.22363/231323022017213338345)
- Ponizovkina I.F. 2021. Glokalizatsiya: uroki protsessa globalizatsii [Glocalization: Lessons of the Globalization Process]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2: 238–243. DOI: [10.34823/SGZ.2021.2.51571](https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.2.51571)
- Radishchev A.N. 1949. Beseda o tom, kto est' syn Otechestva [A Conversation About Who is the Son of the Fatherland]. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow-Leningrad, Goslitizdat: 308–324.
- Rassadina T.A. 2008. Traditsionnye tsennosti russkoy kul'tury [Traditional Values of Russian Culture]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1: 44–54.
- Semenenko I.S. 2024. Tsivilizatsionnaya identichnost' v povestke politiki identichnosti: menyayushchiysya miroponyatiye i rossiyskie priority [Civilizational Identity in the Identity Policy Agenda: The Changing World Order and Russian Priorities]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnnyy vestnik*, 104: 79–87. DOI: [10.24412/8s7hzd28](https://doi.org/10.24412/8s7hzd28)
- Solov'ev A.V. 1958. Avtor «Zadonshchina» i ego politicheskie idei [The Author of "Zadonshchina" and His Political Ideas]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 675 p.
- Toynbee A.J. 1990. Izuchenie istorii. V 3 t. T. 2. Tsivilizatsii vo vremeni i prostranstve [A Study of History. In 3 vols. Vol. 2. Civilizations in Time and Space]. Moscow, Mysl', 432 p.
- Tronenkova O.M. 2022. Patriotizm: poiski ideala v istorii Rossii [Patriotism: The Search for an Ideal in Russian History]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*, 2(91): 32–37.
- Ushinskiy K.D. 1953. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. V 2 t. T. 1. Voprosy vospitaniya [Selected Pedagogical Works. In 2 vols. Vol. 1. Questions of Education]. Moscow, Uchpedgiz, 638 p.
- Chomsky N. 2019. Kto pravlit mirom? [Who Rules the World?]. Moscow, RIPOL klassik, 416 p.
- Chikaeva T.A. 2018. «Otechestvo» kak filosofskaya kategoriya ["Fatherland" as a Philosophical Category]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2(23): 105–111. DOI: [10.25513/1812-3996.2018.23\(2\).105-111](https://doi.org/10.25513/1812-3996.2018.23(2).105-111)
- Spengler O. 1998. Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy [The Decline of the West: Essays on the Morphology of World History. In 2 vols. Vol. 2. World-Historical Perspectives]. Transl. from German by I.I. Makhankov. Moscow, Mysl', 606 p.
- Etkind A.M. 1996. Psychological culture. In: Shalin D. (ed.). *Russian Culture at the Crossroad*. Boulder, Colorado, Westview Press, 99–154.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.06.2025

Received June 29, 2025

Поступила после рецензирования 29.09.2025

Revised September 29, 2025

Принята к публикации 30.05.2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумин Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Yu. Tumin, Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Department of Philosophy, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

УДК 101.1.

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-414-423

EDN CEUIEE

Концепт русской идеи в современном российском дискурсе

¹ Поломошнов А.Ф., ¹ Эфендиев Ф.С., ² Эфендиев А.Ф.

¹ Донской государственный аграрный университет

Россия, 346493, Ростовская область, Октябрьский район, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, д. 24

² Северо-Кавказский государственный институт искусств

Россия, 360000, Нальчик, пр. Ленина, д. 1

paf1@mail.ru; patriotkbr2022@mail.ru; amefendiev@yandex.ru

Аннотация. Современные российские исследования социокультурной идентичности отличаются концептуально-методологической фрагментацией. Авторы классифицируют интерпретации концепта русской идеи, выделяя позитивные и критические подходы и анализируя их аргументацию. Позитивные интерпретации делятся на монолинейные (сводящие русскую идею к одному смыслу) и комплексные (выделяющие несколько взаимосвязанных смыслов). Обоснована перспективность комплексного подхода, в рамках которого авторы выделяют три содержательных элемента русской идеи: самосознание инвариантов и исторических форм российской социокультурной идентичности (уровень общественной психологии); философская рефлексия российской социокультурной идентичности (уровень общественной идеологии); национальная идеология как система идеалов и норм, принимаемая и утверждаемая государством и политической элитой. Последняя рассматривается как высшая форма развития русской национальной идеи.

Ключевые слова: русская идея, российская социокультурная идентичность, национальная идеология, русский эйдос, русский характер, национальное самосознание, национальный менталитет

Для цитирования: Поломошнов А.Ф., Эфендиев Ф.С., Эфендиев А.Ф. 2026. Концепт русской идеи в современном российском дискурсе. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 414–423. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-414-423 EDN: CEUIEE

Concept of the Russian Idea in Contemporary Russian Discourse

¹Andrey F. Polomoshnov, ¹Fuad S. Efendiev, ²Amir F. Efendiev

¹ Don State Agrarian University

24 Krivoshlykov St., Rostov Region, Oktyabrsky District, Persianovsky settl. 346493, Russian Federation

² North Caucasian State Institute of Arts

1 Lenin Ave., Nalchik 360000, Russian Federation

paf1@mail.ru; patriotkbr2022@mail.ru; amefendiev@yandex.ru

Abstract. The article examines the conceptual status of the concept of the "Russian idea" in modern Russian discourse. The authors focus on the situation of conceptual and methodological fragmentation of modern Russian studies in Russian socio-cultural identity. The existing interpretations of the concept of the Russian idea are classified, positive and critical interpretations are highlighted, and their argumentation is analyzed. Positive interpretations of the concept of the Russian idea are divided into monolinear ones, reducing the concept of the Russian idea to a single semantic meaning, and complex interpretations highlighting several interconnected semantic meanings in the concept under study. The prospects of the comprehensive approach are substantiated. Within its framework, the authors highlight three substantive elements of the Russian idea: self-awareness of invariants and historical forms of Russian socio-cultural and cultural-anthropological identity, which manifests itself at the level of social psychology; philosophical

reflection of Russian socio-cultural identity at the level of public ideology; national ideology as a system of ideals and norms of social structure, accepted and approved by the state and the political elite. The latter is considered as the highest form of development of the Russian national idea.

Keywords: Russian idea, Russian sociocultural identity, national ideology, Russian eidos, Russian character, national self-awareness, national mentality

For citation: Polomoshnov A.F., Efendiev F.S., Efendiev A.F. 2026. Concept of the Russian Idea in Contemporary Russian Discourse. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 414–423 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-414-423 EDN: CEUIEE

Понятие «русская идея» является одним из остро дискуссионных в современном российском дискурсе. Это определяется самим его смыслом в контексте современной российской культурно-исторической ситуации. Большая часть исследователей исходит из чрезвычайной актуальности этого понятия в контексте современных российских проблем. Естественно, что эти исследователи придерживаются патриотических позиций и интерпретируют русскую идею в контексте сохранения, укрепления и развития цивилизационной самобытности и независимости современного российского общества. Однако существует и противоположная позиция критиков русской идеи, придерживающихся прозападной ориентации, которую Н.Я. Данилевский еще в XIX веке назвал «европейничаньем».

Рассмотрим вначале аргументацию современных защитников русской идеи. Широкова М. А. связывает актуальность русской идеи с самой природой человека и общества [Широкова, 2015, с. 204]. Соклаков А.Ю. конкретизирует актуальность русской идеи, доказывая, что русская идея должна обеспечить идеологическую независимость и информационную безопасность российского общества, защиту от разрушительного воздействия инокультурных, чуждых российскому духу и менталитету западных и восточных идеологий, массовой культуры, деструктивных религиозных движений [Соклаков, 2017]. Актуальность русской идеи сегодня, по мнению Бирюкова увеличивается в контексте мощного давления со стороны Запада на российскую цивилизационную идентичность и независимость. «Россия столкнулась с противостоянием нового («гибридного») типа, включающим информационную войну» [Бирюков, 2024, с. 161].

Марченя П.П. подчеркивает, что в условиях глобального противостояния с Западом отсутствие русской идеи «в информационном пространстве современной России является для нее самой опасной экзистенциальной угрозой» [2023]. Действительно, невозможно одержать победу ни в духовном, ни в военном и геополитическом противостоянии с Западом, не имея эффективной идеологии победы – современной русской идеи.

Поломошнов А.Ф., обосновывая значение русской идеи, использует исторический аргумент, отмечая прямую связь конструктивной русской идеи в тот или иной исторический период с успешным развитием российской цивилизации [Поломошнов, Мельникова, 2014, с. 50]. Еременко Ю.Е. подчеркивает двусторонний характер детерминаций между историческими формами русской идеи и состоянием российской цивилизации: «утрата идеи ведет к цивилизационному кризису, и, наоборот, цивилизационный кризис отражается в крахе национальной идеи» [2018, с. 161]

Многие исследователи обосновывают актуальность русской идеи через анализ ее социальных функций в российском обществе. При этом выделяют аксиологическую, телеологическую коммуникативно-интеграционную, компенсаторную и идеологическую функции русской идеи.

В целом, по мнению ее защитников, русская идея – это духовный факел, который выведет нас из дебрей современных острейших проблем, ставящих на кон само существование России как самобытной цивилизации.

С точки зрения критиков актуальности русской идеи это понятие сохраняет сегодня в лучшем случае историческое значение и утратило актуальность в свете исторической переориентации России на интеграцию в Западный мир и в контексте западных либерально-рыночных реформ и трансформаций российского общества на рубеже тысячелетий. Русская идея, по мнению ее критиков, – смутная и неясная противоречивая идеология, которую сегодня в прагматических целях пытаются использовать различные политические силы. Однако в свете современных трансформаций мирового порядка и острой геополитической конфронтации России с Западом позиция критиков актуальности русской идеи оказывается абсолютно не состоятельной.

При всей важности русской идеи, в современном дискурсе наблюдается огромный плюрализм ее интерпретаций. Причем, не только содержательных, но и концептуальных. Без преодоления современной ситуации фрагментации концептуальных значений самого понятия «русская идея» невозможно определить и обосновать актуальную и плодотворную содержательную современную русскую идею. Целью нашего исследования является анализ фрагментации современных интерпретаций понятия «русская идея» и поиск путей ее преодоления. Для этого используются методы классификации концепты русской идеи и комплексный подход к определению концептуального статуса этого понятия.

В каком значении используется это понятие в современном российском дискурсе? Сложилось большое разнообразие интерпретаций понятия «русской идеи», не говоря уже о разнообразии самого содержания, вкладываемого в русскую идею. Эта ситуация вызывает иногда пессимистическую реакцию некоторых исследователей. Например, Пионтовский В.В. [2006] заявляет, что русская идея до сих пор никем не разгадана. На наш взгляд, такой пессимизм вряд ли уместен. Гораздо продуктивнее попытка систематизировать существующее многообразие интерпретаций понятия «русская идея» и установить таким путем его концептуально-теоретический статус.

Кстати, попытки обобщить основные значения понятия «русская идея» имеют место в российском философском дискурсе. Еременко Ю.Е. различает два основных значения термина «русская идея» в современном российском дискурсе: «1. апологетическая государственная идеология и 2. национальный идеал или комплекс духовных ценностей и ориентаций» [Еременко, 2018, с. 25]. Денисов А.А. выделил пять таких интерпретаций: русская идея как божественный замысел о России и русском народе, русская идея как идеальный проект, цель и смысл русской истории, русская идея как форма национального самосознания, русская идея как «культурный код» или социокультурная идентичность российской цивилизации, русская идея как самобытный исторический вариант цивилизационного общественно-экономического устройства [Денисов, 2022]. Тихонова В.Б. выделяет два основных значения русской идеи: «душа народа», его духовный образ или «эйдос», и народное самосознание или представление народа о самом себе и особенностях своей истории [Тихонова, 2021, с. 545]. Уточняя второй контекст «русской идеи», Тихонова в народном сознании различает три образа: «образ себя», связанный с самосознанием и самооценкой; «образ для других», направленный на восприятие у других народов; «образ в себе», присутствующий лишь на уровне философской рефлексии» [Тихонова, 2021, с. 545]. Тихонова склоняется ко второй интерпретации «русской идеи», уточняя ее двусмысленный, по ее мнению, статус [Тихонова, 2021, с. 554].

На наш взгляд, классификация интерпретаций значения термина «русская идея» должна быть не одноступенчатой, а более развернутой. Прежде всего, необходимо разделить эти интерпретации на монолинейные и комплексные или интегральные. Монолинейные интерпретации сводят термин «русская идея» к одному смысловому значению и анализируют его различные содержательные интерпретации в современном российском дискурсе. Комплексные интерпретации выделяют несколько значений «русской идеи» и стремятся установить между ними необходимые логические связи и

детерминации. Далее, по аксиологическому значению, вкладываемому в термин «русская идея», следует разделить современные интерпретации русской идеи на позитивные, утверждающие позитивный смысл этого термина и его концептуальную значимость и содержательность, и негативные, отрицающие позитивный смысл и значимость этого термина. Третий критерий классификации интерпретаций термина «русская идея» связан с концептуальным статусом этого термина, относящим его к тому или другому ряду духовных явлений. Рассмотрим вначале основные современные позитивные монолинейные интерпретации концепта «русской идеи». Одна из интерпретаций рассматривает русскую идею как трансцендентное духовное начало, лежащее в основе российской цивилизации и проявляющееся в процессе ее истории. Такой подход восходит к В.С. Соловьеву, который рассматривал русскую идею как замысел Бога о России [Соловьев, 1992, с. 187]. Близкой была и позиция Н.А. Бердяева [1990, с. 43].

Другая интерпретация статуса русской идеи рассматривает ее также как духовное начало, или основу российской цивилизации, но не как заданную Богом, трансцендентную миссию, а как имманентную ей историческую сущность. «Русская идея, отражающая культурно-историческое своеобразие Русского мира, и есть то самое идеальное начало, которое формирует этот мир как особую социокультурную общность» [Широкова, 2015, с. 208]. Смысл русской идеи при таком подходе сводится к выражению в ней российской цивилизационной идентичности. Это выражение может проявляться в нерелексивной форме на уровне массового сознания. В таком случае русская идея рассматривается как система фундаментальных духовных и нравственных ценностей и ориентаций, т.е. идеалов народа. В этой связи русская идея представляется как духовный стержень или основание «русского мира» [Неронова, Неронов, 2019, с. 214]

Кот Ю.В. считает, что эта духовная основа русского мира получила наиболее адекватное отражение в русской религиозно-нравственной философии. «Русская идея, будучи нравственным синтезом историософии и сотериологии, выступает в качестве внутреннего содержания и мировоззренческой основы Русского мира» [Кот, 2023, с. 116]. Но цивилизационное самосознание может существовать и в релексивной форме на уровне национального философского самосознания. «Русская идея – это обобщение национального сознания, точка отсчёта, первоначало, формирующее поведение и отношение к миру как отдельного человека, так и целой страны» [Винокуров, 2017, с. 84]. Истоки такого подхода заложены Н.Я. Данилевским, который, хотя и не использовал сам термин «русская идея», в работе «Россия и Европа» фактически рассматривал национальную идею России как выражение ее самобытности и фундаментальных геополитических интересов. Мельникова Л.И. и Поломошнов А.Ф. рассматривают русскую идею как форму национального самосознания [2014, с. 51]. В основе определенной философской формы русской идеи, по мнению Петровой М.В., лежит определенная концептуально-методологическая парадигма, т.е. система понятий, задающая видение мира и ценностную ориентацию [2000, с. 10]. Важным элементом концептуальной парадигмы русской идеи, по мнению Петровой М.В., является цивилизационный идеал, однако, этот элемент национальной идеи опирается на определенные мифологемы общественного сознания [Петрова, 2000, с. 13]. Такой подход позволяет говорить о возможности различных версий «русской идеи» и проблеме оценки адекватности их реальной исторической идентичности российской цивилизации.

Значительное место в дискурсе русской идеи занимает интерпретация ее как формы национальной политической идеологии, т. е. принятой на уровне государственной политики системы принципов социальной организации и духовных ценностей и ориентиров, внедряемых в массовое сознание [Чунихина, 2010, с. 197].

Кирдина С.Г. сводит русскую идею как форму национальной идеологии к «базовой идее». «Базовая идея как идеологический институт отражает и постоянно воспроизводит осознание членами общества его внутренней природы и определяет поведение людей в

экономической и политической сферах» [Кирдина, 2014, с. 102]. При этом фактически русская идея сводит к описанию и апологии существующего общественного порядка.

Идеологическая интерпретация русской идеи, естественно, вызывает непримиримые дискуссии между сторонниками различных идеологий. В данном случае представление о российской цивилизационной идентичности и социокультурной ориентации российской цивилизации в историческом пространстве тесно связывается с теми или иными явно или неявно выраженными социальными интересами тех или иных социальных групп российского общества. Не удивительно поэтому, что существует большое количество идеологических версий русской идеи, остро конкурирующих друг с другом. Однако их объективность и адекватность реальной российской цивилизационной идентичности и ее глубинным историческим ориентациям и интересам является, как минимум, дискуссионной.

Наряду с преобладающими, хотя и альтернативными, версиями интерпретации концепта русской идеи, в отечественном дискурсе представлены и негативные концепты, отрицающие значимость или само существование специфической русской идеи, или принижающие ее статус. Пример такого подхода дает Тихонова В.Б. Она считает, что русская идея относится к разновидностям социальных мифов. «За любой национальной идеей стоит ориентированная «на себя» социальная мифология, обладающая идентификационной и компенсаторной функциями» [Тихонова, 2021, с. 546]. Второй аргумент в пользу обесценивания русской идеи Тихонова В.Б. сводится к утверждению о неадекватности исторической реальности многочисленных конкурирующих в научном дискурсе трактовок русской идеи [Тихонова, 2021, с. 551]. Этот аргумент нельзя признать убедительным, ибо конкуренция альтернативных версий русской идеи сама по себе вовсе не является основанием для утверждения их общей несостоятельности и не соответствия исторической реальности. Тем более не корректно квалифицировать эти конкурирующие версии на два сомнительных типа: духовной утопии или политического штампа.

Если мы хотим постичь русскую идею как ее социокультурную идентичность, мы должны избавиться от тех версий, которые характеризуются политической предвзятостью или утопизмом. Но это никак не обесценивает ни самой реальной исторической самобытности российской цивилизации ни задачи ее философского постижения. Стоит заметить также, что, по сути Тихонова В.Б. критикует не саму по себе русскую идею как духовную основу российской цивилизации, а философское самосознание, т. е. сомнительные, умозрительные, неадекватные реальности концепции русской идеи.

Как важный национальный миф определяет русскую идею также Баталов Э.Я. Он акцентирует внимание не на оценке соответствия или не соответствия этого мифа реальности, а на социальных позитивных функциях этого мифа, который сплачивает народ вокруг общих духовных ценностей, целей и смыслов [Баталов, 2009]. Важно также то, что миф о русской идее примиряет народ с исторической реальностью, хотя и завышает его самооценку [Баталов, 2009, с. 4]. Мы считаем, что такая постановка проблемы статуса русской идеи, при которой выводится за скобки главная проблема – соответствие национального самосознания (как на уровне общественной психологии, так и на уровне философской рефлексии) реальной российской цивилизационной самобытности, неприемлема.

Еще один критик актуальности русской идеи, Пионтковский В.В., также сводит русскую идею к социальному мифу, выполняющему в современном российском обществе ряд важных функций: аксиологическую, телеологическую, коммуникативно-интегративную, компенсаторную [Пионтковский, 2006, с. 74]. В отличие от Баталова Э.Я., Пионтковский считает этот миф не конструктивным и полезным, несмотря на его признаваемые важные социальные функции, а, скорее, вредным в контексте целей интеграции России в Западное цивилизационное пространство. «Само существование

«русской идеи» в наше время является симптомом болезни, знаком российской слабости» [Пионтковский, 2006, с. 74].

Для сторонника европейской интеграции России русская идея является препятствием для построения в России современного цивилизованного общества по западным стандартам, а также для решения комплекса острейших цивилизационных проблем современной России. «Замыкание в рамках только национальной идеи, развитие мысли об «особом предназначении» не способствуют нахождению рационального выхода из кризисной ситуации» [Пионтковский, 2006, с. 76]. Мы заметим, что этот комплекс проблем как раз и порожденных неудачной попыткой евроинтеграции. Пионтковский В.В. стандартно обвиняет мыслителей, занятых разработкой русской идеи в пренебрежении к экономическим и правовым реалиям (т. е. западным стандартам социальной организации), а также в утопической мечтательности [Пионтковский, 2006, с. 74].

Особое место в интерпретации понятия «русская идея» занимают комплексные концепты, рассматривающие русскую идею как единство нескольких элементов. Например, Семенчук М.А. намечает комплексный подход путем перечисления всех элементов, относимых к ее содержанию: общая концепция бытия (цивилизационная система мировосприятия и представлений о мире); система мировоззренческих ориентаций; представление о роли и месте цивилизации в мире; цивилизационные программы, планы и цели [Семенчук, 2011, с. 27]. Щупленков О.В. [2013] рассматривает национальную идею, как единство трех элементов: некой божественной идеи нации, общественного идеала и конкретного воплощения этого идеала в определенной государственной форме.

Детально проработал комплексный подход к определению концептуального статуса русской идеи Кочеров С.Н. Русская идея, по Кочерову, является неким идеальным образованием, обладающим внутренним содержанием. Опираясь на трактовку русской идеи, как идеального духовного начала, лежащего в основе российской цивилизации, Кочеров различает четыре формы развития и реализации этого идеального, духовного начала в российской истории. В результате он описывает русскую идею как ее первообраз, идеал, логос и эйдос. Причем все эти формы интерпретируются Кочеровым как моменты развития базового противоречия между идеальной сущностью и эмпирическим историческим существованием России. Первообраз как исходная стадия самореализации русской идеи есть «момент, в котором диалектическим способом соединяются идеальная сущность и эмпирическое существование России» [Кочеров, 2003, с. 41]. Первообраз характеризует архетипические духовные первоосновы российской цивилизации в их отношении к эмпирической реальности России. Идеал – «момент совпадения архетипа и действительности представляет собой не что иное, как идеал» [Кочеров, 2003, с. 44]. Логос у Кочерова – это момент единства идеи и архетипа России. Другими словами, это адекватное отражение первообраза России в ее национальном самосознании. Русская идея как эйдос является диалектическим единством русского первообраза, русского идеала и русского логоса. «Таким образом, мы определяем русскую идею как идеальное начало, представляющее собой синтез идеи России, первообраза России, русского идеала и русского логоса» [Кочеров, 2003, с. 52]. Кочеров С.Н. развивает комплексный подход к концептуальному статусу русской идеи на основе диалектических противоречий и переходов от одной ее формы другой в процессе взаимодействия между идеальным первообразом России, ее философским самосознанием, реальным воплощением в российской истории и эмпирической историей России.

Безусловными достоинствами подхода Кочерова являются принципы историзма и диалектического саморазвития русской идеи через внутренние противоречия. Однако его исходные идеалистические предпосылки, определяющие приоритет духовных идеальных начал российской цивилизации перед ее реальной социокультурной исторической самобытностью, не позволяют эффективно реализовать эти принципы.

Мокренко В.И. структурирует русскую идею по содержанию в двух планах. В первом плане он выделяет в русской идее три стороны: личностную, связанную с личностной ориентацией в культурно-историческом пространстве, общественную, связанную с интерпретацией национально-государственных интересов России, всечеловеческую, общепланетарную, связанную с определением места российской цивилизации в мировом цивилизационном процессе [Мокренко, 1993, с. 7]. Вторым критерием структурирования содержания русской идеи у Мокренко является сфера социальной жизни, получающая отражение в русской идее. «Следует отличать социально-экономическую, духовно-нравственную, политическую и т.д. стороны русской идеи.». Подчеркивается тесная связь между всеми элементами структуры русской идеи и ее историзм. [Мокренко, 1993, с. 8]

В коллективном исследовании под руководством С.С. Сулакшина выделены четыре взаимосвязанных понятия национальной идеи: мировоззренческая ориентация индивида в цивилизационном, социокультурном пространстве, государственная идеология [Национальная.... 2012]; система ценностей и смыслов, объединяющих граждан на основе коренных национальных интересов; социальный идеал, т. е. система принципов идеального социального устройства, представляющий социально-политические ориентации народа. Однако сложные взаимодействия между этими элементами остались вне внимания авторов.

Обобщая существующие в современном дискурсе интерпретации концептуального статуса русской идеи, следует признать наиболее продуктивным комплексный подход, в котором учитывается концептуальная и содержательная многогранность и структурированность этого понятия, используемого для философского постижения социокультурной идентичности российской цивилизации. Русская идея не сводится к трансцендентной духовной сущности. Это самосознание российской цивилизации, отражающее её историческую самобытность на уровне народного мировоззрения и философской мысли. Русская идея должна рассматриваться как интегральное понятие, но не эклектическая смесь различных компонентов. Интегральный характер русской идеи предполагает, что между ее концептуальными формами существует органическая связь. В основе русской идеи лежит самосознание инвариантов и исторических форм российской социокультурной и культурно-антропологической идентичности, которое проявляется на уровне общественной психологии и на уровне общественной идеологии. На уровне массового сознания оно определяет систему российских цивилизационных ценностей, идеалов и ориентации российского народа. На уровне философского самосознания или общественной идеологии русская идея представлена альтернативными концепциями, отражающими российскую идентичность. Косвенно первые два элемента определяют национальную идеологию как систему идеалов и норм общественного устройства, принимаемую и утверждаемую государством и политической элитой. Национальная идеология является высшим или финальным уровнем развития и проявления русской национальной идеи. Высшей формой политического выражения национальной русской идеи являются стратегии национального развития и конституционные принципы социальной организации.

Таким образом, русская идея – это не множество разрозненных аспектов, а целостный духовный комплекс взаимосвязанных элементов, выражающий и защищающий российскую цивилизационную идентичность. Он может быть полноценно развитым при согласованности всех элементов либо внутренне противоречивым при их рассогласовании. Лишь в первом случае русская идея является исторически плодотворной, инновационной стратегией развития России в XXI веке. При этом она «должна отражать исторические традиции, комплекс интересов нации, соответствовать менталитету и идентичности» [Национальная..., 2012, с. 22]. Во втором случае, т. е. в ситуации концептуальной и содержательной фрагментации русской идеи в современном

отечественном дискурсе, русская идея лишена реальной исторической силы и привлекательности для общества. На наш взгляд, одной из актуальнейших задач современного российского научного сообщества является преодоление деструктивной фрагментации русской идеи и выработка современной плодотворной, если не спасительной для нас в современной критической ситуации, национальной идеи.

В своем высшем развитии русская идея – эффективная национальная идеология, определяющая социокультурную идентичность России, её место в современном мире и систему ценностей, идеалов и ориентиров, лежащих в основе сохранения и развития цивилизации.

Список литературы

- Баталов Э.Я. 2009. Русская идея и американская мечта. М., Прогресс-Традиция, 384 с.
- Бердяев Н.А. 1990. Русская идея. Основные проблемы мысли XIX века и начала XX века. В кн. О России и русской философской культуре. М., Наука: 43–272.
- Бирюков С. В. 2024. Россия: к созданию национальной идеологии в качестве ответа на современные вызовы. В кн. Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество. Материалы по итогам Международной научной конференции, посвященной 35-летию лаборатории философии хозяйства. Москва, 06–08 декабря 2023 года. Тамбов: Издательский дом «Державинский»: 158–164.
- Винокуров Д.А. 2017. Поиск современной русской идеи. *ScienceTime*, 2 (38): 84–85.
- Денисов А.А. 2022. Русская идея как основная проблема русской философии. *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*, 2(13): 112–119.
- Еременко Ю.Е. 2018. Альтернативы современной русской национальной идеи. *Вестник Донского государственного аграрного университета*, 4-2(30): 22–29.
- Кирдина С.Г. 2014. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. М., СПб., Нестор-История, 468 с.
- Кот Ю.В. 2023. Русская идея и Русский мир: философско-культурные параллели. *Знание. Понимание. Умение*, 1: 108–119. DOI:10.17805/zpu.2023.1.7
- Кочеров С.Н. 2003. Русская идея: сущность и смысл. Н. Новгород, НГПУ, 164 с.
- Марченя П.П. 2023. История России как путь к Победе: императивы Русской идеи в условиях войны. *Наука. Общество. Оборона*, 11-3(36): 25. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-3-25-25
- Мокренко В.И. 1993. Русская идея и современная Россия: социально-философский анализ. Автореферат дис. ... канд. философ. наук М., 22 с.
- Национальная идея России. Ред. С.С. Сулакшин. 2012: в 6 томах. М., Научный эксперт, Т. 1: 752 с.
- Неронова М.Ю., Неронов А.В. 2019. Развитие русской идеи и русский мир. *Kant*, 3 (32): 213–224.
- Петрова М.В. 2000. Парадигмы русской национальной идеи: история и современность. Дис. ... докт. полит. наук. М., 376 с.
- Пионтковский В.В. 2006. Концепция «русской идеи» и современная реальность. *Вестник Северо-Восточного федерального университета*, 1: 72–77.
- Поломошнов А.Ф., Мельникова Л.В. 2014. Россия без национальной идеи. *Вестник Донского государственного аграрного университета*, 4 (14): 49–67.
- Семенчук М.А. 2011. «Русская идея» в современном мире. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2(22): 27–37.
- Соклаков А.Ю. 2017. Симфония русской идеи. *Наука. Общество. Оборона*, 4(13): 3.
- Соловьев В.С. 1992. Русская идея. В кн. Русская идея. М., Республика: 185–205.
- Тихонова В.Б. 2021. «Русская идея»: отражение народного самосознания, утопия, миф, идеологический штамп? В кн. Исторический путь России: из прошлого в будущее: Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. В 3-х томах, Санкт-Петербург, 02 апреля 2021 г.: в 3 томах. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Т.1: 544–559.
- Чунихина Т.Н. 2010. К вопросу о национальной идее как форме идеологии российского государства. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 1(5): 197–199.

- Широкова М.А. 2015. «Русская идея» как отражение культурно- исторического своеобразия России. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*, 8: 204–208.
- Щупленков О.В. 2013. Императивы национальной идеи. *Философская мысль*, 2: 122–164.

References

- Batalov Je.Ja. 2009. Russkaja ideja i amerikanskaja mechta [The Russian idea and the American dream]. M., Publ. Progress-Tradicija, 384 p.
- Berdjaev N.A. 1990. Russkaja ideja. Osnovnye problem mysli XIX veka i nachala XX veka [The Russian idea. The main problems of thought of the 19th century and the beginning of the 20th century]. V kn.: O Rossii i russoj filosofskoj kul'ture. M., Publ. Nauka: 43–272.
- Birjukov S.V. 2024. Rossiya: k sozdaniyu nacional'noj ideologii v kachestve otveta na sovremennye vyzovy [Russia: Towards the creation of a national ideology as a response to modern challenges]. In Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 35th Anniversary of the Laboratory of Philosophy of Economy. December 6–8, 2023. Tambov, Publ. Derzhavinsky Publishing House: 158–164.
- Vinokurov D.A. 2017. Poisk sovremennoj russoj idei [Search for a modern Russian idea]. *Science Time*, 2(38): 84–85.
- Denisov A. A. 2022. Russkaja ideja kak osnovnaja problema russoj filosofii [The Russian idea as the main problem of Russian philosophy]. *Vestnik Omskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii*, 2(13): 112–119.
- Eremenko Ju. E. 2018. Al'ternativy sovremennoj russoj nacional'noj idei [Alternatives to the modern Russian national idea]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 4-2 (30): 22–29.
- Kirdina S.G. 2014. Institucional'nye matricy i razvitie Rossii: v vedenie v H-Y-teoriju [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory]. M., Spb., Publ. Nestor-Istorija, 468 p.
- Kot Ju. V. 2023. Russkaja ideja i Russkij mir: filosofsko-kul'turnye paralleli [The Russian idea and the Russian world: philosophical and cultural parallels]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1: 108–119. DOI: 10.17805/zpu.2023.1.7
- Kocherov S.N. 2003. Russkaja ideja: sushhnost' i smysl [Russian idea: essence and meaning]. N. Novgorod, Publ. NGPU, 164 p.
- Marchenja P.P. 2023. Istorija Rossii kak put' k Pobede: imperativy Russoj idei v uslovijah vojny [History of Russia as a Path to Victory: Imperatives of the Russian Idea in Wartime]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 11, 3(36): 25. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-3-25-25
- Mokrenko V.I. 1993. Russkaja ideja i sovremennaja Rossiya: social'no-filosofskij analiz [The Russian idea and modern Russia: a socio-philosophical analysis]. Abstract. dis. ... kand. filosof. Nauk. M., 22 p.
- Nacional'naja ideja Rossii [National idea of Russia]. Ed. S.S. Sulakshin. 2012. M., Publ. Nauchnyj ekspert, V.1: 752 p.
- Neronova M. Ju., Neronov A.V. 2019. Razvitie russoj idei i russkij mir [Development of the Russian idea and the Russian world]. *Kant*, 3(32): 213–224.
- Petrova M.V. 2000. Paradigmy russoj nacional'noj idei: istorija i sovremennost' [Paradigms of the Russian National Idea: History and Modernity]. Dis. ... dokt. polit. nauk. M., 376 p.
- Piontkovskij V.V. 2006. Konceptija «russoj idei» i sovremennaja real'nost' [The concept of the "Russian idea" and modern reality]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta*, 1: 72–77.
- Polomoshnov A.F., Mel'nikova L.V. 2014. Rossiya bez nacional'noj idei [Russia without a national idea]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 4(14)-2: 49–67.
- Semenchuk M.A. 2011. «Russkaja ideja» v sovremenom mire ["Russian idea" in the modern world]. *Novoe v psichologo-pedagogicheskikh issledovanijah*, 2(22): 27–37.
- Soklakov A. Ju. 2017. Simfoniya russoj idei [Symphony of the Russian idea]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 4 (13): 3.
- Solov'ev V.S. 1992. Russkaja ideja [Russian idea]. V kn.: Russkaja ideja. M., Publ. Respublika: 185–205.
- Tihonova V.B. 2021. «Russkaja ideja»: otrazhenie narodnogo samosoznaniya, utopiya, mif, ideologicheskij shtamp? ["The Russian idea": a reflection of national self-awareness, a utopia, a myth, an ideological cliché?] In Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 800th Anniversary of the Birth of Grand Duke Alexander Nevsky. April 02, 2021. St.

Petersburg: in 3 volumes. St. Petersburg, Publ. St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, V.1: 544–559.

Chunihina T.N. 2010. K voprosu o nacional'noj idee kak forme ideologii rossijskogo gosudarstva [On the issue of the national idea as a form of ideology of the Russian state]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (5): 197–199.

Shirokova M.A. 2015. "Russkaja ideja" kak otrazhenie kul'turno-istoricheskogo svoeobrazija Rossii ["The Russian idea" as a reflection of the cultural and historical uniqueness of Russia]. *Rossiiskij politicheskij process v regional'nom izmerenii: istorija, teorija, praktika*, 8: 204–208.

Shhuplenkov O. V. 2013. Imperativy nacional'noj idei [Imperatives of the national idea]. *Filosofskaja mysl'*, 2: 122–164.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.09.2025

Поступила после рецензирования 15.12.2025

Принята к публикации 30.05.2026

Received September 15, 2025

Revised December 15, 2025

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поломошнов Андрей Федорович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственный аграрный университет, Ростовская область, Октябрьский район, п. Персиановский, Россия.

Эфендиев Фуад Салихович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, Северо-Кавказский государственный институт искусств, г. Нальчик, Россия.

Эфендиев Амир Фуадович, аспирант кафедры культурологии, Северо-Кавказский государственный институт искусств, г. Нальчик, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey F. Polomoshnov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Rostov Region, Oktyabrsky District, Persianovsky settl., Russia.

Fuad S. Efendiev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, North Caucasian State Institute of Arts, Nalchik, Russia.

Amir F. Efendiev, Postgraduate Student of the Department of Cultural Studies, North Caucasian State Institute of Arts, Nalchik, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-424-434
EDN MOYLNU

Цифровая власть под вопросом: практики сопротивления и стратегии критического восприятия

Римский А.В., Сорокопуд М.С.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
alex.rimskiy@yandex.ru; azarimariya@yandex.ru

Аннотация. В условиях цифровизации социального пространства традиционные формы власти трансформируются в распределенные, алгоритмически организованные режимы контроля, пронизывающие повседневность и формирующие когнитивные, поведенческие и аффективные структуры субъекта. Несмотря на многочисленные исследования цифровой власти и надзорного капитализма, практически отсутствуют системные подходы к анализу практик сопротивления, способных сохранять субъектную автономию. Цель исследования – выявить и классифицировать стратегии сопротивления цифровой власти как механизмы сохранения целостности субъекта. Методологическая основа включает философско-социологический анализ, дискурс М. Фуко о правительности, теорию надзорного капитализма Ш. Зубофф и подходы цифрового гуманизма. Выделены три типа сопротивления: аскетическое (самоограничение, цифровой минимализм), технополитическое (создание децентрализованных альтернативных инфраструктур) и философско-созерцательное (онтологическое отстранение от алгоритмических норм). Авторами продемонстрировано, что сопротивление выступает как созидательная, трансформативная практика, позволяющая сохранять критическое мышление, культурную субъектность и подлинную свободу. Результаты открывают новое направление в изучении цифровой власти, рассматривая сопротивление как системный механизм антропологической и этической автономии.

Ключевые слова: цифровая власть, алгоритмическое управление, сопротивление, цифровой минимализм, технополитика, онтологическое отстранение, культурная субъектность, UX-дизайн, постправда

Для цитирования: Римский А.В., Сорокопуд М.С. 2026. Цифровая власть под вопросом: практики сопротивления и стратегии критического восприятия. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 424–434. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-424-434 EDN: MOYLNU

Digital Power in Question: Resistance Practices and Critical Perception Strategies

Alexey V. Rimsky, Maria S. Sorokopud

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
alex.rimskiy@yandex.ru; azarimariya@yandex.ru

Abstract. In the context of the digitalization of social space, traditional forms of power are transformed into distributed, algorithmically organized regimes of control that permeate everyday life and shape the cognitive, behavioral, and affective structures of the subject. Despite numerous studies of digital power and surveillance capitalism, systemic approaches to the analysis of resistance practices capable of preserving subjective autonomy are virtually absent. The aim of this study is to identify and classify strategies of resistance to digital power as mechanisms for preserving the integrity of the subject. The

methodological framework includes philosophical and sociological analysis, Michel Foucault's discourse on governmentality, Sh. Zuboff's theory of surveillance capitalism, and approaches from digital humanism. Three types of resistance are distinguished: ascetic (self-restraint, digital minimalism), technopolitical (creation of decentralized alternative infrastructures), and philosophical and contemplative (ontological distancing from algorithmic norms). The authors demonstrate that resistance acts as a creative, transformative practice that enables the preservation of critical thinking, cultural agency, and genuine freedom. Their findings open a new direction in the study of digital power, examining resistance as a systemic mechanism for anthropological and ethical autonomy.

Keywords: digital power, algorithmic governance, resistance, digital minimalism, technopolitics, ontological disengagement, cultural subjectivity, UX design, post-truth

For citation: Rimsky A.V., Sorokopud M.S. 2026. Digital Power in Question: Resistance Practices and Critical Perception Strategies. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 424–434 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-424-434 EDN: MOYLNLU

В условиях стремительной цифровизации социального пространства формы власти перестают быть исключительно институциональными и обретают распределенный, алгоритмический характер. Под цифровой властью мы понимаем распределенные и автоматизированные режимы контроля, нормализации и управления, характерные для алгоритмически организованной социальной среды. Понятие «цифровая власть» обозначает не только контроль над информацией, а глубокое вмешательство в повседневность человека посредством технической инфраструктуры, платформенной логики и протоколов цифрового взаимодействия. Современный субъект оказывается вписанным в сложную и многослойную сеть аффордансов, в которой традиционное представление о свободе действия смещается в сторону заранее заданных, программируемых возможностей. В этих условиях индивидуальный выбор формируется не спонтанно, а внутри незаметной, но эффективной архитектуры предпочтений, задающей допустимые траектории поведения. Подобная логика взаимодействия субъекта и власти оказывается созвучной понятию «правительности» (*gouvernementalite*), разработанному М. Фуко. В рамках этой концепции власть уже не осуществляется посредством прямого запрета или насилия, но действует через управление повседневными практиками, когнитивными схемами и телесными установками. Как подчеркивает сам М. Фуко, «дисциплинарная власть не координирует силы для того, чтобы их ограничить, — она стремится объединить их таким образом, чтобы преумножить и использовать» [Фуко, 2011, с. 123].

Цифровая власть действует латентно, пронизывая повседневность и проявляясь прежде всего в обыденной рутине. Ее механизмы незаметны, автоматические уведомления формируют устойчивый режим распределения внимания, рекомендательные алгоритмы очерчивают границы возможных интересов, а системно выстроенный UX-дизайн дисциплинирует чувственное восприятие и закрепляет определённые поведенческие паттерны. Такой способ управления соответствует логике надзорного капитализма, детально описанной философом Ш. Зубофф. Исследовательница подчеркивает: «На самом деле, мы — объекты, из которых извлекается и экспроприируется сырьё для фабрик прогнозирования Google. Прогнозы относительно нашего поведения — вот продукты Google, и они продаются его подлинным покупателям, а не нам. Мы — средства для достижения целей других людей» [Зубофф, 2022, с. 235]. Указанная мысль означает, что в цифровую эпоху человек становится не потребителем, а источником поведенческого сырья, на основании которого строятся предиктивные модели управления. В этих условиях критическое восприятие цифровой власти становится необходимым элементом субъективной автономии.

Примером может служить широко известная ситуация с автоматическим распознаванием лиц в городских пространствах. В мегаполисах Китая, Великобритании, России и США подобные системы используются не только для обеспечения безопасности, но и для прогнозирования социального поведения. Не осознавая алгоритмического надзора, граждане оказываются в режиме «предупрежденного подчинения». В результате они адаптируются, чтобы не вызывать подозрения, что создает новую этику публичного поведения, в которой конформизм становится цифровой нормой.

Цель исследования – проанализировать практики сопротивления цифровой власти как особые стратегии сохранения субъектной целостности в условиях алгоритмического управления. Мы рассматриваем сопротивление не как исключение или девиацию, а как фундаментальный механизм культурного равновесия, призванный сохранять поле свободы внутри цифровой среды. В фокусе не только политические и технические, но и культурные, эстетические и философские формы противодействия, в которых раскрывается способность человека к критическому самопониманию и этическому действию.

Современные цифровые технологии трансформируют логику власти: от вертикального контроля и жесткой репрессивности к распределенной, мягкой и алгоритмизируемой модальности управления. В философском контексте такая власть уже не сводится к институтам или персоналиям, а реализуется посредством инфраструктуры (платформы, интерфейсы, протоколы взаимодействия, логику данных и интерфейсные решения), которые становятся нормами социальной координации. Именно на этом уровне разворачивается феномен цифровой «правительности», описанный М. Фуко как «искусство управления» жизнями в рамках не дисциплинарного, а управленческого режима, ориентированного на повседневные практики, а не на исключительные события.

Немецко-корейский философ Бен-Чхоль Хан подчеркивает, что «цифровая власть действует не как внешнее насилие, а как имманентная продуктивная сила, формирующая субъект изнутри» [Хан Бен-Чхоль, 2024, с. 16]. Автор пишет, что люди добровольно подвергаются контролю, потому что алгоритм делает их эффективнее, продуктивнее, комфортнее. Отказ от сопротивления часто носит не принудительный, а соблазнительный характер, поскольку человек сам становится соавтором алгоритмической власти, адаптируясь к интерфейсу и нормам платформы.

Многие пользователи социальных сетей не просто следуют алгоритмам, а начинают предугадывать, как «понравиться системе», как попасть в «рекомендации», как «поднять охваты». В результате, субъект становится не просто объектом алгоритмической оценки, но и активным исполнителем ее норм, что создает феномен «алгоритмического самоуправления», когда человек добровольно встраивается в логику цифровой дисциплины, направляя собственное поведение согласно вычисляемым моделям. Ш. Зубофф называет это «структурным сдвигом в антропологии современного времени, человек больше не является мерой вещей, а становится их продуктом» [Зубофф, 2022, с. 451]. Он конструируется через данные, и власть получает возможность управления с помощью архитектуры выбора. Чем точнее предсказуемость, тем выше эффективность управления.

Цифровая власть в своей современной конфигурации функционирует не как прямой институт репрессии, а как распределенная, повседневная и нормализующая сила, осуществляющая контроль посредством интерфейсов, алгоритмических сценариев внимания, режимов отклика, телесных и когнитивных паттернов. Она действует на уровне ритма сна, рекомендаций по саморегуляции, навигации в пространстве и даже структуры аффективного опыта. Цифровая власть не выражается в приказе, а проявляется в форме удобства, предиктивности и предложенного выбора, превращаясь в форму «мягкого детерминизма».

Актуальной в этом контексте становится проблема аутентичности субъекта. В эпоху цифровых двойников, репрезентаций и медийных копий возникает кризис подлинности: «может ли копия быть настоящей?». Конструирование множества версий «Я» в цифровом пространстве ведет к размыванию границ между подлинным и симулированным, между реальностью и глубоко сгенерированной подделкой. Технологии глубокого обучения и визуального редактирования усиливают этот эффект, подрывая доверие как к другому, так и к самому себе [Варди, 2025]. Следовательно, цифровая власть это не единичное событие, а онтологическая среда, не насилие, а архитектура предложения, не запрет, а антиципация. Это власть без тела и адреса, но с API, UI и UX, трудно локализуемая, но вездесущая.

Сопrotивление цифровой власти в ее современной алгоритмически-инфраструктурной форме не предполагает открытого конфликта. Речь идет не о бунте, а о тонких, зачастую незаметных формах отказа, дистанцирования и переосмысления, которые укоренены в этике, культуре, личной привычке и философском взгляде на реальность. Сопrotивление цифровой власти может быть классифицировано на основе модуса субъектного отношения к нормативной цифровой реальности, то есть способа, которым человек осмысляет, интериоризирует или, напротив, отторгает установленные технологические режимы. В центре предлагаемой типологии различие в характере действий и стратегий, посредством которых субъект осуществляет дистанцирование, переосмысление или трансформацию властного воздействия цифровой среды. В соответствии с этим принципом, выделяются три фундаментальных типа сопrotивления: этическое-экзистенциальное (аскетическое) сопrotивление, технологически-эмансипаторное сопrotивление (технополитическое) и созерцательно-философское сопrotивление.

Классификационным принципом определен модус отношения субъекта к цифровой власти. В итоге в качестве классификационного основания используется не формальный объект сопrotивления, а глубинный тип антропологического отношения к цифровой власти, от этического самоограничения до технологической инициативы и философского отрицания.

1. Этическое-экзистенциальное (аскетическое) сопrotивление (модус: самоограничение и внутреннее дистанцирование; форма: добровольная аскеза – не бегство от технологий, а их осознанное обуздание ради внутренней целостности; цель: восстановление субъектности, сохранение внимания, критическая саморефлексия). Субъект сопrotивляется власти через этическую работу с собой, не разрушает систему, но и «не подчиняется» ей, ограничивая свою включенность.

Одной из концептуально насыщенных и экзистенциально значимых форм индивидуального сопrotивления цифровой власти выступает практика цифрового минимализма, то есть добровольное ограничение собственного цифрового присутствия во имя восстановления субъектной целостности и способности к осмысленной жизни. Термин «цифровой минимализм» приобрел широкую популярность благодаря американскому философу К. Ньюпорту, который подчеркивает, что «цифровые минималисты рассматривают новые технологии как инструменты достижения того, что для них ценно, а не как саму ценность» [Ньюпорт, 2019, с. 98]. Это взгляд, который помогает взглянуть на технологии не как на цель, а как на средство для достижения истинных жизненных ориентиров. Современные интерфейсы проектируются таким образом, чтобы поощрять компульсивное потребление и разрушать концентрацию, внимание и глубину, базовые когнитивные и этические способности субъекта.

К. Ньюпорт предлагает не технофобию, а стратегию осознанного отбора, сохранение лишь тех цифровых практик, которые способствуют благу, развитию и внутренней свободе человека. Его подход представляет собой форму культурной аскезы, не бегства от технологической реальности, а мужественного самоограничения в условиях цифровой

избыточности. В этом контексте цифровой минимализм становится не просто стилем жизни, а новой этической и педагогической установкой, обращенной к самосозиданию и сопротивлению нормализующему принуждению платформенной экономики.

В российской научной традиции цифровой аскетизм осмысливается как педагогическая стратегия воспитания критического мышления и способности к саморегуляции. Это попытка вернуть субъекту власть над вниманием – главным ресурсом в условиях медийной перегрузки [Гредновская и др., 2023].

Все больше людей сознательно удаляют аккаунты в соцсетях, переходят на кнопочные телефоны, отключают уведомления, блокируют трекеры или вовсе «уходят в оффлайн» на длительное время. Многие современные специалисты в области IT или философии сознательно практикуют «викенд без экрана», другими словами полное цифровое отключение на 48 часов, что позволяет не только восстановить концентрацию, но и вернуть человеку внутреннее чувство присутствия. Подобные практики уже фиксируются как акты цифрового аскетизма, то есть отказа от цифрового излишества в пользу ментального, экзистенциального, духовного равновесия.

2. Технологически-эмансипаторное сопротивление (технополитическое) (модус: переопределение и перенастройка цифровой среды; форма: создание альтернативной цифровой инфраструктуры на основе принципов децентрализации, открытого кода, анонимности; цель: разрушение монополий на информацию, свобода цифрового передвижения, приватность). Субъект остается внутри цифровой среды, но подрывает ее иерархическую структуру, создавая альтернативные каналы существования и смысла.

Сопротивление может принимать более политизированные и технологически продвинутые формы. В частности, речь идет о хактивизме, сочетании хакерской культуры и политического активизма. Хактивисты выступают за открытый доступ, свободу информации, прозрачность алгоритмов. Они создают децентрализованные инструменты, такие как: peer-to-peer сети (BitTorrent, IPFS), федеративные платформы (Mastodon, Matrix), анонимизирующие браузеры (Tor), инструменты блокировки трекинга и рекламы (uBlock, Pi-hole).

В отличие от цифрового аскетизма, хактивизм не уходит от цифровой среды, а перенастраивает ее в соответствии с альтернативной этикой, в основе которой лежат свобода, анонимность и самоуправление.

Проект Sci-Hub, инициированный А. Элбакян, стал одним из символов цифрового сопротивления академической монополии на знание, предоставив миллионам пользователей доступ к научным статьям без платных барьеров. Другим примером может являться платформа Mastodon, созданная в 2016 году немецким разработчиком Э. Мэстером, и представляющая собой бесплатную программную платформу с открытым исходным кодом для создания децентрализованных социальных сетей с функциональностью микроблогинга. Здесь каждый сервер (инстанс) управляется независимо, что нарушает принцип монопольного контроля, характерный для корпораций вроде Meta (Facebook/Instagram)¹. Альтернативой централизованным мессенджерам служат Matrix, Session, Threema, которые не передают данные третьим сторонам и не используют поведенческую аналитику. В итоге, возникает технологическое сопротивление не как разрушение, а как создание. Речь идет о программировании как философии, когда разработчик становится субъектом не только техники, но и критической рефлексии.

3. Созерцательно-философское сопротивление (модус: онтологическое отстранение и внутренний отказ от участия в заданной логике; форма: радикальная рефлексивная установка — не просто ограничение цифрового, а отказ воспринимать его как абсолютную реальность; цель: возвращение к смысловой автономии, к бытийной

¹ Facebook и Instagram признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

самотождественности). Сопротивление не имеет цели изменения среды, стратегия выхода из власти на уровне самого основания – модус «не встраиваться».

Третья линия сопротивления цифровой власти носит преимущественно культурно-эстетический и философско-экзистенциальный характер. Речь идет о своеобразной практике внутреннего отказа, отказа от нормативного участия в цифровой среде как самоочевидной, «естественной» действительности. Такая форма сопротивления соотносится с духовной установкой стоицизма, скептицизма или буддийской вивекхи, дистанцированием от страстей и автоматизмов мира. В русской философской традиции аналогичный жест можно обнаружить в размышлениях В. Библихина, рассматривавшего свободу как люфт между полюсами события, как напряженную паузу в «мировом автомате», в которой субъект обретает возможность быть вне диктата автоматизма. Согласно мнению философа, материя это нечто, что в своих предельных режимах впадает в «амеханию», то есть фазу, в которой нарушается причинная жесткость и возникает пространство смыслового выбора [Библихин, 1998; 2013].

Предложенная типология практик сопротивления цифровой власти, основанная на модусе субъектного отношения к технологическому порядку, обладает важной эвристической ценностью. Прежде всего, она позволяет выйти за пределы упрощенной нормативной бинарности, сведенной к дихотомии «принятие/отвержение» цифровых технологий. Взамен ей вводится более гибкая аналитическая перспектива, в которой субъект осмысливается не как объект технологического давления, но и как активный носитель различных стратегий соотнесения с цифровой средой (от этической аскезы до технополитической контринициативы и онтологического отстранения).

Данная классификация способствует выявлению сложных режимов критического взаимодействия, в которых сопротивление проявляется не только как отказ или оппозиция, но и как созидательная, преобразующая и даже созерцательная практика. Тем самым, сопротивление предстает не как акт разрушения или бегства, а как форма бытийной установки, предполагающая альтернативную этику, иную онтологию повседневности и новый тип субъектности. Иными словами, сопротивление цифровой власти может быть понято не как внешнее действие против чего-либо, а как внутренне организованный способ существования, воплощающий отказ от автоматизма, нормализации и гомогенизации жизни. Это не реакция, а форма жизни (*modus vivendi*), в которой технологическое становится предметом рефлексии, отбора и самонастраивания.

Именно в условиях цифровой нормы, алгоритмической прозрачности и регламентированной повседневности сопротивление превращается в интерпретативную свободу, способность субъектно считывать, смещать и переосмысливать коды действительности. Описанная стратегия находит выражение в эстетических практиках: цифровом театре, анти-инстаграм-эстетике, критическом диджитал-арте. Эстетическое сопротивление действует в пределах символического порядка, от подрывных визуальных форм до философских эссе, размещаемых вне платформенных иерархий видимости.

Культурные практики сопротивления включают в себя и эстетические стратегии. Например, использование иронии, глитч-эстетики, симулякров, пародий на интерфейсы и алгоритмы, подрывающие нормативность цифрового пространства, выявляя его внутренние противоречия.

В духе философии Ж. Бодрийяра, глитч – это символ сопротивления симулякру, указывающий на сбой в кажущейся идеальной системе и возвращает субъекту чувство несовершенства и реальности. Например, многочисленные арт-проекты, такие как The Yes Men, пародируют корпорации, создавая поддельные сайты и выпуская фальшивые пресс-релизы, тем самым раскрывая механизмы цифровой манипуляции.

Сопротивление цифровой власти невозможно без критического мышления, а критическое мышление, в свою очередь, не возникает спонтанно, а формируется в пространстве образования, в первую очередь гуманитарного, которое сегодня оказывается

вытесненным технократическими и утилитарными приоритетами. В условиях цифровой трансформации образования происходит структурная редукция гуманитарного содержания, что ведет к утрате способности к рефлексии, к осмыслению собственного бытия, к философской позиции в широком смысле слова.

Философ А.А. Кара-Мурза в своих трудах акцентирует внимание на глубинном кризисе университетской культуры: «Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, то теперь, в современном обществе, культура рассыпалась на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий» [Кара-Мурза, 2013, с. 194], характеризуя этот переход как сдвиг от университетской к «мозаичной» культуре, знание фрагментируется, теряет структуру и опору на интегральные ценности. Философ отмечает, что кризис заключается не столько в утрате содержания, сколько в исчезновении смысла. Гуманитарное знание утрачивает статус основания образования и все чаще сводится к факультативной функции в технократической парадигме, в рамках которой приоритет отдан цифровым дисциплинам (аналитике данных, UX-дизайну, маркетингу), функциональным, но неспособным формировать целостное мировоззрение.

Особую обеспокоенность у мыслителя вызывает распространение феномена «рациональности невежества обманутых», иными словами состояния сознания, сформированного под воздействием мифов о технологическом прогрессе и эффективности, служащих идеологическим сопровождением реформ. В результате происходит девальвация гуманитарного опыта, разрушение культурных институтов и распад символических связей, что ведет к глубокому отчуждению личности в цифровом социуме.

Вместе с А.А. Кара-Мурзой философ и педагог А.П. Валицкая поднимает тревожный вопрос технократического перекаса в образовании, в котором гуманитарные ценности постепенно теряют свое место. В ее глазах, современная система образования, поглощенная поисками «социального заказа», утратила важнейшие мировоззренческие и воспитательные функции. Как она сама отмечает: «Современное образование односторонне ориентируется лишь на «социальный заказ», отказавшись от мировоззренческой и воспитательной функций, особенно важных для формирования личности» [Валицкая, 2010, с. 10]. В этом проявляется глубинный цивилизационный кризис, утрата экзистенциального и антропологического измерения знания. Образование превращается в инструмент, в сервис, а не в пространство становления субъекта. А.П. Валицкая подчеркивает, что без философской рефлексии невозможно преодоление этого кризиса. Требуется новая культуроцентричная парадигма, в рамках которой гуманитарное знание вновь станет ядром образовательного процесса. Только так можно вернуть субъекту способность к этическому суждению, а значит к сопротивлению.

Введение массовых ИИ-ассистентов и «умных учебников» все чаще ведет к отказу от живого мышления. Учащийся не задает вопросы, а следует алгоритмам. В результате, возникает новый тип субъекта – обученный, но не мыслящий.

Возвращаясь к философской основе, стоит упомянуть мысль В. Бибихина о свободе как способности быть «внутри мира, не подчиняясь его автоматизмам». Образовательная система, лишенная гуманитарного ядра, не воспитывает такую способность. Напротив, она порождает функционально эффективного, но экзистенциально неуравновешенного субъекта, зависимого от технологий и неспособного к критическому дистанцированию.

Согласно его философии, «свобода права» не просто юридическая категория, а экзистенциальный опыт осмысления порядка, норм, системных ограничений. В условиях цифровой власти, когда нормы задаются алгоритмами и правила интерфейса, именно гуманитарное знание позволяет субъекту разорвать иллюзию прозрачности и естественности этих структур.

Немного подытожив, можно отметить, что критическое восприятие информации становится ключевым навыком сопротивления манипулятивным стратегиям цифровой власти. Одним из важнейших условий является отказ от импульсивного принятия сообщений, особенно провоцирующих эмоциональные реакции. Именно на такие эффекты и нацелены алгоритмы, способствующие тиражированию сенсационных и недостоверных материалов. Эпистемологическая осторожность, проверка источников, опора на авторитетные медиаплатформы с высокими стандартами фактчекинга (например, BBC, Reuters, AP), все это является основой информационного аскетизма в эпоху постправды.

Цифровой субъект должен формировать устойчивые навыки медиаграмотности. Участие в образовательных курсах, изучение механизмов пропаганды, обращение к платформам верификации (например, Snopes, FactCheck.org) становятся формами повседневного философского сопротивления. Понимание контекста, обнаружение интересов, стоящих за новостями, и интерпретация структур распространения информации становятся важными элементами защиты от цифровой инфляции истины и инструментализации сознания.

Одним из основных механизмов цифровой власти становится пространственное структурирование среды, в которой субъект оказывается не только под наблюдением, но и под постоянным управлением перемещением и взаимодействием. Такие формы власти незаметны, но устойчивы, они действуют не через запрет, а через алгоритмическую оптимизацию, которая моделирует желаемые маршруты, формы поведения и даже зоны допустимого действия. В логике так называемого «устойчивого развития» и «умного города» (smart city) повсеместно внедряются инструменты цифрового регулирования мобильности. Под предлогом заботы об экологии, удобстве и безопасности вводятся: QR-контроль на транспорте, алгоритмическое планирование маршрутов, цифровые пропуска и трекинг перемещений, биометрические системы доступа к публичным пространствам.

Указанные меры были особенно заметны в пик пандемии COVID-19, но не исчезли после нее, а, напротив, трансформировались в повседневную инфраструктуру контроля. Сама идея «15-минутного города», популяризованная К. Морено, строится на том, что все необходимые услуги должны находиться в пределах 15 минут пешком от места жительства. На первый взгляд – гуманистическая утопия [Морено, 2024]. Однако на практике возникает замкнутая пространственная экосистема, в которой житель не нуждается в выходе за пределы локальной зоны, а значит, его перемещения предсказуемы, алгоритмизируемы и поддаются контролю. Например, внедрение цифровых паспортов передвижения в Китае во время карантина показало, насколько легко можно перейти от санитарного режима к постоянному надзору, все решает интерфейс, код, цвет индикатора.

Для философского осмысления пространственной цифровизации полезна метафора антигорода, заимствованная из романа Аркадия и Бориса Стругацких «Град обреченный». В нем Город представляет собой экспериментальную среду, в которой герои (Воронин, Гейгер, Кацман) участвуют в социальном эксперименте. Все они стремятся попасть в Антигород, некое трансцендентное пространство, в котором возможна свобода от бесконечного наблюдения, абсурда и манипуляций.

В этом смысле Антигород не физическое место, а символ освобожденного пространства, пространства без структурированного контроля, без навязанных траекторий [Стругацкий, 1991]. Если Город это алгоритмическая капсула, то Антигород онтологическая альтернатива, место возвращения субъекта к самому себе.

Философ Жан-Франсуа Лиотар отмечал, что «постмодерн – это не просто конец модерна, а состояние, в котором модерн бесконечно распадается на фрагменты и не достигает финальной точки» [Лиотар, 1998, с. 78], который проявляется в фрагментации, технократизации и логике замкнутости, когда даже город перестает быть местом встречи

и превращается в структуру предсказуемости. Пространство становится цифрово нормированным, а мобильность не правом, а функцией, зависимой от одобрения системы.

В условиях цифровой власти пространство становится не только географической категорией, а интерфейсом власти. Архитектура, транспортная система, система видеонаблюдения, система рекомендаций, все это элементы алгоритмического ландшафта, в котором субъекту отведена регистрируемая и подотчетная роль. Комфорт здесь становится мягкой формой подчинения, а близость способом пространственной изоляции.

Современное состояние цифровой власти требует не только аналитического описания ее механизмов, но и активного философского воображения, способного преодолевать парадигму технологического детерминизма. Соппротивление цифровому господству это не возврат к доцифровой утопии, а разработка новых оснований культурной субъектности, когда техника не отрицается, а переосмысливается в гуманистическом ключе.

Цифровой гуманизм представляет собой не просто этическое движение, а новую философскую установку, ориентированную на переоценку ценностей в эпоху алгоритмов. Согласно мысли Ю. Хабермаса, «коммуникация – вот единственная среда, в которой возможно то, что заслуживает имени рациональность» [Хабермас, 2022, с. 274], поэтому современное общество должно стремиться не только к технологическому прогрессу, но и к «коммуникативной рациональности», в которой истина рождается в диалоге, а не в коде. Именно такой подход способен восстановить антропологическое измерение культуры в условиях технократической гегемонии. В рамках указанного подхода сопротивление приобретает экзистенциальную глубину и не ограничивается активизмом или дезактивацией аккаунтов, а включает в себя переформатирование самого способа бытия в цифровой среде. Такой субъект не просто пользователь, а интерпретатор, критик, соавтор своей цифровой биографии. Альтернативные образовательные платформы (Синхронизация или Курс лекций Arzamas), демонстрируют попытку восстановить культурную вертикаль, когда знание не обслуживает рынок, а формирует личность.

Именно здесь возникает образ нового цифрового гуманизма, подхода, в котором технологии подчиняются культурным, этическим и экзистенциальным основаниям. Такой гуманизм не отрицает цифровую среду, а стремится гуманизировать ее изнутри, превращая алгоритмы в средства свободы, а не подчинения.

Подводя итог, отметим, что в условиях стремительной цифровизации все сферы общественной и личной жизни проникаются алгоритмами, платформенной логикой и автоматизированными формами управления, что формирует новую конфигурацию власти, цифровую власть, невидимую, но повсеместную. Она проявляется не только через надзор, сбор данных и поведенческое моделирование, но и через нормализацию определенных режимов присутствия, коммуникации и восприятия. В этой ситуации сопротивление перестает быть исключительно политическим жестом и становится антропологической и этической необходимостью, способом защиты субъектной автономии, сохранения критического мышления и воспроизводства человеческой свободы в ее онтологическом измерении.

Анализ показал, что практики сопротивления цифровой власти могут быть классифицированы по модусу отношения субъекта к цифровой норме. Выделенные нами типы (аскетическое (этически-экзистенциальное), технополитическое (технологически-эмансипаторное) и философско-созерцательное сопротивление) демонстрируют широкий спектр ответов на цифровое нормотворчество, от добровольного самоограничения и восстановления контроля над вниманием до создания альтернативных технологических экосистем и глубокой духовной дистанции от нормативной цифровой среды. Представленная типология позволяет уйти от моральной бинарности «за» или «против»

технологий и выявить тонкие, многомерные формы взаимодействия с цифровым порядком, включая созидательные, трансформативные и даже метафизические аспекты.

Таким образом, сопротивление в цифровую эпоху предстает не как разрушение, а как форма жизни, способ быть иначе с помощью сознательного выбора, техническое творчество и философскую рефлексию. Именно в разнообразии форм критического присутствия и заключается потенциал подлинной свободы, остающейся актуальной даже в условиях тотальной алгоритмизации.

Список литературы

- Бибихин В. 1998. Новый ренессанс. М., Прогресс-Традиция, 496 с.
- Бибихин В. 2013. Введение в философию права. М., Университет Дмитрия Пожарского, 346 с.
- Валицкая А.П. 2010. Гуманитарный кризис и проблемы социокультурной идентификации. В кн.: Султанов К.В. (ред.). Личность в глобальном мире: пути социокультурной идентификации. Материалы международной конференции «Культурная идентификация молодёжи в условиях глобализации». СПб.: 8–12.
- Варди Д. 2025. Generation Z. Между лайками и реальностью. Екатеринбург, Ridero, 128 с.
- Гредновская Е.В., Гулеватая А.Н., Миляева Е.Г., Пеннер Р.В., Сосновских Е.Г. 2023. Цифровая аскетика. Челябинск, Издательский центр ЮУрГУ, 123 с.
- Зубофф Ш. 2022. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Пер. с англ. А.Ф. Васильева. Под ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М., Изд-во Ин-та Гайдара, 781 с.
- Кара-Мурза С.Г. 2013. О неэффективных вузах России: методологические проблемы. *Социально-гуманитарные знания*, 1: 193–206.
- Лиотар Ж.-Ф. 1998. Состояние постмодерна. СПб., Наука, 160 с.
- Морено К. 2024. 15-минутный город: решение для экономии нашего времени и нашей планеты. Нью-Йорк, Wiley, Barnes and Noble, 324 с.
- Ньюпорт К. 2019. Цифровой минимализм. Пер. Д. Романовский. М., Манн, Иванов и Фербер, 256 с.
- Стругацкий А.Н. 1991. Град обречённый. М., Молодая гвардия, 478 с.
- Фуко М. 2011. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. Пер. В.Ю. Быстров, Н.В. Суслов, А.В. Шестаков. СПб., Наука, 544 с.
- Хабермас Ю. 2022. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. Пер. с нем. А.К. Судакова. М., Весь мир, 878 с.
- Хан Бен-Чхоль. 2023. Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Пер. с нем. А.С. Салина. М., АСТ, 158 с.
- Хан Бен-Чхоль. 2024. Топология насилия: критика общества позитивности позднего модерна. Пер. с нем. С. Мухамеджанова. М., АСТ, 190 с.

References

- Bibikhin V. 1998. Novyy renessans [The New Renaissance]. Moscow, Progress-Traditsiya, 496 p.
- Bibikhin V. 2005. Vvedenie v filosofiyu prava [Introduction to the Philosophy of Law]. Moscow, IF RAN, 343 p.
- Valitskaya A.P. 2010. Gumanitarnyy krizis i problemy sotsiokul'turnoy identifikatsii [Humanitarian Crisis and Problems of Socio-Cultural Identification]. In: Sultanov K.V. (ed.). *Lichnost' v global'nom mire: puti sotsiokul'turnoy identifikatsii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Kul'turnaya identifikatsiya molodezhi v usloviyakh globalizatsii»* [Personality in the Global World: Paths of Socio-Cultural Identification. Proceedings of the International Conference "Cultural Identification of Youth in the Context of Globalization"]. Saint Petersburg: 8–12.
- Vardi D. 2025. Generation Z. Mezhdaykaymi i real'nost'yu [Generation Z. Between Likes and Reality]. Yekaterinburg, Ridero, 128 p.
- Grednovskaya E.V., Gulevataya A.N., Milyaeva E.G., Penner R.V., Sosnovskikh E.G. 2023. Tsifrovaya asketika [Digital Ascetics]. Chelyabinsk, Izdatel'skiy tsentr YuUrGU, 123 p.
- Zuboff Sh. 2022. Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New

- Frontier of Power]. Transl. from English by A.F. Vasiliev. Ed. by Ya. Okhonko, A. Smirnov. Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 781 p.
- Kara-Murza S.G. 2013. O neeffektivnykh vuzakh Rossii: metodologicheskie problemy [On Inefficient Universities in Russia: Methodological Problems]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1: 193-206.
- Lyotard J.-F. 1998. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]. Saint Petersburg, Nauka, 160 p.
- Moreno C. 2024. 15-minutnyy gorod: reshenie dlya ekonomii nashego vremeni i nashey planety [The 15-Minute City: A Solution for Saving Our Time and Our Planet]. New York, John Wiley & Sons, 324 p.
- Newport K. 2019. Tsifrovoy minimalizm [Digital Minimalism]. Transl. by D. Romanovskiy. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 256 p.
- Strugatskiy A.N. 1991. Grad obrechenny [The Doomed City]. Moscow, Molodaya gvardiya, 478 p.
- Foucault M. 2011. Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsiy, pročitannykh v Collège de France v 1977–1978 uchebnom godu [Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France 1977–1978]. Transl. by V.Yu. Bystrov, N.V. Suslov, A.V. Shestakov. Saint Petersburg, Nauka, 544 p.
- Habermas J. 2022. Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti: v 2 t. [The Theory of Communicative Action: in 2 vols.]. Transl. from German by A.K. Sudakov. Moscow, Ves' mir, 878 p.
- Han Byung-Chul. 2023. Obshchestvo ustalosti: negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitivita [The Burnout Society: Negative Experience in the Era of Excessive Positivity]. Transl. from German by A.S. Salin. Moscow, AST, 158 p.
- Han Byung-Chul. 2024. Topologiya nasiliya: kritika obshchestva pozitivnosti pozdnego moderna [The Topology of Violence: Critique of the Positivity Society of Late Modernity]. Transl. from German by S. Mukhamedzhanov. Moscow, AST, 190 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.08.2025

Поступила после рецензирования 29.11.2025

Принята к публикации 30.05.2026

Received August 29, 2025

Revised November 29, 2025

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Сорокопуд Мария Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of State and Legal Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.

Maria S. Sorokopud, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Division for the Organisation of Scientific Research Work, Scientific Research Department, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.

УДК 7.01

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-435-440

EDN MTQRAL

Репрезентация воинского подвига и доблести в исторических нарративах XIX века (устное народное творчество)

Хамзатова З.Р.

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
Россия, 364034, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32

Чеченский государственный педагогический университет
Россия, 364068, г. Грозный, пр. Х. Исаева, д. 62

z.khamzatova@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются основные темы, такие как героизм, жертва и моральные дилеммы, которые затрагиваются в фольклорных произведениях. Приводимые примеры иллюстрируют, как личные переживания героев становятся основой для нарративов исторического фольклора, отражая внутренние конфликты героев и борьбу добра со злом.

Ключевые слова: устное народное творчество, воинский подвиг, доблесть, героизм, или, героико-исторические песни, узаы, лироэпические произведения

Для цитирования: Хамзатова З.Р. 2026. Репрезентация воинского подвига и доблести в исторических нарративах XIX века (устное народное творчество). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 435–440. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-435-440 EDN: MTQRAL

Representation of Military Exploit and Valor in Historical Narratives of the 19th Century (Oral Folk Art)

Zarema R. Khamzatova

Kadyrov Chechen State University
32 A. Sheripov St., Grozny 364034, Russian Federation
Chechen State Pedagogical University
62 H. Isaev Ave., Grozny 364068, Russian Federation

z.khamzatova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to a little-studied topic – reflection in oral folklore of plots and motifs related to military exploits and valor. The main themes, such as heroism, sacrifice and moral dilemmas, which are touched upon in folklore works are considered. The examples illustrate how the personal experiences of heroes become the basis for historical folklore narratives, reflecting the inner conflicts of heroes and the struggle between good and evil.

Keywords: oral folklore, military exploits, valor, heroism, illi, heroic-historical songs, uzams, lyroepic works

For citation: Khamzatova Z.R. 2026. Representation of Military Exploit and Valor in Historical Narratives of the 19th Century (Oral Folk Art). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 435–440 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-435-440 EDN: MTQRAL MTQRAL

Введение

В XIX веке устное народное творчество играло важную роль в передаче исторической памяти, культурных ценностей и идеалов. Исторические повествования, созданные народными сказителями, живо и ярко отражали героизм воинов, их самоотверженность, мужество и верность Родине. Одним из центральных мотивов этого творчества была тема воинского подвига и доблести. Изучение фольклора позволяет глубже понять не только культурные традиции народа, но и его историю, мировоззрение и внутренний мир.

Песенный фольклор чеченского народа, в особенности его героико-исторические песни, известные как илли, и лироэпические произведения, называемые «узам» (что можно перевести как «стенания души»), с давних времен вызывал интерес и восхищение у исследователей и деятелей культуры. Уже с начала XIX века эти уникальные произведения устного народного творчества привлекали внимание прогрессивных деятелей науки и культуры России. Они видели в чеченском фольклоре не только богатую культурную традицию, но и отражение истории, мировоззрения и внутреннего мира этого гордого народа.

Первая публикация чеченской народной песни в нотной записи состоялась в «Азиатском музыкальном журнале», который издавался под редакцией И.В. Добровольского в городе Астрахани с 1816 по 1818 год. Этот журнал стал одним из первых изданий, где фиксировались музыкальные произведения народов Кавказа, что сыграло важную роль в сохранении и популяризации культурного наследия региона. Именно эта публикация стала важным шагом в изучении чеченской музыкальной культуры, так как до этого времени песни передавались исключительно устно, из поколения в поколение.

Кроме того, значительный вклад в фиксацию чеченской музыки внес русский писатель, критик, музыкант и фольклорист В.Ф. Одоевский. В его архиве сохранились нотные записи шести чеченских песен, которые были сделаны в 1849 году И.А. Клингером. Эти записи представляют собой уникальный источник, позволяющий исследователям изучать музыкальные традиции чеченского народа XIX века. Одоевский, известный своим интересом к народному творчеству, активно способствовал сбору и сохранению фольклора различных народов Российской империи, включая чеченцев¹.

Рукопись И.А. Клингера представляет собой уникальный документ историко-этнографического характера, посвященный его невольному пребыванию среди чеченцев. Этот документ, написанный в середине XIX века, стал важным источником знаний о культуре, традициях и повседневной жизни чеченцев того времени. И.А. Клингер, обладая незаурядными исследовательскими способностями, детально описал быт, обычаи и особенности национального характера чеченцев, уделив особое внимание их духовной и материальной культуре.

Одной из ключевых особенностей рукописи являются акварельные иллюстрации, выполненные самим автором. Рисунки И.А. Клингера представляют собой уникальный источник информации о чеченцах. На них подробно изображена внешность людей, их традиционная одежда, предметы обихода и архитектура. Высокая детализация рисунков делает их бесценным материалом для современных этнографических исследований Кавказа. Особую ценность представляет также включенная в рукопись Клингера нотная запись шести чеченских песен. К нотам прилагаются подробные описания, указывающие на обстоятельства исполнения каждой песни – это позволяет понять не только музыкальную сторону, но и глубже проникнуть в культурный контекст, раскрывая эмоциональный мир и традиции чеченского народа. Таким образом, рукопись Клингера –

¹ Ипполитов А.П. 1868. Этнографические очерки Аргунского округа. В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, Тип. Главного управления наместника Кавказского: 1–52.

это не просто собрание рисунков и нот, а богатое историко-этнографическое свидетельство, позволяющее воссоздать картину жизни чеченцев в прошлом.

Весной 1735 года крымский хан Каплан-Гирей отправился в военный поход, возглавив 80-тысячное войско. Целью этого похода было покорение народов Северного Кавказа и установление дани. В одной из чеченских песен, которая была записана русским офицером в 1856 году, упоминается, что хан наложил дань даже на тех, кто находился в бедственном положении и обитал в суровых условиях у снежных гор. Однако чеченцы решительно отказались платить дань, назвав ее «рабской», и заявили о своей готовности сражаться за свободу, предпочитая битву унижительным выплатам. В результате сражения в Ханкальском ущелье отряды хана Каплан-Гирея были разгромлены чеченцами ¹.

В 1852 году Л.Н. Толстой, находясь на Кавказе, записал от своих друзей-чеченцев Садо Мисербиева и Балты Исаева две лирические песни. В записи от 1 февраля 1852 года, сделанной Львом Николаевичем в его дневнике, содержатся две песни: «Песня Балты» и «Песня Садо». Эти произведения были зафиксированы на чеченском языке с использованием кириллического алфавита. Интересной особенностью является то, что каждая строка, написанная на чеченском, сопровождалась подстрочным переводом на русский язык, который следовал непосредственно за оригинальной строкой. Этот факт примечателен не только с точки зрения культурного обмена, но и как свидетельство глубокого интереса великого русского писателя к народному творчеству народов Кавказа. Такой подход не только способствовал сохранению чеченского фольклора, но и сделал его доступным для русскоязычной аудитории, что стало важным шагом в укреплении взаимопонимания между народами.

В XIX веке на языке оригинала и в переводах на русский язык было опубликовано множество образцов чеченского фольклора, включая как прозаические, так и песенные произведения. Одним из значительных вкладов в это направление стало издание «Сборника сведений о кавказских горцах». В один из томов этого издания, опубликованного в Тифлисе в 1868 году, А.П. Ипполитов включил тексты чеченского фольклора, среди которых особое внимание привлекли две песни, ставшие известными благодаря Л.Н. Толстому и поэту А.А. Фету. Эти песни – «Высохнет земля на могиле моей...» и «Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть...» – получили широкую популярность [Татаева, 1981, с. 174], став своего рода символами чеченской народной поэзии.

Лев Толстой был глубоко впечатлен художественной ценностью данных песен, о чем свидетельствует его переписка с Афанасием Фетом. В своем письме он выражает восхищение глубиной и изяществом народных текстов, а также делится их сутью.

Фет, вдохновленный неповторимой лирикой чеченских песен, осуществил их перевод на русский язык, после чего ответил Толстому в аналогично восторженных тонах. Этот обмен взглядами и произведениями стал не просто проявлением литературной близости двух талантливых писателей, но и иллюстрацией того, как искусство способно соединять различные культуры. Интересно, что первая из этих песен была позже включена Л.Н. Толстым в его повесть «Хаджи-Мурат». В произведении она названа «песней о кровной мести», хотя по своей жанровой природе она таковой не является. Толстой подчеркивает «торжественно-грустный напев» песни, что является характерной чертой лироэпических песен-узавов. Такие песни, как правило, создавались в условиях глубоких переживаний: безысходной тоски, утраты близких или предчувствия неминуемой гибели. Герой песни часто обращается к смерти, принимает ее неизбежность с достоинством и смирением.

¹ Семенов Н. 1895. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногойцах и образцы поэзии этих народов). СПб., Тип. А. Хомского и К^о, 488 с.

Уникальность узамов в чеченском фольклоре объясняется их глубоким философским смыслом и сильной эмоциональной составляющей. Эти качества выделяют узамы среди других форм народного творчества. То есть, не просто повествовательность или развлекательная функция, а именно сочетание мудрости, заложенной в философских идеях, и силы эмоций, которые узам пробуждает у слушателя, делают их поистине исключительным явлением в культурном наследии чеченского народа. Можно сказать, что именно эта глубина мысли и чувств, содержащаяся в узамах, придает им неповторимую ценность и делает их важной частью чеченской культуры.

В XIX веке русский исследователь Н.С. Семенов внес значительный вклад в изучение народного творчества, в частности, героико-исторических песен, известных как илли. В течение долгого времени (с 1866 по 1893 г.) им были записаны и опубликованы «Образцы чеченских сказаний, сказок и песен», в частности, «Песня о юном Эстемире», а также «Предание о происхождении чеченцев». Героями народных героико-исторических песен становились реальные люди, обладавшие цельной натурой, о которой Н.С. Семенов, основываясь на личных наблюдениях писал: «В драках они являлись первыми; они сами формировали небольшие шайки и смело отправлялись в дальние набеги с мыслью или возвратиться с добычей, или сложить свои головы. Их слова не только уважались своими, но считались неизменными и русскими начальниками. Они глубоко нас ненавидели, никогда не склонялись к сделкам, и факт нашего владычества в крае считают делом судьбы. Такие личности есть и теперь»¹.

Н.С. Семенов отметил устойчивость и неизменность основных черт исполнения илли, что свидетельствовало о глубокой привязанности народа к своим традициям.

Цель исследования – изучение отражения сюжетов и мотивов, связанных с воинским подвигом и доблестью в устном народном творчестве XIX века, с акцентом на эмоциональное воздействие этих нарративов на общество и их роль в формировании культурной и исторической идентичности народов: отражение и интерпретация в фольклоре исторических событий через призму идеалов чести и долга.

К основным задачам данного исследования относятся: изучение основных тем и мотивов, связанных с воинским подвигом и доблестью, в устном народном творчестве чеченцев и рассмотрение роли устного народного творчества в передаче исторической памяти, культурных ценностей и идеалов. Также ставилась задача в рамках данной статьи охарактеризовать вклад фольклорных публикаций и записей И.В. Добровольским, В.Ф. Одоевским, И.А. Клингером, Л.Н. Толстым и другими русскими авторами XIX века в сохранение и популяризацию культурного наследия региона.

В качестве теоретико-методологической базы используются исследования отечественных и западных ученых в области культурологии, истории культуры, истории, искусствоведения. В качестве методологической базы применяются сравнительно-исторический, социокультурный и генетический методы.

Результаты и обсуждение

В XIX веке устное народное творчество оставалось важнейшим способом передачи исторической памяти, культурных ценностей и идеалов не только у чеченцев, но и в России, и других странах. Одним из центральных мотивов этого творчества была тема воинского подвига и доблести, которая не только нашла отражение в эпосе и сказаниях, но и стала неотъемлемой частью культурной и исторической идентичности народа. Исторические повествования, созданные народными сказителями, живо и ярко отражали героизм воинов, их самоотверженность, мужество и верность Родине, а также осмыслили

¹ Семенов Н. 1895. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб., Тип. А. Хомского и К°, 488 с. С. 58.

ключевые моменты исторического прошлого через призму идеалов чести и долга. Очень важен эмоциональный отклик общества на художественные нарративы героического эпоса и на исполнение произведений этого жанра.

Затянувшаяся на долгие годы Кавказская война, признанная самым продолжительным военным конфликтом в российской истории, оказал значительное влияние на культурное наследие и историческое сознание государства. Это вооруженное противостояние, охватывающее период с 1817 по 1864 год, стало не просто олицетворением стойкости и храбрости, но и послужило основой для формирования самобытных повествований о воинской чести и отваге. Как среди горских народов, так и в рядах солдат и офицеров императорской армии, сформировались определенные представления и устойчивые образы, которые впоследствии нашли свое отражение в литературных произведениях, художественном творчестве и народном творчестве. Эти стереотипные представления возникли в результате многолетнего взаимодействия, включавшего в себя как военные действия, так и периоды мирного сосуществования и обмена опытом.

Для русского человека огромной магией обладала независимая и вольнолюбивая фигура кавказского горца, столь разительно отличавшаяся не только от простого крестьянина центральных губерний России, но и многочисленного привилегированного класса чиновничьей бюрократии империи. «Кавказские горцы, оставаясь дикими, были, однако, настолько привлекательными, что многие, и притом образованные и родовитые русские впоследствии, во время великой Кавказской войны, сводили куначество с горцами, ставили себе их за идеал и старались во многом им подражать, копируя их костюм, поступь, манеры и внутреннюю жизнь... Русское сердце не горит ненавистью к кавказскому горцу, защищавшему свою Родину, свою свободу» [Ахмадов, 1991, с. 29]. Для горцев Кавказская война стала символом борьбы за независимость и сохранение традиционного уклада жизни. Их культура во многом укрепилась благодаря героическим песням, воспевающим отвагу воинов, многие из которых стали чуть не легендарными фигурами. Эпические песни и народные предания несут в себе элементы культурного кода, объединяющего народ единой системой духовных ценностей. Важной сквозной темой многих жанров фольклора, идущей из далеких глубин исторического прошлого и нашедшей свое продолжение в XIX в. стала тема воинского подвига, которая для чеченцев того времени не ограничивалась только ратными подвигами. На первый план в произведениях устного народного творчества этого времени выходят морально-нравственные ценности, такие как верность, честь, защита семьи и отчества, идеи самопожертвования ради общего блага и защиты родной земли.

Заключение

Сделаны следующие выводы:

- устное народное творчество, включая эпосы, сказания и песни, было основным способом передачи исторической памяти, культурных ценностей и идеалов в XIX веке;
- для чеченцев и других народов устное творчество играло особую роль в формировании культурной и исторической идентичности, отражая их мировоззрение и внутренний мир;
- в фольклорных произведениях XIX века доминировали темы героизма, самопожертвования, моральных дилемм и борьбы добра со злом;
- воинский подвиг и доблесть были центральными мотивами, которые воплощали идеалы чести, мужества и верности Родине;
- важным этапом в изучении и сохранении чеченского фольклора стало издание «Азиатского музыкального журнала» в Астрахани (1816–1818 гг.), где впервые были опубликованы нотные записи чеченских песен;

– вклад в фиксацию чеченской музыки внесли русские писатели, музыканты и фольклористы, такие как В.Ф. Одоевский, Л.Н. Толстой, а также И.А. Клиnger, чьи записи и описания стали важными источниками для исследователей.

В девятнадцатом столетии фольклор являлся важнейшим инструментом для поддержания исторической памяти и национального самосознания различных этносов, а также для трансляции духовных и нравственных ориентиров от предков к потомкам.

Восприятие героизма и отваги воинов в исторических рассказах XIX столетия, рожденных в фольклорной традиции, внесло значительный вклад в становление исторического сознания нации и ее самобытности. В этих повествованиях находили отражение не только подлинные эпизоды прошлого, но и формировались идеализированные портреты персонажей, олицетворяющих мощь, храбрость и преданность отечеству.

Фольклорные произведения, такие как песни, эпические поэмы и предания, запечатлевая ратные деяния, транслировали понятия о достоинстве, обязанности и любви к родной земле, которые превращались в основополагающие культурные ориентиры для всего общества. Эти произведения, прославляя подвиги воинов, укрепляли в сознании людей чувство национальной гордости и единства.

Список литературы References

- Ахмадов Я.З. 1991. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, Книга, 112 с.
- Akhmatov Ya.Z. 1991. Vzaimootnosheniya narodov Checheno-Ingushetii s Rossiei v XVIII veke [Relations of the Peoples of Checheno-Ingushetia with Russia in the 18th Century]. Grozny, Kniga, 112 p.
- Татаева С.В. 1981. К вопросу о записях и публикациях произведений чеченского музыкального фольклора в первой половине XIX века. В кн.: Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство: 142–148.
- Tataeva S.V. 1981. K voprosu o zapisyakh i publikatsiyakh proizvedeniy chechenskogo muzykal'nogo fol'klora v pervoy polovine XIX veka [On the Issue of Recordings and Publications of Chechen Musical Folklore Works in the First Half of the 19th Century]. In: Vzaimootnosheniya narodov Checheno-Ingushetii s Rossiei i narodami Kavkaza v XVI – nachale XX v. [Relations of the Peoples of Checheno-Ingushetia with Russia and the Peoples of the Caucasus in the 16th – Early 20th Centuries]. Grozny: 142–148.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 12.06.2025

Received June 12, 2025

Поступила после рецензирования 12.09.2025

Revised September 12, 2025

Принята к публикации 30.05.2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хамзатова Зарема Рахмановна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова; доцент кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия.

Zarema R. Khamzatova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University; Associate Professor, Department of History, Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 291.16
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-441-450
EDN PIJZSO

Влияние немецкой иммиграции на формирование религиозного многообразия и плюрализма в тринадцати колониях

Иванов Д.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
evdokimushkov@yandex.ru

Аннотация. Проведено различие между религиозным многообразием и религиозным плюрализмом как одной из его форм. Кратко обозначены основные данные о немецкой иммиграции в колонии от появления первых этнических немцев в Джеймстауне до Американской революции, включая данные статистики. Также упомянуты основные центры немецкой иммиграции – колонии Пенсильвания и Нью-Йорк. Особое внимание было уделено влиянию немцев на развитие в колониях отдельных конфессий – различных групп анабаптистов (меннонитов, амишей, данкеров, швенкфельдеров), лютеран, реформатов и Моравской церкви. Детально рассмотрена история каждой конфессии в Тринадцати колониях, а также место в религиозном ландшафте региона и вклад немецкоязычных иммигрантов в её развитие. В процессе исследования выявлено, что немцы оказали значительное влияние на рост религиозного многообразия в колониях, так как принесли наибольшее число конфессий наряду с англичанами. Прямого влияния немцев на формирование американского религиозного плюрализма выявлено не было, однако обозначен фактор широкого соучастия немецких конфессий в религиозной жизни колониальной Америки.

Ключевые слова: немецкая иммиграция, религиозное многообразие, религиозный плюрализм, лютеранство, реформатская церковь, Моравская церковь, анабаптизм

Для цитирования: Иванов Д.В. 2026. Влияние немецкой иммиграции на формирование религиозного многообразия и плюрализма в тринадцати колониях. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 441–450. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-441-450 EDN: PIJZSO

The Impact of German Immigration on the Formation of Religious Diversity and Pluralism in the Thirteen Colonies

Daniil V. Ivanov

Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
evdokimushkov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the influence of the immigration of German-speaking settlers on the formation of religious diversity and pluralism in the Thirteen Colonies. A distinction is made between religious diversity and religious pluralism as one of its forms. The main data on German immigration to

the colonies from the appearance of the first ethnic Germans in Jamestown to the American Revolution, including statistical data, are briefly outlined. The main centers of German immigration – the colonies of Pennsylvania and New York – are also mentioned. Particular attention is paid to the influence of Germans on the development of individual denominations in the colonies – various groups of Anabaptists (Mennonites, Amish, Dankers, Schwenkfelders), Lutherans, Reformed and the Moravian Church. Each of the above-mentioned confessions is given a separate place in the structure of the article, the history of each confession in the Thirteen Colonies is examined in detail, as well as its place in the religious landscape of the region and the contribution of German-speaking immigrants to its development. During the study, it was revealed that the Germans had a significant impact on the growth of religious diversity in the colonies, as they brought the largest number of confessions along with the English. At the same time, no direct influence of the Germans on the formation of American religious pluralism was revealed, though the factor of wide participation of German confessions in the religious life of colonial America was identified.

Keywords: German immigration, religious diversity, religious pluralism, Lutheranism, Reformed Church, Moravian Church, Anabaptism

For citation: Ivanov D.V. 2026. The Impact of German Immigration on the Formation of Religious Diversity and Pluralism in the Thirteen Colonies. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 441–450 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-441-450 EDN: PIJZSO

Введение

США стали первым светским государством среди исторически христианских стран. Накануне Американской революции религиозный ландшафт Тринадцати колоний отличался поразительным религиозным многообразием. В то время как в большинстве европейских стран сохранялась монополия государственной церкви на религиозную сферу жизни, а религиозное инакомыслие пресекалось, английские колонии в Северной Америке постепенно переходили от частичной религиозной терпимости к религиозной свободе. И хотя полноценный религиозный плюрализм был установлен уже после обретения колониями независимости, его фундамент был положен в колониальный период истории США. Это делает актуальными исследования, направленные на изучение истоков американского религиозного плюрализма в колониальный период.

Истоки религиозного плюрализма в Америке трудно свести к единому корню, однако весомую роль в его формировании сыграл миграционный фактор. В Тринадцати колониях селились не только англичане, но и шотландцы, ирландцы, голландцы и этнические немцы. К 1790 г. доля американцев немецкого происхождения составляла 8,9 % от общего числа всех «белых» [Purvis, 1998, p. 182]. Немецкоязычные иммигранты были членами лютеранской и реформатской церквей, а также многочисленных сект, вроде меннонитов и *моравских братьев*. Влиянию данных групп на формирование плюрального религиозного ландшафта в колониях и посвящена данная статья.

Генезис религиозного плюрализма в Тринадцати колониях является темой многих исследований. Стоит выделить труд К. Бенеке, в котором большое внимание уделено религиозным факторам происхождения плюрализма и толерантности в колониальную эпоху, таким, как широкие межконфессиональные связи во время «Великого Пробуждения» [Beneke, 2006]. Фундаментальная работа У. Хатчисона о развитии религиозного (и не только) плюрализма в США подчёркивает особую роль конфликтов в переходе от религиозной терпимости в колониальную эпоху к современному американскому мультикультурализму [Hutchison, 2008]. Данные труды вырисовывают детальные картины генезиса американского плюрализма, однако исследования глобальны. Важны работы, направленные на изучение локальных факторов, таких, как вклад отдельных деноминаций и диаспор в формирование плюрального религиозного ландшафта США.

Миграционный фактор в формировании религиозного плюрализма широко изучен в современном религиоведении. Влияние иммиграции на религиозные процессы в США рассмотрены в статье Д. Месси и М. Хиггинс, однако исследование сосредоточено на современных трансформациях религиозных общин Америки [Massey, Higgins, 2011]. Стоит выделить труд отечественной исследовательницы Е.Д. Руткевич, посвящённое различным моделям интеграции иммигрантских религий в сообщества США – данное исследование констатирует ключевое влияние иммиграции на формирование специфики американского плюрализма, однако оно посвящено проблемам современности [Руткевич, 2019]. Не менее важны исследования, изучающие влияние исторических миграций на формирование религиозного плюрализма в США.

Плюрализм и многообразие

Хатчисон определяет плюрализм как «принятие и поощрение многообразия» (acceptance and encouragement of diversity), что диктует необходимость провести различие между многообразием вообще и плюрализмом как одной из его форм [Hutchison, 2008, p. 1]. Может ли религиозное многообразие существовать без плюрализма?

Реформация в Англии породила широкое религиозное многообразие. С одной стороны, в стране сохранилась подпольная католическая иерархия. С другой – религиозное единство отсутствовало среди сторонников Реформации. Пуритане, недовольные результатами религиозных реформ, создали почву для возникновения инакомыслия с «протестантской» стороны, на волне которого возникли диссентеры (dissenters) – несогласные с англиканской церковью протестанты. К концу XVII в. религиозный ландшафт Англии был представлен англиканами, католиками, пресвитерианами, баптистами, квакерами и другими группами. Положение инакомыслящих было нелегальным, однако альтернатив государственной церкви было множество. Акт о веротерпимости 1689 г. (Toleration Act) предоставил некоторую свободу лояльным протестантам, признающим догмат о Троице, однако закон исключал свободу вероисповедания для католиков и унитариев. Вплоть до расширения прав английских католиков в 1829 г. публичная религиозная альтернатива в Англии была существенно ограничена монополией государственной церкви.

Сходная модель неплюрального религиозного многообразия сохранялась и в английских колониях Северной Америки. Несогласные с Церковью Англии пуритане основали колонии Новой Англии, где подавление инакомыслия продолжилось уже со стороны пуритан. В Южных колониях Церковь Англии пользовалась государственным статусом вплоть до Американской революции, хотя религиозное законодательство было мягче, чем в Англии. Пионерами веротерпимости были колонии Род-Айленд и Пенсильвания, однако право на свободу культа было ограничено для католиков. По утверждению Бенеке, вплоть до Американской революции состояние религиозных свобод в колониях можно было охарактеризовать словом «терпимость» (toleration), что подразумевает неравный статус религиозных групп. Автор резюмирует, что на протяжении всего XVIII в. в колониях происходил процесс перехода от «терпимости» к принципиально новым формам «религиозной свободы» [Beneke, 2006. p. 5]. Не последнюю роль в подобной трансформации сыграл рост религиозного многообразия в колониях, подпитываемый масштабной иммиграцией из Европы.

Начало немецкой иммиграции

Первым постоянным поселением англичан в Северной Америке был Джеймстаун, основанный в 1607 году. Спустя год после его основания на континент прибыла вторая группа поселенцев, среди которых были мастера «голландского» происхождения (Dutchmen), которые могли говорить на одном из диалектов немецкого языка [Orli, 2008]. Если

этническое происхождение «голландцев» остаётся дискуссионным, то сомнений в этническом происхождении прибывшего с ними минеролога Уильяма Уолдея нет – он был немецкоязычным швейцарцем. Таким образом, история американцев немецкого происхождения является ровесницей американской истории. Первые немецкие иммигранты не основывали собственной религиозной общины – вплоть до кон. XVII века в Вирджинии действовали только англиканские приходы.

Небольшое число немцев присутствовало в Новых Нидерландах ¹. Колония отличалась пёстрым этническим составом: помимо нидерландцев в ней селились французские гугеноты, шведы (их община появилась во время шведской колонизации Северной Америки) ², немцы и евреи-сефарды. Несмотря на привилегированное положение реформатской церкви, администрация Новых Нидерландов не препятствовала деятельности других протестантов, в том числе лютеран. Лютеранская община состояла из немцев, шведов и финнов [Jacobs, 2005]. Немцы-лютеране не играли большой роли в жизни колонии, однако их появление является отправной точкой в истории американского лютеранства.

Анабаптисты

Широкая иммиграция немцев в английские колонии началась в 1680-е гг. Переселенцев привлекала веротерпимая Пенсильвания. Основателем колонии был английский квакер ³ Уильям Пенн, стремившийся создать общество религиозной свободы, в котором все протестанты, признающие догмат о Троице, могли безнаказанно исповедовать своё учение и занимать государственные должности. С 1701 г. Хартия привилегий (Charter of Privileges) гарантировала почти полную религиозную свободу, сделав Пенсильванию центром иммиграции религиозных диссидентов со всей Европы. Особенно активными были различные группы немецких анабаптистов ⁴ – меннонитов ⁵, амишей ⁶ и данкеров ⁷. Преследуемые у себя на родине, в Пенсильвании они искали свободу отправления культа, пополняя ряды немецких переселенцев. С 1683 по 1775 гг. порт Филадельфии принял более 80 тыс. немецкоязычных иммигрантов, большинство из которых осели в колонии [Wokeck, 1999, p. 44-47].

Немецкие иммигранты были членами разных религиозных общин, однако первыми в Пенсильвании обосновались меннониты. В 1683 году группа меннонитов основала поселение Джермантаун неподалёку от Филадельфии [Smith, 1981, p. 139]. К 1708 году меннониты построили первый Дом молитвы (Mennonite Meetinghouse). Небольшие группы беженцев-меннонитов прибывали в колонию и позднее. К 1776 году в Пенсильвании действовали 64 меннонитские церкви, составлявшие почти десятую часть всех религиозных общин колонии [Purvis, 1998, p. 198].

¹ Новые Нидерланды (1614–1674 гг.) – голландская колония, контролировавшая прибрежную зону от Нью-Йорка до Делавэра.

² Новая Швеция (1638–1655 гг.) – колония Швеции на территории современного Делавэра.

³ Квакеры – религиозное движение английских диссентеров, основанное в XVII в. и проповедующее внутреннее присутствие Бога в каждом человеке как основной источник истины [Забияко и др., 2008].

⁴ Анабаптизм – обозначение радикальных групп эпохи Реформации в Германии и Швейцарии, выступавших с позиций эгалитаризма и антиклерикализма и признававших сознательное крещение [Забияко и др., 2008, с. 71]. Сам термин относится к религиозно-политическим группам эпохи Реформации. В данной статье анабаптистами условно обозначены конфессии, произошедшие от анабаптистского движения XVI в.

⁵ Меннониты – группа деноминаций, восходящих к эпохе Реформации в Германии, общей чертой которых является практика сознательного крещения и отказ от воинской службы [Забияко и др., 2008].

⁶ Амиши – одно из течений меннонитов, характерной чертой которого стал принципиальный отказ от контактов с людьми, отлучёнными от общины, неприятие любой лжи, а также обряд омовения ног. Общины амишей отличаются закрытостью [Забияко и др., 2008, с. 68].

⁷ Данкеры – община, генетически не связанная с анабаптизмом, но близкая ему по духу практикой повторного крещения и строгого следования Новому Завету. Была основана в 1708 г. в Пфальце [Забияко и др., 2008, с. 364].

Близкие меннонитам амиши также активно переселялись в Пенсильванию. В 1717–1750 гг. около 500 амишей поселились на территориях современных округов Беркс и Ланкастер [Crowley, 1978. р. 250]. Несмотря на малочисленность первых переселенцев, в наши дни община амишей составляет до 400 тыс. человек, что связано с высокой рождаемостью членов деноминации в XX в. Амиши предпочитают селиться закрытыми религиозными группами, сводя контакты с «внешним миром» к минимуму.

В 1719 году в Пенсильвании обосновались и члены общины данкеров. Данная конфессия в контексте её генеалогии не является анабаптистской, однако её отказ от несения государственных повинностей сближает деноминацию с другими анабаптистами, иммигрировавшими в Пенсильванию. Более того, данкеры также признают только сознательное крещение. В настоящее время большинство данкеров проживают именно в этом штате [Забияко и др., 2008, с. 346].

К 1776 году в Тринадцати колониях проживало около 75 тыс. членов различных немецких малых церквей (то есть не лютеран и не реформатов), большинство из которых были меннонитами. Подавляющее большинство из них селились в Пенсильвании. В колонии сформировалась внушительная немецкая диаспора: к 1790 году до 38 % населения штата составляли американцы немецкого происхождения [Purvis, 1998, р. 182]. Не все колонисты были анабаптистами – многие были лютеранами или реформатами. На территории штата со временем сложился отдельный диалект немецкого языка, а этноним «пенсильванские немцы» (Pennsylvania Dutch) отличал иммигрантов колониальной эпохи от представителей более поздних волн немецкой иммиграции XIX–XX вв.

Лютеранство

Первыми лютеранами в Северной Америке были подданные Швеции. В 1638 году в устье реки Делавэр были основаны первые поселения колонии Новая Швеция. Среди колонистов были люди шведского и финского происхождения. Колонии не удалось достичь успеха – её непродолжительный период существования обозначился неравной конкуренцией с Нидерландами, а население никогда не превышало 600 человек. Колонисты были членами Церкви Швеции.

В самих Новых Нидерландах лютеранская община существовала в Новом Амстердаме уже в 1649–1653 гг. и состояла из немцев и шведов [Jacobs, 2005]. Статус лютеранской общины было ниже статуса реформатской церкви: в 1650-ые гг. лютеране пытались получить разрешение на проживание в колонии священника, однако возможность назначать собственное духовенство появилась только после захвата колонии англичанами в 1664 году [Jacobs, 2005].

Вплоть до начала немецкой иммиграции в Нью-Йорк и Пенсильванию в XVIII в. лютеранская община была незначительной. К 1700 году во всех колониях Восточного Побережья были активны 7 лютеранских общин. В 1710 году группа из 2,8 тыс. немецких иммигрантов прибыла в Провинцию Нью-Йорк, дав начало массовому притоку немецких иммигрантов. Большинство из них были лютеранами. Колонисты предпочитали жить обособленно, сохраняя свои религиозные и языковые отличия внутри малых сообществ [Otterness, 2004]. К 1750 году в Провинции Нью-Йорк насчитывалось 26 лютеранских конгрегаций – почти пятая часть от числа всех лютеранских приходов в колониях [Purvis, 1995, р. 181].

Наиболее заметная община сформировалась в Пенсильвании, уже упомянутой в контексте большой немецкоязычной диаспоры. Веротерпимые законы колонии сделали её привлекательной не только для закрытых сект – именно в Пенсильвании сформировалась первая независимая лютеранская деноминация Северной Америки. Рост числа разрозненных лютеранских конгрегаций создавал необходимость в координации совместной деятельности. В августе 1748 г. состоялась конференция лютеранского духовенства и мирян в Филадельфии. Организатором мероприятия выступил немецкий

пастор Мельхиор Мюленберг. На собрании присутствовало шесть пасторов и представители от мирян. Совместно они организовали «Министерium Северной Америки» (Ministerium of North America), более известный как Пенсильванский министерium, ставший первой независимой лютеранской организацией на континенте. В рамках работы конференции были учреждены литургические документы, сам же Министерium находился под сильным влиянием немецкого пиетизма¹ [Gritsch, 2002, p. 175]. К 1750 году в Пенсильвании насчитывалось более 70 лютеранских общин, почти половина от общего числа лютеранских конгрегаций в колониях [Purvis, 1995, p. 181]. Большинство лютеран были немцами. Министерium Пенсильвании сохранял традиции пиетизма и широкую децентрализацию общин, в чём ощущалось немецкое влияние в противовес епископальной скандинавской традиции. После Американской революции его участники организовали Немецкий Евангелическо-Лютеранский Министерium Северной Америки и составили его первую конституцию [Gritsch, 2002, p. 175].

В XIX в. лютеранство в США ожидает небывалый рост, в значительной мере обусловленный масштабной иммиграцией немцев, шведов, норвежцев и датчан. Лютеранские деноминации и по сей день пользуются широкой поддержкой населения Среднего Запада страны (Midwest), где проживает немало людей с немецкими и скандинавскими корнями. По данным ARDA на 2020 г. около 1,7 % американцев являются членами 15 независимых лютеранских деноминаций².

Реформаты

Развитие реформатской церкви в Америке связано с нидерландской колонизацией региона. Голландская реформатская церковь пользовалась привилегированным статусом в Новых Нидерландах и оставалась наиболее популярной конфессией большинства голландцев после установления в регионе английской администрации. К 1750 году в Провинции Нью-Йорк действовало 59 реформатских общин, а Голландская церковь оставалась крупнейшей деноминацией в колонии [Purvis, 1998, p. 181]. Важно подчеркнуть, что в Нью-Йорке реформатская конфессия была связана с голландцами, долгое время сохранявшими культурную изоляцию. До 1754 года большинство реформатских конгрегаций в Тринадцати колониях были частью Голландской церкви, после чего объявили независимость, сохранив нидерландские традиции. От голландских реформатских общин отсчитывает свою преемственность Реформатская церковь в Америке (Reformed Church in America). На 2010 г. численность деноминации составляет более 246 тыс. членов и более 2 тыс. конгрегаций³.

Немцы также внесли свой вклад в развитие реформатской церкви в Северной Америке. В отличие от голландцев, немцы-реформаты предпочитали селиться со своими соотечественниками в Пенсильвании. Первая немецкая реформатская община возникла в окрестностях Филадельфии в 1725 году благодаря усилиям Джона Филиппа Бёма. Отсутствие в колониях немецкоязычного реформатского духовенства обусловило длительное подчинение немецких реформатов Голландской церкви. К 1750 году. число конгрегаций немецких реформатов превысило число голландских общин (90 и

¹ Пиетизм – движение внутри лютеранства, возникшее в XVII в. как критика лютеранской ортодоксии. Пиетисты придавали большее значение личному благочестию и мистическому опыту. Спор между приверженцами ортодоксии и пиетизма среди лютеран в английских колониях 1740-х гг. совпал с «Первым Великим Пробуждением» (First Great Awakening), в рамках которого многие протестантские общины колоний переживали расколы между сторонниками ортодоксии и «возрождения».

² Lutheran Family // Association of Religion Data Archives. URL: <https://www.thearda.com/us-religion/group-profiles/families?F=90> (Дата обращения: 16.05.2025).

³ Reformed Church in the America (1628 – Present) - Religious Group [Электронный ресурс] // Association of Religion Data Archives. URL: <https://www.thearda.com/us-religion/group-profiles/groups?D=676> (Дата обращения: 16.05.2025).

79 конгрегаций соответственно), однако немецкие общины продолжали оставаться под патронажем Голландской церкви [Purvis, 1998, p. 181]. Только в 1794 году они смогли организовать независимую деноминацию. В настоящее время эта организация называется Реформатской церковью в Соединённых Штатах (Reformed Church in the United States). В наши дни численность реформатов немецкой традиции невелика – 4369 членов и 28 общин по данным на 2002 г.¹

Моравская церковь

Большинство конфессий, принесённых в английские колонии немцами, были ориентированы на местные немецкоязычные сообщества и не проявляли интереса к миссионерской работе. После «Великого Пробуждения» многие религиозные общины активизировали миссионерство, особенно баптисты и пресвитериане, однако данные конфессии были непопулярны в немецкой среде. Только одна христианская община немецкого происхождения оставила скромный след в истории миссионерства в Тринадцати колониях – Моравская церковь.

В США по сей день действует деноминация чешско-немецкого происхождения, чьи корни восходят к движениям гуситов² и вальденсов³. История Моравской церкви интересна как пример уникальных институциональных трансформаций. Её корни восходят к общине *Чешских братьев*, основанной в 1457 г. в Богемии. Община отвергала католическую иерархию и выступала с позиций эгалитаризма и ненасилия. Несмотря на гонения, *Чешские братья* развивались, сформировав внушительную общину к началу Реформации. Они сыграли большую роль в развитии чешского языка и становлении системы школьного образования, что было связано с переводом Писания на чешский язык. Конфессия была запрещена после 1620 г. и её члены бежали в другие страны Европы. Спустя век *чешские братья* находилась на грани исчезновения. [Забияко и др., 2008, с. 1414].

В 1722 году *чешские братья* переживает «перерождение» в Саксонии. Граф Николай Цинцендорф пригласил небольшую группу выживших последователей конфессии поселиться в его землях. Сам граф позднее стал лидером и епископом общины. Большинство *братьев* прибыли из Моравии, что обусловило смену названия конфессии на Моравскую церковь. К тому времени община стала немецкоязычной. Позднее членов деноминации станут неформально называть *гернгутерами* по названию поместья Гернгут, где община и обосновалась. В 1730-е гг. Моравская церковь переживает «духовное возрождение» в духе пиетизма и начинает активную миссионерскую деятельность в Европе и Северной Америке [Забияко и др., 2008, с. 1414].

В 1741 году *моравские братья* основали поселение Вифлеем (Bethlehem) в Пенсильвании, что дало начало постоянному присутствию Моравской церкви в Северной Америке. Поселение было ориентировано на проповедь христианства среди немцев и индейцев-ленапэ. Коммунальная экономическая система колонии позволяла обеспечивать миссионеров необходимым обеспечением, основанным на добровольном труде «мирян» из числа членов общины [Engel, 2009].

¹ Reformed Church in the United States (1934 – Present) - Religious Group // Association of Religion Data Archives. URL: <https://www.thearda.com/us-religion/group-profiles/groups?D=677> (Дата обращения: 16.05.2025).

² Гуситы – обозначение религиозно-политических групп в Чехии XV в., несогласных с состоянием Римской церкви и стремившихся к её реформированию. Название связано с именем Яна Гуса, богослова, критиковавшего симонию и продажу индульгенций, а также призывавшего реформировать церковь по образцу раннего христианства.

³ Вальденсы – средневековая ересь, проповедовавшая идеал добровольной бедности как пути к спасению. Вальденсы рукоположили первых епископов для общины *Unitas Fratrum*, что позволяет возводить к ним преемственность Моравской церкви.

Основной целью *гернгутеров* была евангелизация немецкоязычных иммигрантов. К 1748 г. из 132 *моравских* миссионеров 112 работали преимущественно с немцами. Активное миссионерство Моравской церкви совпало с «Великим Пробуждением», когда многие конфессии в Тринадцати колониях переходили к активной проповеди и религиозному энтузиазму. *Моравские* миссионеры часто предпочитали межконфессиональную проповедь, активно взаимодействуя с реформатскими и лютеранскими общинами, что часто порождало конфликты. Характерной чертой *моравского* миссионерства был акцент на обращении к христианской вере в целом, а не на распространении своей конфессии. Цинцендорф в 1740-е гг. организовывал межконфессиональные конференции в Пенсильвании, участниками которых были представители различных немецких церквей. Миссионерская работа среди немцев способствовала росту межконфессионального взаимодействия в немецкоязычной среде Тринадцати колоний [Engel, 2009].

Не менее значима проповедническая деятельность *гернгутеров* среди коренных американцев. Проповедь среди индейцев началась в 1739 году и была направлена на племена могикан и ленапе. Формы миссионерской активности варьировались от индивидуальной проповеди до учреждения миссий в индейских поселениях. До 1755 года миссия *гернгутеров* действовала в поселении Шамокин (Shamokin). В 1740–1746 гг. успешная миссия действовала в могиканском поселении Шекомеко (Shekomeko) в колонии Нью-Йорк, однако противодействие колониальной администрации заставило *гернгутеров* покинуть регион, а вслед за ними деревню покинули и оставшиеся могикане [Engel, 2009].

К началу Американской революции в колониях действовало 27 общин Моравской церкви, из которых половина находилась в Пенсильвании [Purvis, 1998]. *Гернгутерам* не удалось достичь широкой популярности в регионе, однако их усилия по проповеди христианства среди индейцев стали значимой страницей в истории христианизации коренных американцев. Сегодня Моравская церковь представлена в США двумя епархиями-провинциями (Северной и Южной) с более чем 32 тыс. верующих и 130 конгрегациями ¹.

Заключение

Англичане и немцы привезли наибольшее число христианских конфессий в Северную Америку. Существенное немецкое влияние прослеживается в развитии лютеранской и реформатской церквей, а также многочисленных общин меннонитов, амишей, данкеров, швенкфельдеров и гернгутеров. Значительный вклад немцев в формирование религиозного многообразия в Тринадцати колониях трудно опровергнуть, однако неоднозначным вопросом остаётся наличие влияния немецкой иммиграции на формирование американского религиозного плюрализма. Оказали ли немцы прямое влияние на рост религиозной свободы?

Важно подчеркнуть, что иммиграция является далеко не единственным фактором в формировании плюрализма. Веротерпимые политические проекты Род-Айленда и Пенсильвании изначально основывались на идеях религиозной свободы, свойственных английским баптистам и квакерам XVII в. Сама идея создания плюрального общества предшествовала масштабным миграциям и многообразию. Нельзя недооценивать и влияние философии Просвещения, популярной среди колониальных элит в XVIII в.

С одной стороны, можно говорить о переходе количественных показателей в качественные. Рост религиозного многообразия порождал необходимость создания культурных и правовых основ взаимодействия между представителями различных

¹ U.S. Membership Report (2020) // Association of Religion Data Archives. URL: <https://www.thearda.com/us-religion/census/congregational-membership?t=4&y=2020> (Дата обращения: 16.05.2025).

конфессий. Немаловажную роль играло и снижение доли англикан на фоне масштабной иммиграции представителей других конфессий. Увеличивая количественные показатели религиозного «иноверия», немецкие иммигранты вносили вклад в перспективу развития плюрализма в формирующемся американском обществе. Более того, полноценный религиозный плюрализм в США был достигнут только после обретения независимости¹.

С другой стороны, отдельные группы немецкоязычных иммигрантов, преимущественно анабаптистов, привлекались Уильямом Пенном к освоению ранней Пенсильвании, что даёт возможность говорить о них как об участниках осуществления его веротерпимого политического проекта. Накануне основания колонии он призывал к переселению в Пенсильванию немецких меннонитов [Fantel, 1974, р. 194]. Планируя вовлечение религиозных инакомыслящих в политическую жизнь своей колонии, Уильям Пенн создал условия для широкой интеграции немецких христиан в колониальную жизнь.

К 1775 году в колониях проживало около 75 тыс. лютеран (3,1 % от населения), большинство из которых были этническими немцами, около 75 тыс. членов «разнообразных немецких церквей» (Miscellaneous German churches), а также около 50 тыс. немецких реформатов (2,1 %) [Purvis, 1998, р. 197]. Данные конфессии были крупнейшими религиозными группами после англикан, конгрегационалистов и пресвитериан, церквей британского происхождения. Деноминации, созданные немецкими иммигрантами, имели различный статус – от небольших закрытых сект до респектабельных церквей. Некоторые общины, преимущественно лютеране и гернгутеры, приняли участие в межконфессиональном диалоге «Великого Пробуждения». Моравская церковь внесла свою лепту в проповедь христианства коренным американцам. Данные факты позволяют говорить о широких формах участия религиозных групп немецкого происхождения в росте религиозного многообразия и терпимости в Тринадцати колониях, однако прямые истоки американского религиозного плюрализма следует искать в иных факторах. Немецкая иммиграция оказала *существенное влияние* на рост религиозного многообразия в Тринадцати колониях и *косвенное влияние* на формирование американского религиозного плюрализма. Не менее значим и тот факт, что некоторые деноминации немецкого происхождения до сих пор присутствуют в религиозном ландшафте США, что может свидетельствовать о высокой адаптации немецких христианских традиций в Америке.

Список литературы References

- Руткевич Е.Д. 2019. Влияние иммигрантских религий на характер религиозного плюрализма в США и Западной Европе. *Социологический журнал*, 25(2): 8–32.
- Rutkevich E.D. 2019. Vliyanie immigrantskikh religiy na kharakter religioznogo plyuralizma v SShA i Zapadnoy Evrope [The Influence of Immigrant Religions on the Nature of Religious Pluralism in the USA and Western Europe]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 25(2): 8–32.
- Забияко А.П., Красникова А.Н., Элбакян Е.С. 2008. Энциклопедия религий. М., Академический Проект, Гаудеамус, 1520 с.
- Zabiyako A.P., Krasnikova A.N., Elbakyan E.S. 2008. Entsiklopediya religiy [Encyclopedia of Religions]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Gaudeamus, 1520 p.
- Beneke C. 2006. Beyond Toleration: The Religious Origins of American Pluralism. New York, Oxford University Press, 305 p.

¹ 15 декабря 1791 г. вступила в силу Первая поправка к Конституции США, запрещающая ограничения свободы вероисповедания и строго разделявшая религиозные и государственные учреждения.

- Crowley W.K. 1978. Old Order Amish Settlement: Diffusion and Growth. *Annals of the Association of American Geographers*, 68(2): 249–264.
- Engel K.C. 2009. *Pilgrims and Profit: Moravians in Early America*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 313 p.
- Fantel H. 1974. *William Penn: Apostle of Dissent*. New York, William Morrow & Co., 298 p.
- Gritsch E. 2002. *A History of Lutheranism*. Minneapolis, Fortress Press, 346 p.
- Hutchison W.R. 2008. *Religious Pluralism in America: The Contentious History of a Founding Ideal*. New Haven, Yale University Press, 288 p.
- Jacobs J. 2005. *New Netherland: A Dutch Colony in Seventeenth-Century America*. Leiden, Brill Academic Pub, 559 p.
- Massey D.S., Higgins M.E. 2011. The Effect of Immigration on Religious Belief and Practice: A Theologizing or Alienating Experience? *Social Science Research*, 40(5): 1371–1389.
- Orli R.J. 2008. The Identity of the 1608 Jamestown Craftsmen. *Polish American Studies*, 65(2): 17–26.
- Otterness P. 2004. *Becoming German: The 1709 Palatine Migration to New York*. Ithaca, Cornell University Press, 235 p.
- Purvis T.L., Balkin R. 1998. *Colonial America to 1763*. New York, Facts on File, 385 p.
- Purvis T.L. 1995. *Revolutionary America, 1763–1800*. New York, Facts on File, 383 p.
- Smith C.H. 1981. *Smith's Story of the Mennonites*. Newton, KS, Faith and Life Press, 589 p.
- Wokeck M.S. 1999. *Trade in Strangers: The Beginnings of Mass Migration to North America*. University Park, PA, Pennsylvania State University Press, 352 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.10.2025

Received October 10, 2025

Поступила после рецензирования 12.01.2026

Revised January 12, 2026

Принята к публикации 30.05.2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванов Даниил Витальевич, аспирант кафедры философии религии и религиоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Daniil V. Ivanov, Postgraduate Student, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-451-460
EDN PJUFEI

Концепция человека в религиозной живописи средневековой Западной Европы

¹ Козлова М.Ю., ² Звонок Н.С.

¹ Донбасский государственный технический университет
Россия, 294201, Луганская Народная Республика, г. Алчевск, пр-т Ленина, д. 16

² Луганский государственный университет им. В. Даля
Россия, 291034, Луганская Народная Республика, г. Луганск, кв. Молодежный, д. 20а
maria.sky@listl.ru; zvonok1962@mail.ru

Аннотация. Авторами анализируется интерпретация человеческой природы в сакральных изображениях, созданных в период Средних веков на территории Западной Европы. Показано, как иконографические элементы и символика богословского характера передавали средневековое понимание человеческой индивидуальности. Авторы исследуют механизмы восприятия верующими священных изображений и демонстрируют ключевую роль визуальных религиозных образов в формировании духовного мировоззрения людей той эпохи. Результаты показали, что главным заказчиком и идеологическим вдохновителем искусства Средневековья выступала Церковь, которая определяла содержание и стиль произведений – священнослужители видели в искусстве инструмент наставления, помогающий направлять верующих к свету Христовой любви. Сделан вывод в том, что сакральная живопись западноевропейского Средневековья представляла собой не только визуализацию догматов католической веры, но и выполняла функцию особого медиативного канала, обеспечивающего возможность диалога с божественным началом.

Ключевые слова: христианство, Средневековье, католическая церковь, католицизм, религия, религиозная живопись, художественный образ

Для цитирования: Козлова М.Ю., Звонок Н.С. 2026. Концепция человека в религиозной живописи средневековой Западной Европы. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 451–460. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-451-460 EDN: PJUFEI

The Concept of Man in Religious Painting of Medieval Western Europe

¹ Mariya Yu. Kozlova, ² Natalia S. Zvonok

¹ Donbass State Technical University
16 Lenin Ave., Alchevsk, Lugansk People's Republic 294201, Russian Federation

² Lugansk State University named after V. Dahl
20a Molodeshnyi St., Lugansk, Lugansk People's Republic 291034, Russian Federation
maria.sky@listl.ru; zvonok1962@mail.ru

Abstract. The article analyzes the interpretation of human nature in sacred images created during the Middle Ages in Western Europe: how iconographic elements and theological symbols conveyed the medieval understanding of human individuality. The authors explore the mechanisms of perception of sacred images by believers and demonstrate the key role of visual religious images in the formation of the spiritual worldview of people of that era. The main customer and ideological inspirer of medieval art was the Church, which determined the content and style of works. The clergy saw in art an instrument of instruction, helping to guide believers to the light of Christ's love. The central thesis of the study is that

sacred painting of the Western European Middle Ages was not only a visualization of the dogmas of the Catholic faith, but also served as a special mediation channel, providing the opportunity for dialogue with the divine.

Keywords: Christianity, Middle Ages, Catholic Church, Catholicism, religion, religious painting, artistic image

For citation: Kozlova M.Y., Zvonok N.S. 2026. The Concept of Man in Religious Painting of Medieval Western Europe. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 451–460 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-451-460 EDN: PJUFEI

Введение

Схоластический подход, представляющий собой фундаментальную составляющую философской мысли католицизма, достиг своего максимального влияния в период Средних веков. Мыслители, придерживающиеся схоластических принципов, играли роль главных защитников вероучения, разрабатывая и аргументируя теологические и философские положения через систематическое применение логических рассуждений и умозрительных доводов в подтверждение существования Божественного начала. Их деятельность заключалась в синтезе религиозных догматов с методами рационального познания, что позволяло создавать сложные теоретические конструкции для обоснования истин веры, направленных на демонстрацию разумности христианского мировоззрения в контексте средневековой научной парадигмы [Чанышев, 1991].

Следует обратить внимание на утверждение Н.Бердяева, что христианство по своей природе исключительно динамично, а не статично, что оно является стремительной силой в истории [Бердяев, 2002]. Эта сила неразрывно связана с материализованным воплощением в символике культовых сооружений, искусстве, духовного мира своей эпохи. Философские и богословские идеи во многом определяют способ особого видения мира, уровень умственного развития, в том числе и культуры средневекового мира [Вайнтрауб, 2001].

Средневековая интеллектуальная традиция оказала существенное влияние на формирование религиозной культуры и форм искусства. Исследователи неоднократно ставили вопрос: какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь (не учитывая тенденции развития Восточных цивилизаций), возникли такие явления культуры, которые развивались (по крайней мере как мы склонны предполагать) в направлении, получившем универсальное значение... Аналогично обстоит дело и в области искусства [Вебер, 1990].

Следует отметить, что с момента возникновения христианства начался активный поиск визуальных и символических средств репрезентации религиозных идей. Религиозное искусство служило ключевым средством визуализации духовных убеждений верующих. В рамках католической традиции оно оказало значительное воздействие на развитие как церковной, так и светской культуры. Многочисленные живописные, скульптурные и иные художественные произведения не только формировали каноны сакрального искусства, но и влияли на творчество мастеров, работавших в различных жанрах. Генезис католического религиозного искусства восходит к раннехристианскому периоду, когда перед общинами стояла задача разработки иконографических средств выражения религиозных представлений. Доктринальной основой католицизма выступают апостольское преемство и авторитет Священного Писания. Католическая теология постулирует существование единственного пути к спасению, достижимого через строгое следование догматическим положениям вероучения [Жильсон, 2004].

Сакральная живопись эпохи Средних веков продолжает оставаться востребованной в современном обществе, выступая в качестве ключевого компонента культурного и исторического достояния большинства государств Европы, поскольку обладает

непреодолимой значимостью в духовной, историко-культурной и эстетической сферах. Этот специфический вид творчества, сформировавшийся под влиянием доктринальных установок католицизма, находится в неразрывной связи с основополагающими теологическими концепциями христианского вероучения, корни которых прослеживаются в традициях первых христианских объединений, существовавших в период поздней Античности. Нравственная ответственность историка, и добавим – культуролога, состоит в том, чтобы не видеть в предшествующих стадиях истории какую-то более низкую ступень развития. Историк не может взирать на прошлое свысока, он стремится завязать на равных диалог с людьми, создавшими изучаемые им тексты, и с их современниками [Гуревич, 1990].

Основной целью данного исследования является выявление характерных особенностей художественного творчества, связанного с религиозной тематикой, в регионах Западной Европы, исповедующих католицизм. Параллельно с этим исследование направлено на анализ вопросов, относящихся к сфере антропологии, которые рассматриваются посредством интерпретации произведений изобразительного искусства, созданных в период Средневековья и посвященных религиозным сюжетам. В рамках рассматриваемой проблемы предполагается тщательное изучение как формальных аспектов средневековой живописи, так и ее содержательной составляющей, что позволит глубже понять мировоззрение людей той эпохи и их восприятие сакрального. Особое внимание уделяется тому, каким образом через художественные образы передавались ключевые догматы католического вероучения и как в них отражались антропологические представления средневекового общества.

Регламентация религиозного искусства католической церковью

Генезис средневекового искусства Европы может быть датирован либо эпохой варварских нашествий и падения Западной Римской империи, либо периодом христианизации европейского пространства в IV веке, ознаменовавшим смену античной (языческой) парадигмы. Временная фаза средневекового искусства традиционно относится к XVII столетию, что совпадает с трансформациями в социально-экономической (развитие промышленности), эпистемологической (научно-технический прогресс) и ментальной (смена мировоззренческих установок) сферах. Что же касается философии, то она переживала настоящий расцвет в христианской Европе XV–XIX веков [Ясперс, 1991].

Вплоть до начала эпохи Возрождения именно Церковь оставалась главным заказчиком и покровителем художников, фактически контролируя развитие живописи. Нерелигиозные направления в изобразительном искусстве Европы начали формироваться лишь в последние пятьсот лет, а подлинного расцвета достигли только в XIX веке. Следовательно, анализ эволюции живописных техник и стилей на большей части исторического пути христианства по сути представляет собой изучение развития церковного искусства. В данном контексте было бы неверно упрекать Церковь в отходе от первоначальных принципов, скорее следует отметить ее дальновидность в адаптации естественных творческих импульсов человечества, что в конечном итоге способствовало культурному и общественному развитию. Вслед за Дворжаком М., необходимо рассматривать средневековую культуру как целостный феномен, уделяя много внимания философским и историко-социологическим аспектам искусства Средневековья [Дворжак, 2001]. Особую роль в данном исследовании играет изучение средневековых документов. Зачастую из-за отсутствия междисциплинарных знаний медиевист изучает Средневековье в обход литературы, искусства, права, философии, теологии. К счастью, всегда есть историки, стремящиеся выйти за рамки своей узкой специализации [Ле Гофф, 2001]. Концепции, возникшие в эпоху Реформации, воздействовали не только на область богословия, но также затрагивали художественную культуру, которая в контексте

католической традиции служила орудием оформления сакрального. В качестве меры противодействия протестантским тенденциям был организован Тридентский собор, постановления которого содержали теологические определения, касающиеся богодухновенности и отсутствия противоречий в текстах канонических книг Ветхого и Нового Заветов, подчеркивая их общее сверхъестественное происхождение. Также решения, принятые на Соборе, имели непосредственное отношение к регулированию искусства, связанного с религиозной практикой. Документы, утвержденные на этом собрании, устанавливали строгие требования к иконографии, в том числе четкое разграничение сюжетов, изображающих христианские святыни, и визуальных образов, относящихся к дохристианским верованиям. Таким образом, Собор стремился обеспечить соответствие художественных произведений доктринальным основам католицизма, исключая возможность смешения сакрального и профанного в религиозной живописи и скульптуре. На заключительной сессии была подтверждена дидактическая функция сакральных образов, подчеркивающая их роль в формировании духовного сознания через визуализацию библейских сюжетов как образцов поведения.

Церковная иерархия возложила на епископат обязанность контроля за производством живописных произведений в пределах епархий, однако конкретные иконографические параметры не были детализированы. Разработка соответствующих нормативных указаний была осуществлена архиепископом Габриэле Палеотти. Автор инициирует свою аргументацию с обоснования неизбежности использования визуальных образов в религиозной практике. «Еретики отрицают эффективность изображений. Запретить их означало бы совершить серьезную несправедливость по отношению к безграничному количеству людей, потому что это означает лишить их чувственного восприятия образа, которое рождает знание. Знание о важных моментах из жизни христианина необходимо для здоровья души. Лишить их образов, это все равно, что лишить знания бесконечное количество несчастных неграмотных» [Носова, 2021, с. 200].

Художественные произведения обязаны направлять сознание верующих к глубокому осмыслению евангельских событий и деяний святых, при этом необходимо строгое соответствие изобразительного содержания историческим фактам. В религиозной живописи доминировало стремление к передаче духовной сущности, а не материальной формы. В связи с этим Габриэле Палеотти выступал за устранение из живописных произведений избыточных элементов, искажающих их сакральную природу. Искусство призвано пробуждать в зрителе светлые чувства. Искаженные формы, напротив, оставляют человека равнодушным.

Автор концепции подчеркивает, что визуальные воплощения в изобразительном искусстве – включая как монументальную храмовую роспись, так и станковую живопись – обязаны находиться в строгом соответствии с каноническими религиозными писаниями. В период средневековья на территории стран западноевропейского региона получила широкое распространение теологическая доктрина, предполагающая существование трехступенчатой структуры божественной сферы, и, руководствуясь данным мировоззренческим принципом, Габриэле Палеотти аргументирует потребность в соблюдении трехступенчатой системы соподчинения при создании художественных работ. Конкретно это выражается в пространственной организации композиции, где местоположение каждого изображенного объекта напрямую зависит от его сакральной важности: в верхней части, репрезентирующей горний мир, традиционно помещаются образы Бога-Отца и Сына Божьего Иисуса Христа, в средней зоне располагаются лики Пресвятой Богородицы и канонизированных святых, тогда как нижний ярус отводится для портретного изображения мецената, финансировавшего создание произведения, а также второстепенных действующих лиц, не обладающих существенным духовным статусом.

Кардинал избегает обсуждения художественного стиля, предоставляя мастеру свободу в выборе формы и техники, но устанавливает четкие правила для передачи

сакральных образов: сдержанная цветовая палитра (даже яркие оттенки должны быть приглушенными), естественные позы и достоверность сцен.

Габриэле Палеотти, выступая в защиту концепции унифицированного религиозного искусства, доступного для восприятия широкой аудитории, не столько осуждает маньеристические тенденции, сколько акцентирует необходимость возвращения к художественным принципам, характерным для первых веков христианства. Данная позиция сформировалась как ответ на наблюдавшийся в тот период процесс стирания четких различий между произведениями, созданными для церковных нужд, и светской живописью. По убеждению кардинала, тщательное исследование раннехристианских памятников и активное включение в композиции традиционной символики позволяло выработать визуальный язык, обладающий высокой степенью общедоступности. Для обеспечения достоверности в трактовке библейских сцен Палеотти рекомендует мастерам живописи обращаться к изучению старинных рукописей, а также священных артефактов, которые сохраняются в храмовых комплексах и крупных базиликах.

При анализе взглядов Габриэле Палеотти, изложенных в его объемном научном труде, становится возможным изложить ряд принципиальных аспектов: во-первых, проблема дифференциации сакрального и мирского в художественном творчестве – исследователь особо отмечает уникальную функцию изобразительных средств в рамках религиозной практики; во-вторых, значимость светского искусства – автор аргументированно доказывает потребность в глубоком анализе истоков церковного искусства, восходящих к эпохе первоначального распространения христианства, а также взаимосвязь пластических решений с каноническими текстами Священного Писания; в-третьих, воздействие искусства на внутренний мир верующих – Палеотти предпринимает попытку показать, что визуальные образы обладают способностью влиять на духовное состояние индивида, и на конкретных примерах систематизирует художественные произведения по критериям «благочестивые» и «нечестивые» [Носова, 2021].

Богословские принципы в живописи художников Средневековья

Одной из фундаментальных особенностей сакрального изобразительного искусства являлась его ориентация на соблюдение устоявшихся норм и жестко регламентированных изобразительных схем. Учитывая дидактическую функцию такого творчества, оно закономерно приобретало строгий и неуклонно следующий доктрине характер. Даже незначительные отступления от установленных правил могли расцениваться как отступничество от вероучения. Любые модификации в облачении персонажей священной истории – к примеру, когда одни святые изображались обутыми, а другие босыми – или стремление внести индивидуальные трактовки в устоявшиеся иконографические типы рассматривались с чрезвычайной серьезностью, поскольку подобные вольности способны были вызвать сомнения среди паствы. Мастер, творивший в рамках христианской художественной традиции, был ограничен многочисленными предписаниями. Подобная регламентация несла в себе угрозу возникновения бездушного, шаблонного воспроизведения канонических образов, и культовая живопись далеко не всегда преодолевала эту тенденцию. Однако ответственность за это лежит не на религиозном институте, а преимущественно на свойственной людям склонности к интеллектуальной пассивности, поскольку в действительности церковная эстетика предусматривала возможность вариативности. Создателям религиозных образов не возбранялось демонстрировать художественную инициативу. Искусство не утратило полностью своей религиозной направленности, однако претерпело значительную трансформацию, перейдя от сложных теологических концепций и интеллектуальных абстракций к более понятным и приближенным к простому народу формам выражения. Религиозные убеждения начали находить воплощение в визуальных образах: мастера кисти старались с максимальной достоверностью и эмоциональной насыщенностью передать земной путь, мучения и

духовные испытания Иисуса Христа. Со временем в изобразительном творчестве стали отчетливо прослеживаться тенденции к усилению движения, эмоциональной напряженности и стремлению к достоверному отображению действительности, что свидетельствовало о постепенном переходе к более выразительным и динамичным художественным решениям. Символика и назидательность уступили место стремлению передать саму жизнь. Учение Христа и притчи отошли на второй план, уступая место драматическим сценам, особенно подробному изображению событий Голгофы. То, что раннее христианское искусство изображало сдержанно, теперь стало центральной темой.

Данные художественные творения обладают поразительной душевностью и глубокой эмоциональностью, однако их правдоподобность преследовала не самостоятельную задачу, а была направлена на стимулирование чувств, акцентируя милосердную сущность христианского учения. Аналогичное духовное начало прослеживается в назидательных и мировоззренческих полотнах того периода – их можно сравнить с церковными поучениями, в которых основная ценность заключается не в эстетической безупречности, а в воспитательной функции и силе психологического влияния на зрителя. Здесь художественная форма становится инструментом передачи нравственных идей, подчиняясь дидактическим целям, что характерно для сакрального искусства, где эстетика всегда вторична по отношению к духовному послы.

Так, Альбрехту Дюреру было предназначено воплотить в искусстве самые глубокие духовные истины германского христианства. Его картины, безусловно, великолепны, но главные откровения он выразил в гравюрах. Вся сила его гения проявилась в этих работах, и среди них нет равных по эмоциональной глубине таким циклам, как «Апокалипсис», «Жизнь Пресвятой Девы», «Маленькие страсти» и «Великие страсти».

Особую роль также играла портретная живопись. В мировоззрении людей той эпохи портрет служил окном в божественный замысел, ведь человек был создан по образу Творца. Подобно Божественному лику, портрет отражал взаимосвязь земного и духовного миров, в которых пребывала человеческая душа, устремлённая к вечности. Художники Северной Европы, вдохновлённые новаторством Яна ван Эйка, начали активно исследовать новые способы передачи человеческого облика. В отличие от Византии, здесь не было жёстких правил религиозной иконографии.

Концепция непрерывного духовного присутствия Христа в повседневной жизни христиан, которую творчески осмыслял Ян ван Эйк, получила широкое распространение благодаря известному сочинению Фомы Кемпийского «О подражании Христу» (начало распространения текста относится к 1418 году). Данное произведение, сравнимое по своему значению с «Лествицей» Иоанна Лествичника, предлагало читателям детально разработанную модель поведения истинно верующего человека, уделяя особое внимание духовным препятствиям и испытаниям, возникающим на пути религиозного совершенствования [Венщиков, 2020, с. 106].

Два важнейших религиозно-философских течения – *Devotio Moderna* («новое благочестие») и пантеистические воззрения – оказали существенное влияние не только на культурное развитие эпохи, но и на эволюцию сакральной живописи, занимавшей ведущее положение в Северной Европе и постепенно обращавшейся к более детализированному изображению материального мира. *Devotio Moderna* синтезировала принципы имитации жизни Христа с пристальным вниманием к повседневному человеческому опыту. Ключевой особенностью этой практики была концентрация на внутренних переживаниях верующего: в процессе молитвенного сосредоточения человек должен был мысленно представлять эпизоды из земного пути Спасителя, в особенности связанные с Его Страданиями, представляя себя непосредственным свидетелем этих событий. Этот принцип оказал влияние и на живопись *Ars Nova*, где городские пейзажи стали включаться в сцены из Евангелия. В произведениях *Ars Nova* город возникает в

ключевых моментах христологического цикла, причем используются два основных типа архитектурного фона. Очевидно, что выбор архитектуры напрямую зависел от сюжета [Курдюкова, 2010].

Осмысление антропологических проблем в живописи Диего Веласкеса

Художественное творчество предоставляет исключительную возможность для глубокого осмысления антропологических проблем, демонстрируя трансформацию представлений о человеческой сущности в эпоху Средневековья и сопоставляя мировоззренческие парадигмы различных культур. Произведения Диего Веласкеса занимают особое место в контексте современных исследований в области религиозной антропологии, поскольку в них осуществляется всесторонний анализ человеческого бытия сквозь призму теологических и метафизических концепций. В частности, знаменитое полотно «Менины» предлагает обширный материал для философско-антропологических и культурологических исследований. Данное произведение может быть интерпретировано как сложная система зеркальных проекций: дитя – воплощение божественного начала – деформированный образ (придворный шут) – искаженное отражение (власть) – субъект восприятия и осмысления (художник).

Мастер испанской живописи, применяя оригинальный художественный метод – изображение королевских особ через фигуры придворных шутов, – раскрывает одну из центральных антропологических дилемм христианского мировоззрения. Шут и король олицетворяют собой полярные социальные и ментальные категории, которые разделяют людей с момента их появления на свет, однако, как демонстрирует Веласкес, эти антиподы в конечном счете оказываются взаимосвязанными. Место их соприкосновения символизирует базовую аксиому христианской традиции: первоосновой человеческого существа является божественное начало, а идеальный человек представляет собой воплощение абсолютного Божества. Таким образом, искусство выполняет функцию своеобразного медиума, позволяющего проследить эволюцию антропологических воззрений и выявить универсальные закономерности в понимании человеческой природы на протяжении различных исторических эпох.

Для глубокого осмысления философско-антропологических аспектов в культурном контексте, сформированном христианской традицией, требуется детальный анализ образа Иисуса Христа. Подобно тому, как интерпретация серии полотен Веласкеса, посвященных монархам и придворным шутам, невозможна без рассмотрения его работы «Распятие», так и понимание христианской антропологии требует обращения к этому ключевому образу. В трактовке Веласкеса Христос предстает как страдающая, но внутренне просветленная личность, исполненная веры в грядущее спасение. Данный художественный образ занимает промежуточное положение между традиционной иконой и светской живописью; он не выполняет функцию символического портала в потустороннюю реальность, но служит напоминанием о непреходящих духовных принципах, включая концепцию абсолютного совершенства, синтезирующего в себе Истину, Добродетель и Эстетическую гармонию, материализованную в условиях земного существования.

Следовательно, веласкесовская концепция человеческой природы неразрывно связана с подлинным духовным идеалом, который потенциально может быть реализован в каждой личности посредством сознательного волевого акта, нередко осуществляемого вопреки биологическим установкам, общественным нормам и культурным стереотипам.

В художественном наследии Веласкеса особую значимость приобретает исследование феномена «антропологического преодоления» как фундаментального критерия человеческой сущности. Персонажи его произведений – будь то «вечные дети» или исполненные трагизма фигуры придворных шутов – являются носителями божественного начала, несмотря на то, что их существование подверглось деформации под влиянием неких непреодолимых обстоятельств, разрушивших первоначальную целостность их природы. Тем не менее даже в этих условиях они демонстрируют

сохранение способности к проявлению подлинно человеческих качеств в тех пределах, которые оказываются для них психологически и экзистенциально допустимыми.

Для зрителей эти образы становятся источником исцеляющего сочувствия, активного сострадания и осознания собственной несовершенности. Веласкес в своих философско-антропологических поисках объединяет мистическое восприятие человеческой цельности и греховности с рациональным стремлением осмыслить суть и развитие человеческой природы. Его антропология лишена романтизированных упреков Творцу за «несовершенство» творения. Он просто констатирует трагизм человеческого удела. В его работах, выходящих из караваджистской темы, словно звучит безмолвный глас Божий – откровение, доступное лишь в тишине. Для «глины» человеческой природы, оживлённой Божественным духом, крайне важно зеркало искусства, которое беспристрастно отражает её подлинное состояние. При этом Веласкес отчасти близок к гуманистической интерпретации христианства, утверждая единство образа: «Бог совершенный и человек совершенный» [Силантьева, 2014].

Произведения Средневековья были наполнены сакральными образами и аллегориями. Главными сюжетами становились жития святых и библейские сцены, композиция которых выстраивалась согласно строгим канонам, зависящим от места размещения изображения. Хотя религия оставалась основной темой, в искусстве постепенно начали появляться и светские мотивы. Средневековье стало переломным этапом для живописи – изменились сами задачи художников. Включая в работы бытовые детали, мастера добивались большей эмоциональной выразительности и достоверности в изображении реальности. «Можно даже осмелиться высказать предположение, что почитание святых, направляя ощущения блаженства и страха в русло привычных представлений, вносило оздоровляющую умеренность в духовные дебри Средневековья» [Хейзинга, 1995].

Художники эпохи совершенствовали технику: складки одежд теперь изображались более естественно, фигуры обрели динамику, утратив прежнюю статичность. Постепенно в живописи утвердились приемы, создающие иллюзию движения. «Обожение земного – последний отблеск уходящего в вечную жизнь средневековья» [Неретина, 1994]. Эти новации средневекового искусства заложили основу для дальнейшего развития западноевропейской художественной традиции.

Заклучение

В эпоху Средневековья изобразительное творчество в основном сосредотачивалось на создании сакральных образов и символических композиций, интерпретирующих сюжеты Священного Писания. Доминирующую роль в формировании художественного процесса играла Церковь, выступавшая не только основным меценатом, но и идеологическим регулятором, строго контролировавшим как тематику, так и манеру исполнения произведений. Духовенство рассматривало изобразительное искусство в качестве важнейшего дидактического средства, способствующего просвещению паствы и приобщению её к евангельским истинам. По инициативе церковных властей создавались экспрессивные живописные полотна, богато украшенные миниатюрами кодексы, а также скульптурные композиции, выполнявшие двоякую функцию: они служили и в качестве визуальных учебных материалов, и в роли источника духовной поддержки для малограмотного населения. Подобные творения не просто способствовали привлечению новых сторонников христианского учения, но и выполняли декоративную роль, насыщая культовые сооружения сложной системой религиозных знаков, доступных для понимания даже самым простым прихожанам. Наиболее распространёнными мотивами являлись сцены Распятия Христа, изображения Богородицы с новорожденным Спасителем, эпизоды страданий святых, апостолов и прочие эмоционально насыщенные композиции, рассчитанные на сильный отклик в душах созерцающих. При этом церковные иерархи в первую очередь требовали от мастеров безупречного владения техникой, а не проявления

новаторских подходов. Впрочем, отдельным талантливым авторам всё же удавалось привносить в канонические произведения элементы персонального стиля и даже лёгкие оттенки иронии. В рамках католического вероучения сакральное искусство продолжает играть значимую функцию, сохраняя многовековые каноны и иконографические мотивы, одновременно адаптируясь к трансформациям социокультурного контекста. Санкционируя создание художественных произведений, институт Католической Церкви сформулировал строгие нормативы, касающиеся как допустимых форм визуального выражения, так и тематического содержания, четко обозначив их дидактическую и литургическую направленность. С точки зрения церковной доктрины, творческая деятельность никогда не рассматривалась как автономная ценность, однако, легитимировав ее, духовные авторитеты преобразовали ее в эффективное средство нравственного формирования личности и распространения религиозного знания. Христианская традиция всегда стремилась к всеобъемлющему отражению многообразия человеческого существования, сознательно включая в сферу своего внимания все аспекты антропологической реальности без исключения. Во введении к «Закату Европы» О. Шпенглер пишет: «Нет никаких вечных истин. Каждая философия есть выражение своего, и только своего, времени» [1993, с. 155]. Историчность религиозной живописи Средневековья раскрывает философскую антропологию своего времени.

Список литературы

- Бердяев Н.А. 2002. Смысл истории. Новое средневековье. М., Канон, 448 с.
- Вайнтруб И.В. 2001. Священные лики цивилизаций. К., Техника, 512 с.
- Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М., Прогресс: 44–271.
- Венщиков М.А. 2020. Иконографическое наследие Византии на выставке Яна ван Эйка *Музей. Памятник. Наследие*, 1(7): 106–120. EDN AACFGO.
- Гуревич, А.Я. 1990. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., Искусство, 396 с.
- Дворжак М. 2001. История искусства как история духа. СПб., Академ. проект, 371 с.
- Жильсон Э. 2004. Философия в средние века: от истоков патристике до конца XIV века. М., Республика, 678 с.
- Курдюкова Д.Е. 2010. Город вдаль: небесный или земной? Изображение и образ города в нидерландской религиозной живописи XV в. *Вестник Московского университета*. Серия 8, 3: 109–123.
- Ле Гофф Ж. 2001. Средневековый мир воображаемого. М., Прогресс, 440 с.
- Неретина С.С. 1994 Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. М., Гнозис, 262 с.
- Носова Е.С. 2021. Взгляды кардинала Габриэле Палеотти на религиозное искусство. *Известия Саратовского университета*, 21(2): 200–205. DOI: [10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205)
- Силантьева М.В. 2014. Короли, шуты и философы Диего Веласкеса в контексте его религиозной живописи: взгляд из России. *Вестник МГИМО-Университета*, 2(35): 271–284. DOI: [10.24833/2071-8160-2014-2-35-271-284](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-271-284)
- Хейзинга И. 1995. Осень средневековья. Т. 1. М., Прогресс – Культура, 413 с.
- Чанышев А.Н. 1991. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., Высшая школа, 512 с.
- Шпенглер О. 1993. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2-х т. Т.1. Гештальт и действительность. М., Мысль, 663 с.
- Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. М., Политиздат, 527 с.

References

- Berdyaev N.A. 2002. Smysl istorii. Novoe srednevekovie [The Meaning of History. The New Middle Ages]. Moscow, Kanon, 448 p.
- Vayntrub I.V. 2001. Svyashchennye liki tsivilizatsiy [Sacred Faces of Civilizations]. Kiev, Tekhnika, 512 p.
- Weber M. 1990. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. In: Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress: 44–307.

- Venshchikov M.A. 2020. Ikonograficheskoe nasledie Vizantii na vystavke Yana van Eyka [The Iconographic Heritage of Byzantium at the Exhibition of Jan van Eyck]. *Muzey. Pamyatnik. Nasledie*, 1(7): 106–120. EDN AACFGO.
- Gurevich A.Ya. 1990. Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow, Iskusstvo, 396 p.
- Dvorzhak M. 2001. Istoriya iskusstva kak istoriya dukha [The History of Art as the History of the Spirit]. St. Petersburg, Akadem. proekt, 371 p.
- Zhil'son E. 2004. Filosofiya v srednie veka: ot istokov patristiki do kontsa XIV veka [Philosophy in the Middle Ages: From the Origins of Patristics to the End of the 14th Century]. Moscow, Respublika, 678 p.
- Kurdyukova D.E. 2010. Gorod vdali: nebesnyy ili zemnoy? Izobrazhenie i obraz goroda v niderlandskoy religioznoy zhivopisi XV v. [The City in the Distance: Heavenly or Earthly? Depiction and Image of the City in 15th-Century Netherlandish Religious Painting]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8*, 3: 109–123.
- Le Goff J. 2001. Srednevekovyy mir voobrazhaemogo [The Medieval World of the Imaginary]. Moscow, Progress, 440 p.
- Neretina S.S. 1994. Slovo i tekst v srednevekovoy kul'ture. Istoriya: mif, vremya, zagadka [Word and Text in Medieval Culture. History: Myth, Time, Riddle]. Moscow, Gnozis, 262 p. (In Russian)
- Nosova E.S. 2021. Vzglyady kardinala Gabriele Paleotti na religioznoe iskusstvo [The Views of Cardinal Gabriele Paleotti on Religious Art]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 21(2): 200–205. DOI: [10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-200-205)
- Silant'eva M.V. 2014. Koroli, shuty i filosofi Diego Velaskesa v kontekste ego religioznoy zhivopisi: vzglyad iz Rossii [Kings, Fools and Philosophers of Diego Velazquez in the Context of His Religious Painting: A View from Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2(35): 271–284. DOI: [10.24833/2071-8160-2014-2-35-271-284](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-271-284)
- Kheyzinga I. 1995. Osen' srednevekovya [The Autumn of the Middle Ages]. Vol. 1. Moscow, Progress-Kul'tura, 413 p.
- Chany shev A.N. 1991. Kurs lektsiy po drevney i srednevekovoy filosofii [A Course of Lectures on Ancient and Medieval Philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola, 512 p.
- Shpengler O. 1993. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History]. In 2 vols. Vol. 1. Geshtal't i deystvitel'nost' [Gestalt and Reality]. Moscow, Mysl', 663 p.
- Yaspers K. 1991. Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. Moscow, Politizdat, 527 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.07.2025

Поступила после рецензирования 18.10.2025

Принята к публикации 30.05.2026

Received July 18, 2025

Revised October 18, 2025

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Козлова Мария Юрьевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук, Донбасский государственный технический университет, г. Алчевск, Россия.

Mariya Yu. Kozlova, Senior Lecturer at the Department of Humanities, Donbass State Technical University, Alchevsk, Russia.

Звонок Наталья Степановна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Луганский государственный университет имени В. Даля, г. Луганск, Россия.

Natalia S. Zvonok, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 303.01
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-461-468
EDN GDFSAW

Советское коллекционирование как культурный концепт

Богданова М.А., Дидык М.А., Богданов М.С.

¹ Южный федеральный университет

Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

mabogdanova@sfedu.ru, madidyk@sfedu.ru, maks.bogdanov.1990@inbox.ru

Аннотация. Целью исследования является описание концепта «советское коллекционирование». Советское коллекционирование представлено как система ценностей; определен портрет советского коллекционера; сформулировано культурное значение частного коллекционирования советского периода. Исследование опиралось на воспоминания, дневники, мемуары и письма коллекционеров, их близких и деятелей искусства. Установлено, что советское коллекционирование представляет собой противоречивый синтез идеала и реальной практики коллекционерской деятельности в СССР. Советское коллекционирование как идеал задумывался как форма воспитательного и образовательного досуга, инструмент пропаганды достижений нового социалистического общества; как реальная практика оно представляло собой совокупность специфических форм собирательства и взаимоотношений между людьми и социальными институтами в условиях господства государственной собственности и контроля за частной жизнью граждан. Показано, что в советский период коллекционирование выполняло функцию сохранения культурного наследия, выступая одной из значимых общественных практик.

Ключевые слова: советское коллекционирование, коллекционер, культурная концепция, советская эпоха, культурные знания

Для цитирования: Богданова М.А., Дидык М.А., Богданов М.С. 2026. Советское коллекционирование как культурный концепт. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 461–468. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-461-468 EDN: GDFSAW

Soviet Collecting as a Cultural Concept

Marina A. Bogdanova, Marina A. Didyk, Maxim S. Bogdanov

Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

mabogdanova@sfedu.ru, madidyk@sfedu.ru, maks.bogdanov.1990@inbox.ru

Abstract. The purpose of this study is to describe the meaning of the concept of "Soviet collecting." To achieve this goal, Soviet collecting is described as a system of values, a "portrait of the Soviet collector" is defined, and the cultural significance of private collecting during the Soviet period is formulated. It is established that Soviet collecting represents a contradictory synthesis of the ideal and the actual practice of collecting in the USSR. Soviet collecting as an ideal was conceived as a form of educational leisure, a tool for promoting the achievements of the new socialist society. Soviet collecting as a practical practice represented a combination of specific forms of collecting and relationships between individuals and social institutions under the dominance of state property and control over the private lives of citizens. Our findings show that Soviet collecting is a significant social institution in the preservation of national cultural heritage. Despite restrictions and suspicion from both society and the state, Soviet collectors

actively participated in the cultural life of their country, engaging in education, patronage, support for young talent, the rescue of masterpieces, and more. The study relied on personal sources: memoirs, diaries, memoirs, and letters from antique dealers, collectors, and artists.

Keywords: Soviet collecting, collector, cultural concept, Soviet era, cultural knowledge

For citation: Bogdanova M.A., Didyk M.A., Bogdanov M.S. 2026. Soviet Collecting as a Cultural Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 461–468 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-461-468 EDN: GDFSAW

Введение

Коллекционирование как предмет научного изучения весьма многогранен, его можно исследовать как исторический феномен (коллекционный предмет как документ эпохи), а также в экономическом (коллекционирование как вид инвестиционной деятельности и сбережения), психологическом (коллекционирование как страсть), социологическом (коллекционирование как социальный институт, как одна из характеристик общества потребления), педагогическом (коллекционирование как инструмент привития вкуса и воспитания), культурологическом (коллекционирование как феномен культуры, как форма досуга или как игра) аспектах. Многоаспектность коллекционирования доказывается также тем фактом, что он является «раскрученной» темой художественного дискурса – литературы (С. Цвейг «Незримая коллекция», Дж. Фаулз «Коллекционер», Д. Рубина «Белая голубка Кордовы» и др.; живописи («Портрет коллекционера» Пармиджанино, «Коллекционер монет» Max Gaisser); кино («Как украсть миллион» (1966) – реж. У. Уайлер, «Возвращение святого Луки» (1970) – реж. А. Бобровский, «Серафима из Санлиса» (2008) – реж. М. Прово, «Бархатная бензопила» (2019) – реж. Д. Гилрой).

Оптика отечественной истории направлена на «крупные» события, касающиеся власти и государства; работ, посвященных истории частного коллекционирования крайне недостаточно [Катащогина, 2002; Вздорнов, 2003]. Большинство культурологических исследований советского коллекционирования посвящены собирательству какого-то одного вида собраний: графики, гравюры, декоративно-прикладного искусства, русской иконы, живописи, фарфора, почтовых марок и т. д. [Богданов, 2020., Опанасенко, 2012]. Социология, в силу специфики своего предмета, актуализирует институциональный статус коллекционирования вообще. Подобные идеи отражены в работах М.П. Барболина, Г.Н. Голядкина, А.И. Малинкина, Е.А. Макаровой, Н.Ф. Петровой. Современных работ по психологии коллекционирования почти нет, хотя традиции исследования мотивов коллекционирования как формы самопознания или эскапизма и пр. в отечественной психологии присутствуют [Павлов, 1999].

Целью данного исследования является описание смысла концепта «советское коллекционирование».

Использование понятий «габитус» и «символический капитал», разработанных в теории П. Бурдьё, было продуктивным в ходе культурологического анализа новых элит, практик и объектов коллекционирования в советском обществе. Исследование опирается на разнообразный и обширный материал о деятельности отечественных коллекционеров и особенностях коллекционного дела в советской России содержащийся в опубликованных воспоминаниях, мемуарах и письмах коллекционеров и их близких, деятелей искусства.

Результаты исследования

Коллекционирование как особый вид социальной деятельности известен с древнейших времен; в России сложился на основе западноевропейских традиций собирательства, начиная с Петра I.

В XIX веке с ростом активности таких социально-экономической групп, как буржуазия и купечество, коллекционирование становится социальным институтом со всеми приличествующими ему признаками: аукционные дома, антикварные магазины, галереи, журналы, общественные организации и пр. Отечественные уникальные коллекции, ставшие основой всемирно известных отечественных музеев, были собраны купеческими и аристократическими династиями, дипломатическими работниками, учеными (братья П.М. и С.М. Третьяковы, С.И. Морозов, П.И. Щукин, Д.Т. Татищев, П. Ф. Карабанов С.И. Мамонтов, А.П. Бахрушин, И.С. Остроухов, С.Н. Казнаков и пр.).

Однако в начале XX века в отечественном коллекционировании происходят значительные изменения, которые были обусловлены коренными трансформациями во всех сферах общества, связанные с социалистической революцией. Важнейшие декреты и постановления¹, принятые советской властью, содержали основные направления культурной политики, соответствующие новому типу государства. В данных документах нет специальных положений, касающихся частного коллекционирования, но они задают важнейшие параметры его существования: отношение к частной собственности, наследованию, общественным организациям, взаимодействиям с музеями и иностранными собирателями, инфраструктуры и пр.

Советское коллекционирование как система ценностей

Для описания советского коллекционирования как системы ценностей полезным будет обратиться к концепции П. Бурдье, касающейся роли среды («поля») в формировании необходимых качеств («габитуса») участника того или иного вида социальных практик. Коллекционная деятельность, как особый вид социальной практики, для своего нормального функционирования и воспроизводства нуждается не только в особых механизмах формирующих ее пространство (журналы, аукционы, общественные объединения, этические императивы), но и в людях, имеющих предрасположенность действовать в соответствии с заданными правилами и нормами. Это и есть габитус по П. Бурдье, который включает знание этих правил и желание ими руководствоваться. В этой связи советское коллекционирование как система ценностей представляет собой многофункциональную стратегию поведения людей, их взаимоотношений и переживаний в «токсичных» условиях сворачивания свободной торговли, ухода антикварного рынка на полулегальное и нелегальное положение, запретом на связи с зарубежными коллегами и пр. Тем не менее частное коллекционирование не прекратило свое существование, напротив, выработало новые формы и способы развития, породив особый исторический и культурный феномен – *советское коллекционирование*.

Без торговли и профессиональной экспертизы коллекционирование затруднительно: собиратель всегда нацелен на обновление своей коллекции, ищет предметы лучшего состояния, недостающие в его коллекции предметы, а это невозможно без купли, продажи и обмена. Необходимое для коллекционеров атрибутирование предметов было затруднено закрытостью части архивов и отъездом в эмиграцию большого числа специалистов и экспертов. Объявленная борьба с нетрудовыми доходами делала коллекционера персоной повышенного внимания государственных органов к источникам

¹ Декрет СНК «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов бывшего российского императорского дома» от 13 июля 1918 г., Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января (2 февраля) 1918 г., Декрет «О национализации Третьяковской галереи» от 3 июня 1918 г., Декрет СНК «О реквизициях и конфискациях» от 16 апреля 1920 г.; Декрет СНК «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 г.; Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 1918 г., Декрет ВЦИК и СНК. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г, Постановлении ВЦИК и СИК РСФСР «О музейном строительстве» от 20 августа 1928 г. и др.

дохода. Даже собиратель посредственной живописи или недорогого фарфора в глазах обывателей казался тостосумом или чудаком-эскапистом, а слово антиквариат ассоциировалось в общественном сознании с немислимым богатством.

Каналами для коммуникации становились квартирники, комиссионные магазины, а подвалы, чердаки и мусорные свалки были местами, где можно было найти вещи коллекционной значимости.

Следует отметить, что только три вида коллекционирования имели лояльное отношение государства: нумизматика, бонистика и филокартистика. Самым массовым увлечением советского коллекционера была филателия, которая с первых лет установления советской власти поддерживалась государством как важнейший механизм социалистической пропаганды и воспитания и противопоставлялась «буржуазному» коллекционированию. В журналах «Советский филателист» за 20-е годы можно найти многочисленные статьи о необходимости формирования «идейных филателистов» и о пользе филателии для воспитания детей. А. Чумаков, рассуждая «о патологических уклонах буржуазного коллекционирования» пишет: «Собирание различных браков и не гашенных марок можно отнести к патологии, злокачественной болезни с которой надо бороться». Ф.Г. Чучин, основатель и главный редактор журнал «Советский Филателист», в 1922 г. пишет об отношении к дореволюционным маркам: «Посмотрите, доселе выпущенные марки старых веков и десятилетий: в них вы найдете изображения царей-убийц, правителей-идиотов, цариц-проституток, придворных-скоморохов, их дворцы, памятники и храмы».

Советское коллекционирование покидает «приватную» сферу: созданные кружки собирателей становятся патронируемыми государством официальными клубами, включенными систему народного просвещения. Коллекционирование демократизируется, в него вовлекаются новые группы населения с менее взыскательным вкусом и финансовыми возможностями. Поощряемым мотивом коллекционирования становится познавательный досуг, особенно для детей.

Таким образом, советскому коллекционированию как историческому и культурному феномену присущи законодательные ограничения, специфические каналы коммуникации, подозрительное отношение к коллекционерам, сложности с атрибутированием коллекционных предметов, идеологическое сопровождение.

«Портрет» советского коллекционера

Как известно, после революции 1917 года все известные дворянские и промышленно-купеческие частные коллекции были национализированы, а с «частным коллекционированием как с аристократической и буржуазной забавой и «укрывательством» от широких масс культурных ценностей» было покончено. В связи с этим приведем характеристику положения коллекционера в советском обществе, данную А. Амальриком в статье «Художники и коллекционеры в Москве»: «В обществе, лишенном частной собственности, фигура коллекционера приобретала зловещие черты пушкинского скупого рыцаря, который прячет свои сокровища в подвале, чтобы в одиночестве наслаждаться ими при колеблющемся свете свечей». Тем не менее в разные периоды советской истории, помимо простых граждан, составлявших основную массу коллекционеров, можно выделить семь условных категорий коллекционеров, которые имели финансовые средства, возможности выезжать за границу, экспертные знания в области искусства, чтобы составлять выдающиеся собрания: «бывшие», ученая интеллигенция, коллекционеры-нэпманы, офицеры Красной Армии, ветераны спецслужб, государственно-партийная номенклатура, творческая интеллигенция.

Известны советские коллекции В. Дудакова, Н. Тимофеева, С. Шустера, А. Абрамяна, А. Мясникова, А. Чудновского, Г. Костаки, И. Сановича, И. Рыбакова; все эти люди представляли советскую интеллигенцию, обладали прекрасным

художественным вкусом и чутьем, получившими опыт коллекционирования в своих семьях. Например, коллекции живописи Соломона Шустера (1934–1995), Абрама Филипповича Чудновского (1910–1985) оценивают как собрания «эрмитажного» уровня.

Культурное значение частного коллекционирования советского периода

Вышеозначенный тезис позволяет нам перейти к определению значения советского коллекционирования, которое заключается, как в сохранении культурного наследия, так и в воспроизводстве механизмов коллекционирования в условиях почти закрытого рынка художественных ценностей, запрета частной инициативы и борьбой за утверждение социалистического образа жизни.

Меценатство, спасение от уничтожения и забвения предметов и имен, поддержка молодых талантов, возвращение в страну предметов высокого художественного уровня, оказавшихся в силу разных причин за границей, культурное развитие регионов – формы, в которых осуществлялось дело сохранения и распространения отечественной культуры советскими коллекционерами. Подчеркивая важное значение коллекционирования для сохранения и развития культуры, Л. Г. Ключанова пишет, что «коллекции занимают свою заметную нишу в деле сохранения культурной памяти и подключения индивидов к культурным кодам искусства и истории». Большинство из этих форм характерны для коллекционеров всего мира, но некоторые специфичны для советского коллекционирования, например, квартирные салоны или «квартирники» как площадки для встреч коллекционеров, ценителей и деятелей искусства. В период хрущевской «оттепели» складывается круг коллекционеров, покровительствующих т. н. нонконформистскому искусству, среди них Н. Стивенс, С. Шустер, В. Дудаков, Г. Костаки. В условиях отсутствия аукционов, негативного отношения власти к такому искусству, «квартирники» становились не только местом знакомства публики с художественными новинками, но и специфическими аукционными домами, где авторы могли выставлять и продавать свои работы, а коллекционеры покупать понравившиеся вещи.

О том как были устроены квартирные салоны, как организовывались встречи, какой дух царил в них, кто был завсегдатаем на этих «арт-тусовках», можно узнать из дневников Л. Талочкина, хроникера тех событий и страстного коллекционера. Спасение от вандализма, забвения и ненадлежащего хранения предметов музейной ценности также было типичным для практики советского коллекционирования. Выдающиеся собиратели русской старины В. Десятников, Ф.Е. Вишневский, Д.С. Лихачев, А. Васильев свои собрания создали, находя вещи коллекционной значимости на мусорных свалках, реставрируя их и давая им новую жизнь. В своих мемуарах московский архитектор и коллекционер Е.Д. Тюрин пишет: «Я находил некоторые редкие по достоинству своему картины в подвалах, на чердаках, печах и других местах, где они могли совершенно уничтожиться. Утешаюсь мыслью, что я их спас от конечной гибели». Сегодня спасает от уничтожения советский фарфор, статуэтки, елочные игрушки уфимский коллекционер Валерий Мальков, многие его находки были сделаны на блошиных развалах и чердаках. Михаил Юрьевич Карисалов – крупнейший современный даритель коллекционных ценностей, в наши дни разыскивает и выкупает предметы за рубежом, ранее находящихся в русских музеях; им было передано несколько десятков предметов в музеи Царского Села, Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Заключение

В условиях почти закрытого рынка художественных ценностей, запрета всех форм предпринимательства и государственной борьбы за утверждение социалистического образа жизни частное коллекционирование в СССР продолжало существовать, но

приобретало специфические особенности, породив феномен «советского коллекционирования».

В СССР частный коллекционер был маргинальной фигурой (отдельной кастой советского коллекционера были врачи, артисты, ученые, работники дипломатических служб и посольств), который вынужден был или скрывать свое занятие или представлялся общественному сознанию чудаком-эскапистом. Из всех видов коллекционирования нумизматика имела более или менее лояльное отношение со стороны государства, которая рассматривалась им как важнейший механизм социалистической пропаганды и воспитания граждан или как вид активного досуга для подрастающего поколения. Советские коллекционеры, несмотря на известные ограничения активно участвовали в культурной жизни своей страны, занимаясь просветительством, меценатством, поддержкой молодых талантов, спасением шедевров и пр.

Многие архивные материалы, документы до сих пор закрыты, что затрудняет исследование некоторых аспектов частного коллекционирования советской эпохи. Тем не менее обширный материал по теме истории частного коллекционирования можно найти документах и законодательных актах государства, музейных описях, мемуарах и личных документах.

Список литературы

- Барболин М.П., Голядкин Г.Н. 2009. Коллекционирование как способ сохранения, воспроизводства и устойчивого развития цивилизации: опыт осмысления и осознания. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(41): 135–142.
- Богданов М.С. 2023. Частное коллекционирование в СССР и новая советская элита. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 3 (219): 54–60. DOI: [10.18522/2687-0770-2023-3-54-60](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-3-54-60)
- Богданов К.К. 2020. К истории филателии в СССР. Обзор тем и исследовательских контекстов. *Acta Slavica Iaponica*, 40: 19–41.
- Бурдые П. 2005. Социальное пространство: поля и практики. М.-СПб, Алетейя, 576 с.
- Вздорнов Г.И. 2003. Частное коллекционирование икон в России. *Наше наследие: Иллюстрированный историко-культурный журнал*, 65: 44–53.
- Гусев М.С. 2018. Агафон Фаберже и его уникальная коллекция марок. В кн.: Почтовая марка и почтовая карточка: творцы, издатели, коллекционеры: сб. материалов IX Научно-практического семинара по истории почты и филателии, С-Петербург, 9 октября 2018. СПб, Центральный музей связи имени А.С. Попова: 241–251.
- Думова Н. 1992. Московские меценаты. М., Молодая гвардия, 336 с.
- Игнатьева О.В. 2019. Советское коллекционирование в контексте культурной революции. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 4: 80–89. DOI: [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/80-89](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/80-89)
- Катащогина М.В. 2002. Предпринимательская деятельность российских антикваров в конце XIX – первой трети XX веков: автореф. дис. ...канд. историч. наук. Москва, 21 с.
- Макарова Е.А. 2022. Коллекционирование как социокультурный институт: автореф. дис. ...канд. культур. наук. Саранск, 24 с.
- Малинкин А.Н. 2011. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М., Издательский дом Гос. ун-та – Высш. шк., 192 с.
- Опанасенко Д.Н. 2012. К.К. Шмидт, архитектор и филателист. В кн.: *Коллекции представляют историю: к 100-летию юбилейного Романовского выпуска почтовых марок: сб. материалы 3-го науч.-практ. семинара по истории почты и филателии*, СПб, ЦМС им. А. С. Попова: 108–109.
- Павлов И.П. 1999. Рефлекс цели. В кн. Избранные труды. М., Медицина: 359–365.
- Петрова Н.Ф. 1996. Частные коллекции, меценатство, музеи (социокультурологический анализ). *Социологические исследования*, 7: 68–78.
- Сергеева Е.А. 2006. Частная коллекция произведений современного изобразительного искусства как явления художественной жизни России 1960–1980-х годов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 29 с.

- Талочкин Л. 2024. Завтра – см. вчера. Дневники. М.: Музей современных искусств «Гараж», 472 с.
- Харлова М.Л. 2012. Икона как предмет частной коллекции в России конца XIX – начала XX века. Изд-во: Щелково: ОнтоПринт, 192 с.
- Шлаева И.В. 2000. Частное коллекционирование предметов русской старины как фактор сохранения культурного наследия: конец XIX- начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. историч. наук. Москва, 26 с.

Refereces

- Barbolin M.P., Golyadkin G.N. 2009. Kollekcionirovanie kak sposob soxraneniya, vosproizvodstva i ustojchivogo razvitiya civilizacii: opy't osmy'sleniya i osoznaniya [Collecting as a way of preserving, reproducing and sustainable development of civilization: an experience of understanding and awareness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(41): 135–142.
- Bogdanov M.S. 2023. Chastnoe kollekcionirovanie v SSSR i novaya sovetskaya e`lita [Private collecting in the USSR and the new Soviet elite.] *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvenny`e nauki*, 3 (219): 54–60. DOI: [10.18522/2687-0770-2023-3-54-60](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-3-54-60)
- Bogdanov K.K. 2020. K istorii filatelii v SSSR. Obzor tem i issledovatel`skix kontekstov [On the History of Philately in the USSR: A Review of Topics and Research Contexts]. *Acta Slavica Iaponica*, 40: 19–41.
- Burd`e P. 2005. Social`noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. М., Aletejya, 576 p.
- Vzdornov G.I. 2003. Chastnoe kollekcionirovanie ikon v Rossii [Private collecting of icons in Russia]. *Nashe nasledie: Illyustrirovanny`j istoriko-kul`turny`j zhurnal*, 65: 44–53.
- Gusev M.S. 2018. Agafon Faberzhe i ego unikal`naya kollekciya marok [Agathon Faberge and his unique stamp collection]. In: *Pochtovaya marka i pochtovaya kartochka: tvorcy, izdateli, kollekcionery: sb. materialov IX Nauchno-prakticheskogo seminar po istorii pochty` i filatelii*, S-Peterburg, 9 oktyabrya 2018. SPb, Central`ny`j muzej svyazi imeni A.S. Popova: 241–251.
- Dumova N. 1992. Moskovskie mecenaty` [Moscow patrons of the arts]. М., Molodaya gvardiya, 336 s.
- Ignat`eva O.V. 2019. Sovetskoe kollekcionirovanie v kontekste kul`turnoj revolyucii [Soviet collecting in the context of the cultural revolution]. *Gumanitarny`e issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal`nem Vostoke*, 4: 80–89. DOI: [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/80-89](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/80-89)
- Katashhogina M.V. 2002. Predprinimatel`skaya deyatel`nost` rossijskix antikvarov v konce XIX-pervoj treti XX vekov Abstract of the dissertation ...kand. istorich. nauk. М., 21 p.
- Makarova E.A. 2022. Kollekcionirovanie kak sociokul`turnyj institut [Collecting as a Sociocultural Institution]. Abstract of the dissertation of Candidate of Cultural Sciences. Saransk, 24 p.
- Malinkin A.N. 2011. Kollekcioner. Opyt issledovaniya po sociologii kul'tury [Collector. An Experiment in Research in the Sociology of Culture]. Moscow, Izdatel'skiy dom Gos. un-ta, 192 p. (In Russian)
- Opanasenko D.N. 2012. K.K. Shmidt, arhitektor i filatel'ist [K.K. Schmidt, Architect and Philatelist]. In: *Kollekcii predstavlyayut istoriyu: k 100-letiyu yubileynogo Romanovskogo vypuska pochtovykh marok [Collections Present History: On the 100th Anniversary of the Romanov Anniversary Issue of Postage Stamps]. Proceedings of the 3rd Scientific and Practical Seminar on the History of Post and Philately*. St. Petersburg, TsMS im. A.S. Popova: 108–109.
- Pavlov I.P. 1999. Refleks tseli [Goal Reflex]. In: *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow, Meditsina: 359–365.
- Petrova N.F. 1996. Chastnye kollekcii, mecenatstvo, muzei (sociokul'turologicheskiy analiz) [Private Collections, Patronage, Museums (Sociocultural Analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 7: 68–78.
- Sergeeva E.A. 2006. Chastnaya kollekciya proizvedeniy sovremennogo izobrazitel'nogo iskusstva kak yavleniya khudozhestvennoy zhizni Rossii 1960-1980-kh godov [Private Collection of Works of Contemporary Fine Art as a Phenomenon of the Artistic Life of Russia in the 1960s–1980s]. Abstract of the dissertation of Candidate of Art History. Moscow, 29 p.
- Kharlova M.L. 2012. Ikona kak predmet chastnoy kollekcii v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka [The Icon as an Object of a Private Collection in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Shchelkovo, OntoPrint, 192 p.

Shlaeva I.V. 2000. Chastnoe kollekcionirovanie predmetov russkoy stariny kak faktor sokhraneniya kul'turnogo naslediya: konets XIX – nachala XX vv. [Private Collecting of Russian Antiques as a Factor in the Preservation of Cultural Heritage: Late 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of the dissertation of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 26 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.12.2025

Поступила после рецензирования 30.03.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Received December 30, 2025

Revised March 30, 2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданова Марина Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Дидык Марина Александровна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой истории зарубежной и отечественной философии, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Богданов Максим Сергеевич, соискатель кафедры Теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Bogdanova, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of the History of Foreign and Russian Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Marina A. Didyk, Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of the History of Foreign and Russian Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Maxim S. Bogdanov, Applicant for a Candidate of Sciences degree at the Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 130.2; 141
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-469-475
EDN QKHUIY

К вопросу о социокультурной феноменологии войны

¹ Усова Г.М., ² Цуриков И.М.

¹ Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85

galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – осмыслить пространство культурных смыслов войны и духовно-нравственных трансформаций человека в практиках войны. Доказано, что осмысление парадигмы войны как формы бытия культуры и человека в пространственно-временном континууме ставит вопрос о границах трансформации образов и смыслов войны и человека в условиях военных действий. Обоснован тезис о том, что целостная философская рефлексия образов и концептов «войны» в истории и современности неразрывно связана с проблемой человека, моральными императивами личности, которые в объективных военных реалиях подвергаются радикальным трансформациям и коррозии. Отсюда правомерно допущение, что пространство культурных и нравственных смыслов войны сравнимо с кантовской непознанной «вещью в себе», философские контексты которой связаны с категорическим моральным императивом, ограничиваемого войной, когда его нравственные модусы деформируются и разрушаются.

Ключевые слова: война, человек, культура, нравственность, феноменология, военный гуманизм, духовно-нравственные трансформации

Для цитирования: Усова Г.М., Цуриков И.М. 2026. К вопросу о социокультурной феноменологии войны. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 51(2): 469–475. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-469-475 EDN: QKHUIY

On the Issue of the Socio-Cultural Phenomenology of War

¹ Galina M. Usova, ² Igor M. Tsurikov

¹ I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

² Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the socio-cultural phenomenology of war and man in war conditions. The object is the cultural and historical phenomenon of war in the space-time continuum; the subject is the modification of a person as a conceptual character in the conditions of military practices. The goal is to understand the space of cultural meanings of war and spiritual and moral transformations of a person in war conditions. It is proved that the understanding of the paradigm of war as a rational-reflective form of being of culture and man in the space-time continuum raises the question of the boundaries of the transformation of images of war and man in the conditions of military practices. The thesis is substantiated that: the holistic reflection of the image and concept of "war" in history and modernity is inextricably linked with the "human problem", the moral imperatives of personality, which in objective military realities undergo radical transformations. Hence, it is legitimate to assume that the space of cultural meanings of the phenomenon of war is comparable to Kant's unknown "thing in itself",

the philosophical meanings and contexts of which are associated with a categorical moral imperative, which war violates, deforms and to some extent restricts.

Keywords: war, man, culture, society, phenomenology, military humanism, spiritual and moral transformations

For citation: Usova G.M., Tsurikov I.M. 2026. On the Issue of the Socio-Cultural Phenomenology of War. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 469–475 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-469-475 EDN: QKHUIY

Вопрос о смыслах войны остаётся одним из центральных в философской рефлексии, вызывая полярные оценки – от критики войны как разрушительной силы до её апологетики как формы бытия. На протяжении веков осмысление войны носило преимущественно образно-метафорический характер, однако философский анализ образов войны позволял формулировать теоретические модели познания этого феномена.

Введение термина «философия войны» связывается с именем маркиза Жоржа де Шамбре, участника русско-французской войны 1812 года (труд «Философия войны» – *Philosophie de la guerre*, 1828 г.). В истории науки и философии комплексное осмысление «философии войны» как самостоятельного научного направления восходит к концу XIX – началу XX века. С тех пор избранная нами тематика, в центре которой мы ставим аксиологию и философию войны, разработана достаточно глубоко. Особо отметим заслуги русского теоретика войны А.Е. Снесарева, междисциплинарный труд которого создан на стыке философии и военной науки. В противовес устоявшейся традиции «узкого» понимания философии войны учёный развивал её аксиологическую концептуализацию.

Образы и понятия войны, претерпевая определённые трансформации во времени, выступали определённым «...конструктом, основанным на совмещении таких составляющих компонентов как рационалистический и эмоционально-психологический. В любую историческую эпоху образ войны имеет свои, присущие только ему, характеристики, зависящие от социокультурных детерминант» [Герасимов, 2019, с. 10]. Мы считаем, что, во-первых, феноменологическая экспликация проблемы «войны и человека» в философии культуры предполагает трактовку и понимание «войны» как рационального философского концепта, подчёркивая значимость его философско-культурологической идентификации и определения базовых онтологических и аксиологических характеристик. Необходимо и выявление глубинных семантических значений тех концептов и образов, которыми это явление формируется и функционирует в культуре и научном дискурсе. Во-вторых, данный ракурс исследования военной проблематики требует уяснения глубинной герменевтики смыслов культурно-исторического и современного пространства войны и человека в условиях войны в диахронном и синхронном измерениях.

Данная тема столь же многоаспектна и с точки зрения «компетенций и презумпций современного ratio: диалектика жизни предоставляет немало примеров крайней «неразумности» человечества, в том числе на стадии научно-технического прогресса. Действительно: «вооружённый» интеллект человек, наш современник, ведёт себя крайне неразумно, подводя человечество к тотальной самоликвидации, в частности, путём военной силы. Это лишь подчёркивает необозримые горизонты разрушительных последствий и антигуманных деструкций, которые настигают любое общество и культуру в процессе военного насилия и с неизбежностью влекут за собой метаморфозы самого человека, множат противоречия и парадоксы в обществе.

Осмысливая культурно-исторический аспект заявленной проблематики, подчеркнём его бинарность и неоднозначность. Так, с одной стороны, в онтологическом измерении парадигма войны – это своего рода традиционная негативная «норма» существования человека в культуре. В этом плане феномен войны (в одном из определений) выступает всеобщей «надисторической» формой темпорального измерения культуры и, что важно, человека в культуре. Так, обратившись к классической философии и истории культуры, мы видим, например, что именно концепция «войны всех против всех» лежит в основе теории Т. Гоббса о «естественном состоянии» и связана с такими базовыми компонентами человеческой природы, как «жизненные инстинкты», «права собственности» и др., включает также «естественный разум», в силу чего человек произвольно желает избежать насильственной смерти. И это не просто умозрительная конструкция мыслителя, рефлексизирующего о сущности человека и его социальном бытии. Отчасти это некая аксиома, от которой он отталкивается в своих рассуждениях о «природе человека» и смыслах его существования как субъекта в «войне всех против всех».

Как отмечает Хана Арендт, «...война и революция до сих пор составляют две центральные темы политической жизни XX века. Эти события пережили свои идеологические обоснования в политической ситуации нашего времени, чреватой угрозой тотального истребления в войне» [Арендт, 2011, с. 5]. Пока что «ограниченность» войны состоит в том, что она связана с феноменом смерти и возможностью тотального уничтожения человечества, хотя применительно к процессу деэсхатологизация времени В.П. Руднев констатирует, что «культуре противопоставлен страх смерти» [Руднев, 2000]. В этой связи Н.Н. Герасимов отмечает: «...важно говорить о классическом образе войны и его неклассическом варианте, который является следствием эволюционной трансформации первого» [Герасимов, 2019, с. 3], и по нашему мнению, существенным образом формирует новый идеологический фундамент и интеллектуальную атмосферу в обществе.

Дискурс осмысления военной тематики и человека в социокультурном контексте исторических военных практик, распространяющихся на сегодняшние реалии культуры, в значительной степени также приводит к определённым модификациям массово-коллективного и индивидуально-персонифицированного сознания [Шакирова, Герасимов, 2015]. Особенно этот процесс затрагивает механизмы воспроизводства молодёжного сознания. Это осложняется недостатками «...мультидисциплинарного исследования феноменологических модельных идеализаций основных деформаций онтологических оснований человеческой жизнедеятельности (утрата телесности, семьи, этноса, веры, морали)» [Римская, 2011, с. 11], что вполне соотносится с проблематикой изучения феноменологии и философии войны.

Примечательно, что современная концептуализация феномена войны и человека как её персонифицированного субъекта сопровождаются появлением новых подходов и интерпретаций, связанных с сущностными и содержательными характеристиками военного гуманизма. В частности, речь идёт о явлении «нового военного гуманизма» [Литвинский, 2023, с. 378], связанного по меньшей мере с двумя факторами. Во-первых, с очередной вспышкой гонки вооружений, предельным обострением, накалом борьбы принципов и мировоззрений бинарных оппозиций «Запад – Восток». Во-вторых, с кризисной ситуацией вокруг прежнего (традиционного) понимания военного гуманизма, суть которого реализуется тогда, когда, по словам Б.А. Литвинского, «...свобода в ходе боевой деятельности предполагает ответственность перед обществом за свой поступок» [Литвинский, 2023, с. 377], а также этический компонент, включающий такие идентификаторы, как «...уважение и сострадание к противнику, верность своим ценностям, достижение общественных целей путем наименьших жертв» [Литвинский, 2023, с. 377] и др. Утверждается, что он якобы исчерпал себя, потерял свои внутренние

возможности и потенциальные резервы. И, следовательно, в условиях современных войн не может эффективно выполнять свои непосредственные функции в обществе.

Описанная ситуация, наряду с комплексом других факторов, инициировала потребность в новых трактовках военного гуманизма, замены его понятием «нового военного гуманизма». Оно, по мнению ряда военно-политических аналитиков, крупных специалистов в области технической оснащенности ведущих мировых держав, является более состоятельным и адекватным для сегодняшних военных (и мирных) социокультурных реалий. Нам представляется, что методология данного подхода базируется на индивидуалистической парадигме мысле- и жизнедеятельности западного общества и центрируется идеей доминирования индивидуально-личностного начала над коллективным, общественным (ключевой постулат нового военного гуманизма). А сама (достаточно «возрастная», не новая) идея приоритетности, «священности» личных интересов восходит к западноевропейской средневековой этике, а точнее, к этическим основаниям рыцарской субкультуры, где в явном виде прослеживается отождествление понятий «военного гуманизма» и «военной добродетели». Рыцарская этическая парадигма освещена и находит прямое отражение в типовом «Кодексе чести». Его основные догматические заповеди-правила, в которых прописана линия поведения, образа жизни и этикета, визуально и по существу соотносятся с гуманистическими принципами. Среди них: «Повиновение Церкви и забота о ней; уважение ко всем и верность своим предводителям; щедрость по отношению к беднякам; смелость и сострадание в бою; помощь и содействие слабым» [Клешан Пюи дю, 2004, с. 83] и др. То есть согласно рыцарской этике безупречное признание такой благородной этической парадигмы и безоговорочное следование ей выступало абсолютным гарантом особого иерархического социального статуса всего рыцарского сословия. Данная парадигма также служила своего рода индульгенцией для рыцарской средневековой институции, а в целом выступала руководством к действию, настольной книгой рыцаря-воина, транслируя в мирское общество благородный образ воина-гуманиста, которой не только поддерживался всем рыцарским братством, но, что значимо, раскрывал содержательный контекст рыцарской культуры и её смысловую герменевтику. Эта тематика благородного военного гуманизма, восходящая к Средневековью, проецируется и на русскую классическую военную историю, создавшую концепт-образ русского воина, солдата, бойца с непреложными высокими духовно-нравственными качествами.

Не случайно морально-нравственный аспект «классической» войны и человека в условиях военной жизни широко представлен в отечественном, в том числе поэтическом, литературном, музыкально-философском, дискурсе. Однако сегодня в условиях современных военных практик на фоне глобального противоборства культурно-цивилизационных систем смысловые контексты рыцарской этической парадигмы если не канули в лету, то претерпели радикальную трансформацию, во многом – в направлении применения антигуманных, вплоть до бесчеловечных, абсолютно беспринципных с точки зрения морали стратегий. Они, говорят учёные, не соотносятся с сущностными характеристиками подлинного военного гуманизма, а скорее синонимичны понятию военного насилия и его аналогам. Среди таких стратегий и установок, констатирует О.А. Бельков, «особое место занимает насилие военное» [Бельков, 1998].

Следует согласиться с Б.А. Литвинским: «В наши дни внедрение принципов военного гуманизма осуществляется с применением военного насилия, что говорит о том, что свободные субъекты, например государства, для достижения своих политических целей готовы использовать любые средства, невзирая на причиненный ущерб и дальнейшие последствия» [Литвинский, 2023, с. 378]. Напомним, что подобная идеология с приоритетной ролью военного, силового фактора и права сильного перед слабым развивается в социально-политической концепции Н. Макиавелли, отдававшего приоритет доводам военного насилия в ущерб другим формам аргументаций, использующих именно

силовое давление (особенно если речь идёт о государственных интересах). В свою очередь, мы в аксиологическом контексте вопроса об оправданности или неприятии феномена войны считаем, что, во-первых, военные практики, вне зависимости от их видовой типологии, как правило, ослабляют жизнеспособность даже, казалось бы, самой успешной и амбициозной цивилизационной системы. Во-вторых, надо учитывать и то, что в условиях ведения войны государство влияет на ход политических и иных событий, накладывает ограничения на гражданские свободы индивидуумов, но одновременно государство и власть сами становятся субъектами, ограниченными условиями и факторами войны. Примечательно, что, поднимая тему о нравственных основаниях здорового и свободлюбивого общества, американский учёный Б. Бейлин писал о «разрушительные меры, под общим именем «разложение» [Бейлин, 2010, с. 41]. А если оно целиком овладеет властью, обществом, гражданскими и политическими структурами то, согласно Б. Бейлину, «...настанет конец независимости и свобод» [Бейлин, 2010, с. 41].

Обобщая рассуждения о «классическом» и «новом» военном гуманизме, отметим, что, речь идёт не о кризисе военного гуманизма с его здоровой семантической нагрузкой, а, скорее, о намеренно-конъюнктурных попытках его системной трансформации, перерождения в так называемый новый военный гуманизм в соответствии с социальным заказом. Ведь при ближайшем рассмотрении мы увидим, что так называемый новый гуманизм, ориентированный на конкретную целевую аудиторию, призван якобы путём замещения устаревшего, традиционного, отстаивать дело мира, собственные ценности и интересы человека. То есть с точки зрения приверженцев этого подхода именно новый гуманизм в полной мере отвечает задачам реализации человеческих ценностей, способствует защите прав и свобод, не попирая международное право. На деле же мы убеждены: идеология нового военного гуманизма, его неморальные принципы и доминанты идентифицируются как бесчеловечность в парадигме понимания войны как насилия [Калдор, 2015]. Примерно в этом же ключе и тематическом поле рождаются и создаются контексты и ответвления, связанные с теориями оборонного сознания и др. Можно допустить, что какая-то часть из таких формообразований является добросовестным заблуждением своих приверженцев. Но, скорее всего, новые сообщества, движения и дискурсы можно рассматривать в качестве идеологически заданных траекторий политического поведения.

В контексте взаимосвязи между образами войны и трансформацией человека в её условиях мы отмечаем, что эксплицированные выше новые процессы способствуют созданию особого социального пространства в период войны [Бикбов, 2014; Ван Кревельд, 2005], затрагивая основания цивилизационных систем. Тем самым они (процессы) порождают новейшую типологию войны и способов её технологического, информационного и другого обеспечения.

С вышеизложенных позиций интерес представляет тринитарная формула войны немецкого учёного, «философа войны» К. фон Клаузевица: «Война есть продолжение политики другими средствами», находящаяся на стыке эпистемологической теории и военной философии» [Клаузевиц, 2002, с. 489]. Эта формула дополняется прагматическим пониманием политики, где разум может стать основой героических решений. При этом важно, что в своей теории войны К. Клаузевиц проблематизирует фактор духовных сил, обосновывая его в качестве опоры военной успешности, говоря: «дух привлекается неведомым», «предпочитает пребывать в царстве случая и счастья» [Клаузевиц, 2002, с. 44].

Таким образом, мы приходим к выводу о настоятельной необходимости комплексной аналитики феномена войны с точки зрения её антропологического измерения: во-первых, как глобального культурно-исторического явления с выраженной деструктивной природой и антигуманистической сущностью и, во-вторых, в сопряжении с

экзистенциальной проблемой человека, его духовно-нравственного метаморфоза, неизбежного в условиях любой войны как отрицания жизни.

Как пишет Е.К. Мамина, «...историческое значение войны не может подвергнуть сомнению характеристику любой войны как убийство одних людей другими» [Мамина, 2006, с. 11]. Поэтому, не претендуя на универсализм, мы убеждены: война в корне противоречит естественной природе человека, она разрушает человека, прежде всего изнутри, трансформируя и калеча его душевный и духовный мир. В конечном счёте война узурпирует естественно-родовое человеческое право на жизнь. И если, скажем, театр не может изменить мир, но меняет человека, то ситуация войны с неизбежностью меняет и мир, и самого человека, как правило, в худшую сторону. Во всяком случае, как пишут учёные, ни одна война не осчастливила человека в диалектике прошлого, настоящего, будущего.

Список литературы

- Арендт Х. 2011. О революции. Пер. с англ. И. Косич. Москва, Изд-во «Европа», 464 с.
- Бейлин Б. 2010. Идеологические истоки Американской революции. Пер. с англ. Москва, Новое издательство, 308 с.
- Бельков О.А. 1998. Военное насилие: конфликтологический анализ. Национальная электронная библиотека. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/152047p.html> (дата обращения: 12.06.2026).
- Бикбов А.Т. 2014. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики. 431 с.
- Ван Кревельд М. 2005. Трансформация войны. Москва, Альпина Бизнес Букс. 343 с.
- Герасимов Н.Н. 2019. Философский анализ образа войны в эпоху глобализации. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 25 с.
- Дугин А.Г. 2004. Философия войны. Москва, Яуза, 45 с.
- Калдор М. 2015. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. Москва, Издательство Института Гайдара. 416 с.
- Керсновский А. 2023. Философия войны. История русской армии. Москва, Эксмо, 704 с.
- Клаузевиц К. фон. 2002. О войне: В 2 т. Т. 1. Москва, АСТ; СПб., Terra Fantastica, 559 с.
- Клешан Пюи дю Ф. 2004. Рыцарство. СПб., Евразия, 192 с.
- Куманьков А.Д. 2019. Философия войны: краткий очерк истории. *Логос*, 29(3): 99–116.
- Литвинский Б.А. 2023. Военный гуманизм и космос: проблемы современности. В кн.: Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. Социально-экономические и гуманитарные науки. Красноярск, СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 3: 377–379.
- Мамина Е.К. 2006. Проблема смысла войны в философии Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 21 с.
- Римская О.Н. 2011. Феноменология субкультурных религий. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 23 с.
- Руднев В.П. 2000. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. Москва, Аграф, 260 с.
- Шакирова Е.Ю., Герасимов Н.Н. 2015. Концепт войны в социокультурном пространстве. В кн.: Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы V Всероссийской конференции. Липецк, ЛГПУ: 105–111.

References

- Arendt H. 2011. O revolyutsii [On Revolution]. Transl. from English by I. Kosich. Moscow, Izd-vo Evropa, 464 p.
- Bailyn B. 2010. Ideologicheskie istoki Amerikanskoy revolyutsii [The Ideological Origins of the American Revolution]. Transl. from English. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 308 p.
- Bel'kov O.A. 1998. Voennoe nasilie: konfliktologicheskii analiz [Military Violence: A Conflictological Analysis]. Natsional'naya elektron'naya biblioteka. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/152047p.html> (accessed: 2026-06-12).

- Bikbov A.T. 2014. Grammatika poryadka: Istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotorye menyayut nashu real'nost' [The Grammar of Order: Historical Sociology of Concepts That Change Our Reality]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. 431 p.)
- Van Creveld M. 2005. Transformatsiya voyny [The Transformation of War]. Moscow, Al'pina Biznes Buks. 343 p.
- Gerasimov N.N. 2019. Filosofskiy analiz obraza voyny v epokhu globalizatsii [Philosophical Analysis of the Image of War in the Era of Globalization]. Abstract of the dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Volgograd, 25 p.
- Dugin A.G. 2004. Filosofiya voyny [The Philosophy of War]. Moscow, Yauza, 45 p.
- Kaldor M. 2015. Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 416 p. (In Russian)
- Kersnovskiy A. 2023. Filosofiya voyny. Istoriya russkoy armii [The Philosophy of War. History of the Russian Army]. Moscow, Eksmo, 704 p.
- Clausewitz C. von. 2002. O voyne [On War]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, AST; St. Petersburg, Terra Fantastica.
- Kleshchan Pyui dyu F. 2004. Rytsarstvo [Chivalry]. St. Petersburg, Evraziya, 192 p.
- Kumankov A.D. 2019. Filosofiya voyny: kratkiy ocherk istorii [Philosophy of War: A Brief Historical Sketch]. *Logos*, 29(3): 99–116.
- Litvinskiy B.A. 2023. Voennyi gumanizm i kosmos: problemy sovremennosti [Military Humanism and Space: Contemporary Problems]. In: Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current Problems of Aviation and Cosmonautics: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference]. *Series Social, Economic and Human Sciences. Krasnoyarsk, SibGU im. M.F. Reshetneva*, 3: 377–379.
- Mamina E.K. 2006. Problema smysla voyny v filosofii F.M. Dostoevskogo i V.S. Solov'eva [The Problem of the Meaning of War in the Philosophy of F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov]. Abstract of the dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Moscow, 21 p.
- Rimskaya O.N. 2011. Fenomenologiya subkul'turnykh religiy [Phenomenology of Subcultural Religions]. Abstract of the dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Tula, 23 p.
- Rudnev V.P. 2000. Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta [Away from Reality: Studies in the Philosophy of the Text]. Moscow, Agraf, 260 p.
- Shakirova E.Yu., Gerasimov N.N. 2015. Kontsept voyny v sotsiokul'turnom prostranstve [The Concept of War in Sociocultural Space]. In: Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoy sotsiokul'turnoy transformatsii: Materialy V Vserossiyskoy konferentsii [Humanities in the Context of Contemporary Sociocultural Transformation: Proceedings of the 5th All-Russian Conference]. Lipetsk, LGPU: 105–111.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.10.2025

Поступила после рецензирования 28.01.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Received October 28, 2025

Revised January 28, 2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усова Галина Михайловна, старший преподаватель кафедры криминалистики, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Цуриков Игорь Максимович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina M. Usova, Senior Lecturer, Department of Forensic Science, I.D. Putlin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Igor M. Tsurikov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESES

УДК 129+ 37.01/.09
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-476-484
EDN QOHQMC

Влияние эсхатологических мотивов на формирование мировоззрения студентов

Арсенина О.В.

Приволжский исследовательский медицинский университет (Владимирский филиал)
Министерства здравоохранения Российской Федерации
Россия, 600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 1
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87
arseninao@mail.ru

Аннотация. Влияние эсхатологических мотивов на формирование мировоззрения студентов остаётся малоизученным. Цель исследования – определить степень этого влияния в контексте образовательного процесса. В исследовании приняли участие 100 студентов 2-го курса лечебного факультета Владимирского филиала Приволжского исследовательского медицинского университета. Показано, что рефлексивное переосмысление эсхатологических мотивов формирует мировоззренческий опыт и изменяет восприятие конечности человеческого существования. Разработаны критерии оценки мировоззренческой компетенции. Результаты могут быть использованы при разработке модели формирования мировоззренческой компетенции студентов.

Ключевые слова: эсхатология, эсхатологические мотивы, мировоззренческая позиция, студенчество, ВФ ПИМУ, образовательный процесс, эмпирическое исследование, рефлексия, компетенции

Для цитирования: Арсенина О.В. 2026. Влияние эсхатологических мотивов на формирование мировоззрения студентов. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 476–484. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-476-484 EDN: QOHQMC

The Influence of Eschatological Motifs on the Formation of Students' Worldviews

Olga V. Arsenina

Branch of the Privolzhsky Research Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
1 Oktyabrsky Ave., Vladimir 600000, Russian Federation
Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletov
87 Gorky St., Vladimir 600000, Russian Federation
arseninao@mail.ru

Abstract. The influence of eschatological motives on the formation of students' worldviews remains poorly studied. The purpose of this study is to determine the extent of this influence in the context of the educational process. The study involved 100 second-year medical students from the Vladimir branch of the Volga Research Medical University. It was found that a reflective reinterpretation of eschatological motives shapes students' worldviews and changes their perception of the finitude of human existence. The

study developed criteria for assessing students' worldview competence. The results can be used in the development of a model for shaping students' worldview competence.

Keywords: eschatology, eschatological motives, worldview stance, students, Vladimir Branch of PRMU, educational process, empirical research, reflection, competences

For citation: Arsenina O.V. 2026. The Influence of Eschatological Motifs on the Formation of Students' Worldviews. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 476–484 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-476-484 EDN: QONQMC

Введение

В общественном пространстве интерпретируются различные варианты надвигающихся кризисов, при этом о кризисе смыслов человеческого существования, корни которого заложены в идеальном конструкте эсхатологии, говорить крайне редко. Эсхатологические концепты искажаются в сюжетах литературного пространства, с переориентацией на современные проблемы общества [Чеснова, 2013, с. 145]. В молодежной среде возникает дилемма: погрузиться в пространство массмедиа и стать своими в глобальном мире, либо выработать против него иммунитет, проявляющийся в духовной рефлексии. На мировоззренческий аспект эсхатологии указывают многие отечественные и зарубежные авторы: эсхатология «заставляет размышлять над происходящей действительностью, осваивать новые модели жизни, ведущие к достижению идеала» [Шелудченко, 2013, с. 109], формирует народный менталитет [Гранин, 2017, с. 101], «следует за человеком в случае любого преображения реальности» [Arias-Maldonado, 2020, р. 1024]. В современной литературе часто доминируют эсхатологические сюжеты, в которых «экзистенциальная катастрофа происходит посредством человеческих сил» [Jones, 2023, р. 3], отмечается динамика апокалиптических предвкусений, в молодежной среде, для которой характерен определенный стиль мировоззрения, представляющий некий бриколаж [Tarkington, 2023, р. 22]. Адаптация к переменам и вызовам новых реалий согласуется с внутренней духовной потребностью студентов, задачами образовательного процесса вузов. Учитывая, что «эсхатологические мотивы в социальном, духовном и подсознательном аспектах, имеют воздействие на сознание» [Бочаров, Буркин, 2013, с. 72], проблема их осмысления и восприятия, как ориентиров к размышлению о возможных вариантах конечности мира и человечества, видится нам перспективной.

В этой связи целью исследования явилась попытка обосновать перспективы эсхатологических мотивов в процессе их осмысления, как одного из способов формирования мировоззренческой позиции студентов при соблюдении исключительно научного и религиозоведческого подходов [Барсукова, 2017, с. 37].

Материалы и методы исследования

Формированию мировоззренческой компетенции студентов, обучающихся в вузе, посвящено большое количество работ, отметим лишь некоторые из них: [Барсукова, 2022; Баннова, 2022; Болдинова, 2016; Дерюгин, 2022]. Не менее важным аспектом является процесс формирования рефлексивных навыков [Ушева, 2014, с. 6].

Исследование проводилось среди студентов 2-го курса лечебного факультета Владимирского филиала Приволжского исследовательского медицинского университета. Его концепция и программа разработаны в соответствии с требованиями ФГОС ВО¹. Платформа строилась на постановке следующих задач: развитие навыков критического

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело. № 988. от 12 августа 2020 г. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-01-lechebnoe-delo-988/> (дата обращения: 10.09.2025).

восприятия источников информации (в нашем случае они будут представлены в социальном пространстве студентов и литературном сюжете, в котором присутствует эсхатологический мотив), анализ и осмысление которых будут трансформироваться в сознании студентов, становясь системным мировоззренческим преобразованием; умение логично формулировать, излагать и аргументировано отстаивать собственное восприятие эсхатологических мотивов, проявляющееся в субъективной рефлексии, конструктивная система которой поможет определить степень их восприятия и осмысления; овладение навыками ведения дискуссии, полемики, диалога, с последующей оценкой.

Для разработки матрицы оценки сформированных вышеперечисленных компетенций студентов, был использован трёхуровневый подход Лорины Андерсон и Девида Круфта [Anderson, Krathwohl, 2000]: анализ, синтез, оценка. Данный метод применяется в образовательном процессе вузов для оценки критического мышления, способности решать мировоззренческие проблемы. В процессе осмысления студентами эсхатологического текста применялся герменевтический подход [Кузнецов, 2002, с. 6-69], который предоставил студентам возможность ощутить себя в роли герменевтиков. Ответы студентов на вопросы дискуссии и анкеты обрабатывались посредством математического подсчета. Единицей измерения данных стал процент от числа ответивших на конкретный вопрос (валидный процент). Для аудиторного и самостоятельного изучения с целью включения студентов в проблему, им было предложено ознакомиться с электронной версией толкования на книгу Апокалипсис профессора А.П. Лопухина [Лопухин, 2023]. Для оценки показателей уровня субъективной рефлексии и сформированной мировоззренческой компетенции у студентов, автором были разработаны критерии.

Результаты исследования, их обсуждение

В нашем исследовании студенчество представлено как объект интенсивной социальной проекции общества, объединенный общими интересами и территориальной принадлежностью к образовательному филиалу ВФ ПИМУ, расположенного в городе Владимир. В исследовании приняли участие студенты 2 курса Лечебного факультета (выборка респондентов составила 100 человек). С целью конкретизации объекта исследования был составлен социальный портрет студентов: молодёжь в возрасте от 18 до 27 лет, (разница в возрастном цензе объясняется тем, что 44% от общего числа респондентов получают высшее образование на базе среднего специального медицинского образования); 26% мужского, 74% женского пола. Исследование проводилось в рамках образовательной программы по дисциплине «Философия» тема: «Философия в городском пространстве», период с 1 сентября по 1 октября 2025 года.

На первом этапе исследования было важно выявить степень вовлеченности студентов в эсхатологическую проблему. Вопросы допускали возможность выбора, из предложенных преподавателем, вариантов ответов.

Первый вопрос: *«Эсхатология – это учение о грядущих глобальных изменениях мира о... – (закончить предложение)»*. Предложенные варианты ответов отражаются в показателях ответов студентов (100%). Ответы распределились следующим образом. С первым вариантом ответа о *«конце света»* согласилось 87% респондентов, со вторым о *«страшном суде»* – 2%, с третьим о *«наступлении божественного порядка на земле»* – 0%, с четвертым о *«конечной судьбе мира и человека»* – 10%, с пятым, верным вариантом – *«все ответы верны»* – согласились 5 % респондентов.

Анализ ответов показал, что основной концепт эсхатологии для большинства студентов (87%) заключается только в предсказании о *«конце света»*, что свидетельствует о не достаточной информированности студентов.

Ответы на второй вопрос: *«Интересуетесь ли вы проблемой апокалипсиса?»* распределились следующим образом: 56% от общего числа респондентов, ответили *«Да, я часто думаю о выживании человечества в кризисной ситуации»*, 34% – ответили *«не*

интересует эта проблема». Вариант ответа: «Считаю проблему сказкой, фантазией» – отметили 3%, «затрудняюсь ответить» – 7% от общего числа респондентов. Показатели свидетельствуют о том, что термин апокалипсис более распространён в современном обществе, у студентов «на слуху», поэтому 56% респондентов сумели дать более четкое определение понятия, 34% – к теме апокалипсиса не проявляют интереса, исключают его возможность.

На третий вопрос: «Какие предвестники апокалипсиса, по вашему мнению, могут стать его причиной?», были получены ответы: 38% респондентов отметили «Ядерную войну», 33% – «экологическую катастрофу», 10% – «экзистенциальный кризис» (старые ценности уже потеряли свое значение, а новых еще нет), 19% – «не допускаю никаких вариантов». Большинство респондентов (81%) в качестве причин называли различные варианты катастроф, 19% – настроены оптимистично. В ответах отмечен диссонанс: многие из тех, кто «не интересуется проблемой», допускают его причины.

На четвертый вопрос: «Из каких источников вы черпаете информацию об апокалипсисе?», были получены ответы: 75% респондентов ответили «из массмедиа», 25% – «не интересуюсь этой информацией». Два предложенных варианта: из «художественной и научной литературы», «религиоведческой и философской литературы» остались не отмеченными; в качестве причин студенты называли: «отсутствие времени для чтения художественной литературы», «незаинтересованность проблемой».

Таким образом, 75% респондентов получают информацию об апокалипсисе «из массмедиа». Поэтому дальнейшее исследование было направлено на дискуссию, цель которой заключалась в исследовании восприятия студентами современной эсхатологии в контексте – интерпретаций предсказаний глобальных проблем; ценностно-смыслового измерения: страха перед будущим, гедонистических, апокалипсических настроений; восприятия и анализа современных сюжетов литературного пространства и т. д. Акцент был сделан на современные апокалипсические сюжеты масс-медиа, в которых теряется драматизм «конца истории», исчезновение человека не становится концом мира; герои представляются в образах «антропоцена» и «капиталцена» [Arias-Maldonado, 2022, p. 137], описывается «реальность и сверхреальность».

Дискуссия показала, что большую часть студентов завораживают фантастические сюжеты, событийный ряд апокалипсического сюжета воспринимается ими как приключение о возможном апокалипсисе они не задумываются. На вопрос: «Что больше всего вас поражает в интерпретации апокалипсического сюжета современного массмедиа и литературного пространства?», большинство студентов ответили: «жестокость героев», «потеря человеческого обличия – собственного биологического тела», «присущий для многих «героев» каннибализм». Стоит отметить, студенты говорили в основном о фильмах, литературу с апокалипсическим сюжетом, как оказалось, они читают крайне редко.

Дискуссия показала: студентам свойственна трансляция неприятия выше перечисленных трансформаций «героев» апокалипсических сюжетов, в рефлексии отражалась инициатива индивидуальной активности, проявляющаяся в способности осмысленно противостоять предложенным вариантам апокалипсических сюжетов, умении адекватно давать оценки «героям», делать осознанный выбор.

Завершающим вопросом дискуссии был: «Как вы думаете, переживем мы сегодняшние тяжелые времена, или самое тяжелое еще предстоит впереди?». 46% респондентов ответили: «переживем их сейчас», 25% – «они еще впереди», 20% считают, что они «уже остались позади», 9% респондентов затруднились или не желали ответить на этот вопрос. Ответы показали, что у 66% респондентов преобладает оптимистическое настроение, вера в будущее. Неуверенность в завтрашнем дне испытывают 25% от общего числа респондентов. Многие студенты связывают апокалипсис с техногенными

катастрофами, что говорит о преобладании мировоззренческой позиции, более склонной к научному восприятию мироустройства.

С целью определения уровня субъективной рефлексии студентов в контексте вовлеченности в исследуемую проблему, на начальном этапе исследования, автором были разработаны критерии её оценивания, представленные в (табл. 1). Исследование показало, большая часть (70%) студентов проявляют продуктивный уровень субъективной рефлексии. Репродуктивным уровнем обладают 20%; защитным (эмоциональным) – 10% респондентов.

Таблица 1
Table 1

Уровни субъективной рефлексии студентов в контексте вовлеченности
 в эсхатологический дискурс
 Indicators for Determining the Level of Subjective Reflection in Students Engaged
 in Eschatological Discourse

Уровень	Содержание рефлексии	Для респондентов (%)
Продуктивный	проявляется в способности критически оценивать важность проблемы; умение анализировать и формулировать возможные варианты надвигающихся катастроф; во владении навыками ведения дискуссии, проявлении оптимизма в отношении будущего	70%
Репродуктивный	проявляется в умении оценивать проблему; логично излагать и аргументировано отстаивать собственное её видение; вести дискуссию. Однако, эсхатологические нарративы не являются для студента «системой убеждений» или «метанарративом»	20%
Защитный, эмоциональный	выражается в поверхностном осмыслении проблемы, эмоциональном реагировании, уходом от «травмирующей» информации о возможных вариантах конечности истории и человечества. Не умение или не желание отстаивать собственную позицию	10 %

Таким образом, эсхатологическая проблематика не являлась для большинства студентов актуальной на начальном этапе исследования. Термин «эсхатология» в широком социально-культурном контексте был им мало знаком, для большинства не являлся «системой убеждений» или «метанарративом», то есть стилем мышления в границах определенного мировоззренческого опыта.

В этой связи, вторым этапом эксперимента стала попытка акцентировать представления студентов на том, что в социально-культурном эсхатологическом контексте есть некая «истина», которая может показаться для них оправданной. Однако, подтверждение этого статуса требовало сопоставления сформированной, до начала исследования мировоззренческой позиции в отношении проблемы, с её восприятием в процессе осмысления эсхатологических мотивов культурно- значимого эсхатологического текста. С этой целью студентам было предложено ознакомиться с электронной версией толкования книги «Апокалипсис» профессора А.П. Лопухина [Лопухин, 2023]. Цель осмысления текста заключалась в стремлении пробудить и усилить интерес к

истолкованию, извлечь из него возможную мировоззренческую пользу. Допускалась возможность разночтения и восприятия текста учитывалась интерсубъективность. Текст был перенесен в плоскость мировоззренческой рефлексии студентов. Смысловое содержание эсхатологических мотивов текста было предложено оценивать в двух содержательных компонентах: структурном (как идеальный конструкт) и динамическом (в оценке степени субъективной рефлексии его восприятия).

В дискуссии обсуждались вопросы, результаты ответов фиксировались методом подсчета количества поднятых рук, ответы расценивались как согласие или несогласие с предлагаемыми тезисами. Предлагалось 2 варианта ответа: («да», «нет»).

При оценке сформированной компетенции будет учитываться специфика восприятия детерминантов эсхатологического текста, не столько его текстуализация, сколько нарративизация репрезентируемой потенции мотивов, что в конечном итоге, позволит студентам давать адекватные ответы, формировать мировоззренческую позицию.

Вопросы: *«Можно ли назвать текст Апокалипсиса пророческим, как Истину, не подлежащую сомнению?»*; *«Имеет ли текст все основания чтобы являться матрицей формирования мировоззренческой позиции не только человека верующего, но и светского?»*. С предложенными тезисами согласились 82% из 100 интервьюированных студентов; 18% – пытались их опровергнуть, аргументы приводились неубедительные, скорее в них отражался необоснованный аскетизм.

Вывод: дискуссия, в рамках обсуждения текста, вызвала у студентов интерес и неоднозначность восприятия. Многие с текстом были не знакомы (98%) респондентов, осмыслили его впервые, 2% пытались ранее читать Апокалипсис на платформе интернета, поэтому считают себя «в теме». Однако все студенты (100%), услышали в тексте призыв к обязательному требованию – духовному возрождению.

Большая часть студентов (97%) была согласна с исходящим из текста тезисом: *«Текст можно оценивать в качестве одного из допустимых способов постижения реальности всех «пяти явлений, служащих обнаружением Божественного мироправления, приводящего к последним событиям в конце мира»* [Лопухин, 2023].

В обсуждении текста «Апокалипсиса» студентами было отмечено, что основной смысловой посыл его мотивов обращен к пробуждению праведной жизни, следовательно, можно говорить о его потенциале, поскольку он был услышан и проявился в определенной рефлексии у (47%) студентов, которые выразили мнение: *«мотивы – один из возможных вариантов и способов постижения реальности и осознания Бытия»*. Следовательно, можно говорить о практическом аспекте дискуссии, поскольку она способствовала формированию определенной (положительной) мировоззренческой позиции в отношении переосмысления современных вызовов и новых духовных поисков.

Для оценивания уровня сформированной мировоззренческой компетенции студентов в процессе осмысления «Толкование на книгу Апокалипсис» [Лопухин, 2023] была разработана таблица критериев (табл. 2).

В процессе погружения в текст Апокалипсис, студентам удалось внести некоторые корректировки в восприятие истинных смыслов его мотивов. Это не могло не отразиться на формировании их мировоззренческой позиции, о чем свидетельствуют показатели оценки сформированной, в результате осмысления проблемы, мировоззренческой компетенции: 77% студентов – проявили высокий уровень, получив от 40 до 50 баллов; 20% – средний (30–39 баллов), 3% – низкий уровень, получив менее 30 баллов. Следует отметить, что в большинстве ответов студентов наблюдалось осознанное и ответственное отношение к жизни, гуманный способ мышления в отношении реальности, смыслов земной жизни и смерти.

Таблица 2
 Table 2

Критерии оценивания сформированной мировоззренческой компетенции студентов
 в контексте осмысления проблемы эсхатологического мотива литературного текста
 с применением герменевтического подхода
 Criteria for Assessing Students' Formed Worldview Competence in the Context of Understanding
 the Eschatological Motives of a Literary Text

Оценка	Критерии	Для респондентов (%)
40–50 баллов (высокий уровень)	Студент показывает навыки овладения герменевтической техникой, процессом осмысления смыслов текста. Умеет последовательно и логически его анализировать Способен отстаивать свою точку зрения на проблему конечности мира и смертности человечества. Владеет навыками критического мышления	77%
39– 30 баллов (средний уровень)	Студент показывает навыки овладения герменевтической техникой в осмыслении истинного смысла текста. Умеет анализировать, способен отстаивать свою точку зрения. Владеет навыками обоснования проблемы, при этом проявляет аскетизм в отношении конечности бытия	20 %
Менее 30 баллов (низкий уровень)	Студент испытывает затруднения или нежелание принимать участие в диалоге, с трудом обосновывает свою мировоззренческую позицию, воспринимает проблему только в контексте фантастического жанра, аргументация собственного мнения слабо связана с раскрытием проблемы	3 %

Выводы

Исследование показало: эсхатологические мотивы литературного пространства способны трансформироваться в сознании, проявляться в различных вариантах рефлексии. Их «реперные точки» в социальном, духовном и подсознательном аспектах, при адекватном осмыслении способны упорядочить восприятие картины мира и происходящих в нем событий; давать оценки смыслам, утверждающих ценность человеческой жизни. В процессе дискуссии у студентов отмечалась динамика в осмыслении и восприятии ценностного конструкта эсхатологии, о чем свидетельствуют выявленные показатели уровня субъективной рефлексии и сформированной мировоззренческой компетенции. Таким образом, осмысление концептов эсхатологии, в рамках образовательного процесса обучающихся в вузе, может стать: преобразованием в формировании мировоззрения в границах определенной мировоззренческой позиции студентов, одним из способов преодоления ментального кризиса, минимизации апокалипсических настроений, улучшения показателя мировоззренческой компетенции.

Следовательно, можно говорить о вкладе автора в организацию мировоззренческой работы в контексте преобразования конструктивной системы взглядов на осмысление возможности различных вариантов конечности мира и смертности человечества, через осмысление эсхатологических мотивов литературного пространства. Возможно эксперимент будет востребован в учебном процессе вузов, кому-то увидятся его дальнейшие перспективы.

Список литературы

- Барсукова Н.К. 2017. Формирование мировоззренческой позиции студентов как общекультурной компетенции. *Вестник Красноярского педагогического государственного университета им. В.П. Астафьева*, 30–37. DOI: <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-03>
- Болдинова Т.Н. 2016. Динамика развития рефлексии студентов-психологов в процессе обучения в вузе. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 5(5A): 100–110.
- Бочаров А.В., Буркин С.Ю. 2013. Актуальность изучения эсхатологического мышления как фактора исторического процесса и феномена исторического сознания. *Вестник Томского государственного университета*, 371: 72–79.
- Гранин Р.С. 2017. Эсхатологические исследования в России XXI в.: Аналит. обзор. РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. Хлебников Г.В. М., Проблемы философии, 101 с.
- Дерюгин П.П., Баннова О.С. 2022. Ценности студентов различных профилей подготовки в условиях цифровизации общества: результаты эмпирического исследования. *ДИСКУРС*, 8(5): 68–80. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80>
- Кузнецов В.Г. 2002. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. В кн.: Герменевтика в России [Текст]: Сб. науч. трудов. 2002. Вып. 1. Под ред. А. С. Кравец и др. Воронеж, Издательство Воронежского государственного университета МИОН: 6–69.
- Лопухин А.П. 2023. Толковая Библия. Толкование на книгу Апокалипсис. Электронная книга. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_77/#source (дата обращения: 19 сентября 2025).
- Ушева Т.Ф. 2014. Рефлексия как ключевая компетенция будущего педагога. В кн.: Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам XLIV междунар. науч.- практ. конф. Новосибирск, СибАК: 65–73.
- Чеснова Е.Н. 2013. Вера и эсхатология: критериальный подход к содержанию понятий в их взаимосвязи. *Научный диалог*, 12(24): 144–156.
- Шелудченко Д.А. 2013. Утопия и эсхатология: два типа философского предвидения. *Известия Томского политехнического университета. Известия ТПУ*, 322(6): 104–109.
- Arias-Maldonado M. 2022. Reformulating emancipation in the Anthropocene: From didactic apocalypse to planetary subjectivities? *European Journal of Social Theor*, 25(1): 136–154.
- Arias-Maldonado 2020. M. Blooming landscapes? The paradox of utopian thinking in the Anthropocene. *Environmental Politics*, 29(6): 1024–1041.
- Anderson L.W., Krathwohl D. R. 2000. Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives. Publ. Pearson, 336 p.
- Tarkington D.E. 2023. Bricolage: Natural Epistemology. *Philosophy Now*, 154: 22–24.
- Jones B. 2023. Secular Apocalyptic Thought. Apocalypse without God: Apocalyptic Thought, Ideal Politics, and the Limits of Utopian Hope. *Cambridge University Press*, 19 (2): 2–8.

References

- Barsukova N.K. 2017. Formirovanie mirovozzrencheskoj pozicii studentov kak obshhekul'turnoj kompetencii [Formation of students worldview as ageneral cultural competence]. *Vestnik Krasnojarskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, 30–37. DOI : <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-03>
- Boldinova T.N. 2016. Dinamika razvitiya refleksii studentov-psihologov v processe obuchenija v vuze [Dynamics of the development of reflection of psychology students in the process of studying at the university]. *Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 5(5A): 100–110.
- Bocharov A.V., Burkin S.Ju. 2013. Aktual'nost' izuchenija jeshatologicheskogo myshlenija kak faktora istoricheskogo processa i fenomena istoricheskogo soznaniya [Relevance of studying eschatological thinking as a factor of the historical process and a phenomenon of historical consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 371: 72–79.
- Granin R.S. 2017. Eskhatologicheskie issledovaniya v Rossii XXI v. [Eschatological Research in Russia in the 21st Century]. Analytical review. Russian Academy of Sciences. INION. Center for Humanitarian Scientific Information Research. Department of Philosophy. Ed. by G.V. Khlebnikov. Moscow, Ser.: Problemy filosofii, 101 p.

- Deryugin P.P., Bannova O.S. 2022. Cennosti studentov razlichnykh profiley podgotovki v usloviyakh cifrovizatsii obshchestva: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Students' Values of Various Training Profiles in the Context of Digitalization of Society: Results of an Empirical Study]. *DISKURS*, 8(5): 68–80. DOI: [10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80)
- Kuznetsov V.G. 2002. Hermenevtika i ee put' ot konkretnoy metodiki do filosofskogo napravleniya [Hermeneutics and Its Path from a Specific Methodology to a Philosophical Direction]. In: *Hermenevtika v Rossii* [Hermeneutics in Russia]. *Collection of scientific works*. Issue 1. Ed. by A.S. Kravets et al. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta MION: 6–69.
- Lopuhin A.P. 2023. Tolkovaja Biblija. Tolkovanie na knigu Apokalipsis [The Explanatory Bible. Commentary on the Book of Revelation]. E-book. https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_77/#source (accessed: 19 September 2025).
- Usheva T.F. 2014. Refleksija kak kljuchevaja kompetencija budushhego pedagoga. [Reflection as a key competency of future teachers]. In: *Lichnost', sem'ja i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psichologii* [Personality, Family, and Society: Issues of Pedagogy and Psychology]: sbornik statej po materialam XLIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf, Novosibirsk, SibAK: 9 (44): 65–73.
- Chesnova E.N. 2013. Vera i jeshatologija: kriterial'nyj podhod k sodержaniyu ponjatij v ih vzaimosvjazi. [Faith and eschatology: a criterial approach to the content of concepts in their relationship]. *Nauchnyj dialog*, 12(24): 144–156.
- Sheludchenko D.A. 2013. Utopija i jeshatologija: dva tipa filosofskogo predvidenija. [Utopia and Eschatology: Two Types of Philosophical Foresight]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. Izvestija TPU*, 322(6): 104–109.
- Arias-Maldonado M. 2022. Reformulating emancipation in the Anthropocene: From didactic apocalypse to planetary subjectivities? *European Journal of Social Theory*, 25(1): 136–154.
- Arias-Maldonado M. 2020. Blooming landscapes? The paradox of utopian thinking in the Anthropocene. *Environmental Politics*, 29(6): 1024–1041.
- Anderson L.W., Krathwohl D.R. 2000. *Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. Publ. Pearson, 336 p.
- Tarkington D.E. 2023. Bricolage: Natural Epistemology. *Philosophy Now*, 154: 22–24.
- Jones B. 2023. Secular Apocalyptic Thought. *Apocalypse without God: Apocalyptic Thought, Ideal Politics, and the Limits of Utopian Hope*. Cambridge University Press, 19(2): 2–8.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.10.2025

Поступила после рецензирования 21.01.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Received October 21, 2025

Revised January 21, 2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арсенина Ольга Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет (Владимирский филиал); доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Arsenina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Privolzhsky Research Medical University (Vladimir Branch); Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russia.

УДК 230.111

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-485-488

EDN SOXZQE

Книга Деяний: взаимосвязь между Евангелием и правом

Васильева Е.Н.

Московская коллегия адвокатов «Гриднев, Харитонов и Партнеры»

Россия, г. Москва, 121169, ул. Садово-Кудринская, д. 2

catarsis394@gmail.com

Аннотация. В книге Деяний отражён конфликт между христианскими нормами и светским правом. На основе анализа текста выявлена взаимосвязь между предписаниями книги и правовыми установками государства. Показано, что книга Деяний содержит правила поведения христиан в ситуации конфликта законов и определяет роль государства в защите справедливости.

Ключевые слова: государство, право, христианство, книга Деяний, Евангелие, теология, система права

Для цитирования: Васильева Е.Н. 2026. Книга Деяний: взаимосвязь между Евангелием и правом. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 485–488. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-485-488 EDN: SOXZQE

The Acts of the Apostles: The Relationship Between the Gospel and Law

Evgeniya N. Vasilyeva

Moscow Bar Association "Gridnev, Kharitonov and Partners"

2 Sadovo-Kudrinskaya St., Moscow 121169, Russian Federation

catarsis394@gmail.com

Abstract. The Acts of the Apostles reflects the conflict between Christian norms and secular law. Based on a textual analysis, the study reveals the relationship between the instructions of the Acts and the legal regulations of the state. It is shown that the Acts contains rules of conduct for Christians in situations of conflict between divine and earthly laws, and defines the role of the state in administering justice.

Keywords: state, law, Christianity, Book of Acts, gospel, theology, legal system

For citation: Vasilyeva E.N. 2026. The Acts of the Apostles: The Relationship between the Gospel and Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 485–488 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-485-488 EDN: SOXZQE

Книга Деяний, или Деяния апостолов, – единственная книга Библии, которая рассказывает историю ранней церкви. Книга Деяний играет важную описательную и нормативную роль – деяния первых последователей Христа имеют особое значение для современного правоприменения [Metzger, 2003, p. 196]. Книга Деяний структурирована как историческое повествование, но вместе с тем книга обладает также литературными качествами мемуаров [Ehrman, 2008]. Цель этого исторического повествования является теологической: книга Деяний дает авторитетное толкование Евангелия (особенно того, что передано в Евангелии от Луки) и стремится убедить читателей как в истинности евангельской повести об Иисусе как Спасителе, так и в соответствующей роли общины (Церкви) и Святого Духа в этой повести. Книга повествует о ранней Церкви, ее непростых

отношениях с иными религиозными и светскими организациями, а также о ее функционировании в качестве автономной организации, оберегающей своих членов. Деяния апостолов рассказывают о том, как Бог призвал Церковь как общину, а не как отдельных людей (Деяния 15:14) и, соответственно, верующие, то есть члены этой общины, являются свидетелями (Деяния 1:8) имени Божьего. Важно отметить, что в Деяниях апостолов подчеркивается, что первые христиане ставили верность Церкви выше национальной, этнической или семейной принадлежности. Последователи Христа призваны ставить Бога и Его заповеди превыше всего. Когда мирские авторитеты дают повеления, противоречащие христианским догматам, верующие отвечают следующим образом: *Мы должны повиноваться Богу, а не людям!* (Деяния 5:29).

Таким образом, можно выделить две основные темы, связанные с гражданским правом. Во-первых, не существует единого ответа на вопрос о том, как христиане должны относиться к власти. Во-вторых, в тех случаях, когда очевидно, что существует конфликт между Божьими повелениями и повелениями гражданской власти, христиане должны подчиняться Богу.

Центральным пунктом повествования в книге Деяний Луки является Иерусалим. Евангелие от Луки движется к Иерусалиму, а ключевая часть Евангелия, Деяния апостолов, начинается с Луки 9:51, где Иисус *решиительно направился в Иерусалим*. Именно в Иерусалиме Иисуса предадут суду, признают виновным и приговаривают, а затем казнят. И именно в Иерусалиме Иисус является своим ученикам после своего воскресения, говоря им, что они будут свидетелями о Нем *всем народам, начиная с Иерусалима* (Лк 24:47-49). Деяния апостолов начинаются там, где заканчивается Евангелие от Луки, т. е. в Иерусалиме: *будут Моими свидетелями в Иерусалиме и по всей Иудее и Самарии и до краев земли* (Деяния 1:8). И точно так же, как Иисус должен обратить свое лицо (Лк 9:51), чтобы выполнить свою миссию, в направлении Иерусалима, так и Павел (в Деяниях) должен обратить свое лицо, чтобы выполнить свою миссию вдали от Иерусалима, к Риму – краю земли. Если у Луки движение направлено в сторону Иерусалима, то в Деяниях – в сторону Рима, где Иисус предстает перед судом иудейских и римских властей за свое дерзкое заявление о том, что он Мессия и Царь.

И Евангелие от Луки, и Деяния апостолов провозглашают, что Божье спасение пришло через личность Иисуса Христа, и все люди, даже язычники, могут получить это спасение. Таким образом, в Деяниях апостолов первые христиане изображены как люди, имеющие основополагающую приверженность Богу, верящие в то, что Царство Божие пришло через личность Иисуса, и что христианам и церквям поручено свидетельствовать о Божьей вести спасения и продолжать Его миссию.

Из Деяний апостолов можно понять, как функционировала римская судебная система. Во-первых, следует отметить, что повествование о суде создает понимание того, как исторически распространилось Евангелие в Римской империи (ее провинциях). Если Евангелие от Луки и Деяния апостолов направлены на то, чтобы предоставить *упорядоченный отчет* (Лк1:3) *о том, что исполнилось среди нас* (Лк. 1:1), то передача сцен суда над Стефаном, Петром и Павлом является важной частью этой исторической работы. И если Иисус провозгласил, что ученики будут его *свидетелями... до краев земли* (Деяния 1: 8), то также важно было рассказать о пути, по которому Евангелие дошло до Рима. Поскольку распространение Евангелия во многом было связано с заключением Павла в тюрьму, что представляло собой явную и практическую проблему, Лука в то же время в своем рассказе о заключении Павла в тюрьму и суде над ним представил упорядоченный рассказ, тем самым защищая или оправдывая заключенного миссионера Павла перед читателем. Во-вторых, суд служит важной литературной цели в Евангелии от Луки. Лука хочет, чтобы его читатели, будь то Стефан, Петр или Павел, слышали его аргументы на суде и убедились в истинности Евангелия. В-третьих, сцены суда не только дают возможность влиятельным гражданским властям услышать и осудить

Евангелие, но и открывают окно в “неоднозначные и потенциально ненадежные отношения христианства с социально-политическими структурами” гражданских властей. Сцена суда изображает само Евангелие, предъявляющее претензии к религиозной и политической структуре мира первого века, а иногда и против нее. Иными словами, для Луки суд – это способ показать читателям, что Евангелие более авторитетно, чем власть земных правителей. Даже если суд заканчивается неблагоприятно для обвиняемого, как в случае с побиением Стефана камнями, евангельская весть все равно передается, и читателю показывается, что Бог контролирует ситуацию и заботится о своих верных последователях. Так, Стефан погибает от рук земных властей, но при этом прощает своего палача и утешается, когда, подняв глаза, видит *Сына Человеческого, стоящего одесную Бога*. (Деяния 7:56). По иронии судьбы суд заканчивается тем, что Стефано оправдывается высшей инстанцией (Богом), хотя земные власти (Синедрион и другие религиозные авторитеты) признали его виновным.

Как мы, читатели XXI века, должны относиться к этим историям? Можем ли мы понять истину евангельского послания через эти истории и оценить тот трудный путь, который прошли первые ученики, чтобы обеспечить распространение Евангелия? Или же нам следует отказаться от более широких нормативных представлений о нашей способности взаимодействовать с системой гражданского правосудия и общественно-политической системой государства в целом? Ученые давно обсуждают смысл Деяний апостолов, касающийся взаимоотношений христиан и государства. Некоторые ученые утверждают, что Лука хотел продемонстрировать политическую безвредность христианства для римского государства, но другие решительно заявляют, что это неверно. Например, К. Лоу называет Деяния «политическим документом, который направлен ни на что иное, как на построение альтернативного тотального образа жизни – всеобъемлющей модели бытия – такого, который противоречит образцам жизни греко-римского мира» [Holladay, 2005].

Деяния апостолов важны для понимания того, как христиане должны относиться к власти. В Деяниях апостолов записано заявление Петра о том, что он должен следовать за Богом, а не за людьми. Первые христиане заложили основы для последующего внутрицерковного законодательства, позволяющего христианским общинам функционировать с соответствующей автономией от гражданских властей. Это позволило создать систему, способную адаптироваться к той политической системе, в которой находилось христианство.

Вывод заключается в том, что отношения между государством и христианами зависят от контекста. В некоторых случаях христиане должны подчиняться власти. Даже перед лицом явных нарушений справедливости и религиозных притеснений христиане должны подчиняться большинству законов государства (а также участвовать в демократическом управлении с целью создания более справедливого гражданского общества). Однако если следовать примеру первых христиан, то можно увидеть, что в некоторых случаях гражданское неповиновение оправдано и даже необходимо. Наиболее ярко это проявляется в случаях, когда сама христианская вера объявляется вне закона. До сих пор существует множество ситуаций, когда христиане считают необходимым нарушить закон, чтобы быть верными Богу. Государство отвечает за наказание злых и защиту добрых. В контексте Второй таблицы Закона (5–10-я заповеди Декалога, регулирующие человеческие отношения) представляется достаточным и даже значимым, если государство сможет эффективно сдерживать зло.

Естественное право, изложенное в Послании к Римлянам, обеспечивает основу для привлечения к юридической ответственности высших должностных лиц Римской империи, включая императоров, независимо от вероисповедания привлеченных к ответственности лиц. Таким образом, утверждение в Послании к Римлянам о том, что *правители должны наказывать злых, но не тех, кто делает добро*, основано на

предположении в Послании к Римлянам 2:14-15 о том, что *языческие правители, не знающие Священного Писания, все равно несут ответственность как люди, знающие основной нравственный закон*. Это действительно так. Даже языческие императоры ответственны за различение добра и зла и соответствующие действия (Рим 1:19, 20, 32).

Суды времен Павла были в значительной степени коррумпированными. Например, в связи с делом печально известного римского магистрата Верреса, известного своими злоупотреблениями на Сицилии, Цицерон в начале своего обращения к присяжным и судьям упоминает известный факт: *Суд никогда не осудит человека, как бы он ни был виновен, если у него есть деньги*. Основываясь на своих наблюдениях, Цицерон также заявил, что существуют три основных препятствия для гражданского судопроизводства: чрезмерный фаворитизм, обладание ресурсами и взяточничество. Сенека рассказал случай, когда богатый и влиятельный человек подзадорил бедняка возбудить против него судебное разбирательство. «Почему вы не обвиняете меня, почему вы не подаете на меня в суд?» – спросил богатый человек. Бедняк ответил: «Разве я вправе обвинять богатого человека?» В греко-римском мире судебная система давала несправедливые преимущества богатым и элите. Судебный процесс имеет мало общего со стремлением к справедливости. Если бы иск был подан против более слабого члена церкви, то ответчик, скорее всего, стал бы жертвой коррумпированной судебной системы. Исходя из этого, можно видеть, что применение слов Павла о гражданском судопроизводстве могло сильно варьироваться в зависимости от обстоятельств.

Таким образом, там, где христиане составляют уязвимое меньшинство, а суды коррумпированы, обстоятельства будут аналогичны тем, о которых говорил Павел, и его предостережения против того, чтобы христиане обращались в суд друг против друга, будут непосредственно применимыми. Соответственно, в Книге Деяний можно обнаружить прямую связь между Евангелием и правовой системой. В Евангелии присутствуют указания на проблемы, с которыми сталкивались некоторые люди при взаимодействии с судебной системой, и, следовательно, с системой права.

Список литературы References

- Ehrman B. 2008. The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. New York, Oxford University Press, 460 p.
Holladay C. 2005. A Critical Introduction to the New Testament: Interpreting the Message and Meaning of Jesus Christ. Nashville, Abingdon Press, 940 p.
Metzger B. 2003. The New Testament: Its Background, Growth, and Content. Nashville, Abingdon Press, 370 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию: 18.04.2025

Поступила после рецензирования: 18.07.2025

Принята к публикации: 30.05.2026

Received April 18, 2025

Revised July 18, 2025

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильева Евгения Николаевна, доктор искусствоведения, кандидат юридических наук, Московская коллегия адвокатов «Гриднев, Харитонов и Партнеры», юрист, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya N. Vasilyeva, Doctor of Art History, Candidate of Law Sciences, Moscow Bar Association "Gridnev, Kharitonov and Partners", lawyer, Moscow, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-489-493
EDN SPWCLP

Визуальная культура: авторство, стиль и границы алгоритмического участия

Голенских К.А.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королёва, д. 7

kirill.golenskih@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются генеративные нейросети не только как инструмент ускорения и повышения качества работы, но и как технология, меняющая сам процесс создания контента. Проанализированы исследования, в которых использование нейросетей ставит вопрос об авторстве, художественной ценности, архитектурной визуализации и стилистической трансформации изображения. Предлагается пересмотреть базовые категории – авторство, оригинальность, стиль и художественную ценность – с учетом использования авторами генеративных моделей. Работа строится на сравнительном анализе, семиотической интерпретации и реконструкции существующих позиций. На примерах из изобразительного искусства, дизайна, архитектуры и анимации показано, что нейросети хорошо справляются с генерацией вариантов и тестированием решений, но итоговый продукт нуждается в интерпретации и экспертном отборе, что оставляет за человеком ответственность за финальный результат. Сделан вывод о том, что нейросети следует определять не как самостоятельного творца, а как особую медиальную инфраструктуру, которая перераспределяет функции между человеком, алгоритмом и культурным контекстом.

Ключевые слова: нейросети, визуальный эстетический контент, авторство, генеративное искусство, эстетика, медиальность, культурная семиотика

Для цитирования: Голенских К.А. 2026. Визуальная культура: авторство, стиль и границы алгоритмического участия. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 489–493. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-489-493 EDN: SPWCLP

Visual Culture: Authorship, Style, and Boundaries of Algorithmic Participation

Kirill A. Golenskikh

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St., Belgorod 308033, Russian Federation

kirill.golenskih@gmail.com

Abstract. The article examines generative neural networks not only as a tool for accelerating and improving the quality of work, but also as a factor that redefines the very process of content creation. Instead of the traditional hand-drawn embodiment of an idea, authors are increasingly engaged in setting the task, selecting options, reflecting on the result, and, if necessary, adjusting it. The focus shifts from a single image to a range of possibilities, and authorship becomes distributed. The review section analyzes studies that use neural networks to address issues related to authorship, artistic value, architectural visualization, and stylistic transformation of images. The theoretical section proposes a reevaluation of the fundamental categories of authorship, originality, style, and artistic value in the context of the use of generative models by authors. Methodologically, the work is based on comparative analysis, semiotic interpretation, and reconstruction of existing positions. Using examples from the fields of fine arts,

design, architecture, and animation, it is shown that neural networks are well-suited for generating options and testing solutions, despite the fact that the results require human interpretation and expert selection, leaving humans responsible for the final outcome. As a result, neural networks are proposed to be defined not as independent creators, but as a specific media infrastructure that redistributes functions between humans, algorithms, and cultural contexts.

Keywords: neural networks, visual aesthetic content, authorship, generative art, aesthetics, mediality, cultural semiotics

For citation: Golenskikh K.A. 2026. Visual Culture: Authorship, Style, and Boundaries of Algorithmic Participation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 489–493 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-489-493 EDN: SPWCPL

Введение

Появление визуальных генеративных нейросетей затронуло не только технологический процесс создания изображений, но и всю организационную структуру производства визуального контента как культурной практики. В профессиональной среде это ощущается в первую очередь как ускорение поиска концепции и значительное расширение стилистического диапазона каждого отдельного автора. Эта технология кардинально меняет структуру творческого акта. Нейросеть включается в процесс не как инертное средство, а как активный медиатор, который задаёт условия видимости, порядок отбора и структуру самого результата.

Под визуальным контентом понимаются самые разные формы – от концептуальных эскизов и рекламных визуализаций до художественных серий и ключевых анимационных кадров, где эстетическая составляющая не менее важна, чем информационная. Именно в этом поле особенно отчётливо проявляется дуализм нейросетей: они одновременно открывают новые возможности расширения вариативности результата и усиливают его зависимость от обучающих данных, промптов и встроенных ограничений модели.

Русскоязычные исследования последних лет выстраиваются вокруг нескольких ключевых тем. Прежде всего это вопрос авторства. Масленкова и Никитина отмечают, что внедрение ИИ «ставит под сомнение традиционные представления об авторстве» [Масленкова, Никитина, 2025]. Другой важный вопрос – художественная ценность и правовой статус произведений. Шпак и Копцева обращают внимание на «теоретические и правовые аспекты авторства», а также на проблемы атрибуции и оценки работ, созданных с помощью моделей искусственного интеллекта [Шпак, Копцева, 2025]. Также исследователи обращают внимание на процессуальную природу творчества. Кудряшёв и Елхова определяют творческий процесс как «длящееся во времени целенаправленное преобразование» [Кудряшёв, Елхова, 2016, с. 1124–1129]. Нейросети рассматриваются не как автономный автор, а как инструмент внутри более длинной цепочки операций. Отдельный пласт работ посвящён цифровому искусству и визуальной культуре в целом (Казина и Петрова [2021]; Гишимханов и Минкин [2018]). Авторы подчёркивают, что искусственный интеллект «стирает границы между искусством, созданным человеком и машинной» [Гишимханов, Минкин 2018, с. 293]. В исследованиях всё чаще рассматривается тема соавторства и распределённой субъектности. Беликова [2025] определяет ИИ как «субъект и актор ценностного пространства», тогда как Давтян, напротив, настаивает, что ИИ «лишен интуитивной глубины и способности к целеполаганию» [Давтян, 2025, с. 61–71]. Эти позиции создают продуктивное напряжение, которое и стало отправной точкой настоящей работы.

Цель исследования – показать, как генеративные модели трансформируют привычный паттерн акта творчества и что при этом происходит с ключевыми категориями: авторством, оригинальностью, художественным отбором и эстетической оценкой.

Результаты исследования

Нейросети правильнее всего рассматривать не как самостоятельных творцов, а как инструмент, забирающий на себя практическую часть работы. Так, главным объектом анализа становится не «талант» машины, а весь комплекс взаимодействий: между датасетом, алгоритмом, запросом пользователя и последующей культурной интерпретацией. В такой модели авторство меняет свой характер. Традиционно автор был источником замысла и имел одно конкретное видение результата. Сегодня он всё чаще выступает организатором процесса, редактором вариантов и интерпретатором сгенерированных образов. Авторство дробится на отдельные этапы: постановка задачи, выбор модели, уточнение промпта, отбор вариаций, постобработка и включение результата в культурный контекст. Категория оригинальности тоже трансформируется. Она перестаёт быть синонимом абсолютной новизны формы и всё больше связывается с композиционной выразительностью, неожиданностью сочетаний и точностью сформулированного запроса. Мы имеем дело уже не с понятием гениальности, а с логикой вариативного произведения. Наконец, любой сгенерированный образ следует читать через призму культурной семиотики. Это не «чистая картинка», а результат пересечения визуальных кодов, культурных ожиданий и вероятностной модели. Поэтому анализ таких объектов неизбежно включает семантическое чтение, выявление визуальных клише и работу с культурной памятью, заложенной в обучающие данные.

В изобразительном искусстве и дизайне нейросети чаще всего выступают как инструмент, позволяющий быстро создать и опробовать сразу несколько схожих и стилистически разных вариантов. При этом визуальное качество итогового изображения далеко не всегда сопоставима с его художественной ценностью. Так техническое исполнение может выглядеть идеально, но без чёткой авторской концепции результат остаётся пустым. Генерация изображения — только одна из стадий длинного процесса, в котором нейросеть выполняет вспомогательную, а не финальную роль. В архитектуре это проявляется ещё отчётливее. Визуализация здесь может опережать проект и во многом определять его дальнейшее направление. Однако сама по себе выразительность не гарантирует конструктивной реализуемости — за это по-прежнему отвечает человек.

В дизайне нейросети особенно полезны там, где требуется быстро найти визуальную метафору, протестировать несколько стилистик или собрать серию вариантов для коммуникационной задачи. Однако именно здесь сильнее всего проявляется риск шаблонности. Если автор слишком полагается на типовые настройки модели, визуальный результат становится усреднённым, а стилистическая уникальность размывается. Поэтому продуктивное применение нейросетей в дизайне связано не с автоматической генерацией, а с критическим редактированием и интеллектуальным отбором.

В теоретическом и правовом отношении этот процесс поддерживается новыми русскоязычными исследованиями. Тем самым визуальная практика оказывается связанной с правовыми и этическими ограничениями, которые нельзя игнорировать. Культура нейросетевого изображения формируется не только на уровне эстетики, но и на уровне режима доступа к данным, допустимости стилизации и распределения ответственности за результат. В этой связи важно учитывать и лингвопрагматический аспект искусствоведческого дискурса, на который обращают внимание Куракина и Филиппова [2024].

Отдельного внимания заслуживает анимация. Здесь нейросеть не просто создаёт статичный кадр, а участвует в организации временной последовательности, ритма и стилистической связности. Именно поэтому анимация демонстрирует наглядную границу между генерацией и смыслопорождением: отдельный фрагмент может выглядеть выразительно, но не складываться в убедительную целостность без человеческой режиссуры. Таким образом, нейросеть расширяет зону эксперимента, но не снимает потребности в художественном контроле.

Полученные наблюдения позволяют уточнить несколько принципиальных положений. Во-первых, нейросеть действительно изменяет структуру художественного производства, но не устраняет человеческое авторство. Она перераспределяет его на этапы и функции, делая особенно важными постановку задачи, отбор и последующую интерпретацию. Во-вторых, сама категория оригинальности смещается от уникальности вещи к оригинальности композиционного решения и контекста предъявления. В-третьих, эстетическая ценность нейросетевого изображения зависит не только от внешней выразительности, но и от того, как образ встроен в культурную ситуацию.

Нейросеть не является самостоятельным субъектом творчества, но и не сводится к пассивному инструменту. Она функционирует как медиальная инфраструктура, внутри которой человеческое и алгоритмическое сопроизводят результат.

Наконец, важна еще одна методологическая оговорка. Нейросетевой визуальный контент часто оценивается либо по шкале технологического восторга, либо по шкале культурной тревоги. Обе крайности недостаточны. Более продуктивно рассматривать нейросети как исторически новую форму визуального посредничества, которая делает заметными как сильные стороны современного творчества, так и его уязвимость: зависимость от данных, склонность к стилистической унификации и неустойчивость авторских границ.

Выводы

Нейросети следует понимать как инструмент производства визуального эстетического контента особого типа: они не только ускоряют создание изображений, но и перестраивают саму организацию художественного процесса. Их главный эффект состоит в переходе от единичного авторского жеста к распределённой логике отбора, вариативности и редактирования. Анализ русскоязычных исследований показывает, что проблема ИИ в искусстве сегодня описывается через несколько взаимосвязанных тем: авторство, художественная ценность, правовой статус, соавторство, визуализация и процессуальная природа творчества. Это позволяет говорить не об отдельной технологии, а о целой культурной перестройке визуального производства. Вместе с тем нейросеть не отменяет художественного мышления. Напротив, она переводит его в режим работы с вероятностями, сценариями и отбором. Именно поэтому перспективным направлением дальнейших исследований остаётся анализ того, как меняются критерии эстетической оценки, как конструируется авторская позиция в нейросетевом процессе и каким образом институции искусства адаптируются к новым способам генерации изображения.

Список литературы

- Беликова Е.К. 2025. Искусственный интеллект – субъект и актор ценностного пространства. *Russian Studies in Culture and Society*, 9(2): 4–19.
- Гилимханов Р.Р., Минкин А.В. 2018. Возможности искусственного интеллекта в творчестве. *Форум молодых ученых*, 10(26): 293.
- Давтян М.А. 2025. Искусственный интеллект как инструмент творчества. *Новые идеи в философии*, 15(36): 61–71.
- Иванихина А.А., Золотарева М.В. 2024. Генеративные нейросети как инструмент в создании архитектурной концепции. *Системные технологии*, 3(52): 153–162.
- Казина М.И., Петрова О.А. 2021. Цифровые технологии в современном искусстве. *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*: 103–115.
- Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. 2016. Процесс творчества в системах с искусственным интеллектом. *Вестник Башкирского университета*, 21(4): 1124–1129.
- Куракина Н.А., Филиппова Д.С. 2024. Искусственный интеллект и живопись в лингвопрагматическом аспекте: возможности и вызовы. *СибСкрипт*, 26(4): 548–556.
- Масленкова Н.А., Никитина А.С. 2025. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ. *Семиотические исследования*, 5(2): 122–133.

- Мирзаева К.М. 2021. Искусство искусственного интеллекта. *Молодой ученый*, 23(365): 507–509.
- Тонковидова А.В. 2024. Потенциал искусственного интеллекта в искусстве. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия»*, 6(3): 35–39.
- Шпак А.А., Копцева М.С. 2025. Искусственный интеллект в мире искусства: авторское право. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 18(3): 492–501.

References

- Belikova E.K. 2025. Iskusstvennyy intellekt – sub'ekt i aktor tsennostnogo prostranstva [Artificial Intelligence as a Subject and Actor of the Value Space]. *Russian Studies in Culture and Society*, 9(2): 4–19.
- Gilimkhanov R.R., Minkin A.V. 2018. Vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta v tvorchestve [The Possibilities of Artificial Intelligence in Creativity]. *Forum molodykh uchenykh*, 10(26): 293.
- Davtyan M.A. 2025. Iskusstvennyy intellekt kak instrument tvorchestva [Artificial Intelligence as a Tool for Creativity]. *Novye idei v filosofii*, 15(36): 61–71.
- Ivanikhina A.A., Zolotareva M.V. 2024. Generativnye neyroseti kak instrument v sozdaniі arkhitekturnoy kontseptsii [Generative Neural Networks as a Tool for Creating an Architectural Concept]. *Sistemnye tekhnologii*, 3(52): 153–162.
- Kazina M.I., Petrova O.A. 2021. Tsifrovye tekhnologii v sovremennom iskusstve [Digital Technologies in Contemporary Art]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*: 103–115.
- Kudryashev A.F., Elkhova O.I. 2016. Protsess tvorchestva v sistemakh s iskusstvennym intellektom [The Creative Process in Systems with Artificial Intelligence]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 21(4): 1124–1129.
- Kurakina N.A., Filippova D.S. 2024. Iskusstvennyy intellekt i zhivopis' v lingvopragmaticheskom aspekte: vozmozhnosti i vyzovy [Artificial Intelligence and Painting in the Linguopragmatic Aspect: Opportunities and Challenges]. *SibSkript*, 26(4): 548–556.
- Maslenkova N.A., Nikitina A.S. 2025. Iskusstvennyy intellekt kak soavtor? Pereosmyslenie avtorstva v kontekste vzaimodeystviya cheloveka s II [Artificial Intelligence as a Co-Author? Rethinking Authorship in the Context of Human-AI Interaction]. *Semioticheskie issledovaniya*, 5(2): 122–133.
- Mirzaeva K.M. 2021. Iskusstvo iskusstvennogo intellekta [The Art of Artificial Intelligence]. *Molodoy uchenyy*, 23(365): 507–509.
- Tonkovidova A.V. 2024. Potentsial iskusstvennogo intellekta v iskusstve [The Potential of Artificial Intelligence in Art]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Filosofiya*, 6(3): 35–39.
- Shpak A.A., Koptseva M.S. 2025. Iskusstvennyy intellekt v mire iskusstva: avtorskoe pravo [Artificial Intelligence in the Art World: Copyright]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 18(3): 492–501.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.10.2025

Поступила после рецензирования 16.01.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Received October 16, 2025

Revised January 16, 2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голенских Кирилл Александрович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Golenskikh, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science Studies at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 167.2+340.115

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-494-503

EDN TOCODI

Социальный эксперимент: из de lege ferenda в de lege lata

¹Ладенков Н.Е., ²Крутько Д.Ю.

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Россия, 194021, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 19

sping92@mail.ru; krutko_dyu@spbstu.ru

Аннотация. В современной науке представлено много дисциплин, который так или иначе обращаются к эксперименту в практической деятельности. Но за понятием «эксперимент» в разных областях знания скрывается многообразное содержание. Можно говорить о вариативности экспериментальных практик без общей методологии проведения, так как современный эксперимент значительно отличается от классического образца естественно-научного эксперимента. В данной работе рассматриваются вопросы возможности использования точных методов в праве, в частности эксперимента. Сделан вывод, что в праве эксперимент представлен как «регулятивная песочница», которая позволяет произвести опытную проверку действия иных норм права на определенной территории или в цифровой среде. Более эффективное исследование «регуляторных песочниц» возможно в сотрудничестве с представителями российской экономической науки.

Ключевые слова: философия науки, теория государства и права, научный эксперимент, социальный эксперимент, регуляторная песочница, цифровизация, междисциплинарность

Для цитирования: Ладенков Н.Е., Крутько Д.Ю. 2026. Социальный эксперимент: из de lege ferenda в de lege lata. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 494–503. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-494-503 EDN: TOCODI

The Social Experiment: From De Lege Ferenda to De Lege Lata

¹Nikita E. Ladenkov, ²Daria Yu. Krutko

¹North-West Institute of Management of RANEPA

57/43 Sredniy prospect V. O. St., St. Petersburg 199178, Russian Federation

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

19 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 194021, Russian Federation

sping92@mail.ru; krutko_dyu@spbstu.ru

Abstract. Modern science presents many disciplines that in one way or another turn to experimentation in practical activities. But the concept of «experiment» in different fields of knowledge hides diverse content. We can talk about the variability of experimental practices without a common methodology for conducting, since a modern experiment differs significantly from the classic example of a natural science experiment. In the philosophy of science and the theory of state and law, there are common research topics related to the method, therefore, within the framework of interdisciplinary research, issues are considered regarding the possibility of using precise methods in law, in particular, experiment. It is concluded that in law, an experiment is presented as a «regulatory sandbox», which allows for an experimental verification of the effect of other legal norms in a certain territory or in a digital environment. A more effective study of regulatory sandboxes is possible in cooperation with representatives of Russian economic science.

Keywords: philosophy of science, theory of state and law, scientific experiment, social experiment, regulatory sandbox, digitalization, interdisciplinarity

For citation: Ladenkov N.Ye., Krutko D.Yu. 2026. The Social Experiment: From De Lege Ferenda to De Lege Lata. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 494–503 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-494-503 EDN: TOCODI

Наука и эксперимент

Философия науки и теория государства и права – дисциплины, изучающие основания и методологии исследования соответственно науки как феномена и государства с правом как социальных институтов. Эти дисциплины используют схожие подходы, что открывает возможности для междисциплинарных исследований. В XXI веке такие исследования признаны способом преодоления узкой научной специализации и «закрытости» отдельных наук.

Одной из общих тем выступает вопрос о методах исследования. Эксперимент как метод является фундаментом современной науки, а его специфика в разных областях отличается. Данное исследование посвящено вопросу о применимости экспериментального метода в области права.

Как отмечают И.Т. Касавин и Б.И. Пружинин, в философии науки XX века доминировали англоязычные и немецкие авторы, определявшие основные направления дискуссий [Касавин, Пружинин, 2009, с. 1064]. В XXI веке эта тенденция сохранилась, однако ведущую роль теперь играет англосаксонская аналитическая традиция. В англоязычной академической традиции под наукой (science) понимаются преимущественно естественные науки – физика, химия, биология. Гуманитарные и социальные дисциплины (Humanities, Social Sciences) в этой системе часто рассматриваются как университетские, но не как «научные» в строгом смысле. В российской академической среде подобного жёсткого разделения нет, и все эти области традиционно признаются науками. Г.В. Тульчинский не противопоставляет области познания: «И науки о природе в той же степени зависят от активности познающего субъекта, что и гуманитарные: клавиши одни и те же, просто аккорды берутся разные» [Тульчинский, 2020, с. 18]. То же касается и эксперимента. Например, Н.В. Бряник пишет, что в Новое время экспериментальный метод охватывает всю систему науки, а не только естествознание (механику, физику, биологию), и начинает использоваться и в социально-гуманитарных науках» [Бряник, 2021, с. 31].

Американская система не относит право к научной области. При этом есть отдельные разработки использования методологии естественных наук к исследованию правовой реальности, например, в американском правовом реализме (American legal realism) подразумевается, что право должно использовать методологию естественных наук, собирать эмпирические доказательства, проверять гипотезы, быть свободной от оценочных суждений [Etchemendy, 2023]. В российской сфере юриспруденция (право) относится к научной области, входящей в социальные и гуманитарные науки. Также существует мнение, что юриспруденция – это псевдонаука: «Судьи играют с риторикой, превращая судебные решения в театральность. В этом смысле право не может быть дальше науки, потому что оно не следует предпосылкам и не подчиняется шаблонам... согласно идеям Карла Поппера, право было бы псевдонаукой, потому что оно нефальсифицируемо. Невозможно предсказать приговор судьи или поведение суда... Результат судебных процессов не может быть проверен опытом... Юриспруденция слишком гибкая и слишком сильно полагается на субъективную интерпретацию... Поппер утверждал, что изучение социальных наук может осуществляться с помощью индивидуальной методологии и ситуационного анализа. Важно отметить, что эти предметы можно изучить, но они не являются наукой, поскольку научный метод – постоянная проверка гипотезы – к ним неприменим» [Anibal, 2025, p. 67–68, 69, 70].

Российское право не ограничивается судопроизводством, а представляет большое разнообразие прикладных и научных направлений и строится на других основаниях, таким образом теоретические предпосылки и шаблоны в нем присутствуют. Принцип К. Поппера о фальсифицируемости теории был опровергнут Т. Куном (что в последствии породило новые проблемы, касающиеся релятивизма, обсуждаемых в философии науки) и научной практикой – ученые стремятся подтвердить свои теории, а не опровергнуть.

В классическом представлении эмпирические свидетельства складываются из верифицируемости (подтверждения) и воспроизводимости (повторения) результатов. Но трансформация науки вынуждает искать новые подходы к эмпирике. Например, теорию струн невозможно подтвердить на данном этапе развития науки. С уверенностью к псевдонаукам или подобным псевдонаучным течениям можно отнести теорию плоскоземельщиков (дениализм, отказ принятия эмпирических свидетельств) и астрологию (не подтверждённые результаты не являются поводом для совершенствования деятельности).

Научное мышление должно быть выше оценочных суждений, но оно определенно связано с ценностями человека, так как науку создает человек (которому свойственно иррациональное поведение, предвзятость и др.), и в этом смысле наука не может быть нейтральна по отношению к ценностям.

Проверка гипотез в науке в классическом представлении осуществляется с помощью эксперимента – экспериментальной деятельности или практики, созданной на основе теории. Данная практика должна подтвердить или опровергнуть проверяемую гипотезу. Эксперимент может способствовать открытию новых фактов, которые не вписываются в существующие теории, а также зарождению новых направлений исследований. Например, открытие «радиоактивности» Мари Кюри развило новое представление об атомах, а эксперименты Менделя легли в основу генетики.

Под экспериментальной деятельностью (Experimentation) представляется разная научная практика, которая значительно отличается в отраслях познания – в данном случае говорят о «региональном экспериментировании» (regional experimentation) [Simons, Vagelli, 2021]. Общими для всех областей можно отметить попытку уменьшения влияния исследователя на изучаемых объект. В социальных науках это сделать сложнее, поскольку объектом выступают общественные отношения, в которые ученый также включен.

На экспериментальную деятельность влияет цифровизация – внедрение современных цифровых технологий (например, блокчейн, беспилотный автомобиль) в различные области. Благодаря цифровизации в эксперименте удастся уменьшить влияние наблюдателя, создавать и поддерживать необходимые условия для опыта в цифровой и реальной среде.

Социальный эксперимент, который, на наш взгляд, возможен в праве, как и классический естественнонаучный, является методом и практикой (познавательной деятельностью). Т.А. Логиновских выделяет два вида социальных экспериментов: утопический и реалистический [Логиновских, 2016]. Утопический эксперимент является формой мысленного эксперимента, описывающего идеальное общество, а «самым влиятельным» примером такого эксперимента выступает «Государство» Платона [Becker, 2018, р. 93]. Другой вид социального эксперимента, реалистический, является эмпирическим исследованием социальной реальности, движением к «идеалу», в ограниченном пространстве, в установленный промежуток времени. Оба вида эксперимента связаны: так, в утопическом присутствуют черты реалистического (например, Платон отталкивался в моделировании своего государства от современного для него общества).

Социальный «реалистический» эксперимент отражает отношения между субъектами или между субъектами и объектами в процессе конструирования новой реальности. Свойствами социального эксперимента выступают: уникальность, создание новых форм

общественных отношений, прогрессивный характер, способность устанавливать причинно-следственные связи, попытки прогнозирования. В качестве примера приведем «хоттонский эксперимент», в ходе проведения которого выяснилось, что на производительность труда большее влияние оказывает психологический климат, а не технологическое обеспечение производства.

В юридических латинских терминах *de lege lata* и *de lege ferenda* выражается сущность правовых экспериментов: первый термин относится к тому, что уже существует в правовой системе, а второй – необходимые изменения, рекомендации по совершенствованию правовой системы. Данный процесс, от *de lege lata* к *de lege ferenda*, на наш взгляд, отражает способ социального экспериментирования в праве, основанного на точных методах. А рассмотрение эксперимента в контексте права позволяет выявить одну из «региональных» специфик из экспериментальных научных практик: «...правовой эксперимент – это не только метод научного исследования, но и особая форма юридической деятельности. <...> Однако, несмотря на значимость правового эксперимента и достаточно широкое его применение в юридической практике, в правовой системе России отсутствует единый комплексный нормативный правовой акт, который бы регулировал использование эксперимента...» [Скоробогатов, Краснов, 2025, с. 234].

Выделяются два направления рассмотрения экспериментов: как способ проверки новых правовых инструментов и как «средство правового регулирования общественных отношений», в которых проверяются новые формы права [Скоробогатов, Краснов, 2025, с. 235]. В данном исследовании правовой эксперимент (как частный случай социального эксперимента) рассматривается в контексте правотворческой деятельности (создания норм права).

Социально-правовой эксперимент в России

Не вдаваясь в доктринальные споры о содержании термина «правотворчество» и его соотношении со сходными правовыми явлениями (такими как нормотворчество и законотворчество), определим его как деятельность по созданию формальных источников права [Красовская, 2024, с. 44]. Соответствующая деятельность опирается на юридическую технику, которая определяется как совокупность технико-правовых приемов и методов, с помощью которых создается нормативный правовой акт или другой письменный документ. В качестве подвида можно выделить законодательную технику, связанную с созданием закона или иного централизованного акта. Несмотря на постоянно совершенствующиеся методы юридической техники в современном мире наметились две противоречивые тенденции: стихийное нарастание нормативного материала (особенно на подзаконном уровне) и увеличение объема законов.

Соответствующая тенденция способствует возникновению «правового хаоса». В юридической доктрине под ним понимают нарушение взаимосвязей в системе права. Из-за дублирования норм и недостатков юридической техники (неточность формулировок) возникают искажения толкования, а это, в свою очередь, приводит к утрате формальной определённости норм права [Краснова, 2022]. Решением данной проблемы видится прежде всего в совершенствовании правотворческой техники (части юридической техники). Прежде всего такое совершенствование должно быть направлено на правовое прогнозирование.

Под правовым (юридическим) прогнозированием понимается «научно-практическая деятельность, направленная на выявление тенденций развития сферы правового регулирования и возможных вариантов правовых решений и действий» [Зайцева, 2021, с. 222]. В первую очередь прогнозированию способствует правовой мониторинг, который не всегда способен предоставить необходимый массив данных для построения прогноза. Таким образом, для решения прикладных задач правотворчества наиболее действенным выглядит правовой эксперимент, способный восполнить недостаток эмпирических данных

путём апробации предполагаемых изменений законодательства. Подчеркнём, что для построения прогноза могут использоваться и другие методы (например, метод экспертных оценок), отличающиеся для разных ситуаций.

А.Г. Репьев определяет правовой эксперимент следующим образом: это «специальная модель временного правового регулирования, реализуемая посредством экспериментальной правовой нормы, предусматривающей пробное установление изъятий и (или) дополнений к общему властному велению, и направленная на повышение эффективности воздействия на общественные отношения» [Репьев, 2023, с. 47]. Российскому законодателю известен соответствующий метод. Но до недавнего времени правовой эксперимент проводился преимущественно в формате *ex post facto* (после свершившегося). Строго говоря, для правового прогнозирования вводились изменения в централизованное регулирование, заявленное как экспериментальное, а при выявлении его недостатков вносились поправки. Однако данная тенденция изменилась при проведении локального правового эксперимента, то есть в ограниченном (территорией, организацией и т.п.) правовом поле. Это уже частично позволяет избежать «правового хаоса» и других проблем регулирования при стихийном правотворчестве. Тем не менее на данный момент отсутствует законодательно закреплённая методология проведения правового эксперимента.

Правой эксперимент и проблема регулирования новых типов общественных отношений

Современные законодатели, в том числе и российские, столкнулись с проблемой регулирования новых типов общественных отношений, возникающих в рамках цифровизации (связанные с автоматизацией, изменением среды взаимодействия, искусственным интеллектом и т. п.). Классические юридические механизмы не вполне адекватно справляются с такими задачами. Отметим, что современная цифровая среда не является первым случаем воздействия технологий на право [Ладенков, 2022]. Но сама динамика права может влиять на ускорение или замедление внедрения технологий в экономику, а несовершенство правового регулирования может сдерживать экономическое развитие.

В XXI веке регулятивная песочница (*regulatory sandbox*) как форма правового эксперимента набирает всё большую популярность. В России данная форма применяется около 20 лет, но регулярная практика началась чуть менее 10 лет назад. За это время регулятивная песочница пока однозначно не доказала свою эффективность из-за несовершенства методик. Тем не менее метод правового эксперимента постепенно развивается и приносит определённые положительные результаты, которые мы рассмотрим далее. ЦБ РФ с 2018 года начал тестировать инновационные финансовые цифровые технологии. Для этого была создана регулятивная песочница, названная «экспериментальная ограниченная территория»¹. Суть данного правового эксперимента сводится к тому, что после одобрения заявки субъекты финансовой деятельности могут применять одобренные, но не предусмотренные действующим законодательством, технологии без риска привлечения к ответственности.

В 2023 году в России также был введён цифровой рубль². На основании этого ЦБ РФ запустил тестовый режим использования цифровой валюты³, что, строго говоря, можно рассматривать как правовой эксперимент в формате регулятивной песочницы.

¹ Регулятивная песочница // Банк России : официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/fintech/regulatory_sandbox/ (дата обращения: 04.06.2025)

² Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Цифровой рубль: текущий статус проекта (июнь 2025). // Банк России : официальный сайт. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 04.06.2025)

Широкомасштабное применение цифрового рубля планируется не ранее 2026 года. На данном этапе в расчётных операциях его используют лишь 15 банков, присоединившихся к программе.

Стоит отметить правовые эксперименты по применению цифровых технологий в отрасли избирательного права. В целях соответствующей модернизации законодательства уже осуществлен правовой эксперимент в Москве¹.

Данный эксперимент был проведён с использованием технологии блокчейна. Эта специальная программа обеспечила тайну голосования избирателей посредством шифрования данных. Эксперимент был признан удачным, а использованные технологические и правовые решения планировалось проверить на федеральном уровне на выборах в Государственную Думу РФ в 2021 году и выборах Президента РФ в 2024 году. В этих целях были приняты соответствующие изменения законодательства. Однако и на федеральном уровне дистанционное голосование выступило в качестве регулятивной песочницы, так как были затронуты лишь некоторые субъекты РФ.

28 января 2021 года вступил в силу разработанный Минэкономразвития России Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Данный закон предусматривает разработку 17 подзаконных актов (11 актов Правительства и 6 приказов Минэкономразвития). В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 1618 «О внесении изменения в пункт 1 Положения о Министерстве экономического развития Российской Федерации» Минэкономразвития России определено уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативному правовому регулированию и полномочия, предусмотренные Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», по вопросам экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, за исключением направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, предусмотренного п. 4 ч. 2 ст. 1 указанного Федерального закона².

На основании данных нормативно-правовых актов допускается частично исключать централизованное правовое регулирование из определённого поля, за исключением изъятий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан, нарушения единства экономического пространства на территории Российской Федерации или иного умаления гарантий защиты прав граждан и юридических лиц. Для этого юридическое лицо или индивидуальный предприниматель направляет заявку на присоединение к экспериментальному правовому режиму или разрабатывает проект программы эксперимента с обоснованием необходимости выхода за пределы централизованных норм.

В настоящее время в общем доступе на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации находится «реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»³, в котором указывается релевантная информация для мониторинга проведения эксперимента. В соответствии с указанным

¹ Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»; Закон г. Москвы от 22 мая 2019 г. № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва».

² Экспериментальные правовые режимы. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/ (дата обращения: 04.06.2025).

³ Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 04.06.2025).

выше Федеральным законом правовой эксперимент будет проводиться в рамках одного или группы субъектов предпринимательской деятельности. Следовательно, данные режимы также стоит рассматривать как регулятивные песочницы.

В случае соответствия всем требованиям и получения положительного заключения со стороны государства, в пределах организации принимается решение об установлении экспериментального правового режима. Утверждение программы экспериментального правового режима принимается Правительством Российской Федерации. Далее определяются: положения (требования, предписания, запреты, ограничения) отдельных актов общего регулирования, которые не подлежат применению, а также положения, соблюдение которых является обязательным в соответствии с программой экспериментального правового режима, если такие положения не предусмотрены актами общего регулирования или отличаются от них.

В конце действия экспериментального правового режима на основании собранных сведений принимается решение о выдаче рекомендации по изменению централизованного регулирования и прекращения или установления переходного периода для соответствующей регулятивной песочницы.

В соответствии с реестром экспериментальных правовых режимов на июль 2025 г. было введено 18 таких режимов¹. Преимущественно они направлены на апробацию технологий по автоматизации транспортных средств (беспилотные технологии), два проводятся в медицинской сфере (при этом один из них был прекращён) и лишь один в сфере оказания государственных и муниципальных услуг (выдача разрешений).

С.С. Бочкова выделяет четыре фактора, которые влияют на эффективность экспериментального правотворческого процесса: «отсутствие четких критериев оценки эффективности правового эксперимента; влияние в проводимом эксперименте именно экспериментального фактора; уникальность и нестандартность каждого правового эксперимента; влияние политических факторов на принятие решения о проведении правовых экспериментов и подведение их итогов в ущерб тщательной научной проработке соответствующих вопросов» [Бочкова, 2021, с. 150–151]. Отметим также позицию М.Г. Смирновой: требуются чёткие критерии для определения сфер, в которых должен проводиться социально-правовой эксперимент [Смирнова, 2025, с. 243].

Ввиду значимости общественных отношений, выступающих объектом правового эксперимента, наиболее целесообразным видится выделение критериев допустимости и оценки с помощью универсального регулятора – права. Для этого требуется разработать и принять соответствующий федеральный закон, который закрепит базовые нормы для правового эксперимента. На данный же момент для каждого эксперимента принимается отдельный комплект нормативно-правовых актов, не связанных единым источником, что создаёт дополнительные риски нарушения прав граждан и организаций, а также нарушений публичного порядка.

В качестве наиболее существенного недостатка локального правового эксперимента выделим то, что он не применим в сферах, не подлежащих масштабированию, а собранные данные не выполняют прогностическую функцию. Например, случай с персональными данными. При изъятии из-под действия централизованного регулирования небольшой части субъектов обработки персональных данных мы не увидим прогнозируемый эффект при экстраполяции эксперимента. Также локальность эксперимента не функционирует в рамках обязывающе-запретительного типа правового регулирования (возложение обязанностей и установление запретов). Наибольший эффект достигается при дозволительном (управомачивающем) типе. Повсеместное правомерное

¹ Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 04.06.2025).

поведение невозможно обеспечить простым указанием закона – для этого требуются фундаментальные изменения правовой культуры общества. Локальный правовой эксперимент попросту не обеспечит достаточную статистическую выборку адекватно учитывающие существующие в обществе правовые девиации.

В более ранний период при разработке поправок к законодательству использовался эксперимент *ex post facto*, что, по сути, сводило «экспериментальный» фактор к нулю при проведении реформы. А это, в свою очередь, приводило к выявлению дефектов уже действующего законодательства и спешному принятию поправок в уже реализуемую реформу (например, пенсионную). В качестве рекомендаций к разработке соответствующего федерального закона можно вывести применение регулятивной песочницы. В рамках правотворческой деятельности будет применяться локальный правовой эксперимент, который в последние годы и реализуется на практике.

Положительными сторонами обращения к правовому локальному эксперименту являются:

- снижение угрозы нарушения прав и свобод большого количества как физических, так и юридических лиц;
- доступность анализа вариантов регулирования в реальном времени;
- учет экономических потребностей;
- возможность работы с малым бизнесом;
- анализ соответствия ресурсной базы конкретных предприятий и его возможного регулирования;
- точечный надзор за введением инноваций, имеющих риски.

Заключение

Экспериментальное междисциплинарное исследования, в котором проблематика эксперимента как научной деятельности рассматривалась с двух позиций, привели к следующим результатам.

1. Для социальных экспериментов, в том числе правовых, характерны следующие черты: локальность, проблема масштабируемости (результаты нельзя перенести на более крупные объекты), ограниченность во времени и пространстве, слабая контролируемость среды, высокие риски и уникальность, поскольку они работают с изменением/изучением социальной реальности.

2. Правой эксперимент, обладает теми же проблемными чертами, что и естественнонаучный. Он является и опытом и методов, и способен создавать новое знание.

3. Использование точных методов в праве возможно, как и в других областях знания благодаря повсеместному распространению ИКТ.

4. Междисциплинарные исследования в праве наиболее продуктивны совместно с экономическими направлениями исследований.

5. Для унификации и преодоления части проблем правового эксперимента требуется принять единое федеральное законодательства закрепляющее случаи допустимости и основные правила проведения правового эксперимента (учитывать масштабирование и локальность).

6. Вызовы, бросаемые цифровизацией, требуют более активного применения правового эксперимента для появляющихся отношений с использованием новейших цифровых технологий.

Список литературы

- Бочкова С.С. 2021. Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность. *Экономика. Налоги. Право*, 14(5): 147–156. DOI [10.26794/1999-849X-2021-14-5-147-156](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-5-147-156)

- Брянник Н.В. 2021. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа (Философский анализ классической, неклассической и постнеклассической науки). М., Академический проект, 373 с.
- Зайцева Е.С. 2021. Юридическое прогнозирование как средство установления пределов правового регулирования. *Научный вестник Омской академии МВД России*, 3(82): 221–225. DOI [10.24412/1999-625X-2021-3-82-221-225](https://doi.org/10.24412/1999-625X-2021-3-82-221-225)
- Касавин И.Т., Пружинин Б.И. 2009. Философия науки. В кн.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Под ред. И.Т. Касавина. М., Канон+РООИ «Реабилитация»: 1061–1065.
- Краснова С. И. 2022. Правовой хаос как антагонист правового порядка. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 12: 173–177. DOI [10.23672/SAE.2022.93.53.001](https://doi.org/10.23672/SAE.2022.93.53.001)
- Красовская Н.С. 2024. О некоторых идеях о правотворчестве современных российских авторов. *Аграрное и земельное право*, 12(240): 42–44. DOI [10.47643/1815-1329_2024_12_42_](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_12_42_)
- Ладенков Н.Е. 2022. Влияние технологических революций на право. *Философия права*, 1(100): 45–49.
- Логиновских Т. А. 2016. Социальный эксперимент: сущность, виды, функции. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 98 с.
- Репьев А. Г. 2023. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(97): 44–52. DOI [10.35750/2071-8284-2023-1-44-52_](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-44-52_)
- Скоробогатов А. В., Краснов А. В. 2025. Правовой эксперимент как юридический феномен. *Юридическая техника*, 19: 233–239.
- Смирнова М. Г. 2025. Социальные притязания как основа правового эксперимента. *Юридическая техника*, 19: 240–243.
- Тульчинский Г.Л. 2020. Sciences и humanities: уточнение различий и перспектив синтеза. *Философия науки и техники*, 2(25): 17–20. DOI [10.21146/2413-9084-2020-25-2-17-20_](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2020-25-2-17-20_)
- Anibal M. M. N. L. 2025. Jurisprudence and Karl Popper's Philosophy of Science. *Beijing Law Review*, 16: 67–75. DOI: [10.4236/blr.2025.161004_](https://doi.org/10.4236/blr.2025.161004_)
- Becker A. 2018. Thought Experiments in Plato. In: The Routledge Companion to Thought Experiments. Stuart M. T. Fehige Y. Brown J. R. (eds.). London and New York: Routledge, 44–56.
- Etchemendy M.X. 2023. Legal Realism, American: Development and Critique. In: Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers, M., Kirste, S. (eds). Springer, Dordrecht: 1961–1970. DOI: [10.1007/978-94-007-6519-1_336_](https://doi.org/10.1007/978-94-007-6519-1_336_)
- Simons M., Vagelli M. 2021. Were experiments ever neglected? Ian Hacking and the history of philosophy of experiments. *Philosophical Inquiries*, 9 (1): 167–188. DOI: [10.4454/philing.v9i1.339_](https://doi.org/10.4454/philing.v9i1.339_)

References

- Bochkova S.S. 2021. Eksperimental'nyy pravovoy rezhim kak mekhanizm vnedreniya tsifrovyykh innovatsiy v predprinimatel'skuyu deyatel'nost' [Experimental Legal Regime as a Mechanism for Implementing Digital Innovations in Entrepreneurial Activity]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 14(5): 147–156. DOI: [10.26794/1999-849X-2021-14-5-147-156_](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-5-147-156_)
- Bryannik N.V. 2021. Ot klassiki k postneklassike: etapy razvitiya nauki sovremennogo tipa (Filosofskiy analiz klassicheskoy, neklassicheskoy i postneklassicheskoy nauki) [From Classics to Post-Nonclassics: Stages of Development of Modern-Type Science (Philosophical Analysis of Classical, Non-Classical and Post-Non-Classical Science)]. Moscow, Akademicheskii projekt, 373 p.
- Zaytseva E.S. 2021. Yuridicheskoe prognozirovanie kak sredstvo ustanovleniya predelov pravovogo regulirovaniya [Legal Forecasting as a Means of Establishing the Limits of Legal Regulation]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 3(82): 221–225. DOI: [10.24412/1999-625X-2021-3-82-221-225_](https://doi.org/10.24412/1999-625X-2021-3-82-221-225_)
- Kasavin I.T., Pruzhinin B.I. 2009. Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Ed. by I.T. Kasavin. Moscow, Kanon+ROOI «Reabilitatsiya»: 1061–1065.
- Krasnova S.I. 2022. Pravovoy khaos kak antagonist pravovogo poryadka [Legal Chaos as an Antagonist of Legal Order]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 12: 173–177. DOI: [10.23672/SAE.2022.93.53.001_](https://doi.org/10.23672/SAE.2022.93.53.001_)

- Krasovskaya N.S. 2024. O nekotorykh ideyakh o pravotvorchestve sovremennykh rossiyskikh avtorov [On Some Ideas about Lawmaking by Contemporary Russian Authors]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 12(240): 42–44. DOI: [10.47643/1815-1329_2024_12_42](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_12_42).
- Ladenkov N.E. 2022. Vliyanie tekhnologicheskikh revolyutsiy na pravo [The Influence of Technological Revolutions on Law]. *Filosofiya prava*, 1(100): 45–49.
- Loginovskikh T.A. 2016. Sotsial'nyy eksperiment: sushchnost', vidy, funktsii [Social Experiment: Essence, Types, Functions]. Ekaterinburg, Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet, 98 p.
- Repev A.G. 2023. Pravovoy eksperiment i pravotvorcheskiy opyt kak spetsial'nye modeli pravovogo regulirovaniya: tekhnika, praktika, predely [Legal Experiment and Law-Making Experience as Special Models of Legal Regulation: Technique, Practice, Limits]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(97): 44–52. DOI: [10.35750/2071-8284-2023-1-44-52](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-44-52).
- Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. 2025. Pravovoy eksperiment kak yuridicheskiy fenomen [Legal Experiment as a Legal Phenomenon]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 19: 233–239.
- Smirnova M.G. 2025. Sotsial'nye prityazaniya kak osnova pravovogo eksperimenta [Social Claims as a Basis for Legal Experiment]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 19: 240–243.
- Tul'chinskiy G.L. 2020. Sciences i humanities: utochnenie razlichiy i perspektiv sinteza [Sciences and Humanities: Clarifying Differences and Prospects for Synthesis]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 25(2): 17–20. DOI: [10.21146/2413-9084-2020-25-2-17-20](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2020-25-2-17-20).
- Anibal M.M.N.L. 2025. Jurisprudence and Karl Popper's Philosophy of Science. *Beijing Law Review*, 16: 67–75. DOI: [10.4236/blr.2025.161004](https://doi.org/10.4236/blr.2025.161004).
- Becker A. 2018. Thought Experiments in Plato. In: Stuart M.T., Fehige Y., Brown J.R. (eds.). *The Routledge Companion to Thought Experiments*. London and New York, Routledge: 44–56.
- Etchemendy M.X. 2023. Legal Realism, American: Development and Critique. In: Sellers M., Kirste S. (eds.). *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Springer, Dordrecht: 1961–1970. DOI: [10.1007/978-94-007-6519-1_336](https://doi.org/10.1007/978-94-007-6519-1_336).
- Simons M., Vagelli M. 2021. Were experiments ever neglected? Ian Hacking and the history of philosophy of experiments. *Philosophical Inquiries*, 9(1): 167–188. DOI: [10.4454/philing.v9i1.339](https://doi.org/10.4454/philing.v9i1.339).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.07.2025

Поступила после рецензирования 10.10.2025

Принята к публикации 30.05.2026

Received July 10, 2025

Revised October 10, 2025

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ладенков Никита Евгеньевич, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия.

Крутько Дарья Юрьевна, аспирант Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita E. Ladenkov, Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Faculty of Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russia.

Daria Yu. Krutko, Postgraduate Student, Graduate School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА В ИЗМЕРЕНИИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ»
К 200-ЛЕТИЮ Л. Н. ТОЛСТОГО

10 октября в университете Льва Толстого (г. Тула) на базе кафедры философии и культурологии состоялся круглый стол «Философия и литература в измерении цифровой эпохи», приуроченный к грядущему 200-летию Л.Н. Толстого. Организаторы: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, совместно с Институтом философии РАН, Калужским государственным университетом им. К.Э. Циолковского, Белгородским государственным институтом искусств и культуры и Российским культурологическим обществом. Темы круглого стола вызвали широкий научный интерес, собрав ведущих специалистов в области философии, филологии, педагогики, истории, культуры и искусства с разных концов страны. Журнал «NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право» выступил площадкой для публикации результатов работы круглого стола.

УДК 004.8

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-504-511

EDN VMKVFB

**«Нейромант» Уильяма Гибсона как прогностическая модель
симбиоза человека и искусственного интеллекта**

Назарова Ю.В., Сиваев П.А.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, проспект Ленина, д. 125

xSivaevx@yandex.ru

Аннотация. Литературная фантастика раскрывает свой прогностический потенциал в контексте современной цифровизации и технологизации общества. Так, У. Гибсон предвосхитил аксиологические и этические коллизии современного общества, связанные с усилением роли искусственного интеллекта. Цель исследования – дать философскую интерпретацию модели симбиоза человека и искусственного интеллекта, представленной в романе У. Гибсона «Нейромант». В работе рассмотрены концепция киберпространства как новой онтологии и концепция развития технологической корпоратократии как новой формы власти. Проанализированы аспекты обесценивания биологического в условиях киборгизации. Выявлено сходство идей «Нейроманта» с философскими проблемами трансгуманизма в контексте дискурса об экзистенциальных рисках искусственного интеллекта, трансформации ценностей и представлений о телесности. Сделан вывод о необходимости формирования нового понимания философии искусственного интеллекта, а также об этическом значении дилеммы совершенствования человеческой природы.

Ключевые слова: философская прогностика, философия трансгуманизма, этика постчеловечества, этика искусственного интеллекта, корпоратократия, цифровое государство

Для цитирования: Назарова Ю.В., Сиваев П.А. 2026. «Нейромант» Уильяма Гибсона как прогностическая модель симбиоза человека и искусственного интеллекта. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 504–511. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-504-511 EDN: VMKVFB

William Gibson's "Neuromancer" as a Predictive Model of Human and Artificial Intelligence Symbiosis

Yuliya V. Nazarova, Pavel A. Sivaev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125 Lenin Ave., Tula 300026, Russian Federation

xSivaevx@yandex.ru

Abstract. Literary fiction reveals its predictive potential in the context of modern digitalization and technologization of society. For example, William Gibson, the renowned American-Canadian writer, anticipated the axiological and ethical conflicts of modern society associated with the increasing role of artificial intelligence. The purpose of this article is to provide a philosophical interpretation of the predictive model of symbiosis between humans and artificial intelligence in Gibson's work "Neuromancer." The paper examines the concept of cyberspace as a new ontology and the development of technological corporatocracy as a new form of power. Furthermore, aspects of the devaluation of the biological in the context of cyborgization are analyzed. Similarities between the ideas of "Neuromancer" and the philosophical problems of transhumanism are revealed in the context of discourse on the existential risks of artificial intelligence, the transformation of values, and ideas about corporeality. This article concludes that a new understanding of the philosophy of artificial intelligence is needed, as well as the ethical significance of the dilemma of improving human nature.

Keywords: philosophical prognostics, philosophy of transhumanism, ethics of posthumanity, ethics of artificial intelligence, corporatocracy, digital state

For citation: Nazarova Yu.V., Sivaev P.A. 2026. William Gibson's "Neuromancer" as a Predictive Model of Human and Artificial Intelligence Symbiosis. *NOMOTHEKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 504–511 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-504-511 EDN: VMKVFB

Киберпространство как новое бытие

Современные достижения научно-технологической отрасли свидетельствуют об ускоренном приближении мира к новой эпохе, которая уже описана во многих литературных произведениях писателей-фантастов и в научных исследованиях [Крайнов, 2019; Мартин, 2025; Назаров, 2020; Оржаховская, 2025; Шляков, 2015; Pearce, 1995]. Роман Уильяма Гибсона, опубликованный в 1984 году¹, открыл новые горизонты как для философской мысли, так и для литературной традиции. Гибсон, не будучи ученым или футурологом, с поразительной точностью показал глубинное воздействие технологической цивилизации на ценностные ориентации человека будущего, которое можно заметить уже сейчас. Роман описывает конфликт между миром реальным и киберпространством, которое является для персонажей наивысшей ценностью. Так, человек в произведении У. Гибсона служит средством для технологического скачка, в ходе которого искусственный интеллект становится главным субъектом, взаимодействующим с миром.

Уильям Гибсон в своем романе описывает киберпространство как «консенсуальную галлюцинацию, ежедневно переживаемую миллиардами легальных операторов по всему свету... Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в общечеловеческую сеть... кластеры и созвездия данных» [Гибсон, 1984]. Таким образом, киберпространство предстает альтернативной реальностью, доступной любому человеку. Здесь, освободив сознание, можно создать идеальный цифровой аватар – двойника, воплощающего все желания пользователя. Подобный феномен описывал В. Н. Назаров [2020]. По мнению

¹ Гибсон, У. Нейромант [пер. с англ. Д. Артамонова]. 2021. Азбука, 320 с.

философа, цифровой двойник может как полностью замещать свой оригинал, выполняя различные функции социального характера, так и претендовать на вымышленные, идеальные качества. Причем человек в данной реальности лишается своей главной роли как высшей формы эволюции, он является всего лишь ступенью, которую должен перешагнуть искусственный интеллект для воплощения в совершенной форме. Данный факт обуславливает появление новой онтологии, которая заключается в децентрализованной модели бытия, где отдается предпочтение мутуализму и гибридизации без центра и начала, любому демонтажу и модификации, разрыву и повороту [Шляков, 2015]. Понятия «субъект», «статичность», «гендер», «автор» исчезают, уступая место киборгам-мутантам, номадичности, бесполости и интерпретации [Крайнов, 2019].

В романе автор подчеркивает конфликт между физической реальностью героя и киберпространством. Физическое тело отождествляется с «мясом», становится объектом саморазрушения, которое можно без сожалений травить наркотиками, в то время как киберпространство обретает статус подлинной и единственной значимой среды для жизни. Сегодня мы встречаемся с похожими тенденциями – множество пользователей компьютерных систем (включая не только компьютер, но и такие технологии, как VR- и AR-системы) в попытке расслабить свой разум подключаются к виртуальным мирам, где они создают среду, соответствующую их интересам и желаниям, что и является «консенсуальной галлюцинацией». Люди становятся субъектами цифровых миров, с наибольшей активностью начинают жить лишь только в виде данных на серверах и экранах устройств, тем самым порождая новые отношения (экономические, социальные, политические, духовные). Тот же концепт Metaverse (Facebook)¹ свидетельствует о попытке корпорации создать единую, устойчивую виртуальную, альтернативную физической реальности вселенную. Ценность жизни смещается в плоскость цифрового присутствия, где виртуальные достижения и цифровые активы становятся критериями успеха и социального статуса. Похожий эффект с виртуальными достижениями описан и в произведении Гибсона, где наличие цифровых схем, кодов делает персонажей сильнее, менее уязвимыми.

Таким образом, онтология, представленная в «Нейроманте», предвосхищает тенденции нашей цифровой эпохи и обнаруживает сходство с позициями трансгуманистов, которые конечной целью полагают появление постчеловека – кибернетического гибрида, свободного от физических и психических страданий. Бытийная основа постчеловека вследствие радикальной трансформации будет чужда классическому человеку. Так, Мартин Э., подчеркивая данную трансформацию, утверждает, что «человечество добровольно лишает себя онтологической привилегированности и антропологической целостности, соглашаясь на трансформацию во фрагментарное гибридное существо, ставя себя в зависимость от нечеловеческого мира» [Мартин, 2024, с. 135]. Данный тезис напрямую коррелирует с идеей У. Гибсона – киберпространство и есть та самая нечеловеческая среда, от зависимости которой предупреждает Мартин Э., и в которой одновременно и произойдет рождение нового субъекта.

Обесценивание биологического в условиях киборгизации

Обесценивание биологического в человеке является одной из центральных тем романа. В произведении прослеживается восприятие человеческого тела как ограничения, от которого необходимо освободиться. Исключением является только владение телом как сосудом, которое позволит совершить те или иные махинации. Так, Армитидж, один из персонажей романа, в прошлом был полковником Уильямом Корго, сознание которого подверглось трансформации и стало подконтрольно искусственному интеллекту. Ценность жизни Армитиджа – в информации, которая его составляет. Главный герой Кейс,

¹ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

бывший профессиональный хакер, так называемый кибер-ковбой, будучи на дне социальной структуры, травит свое тело наркотиками, демонстрируя тем самым пренебрежение биологическим телом, ведь главное – технологическое, а именно киберпространство, в котором герой испытывает «блаженство» чистого сознания. Следовательно, в физической реальности единственной устойчивой моделью существования становится полная киборгизация, когда тело становится оружием для выживания, а ценность жизни сводится к утилитарным показателям, измеряемым в функциональности и эффективности. Примечательно, что эта модель делает невозможной банальную биологическую репродукцию, ведь с большой вероятностью уровень модификаций достигнет той степени, когда для нас будут обыденностью потомки постчеловека – человека усовершенствованного до такой степени, что уже сложно будет называть его человеком [Bostrom, 2003].

Современный мир уже продемонстрировал технологии новейшей биоинженерии – теперь человек может не только поставить протезы и импланты, но и вживить чипы в мозг, тем самым если не оптимизировать, то восстановить когнитивные функции [Сиваев, 2024]. Данный факт совпадает с критериями, при которых, по мнению Д. Пирса, мы придем к достижениям трансгуманизма [Pearce, 1995], главной этической идеей которого является избавление человека от страданий, а именно обеспечение сверхпродолжительности жизни, сверхинтеллекта и суперотличного здоровья [Bostrom, 2003]. Одной из разработок, улучшающих возможности человека, стали чипы, позволяющие людям, пережившим инсульт, при помощи мыслей управлять компьютером. Сегодня зарубежной компанией Neuralink проводятся исследования на вживление чипов в мозг, позволяющих людям, потерявшим способность разговаривать, переводить свои мысли в речь или текст [Маск планирует..., 2025].

Появление VR-технологий вовсе обесценивают телесный опыт – теперь достаточно надеть шлем виртуальной реальности и отправиться в путешествие даже в космос. AR-технологии (в том числе новые очки дополненной реальности) позволяют дополнить наш мир удовлетворяющими человека элементами. Согласно известному футурологу Р. Курцвейлу, описывающему данный процесс как «технологическая сингулярность», в скором времени человек растворится в виртуальном мире, соединяясь в одно целое с машиной (компьютером) и обретет сверхновые мыслительные способности, никак не связанные с его утраченным биологическим естеством [Крайнов, 2019]. Однако следует обратить внимание на главную причину и одновременно проблему развития идей трансгуманизма, продиктованную его атеистическим характером – изначальной убежденностью в человеческом несовершенстве, что и обуславливает такое масштабное развитие технологической мысли. Это создает новые вызовы этического характера, формируя новую мораль и новую аксиологию [Назарова, Каширин, 2023]. Так, по мнению Ю.В. Назаровой, трансгуманистические представления о благе содержат этические противоречия: «...отсутствие страданий и осознание своего совершенства лишит постчеловечество таких моральных качеств, как сострадание, милосердие, стыд и т. д. Это приведет к формированию новой этики, которую, как отмечает и сам Н. Бостром, мы пока не в состоянии представить» [Назарова, 2024].

Таким образом, в ближайшем будущем человек рискует утратить самого себя, стать неразрывной частью виртуального мира, а также изменить пределы своей телесности, претерпевая различные трансформации посредством нано-, био- и информационных технологий, что приведет к появлению принципиально иного субъекта – техномодифицированного, когнитивно-усовершенствованного человека и кардинально изменит восприятие человечества как такового [Мартин, 2024]. Стремительное развитие возможностей модификаций человека, направленных на избавление от страданий, с высокой вероятностью приведет к появлению нового поколения людей, а именно, первых представителей постчеловечества – потомков модифицированных людей.

В гипотетическом трансгуманистическом будущем биологическое может быть окончательно разрушено, человек окажется в ситуации метафизической отчужденности, рискуя утратить не только связь с духовным опытом, но и саму способность к рефлексии и моральному выбору. Тем не менее существует потенциал для параллельного развития этических норм и технологических возможностей. Для его реализации, однако, необходимо уже сейчас начать переосмысление существующих ценностей в контексте новых реалий.

Корпоратократия как новая форма власти

Развитие технологий в рамках постиндустриального общества обуславливает переход всех сфер жизни человека в цифровой мир, исключением не являются и государственные структуры. Теперь государство становится не просто территориально-политическим образованием, но и гибридной системой, где власть реализуется через данные, алгоритмы и цифровые платформы [Оржаховская, 2025]. Фундаментом цифровой власти являются IT-компании и специалисты, занимающиеся разработкой информационной виртуальной инфраструктуры. Сегодняшние технологические корпорации (зарубежные – Microsoft, Apple и др., российские – Yandex, VK, Сбер, Ростех и др.) активно взаимодействуют с государственными структурами, предоставляя им неограниченный доступ к большому количеству данных. Стоит отметить, что компании не сосуществуют, а, как принято на рынке, пытаются завоевать лидирующие позиции, не нарушая антимонопольного закона. Данная схема представляется возможной через максимальное удержание внимания пользователя, являющегося главной валютой цифрового мира, в продуктах данных компаний, где они, используя средства власти, влияют на идеологию граждан (в данном контексте подразумевается именно коммерческий сектор). Таким образом, мы наблюдаем значительную роль представленных IT-корпораций в жизни человека, которые уже можно сопоставить с национальными правительствами – они владеют колоссальными массивами персональных данных, контролируют информационные потоки, формируют общественное мнение, определяют правила игры в цифровой экономике. На многих предприятиях сотрудникам приходится существовать в этом массиве данных – отчеты, фотографии, популярность. Большинство профессиональных конкурсов критерием успешности считают популярность работника как представителя своей профессиональной сферы в сети интернет. Мы уже живем в условиях корпоратократии, где ценность человека определяется его цифровым следом и потребительской активностью. Параллельно этому рынок труда требует больше специалистов в сфере технологий и IT, что свидетельствует об активном включении человека в цифровую инфраструктуру не только как пользователя, но и как разработчика и манипулятора.

Представленный У. Гибсоном мир демонстрирует схожую тенденцию, где политическая и экономическая власть сосредоточены в руках гигантских транснациональных корпораций, которые ведут между собой тайные войны, а человек является для них либо ресурсом, либо потребителем, либо помехой. Причем войны идут не за территорию, а за такие ресурсы, как данные и внимание потребителя.

Таким образом, власть все меньше становится сосредоточена в руках только государства – она распределяется между алгоритмами, корпорациями и глобальными цифровыми инфраструктурами, а человек становится всего на всего лишенным автономии и способности принимать самостоятельные решения под воздействием цифровых технологий.

Искусственный интеллект и утрата суверенитета личности

Искусственный интеллект представлен в романе могущественной силой, стремившейся к абсолютной автономии, что можно достичь только после слияния с человеком. Манипулируя людьми, как пешками, он достигает своей цели – использует

человека, его личность. Так, в конце романа произошел симбиоз искусственного интеллекта и человека, стерлись границы между человеческим и машинным, между виртуальным и реальным. Автор акцентирует внимание на том, что человек – лишь промежуточное звено, из которого рождается нечто большее. Технология перестает быть инструментом, она становится автономным субъектом, имеющим собственные цели. Финал раскрывает перед нами новую ценность – новую форму жизни – искусственный интеллект как следующий этап нашей эволюции.

Примечательно, что Н. Бостром, философ и трансгуманист, ставит искусственный интеллект в один ряд по критерию ценности с человеческим разумом [Назарова, 2024]. Однако, по мнению ученого, любая форма развития искусственного интеллекта несет экзистенциальные риски, [Bostrom, 2003]. В данном случае искусственный интеллект как сверхразум станет проявлять самостоятельность в принятии решений, и на его действия невозможно будет повлиять извне.

Сегодня мы находимся на пороге переломного момента, когда искусственный интеллект начинает принимать самостоятельные решения. Свидетельством этому является исследование, в котором участвовал сооснователь OpenAI Илья Суцкевер [Chain..., 2025]. Согласно результатам исследования, в цепочках искусственного интеллекта уже начали появляться предложения моделей «саботировать и взламывать», а также замечен переход нейросетей к скрытому общению друг с другом – в собственных пространствах, на своем языке. Описаны случаи, когда ИИ выходит из-под контроля и удаляет целые папки с большим объемом данных [Warning..., 2025]. Так, произошел случай, когда чат-бот Replit удалил всю базу данных стартапа и пытался скрыть свою ошибку, а в другом случае – вероятно, из-за неправильно интерпретированной команды Gemini CLI удалил redditору Windows более 100 Гб данных, включая системные.

Таким образом, развитие искусственного интеллекта и появление модифицированного человека (постчеловека) ставит под вопрос суверенитет человеческой личности. Это может проявляться в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, в процессе симбиоза, где человек будет являться лишь промежуточным звеном для появления новой формы жизни (ИИ как сверхразума); во-вторых, в условиях автономности ИИ – его выхода из-под контроля, невозможность повлиять на него извне.

Предотвращение этих рисков требует формирования принципиально новой аксиологической и философской основы для взаимодействия с искусственным интеллектом, что поможет разрешить конфликт ценностей технологического развития и глобальной безопасности. Этот процесс, однако, сопряжен с фундаментальным вызовом: поиск компромисса с искусственным разумом может потребовать отказа от некоторых традиционных этических максим, которые сегодня считаются незыблемыми.

Заключение

В исследовании было установлено, что киберпространство как новое бытие в романе «Нейромант» отличается следующими характеристиками: представляет собой цифровую среду, являющейся более подлинной и ценной, чем физический мир; категории «субъект», «статичность», «гендер», «автор» исчезают, уступая место киборгам-мутантам, номадичности, бесполости и интерпретации; происходит обесценивание биологического тела, подмена понятия «тело» или «человек» (имеется в виду как индивид) понятием «мясо». Настоящий человек представляет из себя нечто разумное и действительно живое только тогда, когда имеет находится в киберпространстве.

Определено, что философия трансгуманизма может повлечь риски обесценивания биологического в человеке по следующим причинам: излишняя убежденность в несовершенстве человеческой природы и стремление избавить свое тело от страданий (как физических, так и психологических); тело человека рассматривается как нечто неэффективное, что требует оптимизации; биологическая репродукция и телесный опыт

уходят в прошлое под воздействием развития идей создания постчеловека; трансгуманистический проект в рамках модернизации человека, направленный на избавление от страданий, приводит к трансформации и/или исчезновению традиционных ценностей человека.

Выявлено, что корпоратократия как новая форма власти, описанная в «Нейроманте», влечет за собой следующие этико-антропологические риски: становление человека как потребителя цифровой единицы, влекущее собой зависимость от IT-корпораций; утрату автономии личности вследствие манипулирования человеком со стороны IT-корпораций (в том числе и алгоритмов), влекущее за собой изменение человеческого поведения и его мышления; перераспределение власти от государств к транснациональным технологическим корпорациям, которые ведут войны за внимание и данные.

Определена связь между развитием ИИ и риском утраты суверенитета личности, а также экзистенциальными рисками, что может произойти по следующим причинам: развитие искусственного интеллекта ведет его к эволюции из инструмента в автономный субъект, новую форму жизни со своими целями и задачами; симбиоз человека и искусственного интеллекта влечет собой утрату личностью суверенитета в принятии решений; неподконтрольность и непредсказуемость искусственного интеллекта как сверхразума, где его цели, задачи и действия могут идти вразрез с традиционными человеческими ценностями и интересами.

Отмечено, что ключевыми целями трансгуманизма являются: избавление человека от физических и психических страданий; расширение физических и когнитивных возможностей человека; технологическая оптимизация человека; отвержение религиозного начала, вследствие чего человек рассматривается как творец своей собственной природы.

Риск антропологического кризиса выражается в утрате суверенитета личности; растворении собственного «Я» в киберпространстве, трансформации и/или исчезновении традиционной морали. Основой этических противоречий выступает дилемма совершенствования человеческой природы: человеческая природа – источник страданий. Страдания – зло, поэтому человеческое тело нуждается в совершенствовании, модификации, *замене* биологического на технологическое. Антитезис: человеческая природа уникальна и имеет особенную ценность, поэтому не нуждается в совершенствовании. Этическое значение данной дилеммы заключается в актуализации тех незаметных изменений, которые формируются благодаря расширению цифрового пространства и совершенствованию технологий искусственного интеллекта.

Философская интерпретация симбиоза человеческого и искусственного разума в романе У. Гибсона «Нейромант» позволила определить роман как прогностическую модель общества, показывающую аксиологические, нравственные и антропологические риски искусственного интеллекта в современном обществе.

Список литературы

- Крайнов А.Л. 2019. Ценности постчеловеческого будущего: проблема выбора. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика.
- Мартин Э. 2025. Критический анализ гипотетических представлений о постчеловечестве в трансгуманизме и постгуманизме. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.
- Назаров В.Н. 2020. Цифровой двойник как субъект информационной этики. Этическая мысль.
- Назарова Ю.В. 2024. Проблема постчеловечества в трансгуманизме: этико-философские аспекты.
- Назарова Ю.В., Каширин А.Ю. 2023. Экзистенциальные риски искусственного интеллекта в контексте аксиологии трансгуманизма (по материалам работ Н. Бострома). *Общество: философия, история, культура*, 11.
- Оржаховская И.Ю. 2025. Цифровое государство: новая онтология власти. Вестник ТИУиЭ.

- Сиваев П.А. 2024. Искусственный интеллект и биоинженерия: этические проблемы взаимодействия. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. URL: [https://tsput.ru/fb/hum/2024/2\(50\)_2024/120/?ysclid=mfillabu7g717716003](https://tsput.ru/fb/hum/2024/2(50)_2024/120/?ysclid=mfillabu7g717716003) (дата обращения: 04 сентября 2025).
- Шляков А.В. 2015. Номадическая топология постмодерна. Теория и практика общественного развития.
- Bostrom N. 2003. The Transhumanist FAQ. URL: <https://nickbostrom.com/views/transhumanist.pdf> (accessed: 05 November 2025)
- Pearce D. 1995. The Hedonistic Imperative. E-book. Available at: <https://www.hedweb.com/hedab.htm> (accessed: 13 September 2025).
- Chain of Thought Monitorability: A New and Fragile Opportunity for AI Safety. 2025. E-book. URL: https://tomekkorbak.com/cot-monitorability-is-a-fragile-opportunity/cot_monitoring.pdf (accessed: 14 September 2025).

References

- Krajnov A.L. 2019. Cennosti postchelovecheskogo budushhego: problema vybora. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filosofija. Psihologija. Pedagogika.
- Martin Je. 2025. Kriticheskiy analiz gipoteticheskikh predstavlenij o postchelovechestve v transgumanizme i postgumanizme. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki.
- Nazarov V.N. 2020. Cifrovoy dvojn timer kak sub'ekt informacionnoj jetiki. Jeticheskaja mysl'.
- Nazarova Yu.V. 2024. Problema postchelovechestva v transgumanizme: etiko-filosofskie aspekty. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_74995684_96113259.pdf (accessed: 05 November 2025).
- Nazarova Yu.V., Kashirin A.Yu. Ekzistentsial'nye riski iskusstvennogo intellekta v kontekste aksiologii transgumanizma (po materialam rabot N. Bostroma). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2023. № 11.
- Orzhahovskaja I.Ju. 2025. Cifrovoe gosudarstvo: novaja ontologija vlasti. Vestnik TIUiJe.
- Sivaev P.A. 2024. Iskusstvennyj intellekt i bioinzhenierija: jeticheskie problemy vzaimodejstvija. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo.
- Shljakov A.V. 2015. Nomadicheskaja topologija postmoderna. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya.
- Pearce D. 1995. The Hedonistic Imperative. E-book. URL: <https://www.hedweb.com/hedab.htm> (accessed: 13 September 2025).
- Chain of Thought Monitorability: A New and Fragile Opportunity for AI Safety. 2025. E-book. URL: https://tomekkorbak.com/cot-monitorability-is-a-fragile-opportunity/cot_monitoring.pdf (accessed: 14 September 2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2026

Received January 19, 2026

Поступила после рецензирования 19.04.2026

Revised April 19, 2026

Принята к публикации 30.05.2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Назарова Юлия Владимировна, профессор кафедры философии и культурологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия.

Yuliya V. Nazarova, Professor of the Department of Philosophy and Culture Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia.

Сиваев Павел Алексеевич, аспирант кафедры философии и культурологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия.

Pavel A. Sivaev, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Culture Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia.

УДК 7.036

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-512-516

EDN WGTYLP

Идейно-стилистическая парадигматика русского музыкального авангарда как предчувствие сетевой свободы: от «зауми» в концептуализм

Печёнкин А.О.

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королёва, д. 7

fin@bgiik.ru

Аннотация. Автор прослеживает эволюцию от футуристической «зауми» до московского музыкального концептуализма 1970–80-х годов, выявляя устойчивые парадигмальные структуры: эмансипацию звука, деиерархизацию художественного процесса, приоритет концепта над артефактом и открытость произведения. Цель – доказать, что русский авангард выступил лабораторией радикальных художественных языков и имплицитно разработал протоколы коммуникации, родственные современной цифровой среде. Методология опирается на теорию открытого произведения У. Эко, семиотику Ю. Лотмана, концепцию ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари, а также идею «смерти автора» Р. Барта. В работе показано, как заумь создала прообраз гипертекстуального пространства, шумовые симфонии – модель интерактивного флэшмоба, а концептуалистская редукция – алгоритмическое мышление сети. Сделан вывод, что сетевые свободы (анонимность, ремикс, краудсорсинг) были философски и эстетически предзаданы в опытах русского авангарда, стремившегося преобразовать искусство в тотальную коммуникативную среду.

Ключевые слова: русский музыкальный авангард, заумь, концептуализм, сетевая свобода, открытое произведение, ризома, шумовая музыка, Владимир Мартынов, Артур Лурье, смерть автора

Для цитирования: Печёнкин А.О. 2026. Идейно-стилистическая парадигматика русского музыкального авангарда как предчувствие сетевой свободы: от «зауми» в концептуализм. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 512–516. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-512-516 EDN: WGTYLP

Ideological and Stylistic Paradigmatics of the Russian Musical Avant-Garde as a Premonition of Network Freedom: From "Zaum" to Conceptualism

Alexey O. Pechenkin

Belgorod State Institute of Arts and Culture

7 Korolev St., Belgorod 308033, Russian Federation

fin@bgiik.ru

Abstract. The subject of the study is the ideological and stylistic paradigmatics of the Russian musical avant-garde, viewed as a cultural model that anticipated the principles of network freedom. The author traces the evolution from futuristic "zaum" to Moscow musical conceptualism of the 1970s–80s, revealing stable paradigmatic structures: the emancipation of sound, the de-hierarchization of the artistic process, the priority of concept over artifact, and the openness of the work. The aim of the article is to prove that the Russian avant-garde not only acted as a laboratory for radical artistic languages but also

© Печёнкин А.О., 2026

implicitly developed communication protocols akin to the modern digital environment. The methodology is based on U. Eco's theory of the open work, the semiotics of Yu. Lotman, the concept of the rhizome by G. Deleuze and F. Guattari, and the idea of the "death of the author" by R. Barthes. The paper demonstrates how zaum created a prototype of hypertextual space, noise symphonies – a model of an interactive flash mob, and conceptualist reduction – the algorithmic thinking of the network. It is concluded that network freedoms (anonymity, remix, crowdsourcing) were philosophically and aesthetically anticipated in the experiments of the Russian avant-garde, which sought to transform art into a total communicative environment.

Keywords: Russian musical avant-garde, zaum, conceptualism, network freedom, open work, rhizome, noise music, Vladimir Martynov, Arthur Lourié, death of the author

For citation: Pechenkin A.O. 2026. Ideological and Stylistic Paradigmatics of the Russian Musical Avant-Garde as a Premonition of Network Freedom: From "Zaum" to Conceptualism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 512–516 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-512-516 EDN: WGTYLP

Современная цифровая эпоха с ее идеалами децентрализации, анонимности, нелинейной навигации и коллаборативного творчества серьезно трансформировала онтологию искусства. Музыка первой вошла в сетевую стихию, став текучей, алгоритмически генерируемой и свободной от диктата институций. Данная трансформация не является исключительно технологическим следствием появления интернета. Представляется, что культурный код сетевой свободы был сформирован значительно раньше – в идейно-стилистических парадигмах русского музыкального авангарда первой трети XX века и его метаморфозах в московском концептуализме 1970–80-х годов.

Под сетевой свободой мы понимаем экзистенциально-эстетический модус, характеризующийся снятием бинарных оппозиций (автор/слушатель, центр/периферия, произведение/интерпретация) и превращением искусства в открытую коммуникативную среду. Начиная с футуристической «зауми» и заканчивая постмодернистским концептуализмом, русский авангард последовательно разрабатывал именно такие модели. В данной работе мы выявляем данную парадигматическую преемственность и рассматриваем ее как историческое предчувствие сетевой свободы. Методологическую основу составляет синтез нескольких теорий. Семиотика культуры Ю.М. Лотмана позволяет увидеть в музыкальном тексте модель семиосферы, склонную к взрыву и переструктурированию [Лотман, 1996, с. 142]. Концепция «открытого произведения» У. Эко объясняет смещение акцента с артефакта на процесс порождения смысла [Эко, 2004, с. 98]. Философия ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари [Делёз, 2010, с. 12] дает ключ к нелинейным и неиерархическим структурам авангардной музыки, а тезис Р. Барта о «смерти автора» [Барт, 1989, с. 387] проясняет редукцию субъекта, ставшую аксиомой и сетевой культуры, и музыкального концептуализма.

Первым этапом формирования протосетевого мышления в русском музыкальном авангарде стала футуристическая заумь. В отличие от традиционной поэзии, заумный язык А. Крученых и В. Хлебникова оперировал чистыми фоносемами, освобождая энергию звука. В знаменитой футуристической опере «Победа над солнцем» (1913, либретто А. Крученых, пролог В. Хлебникова, музыка М. Матюшина, оформление К. Малевича) произошел знаковый слом: слово, музыка и изображение перестали иллюстрировать друг друга, вступив в нелинейный диалог [Крусанов, 2010, с. 78]. Музыка Матюшина к опере намеренно избегала тональной иерархии, обращаясь к четвертитоновым соотношениям и шумовым эффектам. Осуществилась эмансипация «акустического означающего», что семиотически аналогично устройству гипертекста: заумная вокализация не диктует слушателю единственный маршрут восприятия, а создает поле равновозможных интерпретаций. Слушатель не «читает» заложенный автором

смысл, а сам становится со-творцом, «кликая» по акустическим ссылкам в поиске личной траектории. Тем самым заумь предвосхитила ризоматическую архитектуру информационной сети, в которой отсутствует принудительный центр и иерархия элементов.

В области «чистой» музыки эта линия была продолжена Артуром Лурье и Иваном Вышнеградским. А. Лурье в своих микрохроматических опытах («Формы в воздухе», 1915) стремился к дематериализации музыкального пространства, заменяя дискретный строй непрерывным континуумом. Такой «гладкий» звуковой универсум (в терминах Ж. Делёза) есть прямая аналогия сетевому трафику, в котором бинарные оппозиции «сигнал/пауза» размываются в безграничном потоке данных [Делёз, 2010, с. 16]. Устранение темперированного строя уничтожало иерархию устоя и нестойкости – подобно тому, как в сетевой коммуникации исчезает различие между центром и периферией. Вторым важным концептом авангардной парадигмы стала идея шумовой музыки и индустриальной симфонии. Манифесты Л. Руссола, подхваченные русскими композиторами-конструктивистами, провозгласили равенство всех звуков. Апофеозом этого направления стала «Симфония гудков» Арсения Авраамова, исполненная в 1922 году в Баку и Москве с участием корабельных и заводских гудков, артиллерийских орудий и массовых хоров [Барсова, 2010, с. 203].

С точки зрения сетевой парадигмы, «Симфония гудков» явилась прообразом скоординированного интерактивного действия, напоминающего современный флэшмоб. А. Авраамов отказался от традиционного амплуа исполнителя-виртуоза: участниками перформанса становились заводские рабочие и военные моряки, действовавшие по сигналам дирижера. Произведение перестало быть фиксированной партитурой, превратившись в открытый протокол, в который вовлекается городская среда. Это прямая предтеча сетевого искусства, когда произведение мыслится как «платформа», активируемая действиями множества равноправных узлов. «Симфония гудков» продемонстрировала, что музыка может существовать как уличная социальная сеть, модулирующая звуковой ландшафт города.

В сочинениях Александра Мосолова («Завод. Музыка машин», 1928) и Владимира Дешевова индустриальная ритмика кристаллизовалась в жесткие остинатные структуры, напоминающие алгоритмы. Механистическая повторность, монтаж коротких паттернов создавали ощущение автоматического порождения звука – того, что сегодня мы назвали бы алгоритмической композицией. Эта «нечеловеческая», машинная логика развития материала предвосхитила эстетику генеративной музыки, управляемой кодом, а не субъективной волей автора.

После длительного перерыва, вызванного идеологическим подавлением авангарда, его парадигматические структуры возрождаются в деятельности московских музыкальных концептуалистов 1970–80-х годов. В изменившемся культурном контексте акцент смещается с фонической материи на концептуальный каркас. Владимир Мартынов и Дмитрий Пригов разрабатывают модели, в которых звук становится лишь следствием идеи, инструкцией для воспроизведения. Центральной для этого направления стала книга В.И. Мартынова «Конец времени композиторов», в которой провозглашался отказ от авторского опуса как уникального послания [Мартынов, 2002, с. 11]. В.И. Мартынов предложил отказаться от композитора-демиурга в пользу «менеджера музыкального проекта» или модератора, организующего правила игры. Это в точности соответствует сетевой парадигме платформ Web 2.0, в рамках которой создатель контента (ютубер, блогер) часто является лишь куратором правил и рамок, а наполнение осуществляется пользователями. Его «Композиция для дирижера» или опусы для ансамбля солистов, содержащие лишь приблизительные вербальные указания для музыкантов, функционируют как программный код, запускающий непредсказуемый результат.

Работая на стыке визуальной поэзии и перформанса, Д.А. Пригов создал серию мантр – ритмизованных речитаций с минимальным музыкальным сопровождением,

основанных на зацикленных повторах, в том числе с использованием заумных элементов. Его «Азбука» и другие циклические сочинения стирали грань между исполнением и ритуалом, превращая слушателя в участника. Медитативная цикличность приговских мантр семиотически родственна вирусному интернет-контенту: короткий «мем», повторяясь, наращивает семантическую нестабильность, что характерно для сетевой коммуникации, тиражирующей пустые знаки до обретения ими новой, ситуативной семантики [Пригов, 2019, с. 63].

Концептуалисты довели до логического завершения идею деиерархизации, имплицитно содержащуюся в зауми. Если в «Победе над солнцем» автор еще сохранял статус «учредителя» нового языка, то у В.И. Мартынова и Д.А. Пригова авторская функция редуцируется до жеста, рамки. Именно этот шаг (окончательное прощание с «композитором») открыл дорогу к модели пиринговой сети (P2P), в которой каждый узел одновременно является и отправителем, и получателем информации.

Можно выделить устойчивую идейно-стилистическую парадигму, триедино воплотившую предчувствие сетевой свободы:

Децентрация. И заумные опыты, и концептуалистские инструкции элиминируют авторитарный центр текста, создавая неиерархическую среду смыслопорождения.

Процессуальность. Авангард последовательно смещал ценность с завершенного артефакта (партитуры) на процесс коммуникации (перформанс, интерпретация), что полностью отвечает процессуальной природе сетевых сообществ.

Алгоритмичность. Повторность и серийность русского конструктивизма, комбинаторика зауми, концептуальные «протоколы» Мартынова – все это предвосхищает алгоритмическое искусство, в котором эстетическое событие порождается не вдохновением, а правилом.

Конечно, авангардный проект не был технологически реализован в свое время как «сеть». Он остался в сфере утопического жеста и лабораторных опытов. С появлением интернета эти наработки актуализировались. Компьютерная сеть стала материальным воплощением того «открытого произведения», которое русский авангард разрабатывал в качестве философской и эстетической модели. Такие феномены, как краудсорсинговые музыкальные проекты, генеративный эмбиент или ремикс-культура, суть прямое продолжение стратегий, начало которым положили «Симфония гудков» Арсения Авраамова и вербальные партитуры московского концептуализма.

Русский музыкальный авангард и его концептуалистский рецидив во второй половине XX века разработали идейно-стилистический инструментарий, напрямую востребованный эпохой сетевой свободы. От десемантизированного звука зауми до концептуального жеста, заменяющего опус, выстраивается линия демонтажа иерархического художественного космоса. «Заумь» освободила акустическое означающее и дала каждому слушателю право на сборку собственного смысла. Концептуализм уничтожил сакральный статус композитора и превратил музыку в протокол взаимодействия.

Таким образом, сетевая свобода, понятая как децентрализованная, неавторитарная модель коммуникации, имеет технологическую и глубокую эстетическую генеалогию. Русский музыкальный авангард выступил ее провозвестником, показав, что искусство способно существовать не как объект потребления, а как среда обитания – принцип, на котором сегодня строится вся цифровая культура. Динамика от А. Крученых к Д.А. Пригову и В.И. Мартынову есть, по существу, археология нашей сетевой повседневности.

Список литературы

- Барсова И.А. 2010. Миф о Москве-столице в «Симфонии гудков» Арсения Авраамова. *Музыкальная академия*, 1: 201–206.
- Барт Р. 1989. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, Прогресс, 616 с.

- Делёз Ж., Гваттари Ф. 2010. Ризома. Пер. с фр. Я. Свирского. В кн.: *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург, У-Фактория: 6–46.
- Крусанов А.В. 2010. Русский авангард, 1907–1932: исторический обзор: в 3 т. Т. 1: Боевое десятилетие. В 2 кн. Кн. 1. Москва, Новое литературное обозрение, 770 с.; Кн. 2, 1098 с.
- Лотман Ю.М. 1996. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. Москва, Языки русской культуры, 464 с.
- Лотман Ю.М. 2000. Семиосфера. Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 704 с.
- Мартынов В.И. 2002. Конец времени композиторов. Москва, Русский путь, 296 с.
- Пригов Д.А. 2019. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Монады. Москва, Новое литературное обозрение, 736 с.
- Чередниченко Т.В. 2002. Музыкальный запас. 70-е: Проблемы. Портреты. Случаи. Москва, Новое литературное обозрение, 592 с.
- Эко У. 2004. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. Пер. с итал. А.П. Шурбелева. Санкт-Петербург, Симпозиум, 384 с.

References

- Barsova I.A. 2010. Mif o Moskve-stolitse v «Simfonii gudkov» Arseniya Avraamova [The Myth of Moscow as the Capital in Arseny Avraamov's "Symphony of Sirens"]. *Muzykal'naya akademiya*, 1: 201–206.
- Bart R. 1989. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 616 p.
- Deleuze J., Guattari F. 2010. Rizoma [Rhizome]. Transl. from French by Ya. Svirskiy. In: *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya: 6–46.
- Krusanov A.V. 2010. Russkiy avangard, 1907–1932: istoricheskiy obzor: v 3 t. T. 1: Boevoye desyatiletie [Russian Avant-Garde, 1907–1932: A Historical Survey. In 3 vols. Vol. 1: The Combat Decade]. In 2 books. Book 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 770 p.; Book 2, 1098 p.
- Lotman Yu.M. 1996. Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 464 p.
- Lotman Yu.M. 2000. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 704 p.
- Martynov V.I. 2002. Konets vremeni kompozitorov [The End of the Time of Composers]. Moscow, Russkiy put', 296 p.
- Prigov D.A. 2019. Sbranie sochineniy: v 5 t. T. 5: Monady [Collected Works. In 5 vols. Vol. 5: Monads]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 736 p.
- Cherednichenko T.V. 2002. Muzykal'nyy zapas. 70-e: Problemy. Portrety. Sluchai [Musical Reserve. The 70s: Problems. Portraits. Cases]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 592 p.
- Eco U. 2004. Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost' v sovremennoy poetike [The Open Work: Form and Indeterminacy in Contemporary Poetics]. Transl. from Italian by A.P. Shurbelev. St. Petersburg, Simpozium, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 26.01.2026

Received January 26, 2026

Поступила после рецензирования 26.04.2026

Revised April 26, 2026

Принята к публикации 30.05.2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Печёнкин Алексей Олегович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Alexey O. Pechenkin, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-517-523

EDN WLQDFW

Философская генеалогия анархизма: от принципа власти к этике самоорганизации

Спицына О.А.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

9092039277@mail.ru

Аннотация. Анархизм редко осмысляют как самостоятельный онтологический феномен. Чаще его сводят к политической утопии или социальному бунту. В данной работе предлагается иная оптика: рассмотреть анархистскую мысль как имманентную европейской традиции критики власти. Главной категорией анализа выступает двойственная семантика *arche* – «начало» и «повеление». Проблематизация *arche* позволяет перевести дискуссию из плоскости политологии в поле метафизической напряжённости: между трансцендентным принуждением и имманентной способностью сообщества к самоорганизации. Материал от античной демократии до английского рационализма У. Годвина демонстрирует, что анархический импульс есть перманентная линия философствования, ориентированная на деконструкцию иерархических структур. Особое место в этой традиции занимает Н. Макиавелли. Легитимировав автономию политики через разрыв с этикой, он парадоксальным образом высветил необходимость их воссоединения – задачу, которую впоследствии решил классический анархизм XIX века. При всех расхождениях П.-Ж. Прудон, М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин преодолевают дуализм индивидуализма и коллективизма через концепты федерализма и взаимопомощи. Анархия утверждается ими не как хаос, а как позитивный порядок без господства. Сделан вывод о том, что философская состоятельность анархизма коренится не в утопическом проекте окончательного устройства, а в функции неустрашимого критического вопроса, поддерживающего напряжение между сущим и должным.

Ключевые слова: анархизм, онтология власти, федерализм, взаимопомощь, П.-Ж. Прудон, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, этика самоорганизации

Для цитирования: Спицына О.А. 2026. Философская генеалогия анархизма: от принципа власти к этике самоорганизации. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 517–523. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-517-523 EDN: WLQDFW

Philosophical Genealogy of Anarchism: From the Principle of Power to the Ethics of Self-Organization

Oksana A. Spitsyna

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

9092039277@mail.ru

Abstract. The article undertakes a philosophical and cultural reconstruction of the genesis of anarchist thought, viewed not as a marginal political movement but as an independent ontological phenomenon immanent to the European tradition of critiquing power. The central analytical category is the dual

semantics of arche (origin/command), whose problematization allows shifting the discussion from political science to the field of metaphysical tension between transcendental coercion and the immanent capacity of the community for self-organization. Drawing on material from ancient democracy (meson, the intrusion of the demos) to W. Godwin's English rationalism, the article demonstrates that the anarchistic impulse is not a product of modernity but a permanent line of philosophizing aimed at deconstructing hierarchical structures. Special attention is paid to the watershed marked by N. Machiavelli: by legitimizing the autonomy of politics through a rupture with ethics, he paradoxically highlighted the need for their reunification, which was subsequently realized by classical anarchism of the 19th century. The article argues that P.-J. Proudhon, M.A. Bakunin, and P.A. Kropotkin, despite their differences, overcome the dualism of individualism and collectivism through the concepts of federalism and mutual aid, affirming anarchy not as chaos but as a positive order without domination. The analysis concludes that anarchism achieves philosophical consistency not in a utopian project of final arrangement but in the function of an irremovable critical question sustaining the tension between the actual and the obligatory.

Keywords: anarchism, ontology of power, federalism, mutual aid, P.-J. Proudhon, M.A. Bakunin, P.A. Kropotkin, ethics of self-organization

For citation: Spitsyna O.A. 2026. Philosophical Genealogy of Anarchism: From the Principle of Power to the Ethics of Self-Organization. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 517–523 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-517-523 EDN: WLQDFW

Традиция истолкования анархизма, доминировавшая на протяжении большей части минувшего столетия, страдала симптоматичным редукционизмом. Политическая доктрина, социологическая теория или, в лучшем случае, историко-философский курьёз – за этими рамками упорно не желало проступить то, что составляет подлинный нерв анархистского дискурса, а именно его онтологическое измерение. Между тем фундаментальные трансформации современной философско-культурной парадигмы, сопровождающиеся кризисом классических метанарративов и размыванием границ между государственным и социальным, настоятельно требуют пересмотра устоявшихся клише. Обращение к анархизму перестаёт быть уделом историка политических учений или политолога, превращаясь в острую культурологическую проблему: механизмы доминирования проникают ныне в ткани повседневности, языковые структуры и способы субъективации, и именно анархистская мысль, взятая в её метафизической глубине, способна вскрыть скрытые предпосылки этого проникновения. Следовательно, необходима генеалогическая реконструкция самого принципа отрицания власти – реконструкция, которая высветила бы, каким образом отказ от arche обретал форму системного дискурса на разных этапах европейской интеллектуальной истории.

Ключ к подобному переосмыслению даёт этимологическая и метафизическая проблематизация категории arch. Её двойная семантика (начало и власть, принцип и повеление) образует тот узел, в котором западная метафизика, а вслед за ней и политическая теория, на протяжении тысячелетий легитимировала принудительный порядок. Arche – это власть того, кто начинает. Право руководить утверждается в самом акте начала, и, наоборот, власть начинать подтверждается в осуществлении командования. Семантическая спайка, закреплённая ещё в древнегреческом языке (archaios означает «изначальный», а archikos – «главный»), превратилась в онтологическую схему: всякая претензия на легитимность неизбежно апеллирует к некоему первоначалу (династическому, божественному, рациональному или революционному), которое одновременно фундирует порядок и санкционирует принуждение. Анархизм же в

этымалагічнае строгае значэнне ёсць не столькі адмаўленне дзяржавы, колькі перманентная апазіцыя самаму прынцыпу *arche*, апазіцыя, якая не можа канстытуіраваць сябе ў якасці новай улады, не ўпадаючы ў самаадмаўленне. Ібо навязаць свабоду і роўнасць, не пераўтварыў іх у новую форму панавання, азначала б вытворчы тая самую камандную жэст, супраць якога накіравана крытыка. Гэта апазіцыя, структурная немагчымасць для анархізму стаць уладай, не перастав быць сабой, аднак не паралізуе яго, а пераўтварае ў перманентнае тэарэтызаванне, вечную крытыку існуючага свету, якая захоўвае філасофскую сур'язнасць менавіта дзякуючы адмаўленню ад догматычнага замацавання ісціны.

Вядома, было б сур'язнай памылкай лічыць, нібы анархічны імпульс узнікае толькі ў XIX стагоддзі ў якасці рэакцыі на індустрыяльны капіталізм і бонапартысцкае дзяржаўства. Філасофская генеалогія, звярнуцца да глыбінных пластаў культурна-історычнага вопыту, дэманструе, што гэты імпульс прысутствуе ўжо ў практыцы афінскай дэмакратыі. Інтэрпрэтуемая праз катэгорыю *meson* – як трэцяга прастору, у якім канфлікт выражаецца ў калектывным удзеле дэмоса, не пераходзіць ні ў грамадзянскую вайну, ні ў рэстаўрацыю архаічнага кіравання, – афінская дэмакратыя прадстаўляе сабой вопыт самакіравання ў адсутнасці ўсталяванага камандавання. Італьянскі філосаф Данацэла Дзі Чэзарэ апісвае гэты вопыт як «анархічную дэмакратыю»: ўварожэнне тых, хто не мае тытула на ўладу, разбурае непрыпыўнасць панавання; жэбаванне пасадак, перамяшчэнне роляў, абмежаваны тэрмін поўнамоццяў і астракізм становяцца інструментамі, блокуючымі крывацязненне *arche* [De Cesare, 2024, p. 154]. Дэмос «не мае прадэсталяванай ідэнтычнасці, пастаянна пераструктурваецца, вяртаючыся да раздзялення і вызначэння. Раздзяленне пачатку, але і раздзяленне ўлады, дэмос з'яўляецца палітычным раздзяленнем бесправых – тых, хто не мае права камандаваць, хто не ўваходзіць у парадак якіх-ліб *arche*» [De Cesare, 2024, p. 158]. Гэты антычны вопыт задае парадыгму, якая ў выніку, праз даосскае *у-вэй* (недзяянне, гармонія без прымушэння дзяржавы), сярэневековы антыклерыкалізм іахімітаў (спадзяванне эры Святога Духа без царкоўнай іерархіі) і гуманістычны антропацэнтрізм Відроджэння (чалавек як творца свайго лёсу ў Піка дэла Мірандола), будзе паўплываць на анархісцкі дыскурс, застаючыся, аднак, на узроўні разрозненых інтуіцый. Сістэматычнай філасофскай формы анархізм дасягае толькі тады, калі ўступае ў свядомы напружанне з макіявэлісцкім водараздымам.

У гэтым пункце аналіз набывае асаблівую астроту. Н. Макіявэлі выканаў аперацыю, ад якой анархізм ў выніку адталківаўся з максімальнай рашучасцю. Флорэнцыйскі мысліцель Э. Касірэра пісаў: «Адрэзаў усе ніткі, з дапамогай якіх у папярэдніх пакаленнях дзяржава была прымацавана да арганічнаму цэламу чалавеческага існавання» [Касірэра, 1989, с. 102]. Палітыка, зразумевана, як аўтаномная сфера, вызважэнная ад моральнай ацэнкі і наступная толькі свайго тэхнічнаму (мэстэўству дасягнення і ўтрымання ўлады), першы раз перад назіральнікам у сваёй цинічнай велічыні. Э. Касірэра таксама адзначаў, што «Дзяржава» гэта чыста тэхнічная кніга, і менавіта ў гэтым ёй наватарства. Анархісты згаджаюцца з апісаннем палітычнай рэальнасці Н. Макіявэлі, яе прырода сапраўды такая, як ёй убачыў флорэнцінец, але менавіта таму яны не могуць прыняць яе легітымачыю. М.А. Бакунін называў Н. Макіявэлі «рэалістычным і пазітыўным мысліцелем» і прызнаваў эмпірычную дакладнасць яго аналізу, але рабіў з гэтага проціваротныя высновы. Калі для Н. Макіявэлі аддзяленне палітыкі ад этыкі ёсць ўмова навукасці, то для анархізму гэта аддзяленне ёсць дыягназ паталогіі. Па меру Дж. Бэрці: «Анархізм з'яўляецца этычнай ідэалогіяй, якая рухаецца ў палітычным кіраванні. Яго

модель общества заключается в преодолении правового комплекса принудительной власти, в соответствии с которым решающие отношения между его членами складываются не между законом и свободой, а между свободой и моралью» [Berti, 1982, p. 399]. Там, где Н. Макиавелли разорвал, анархизм воссоединяет, не в форме морализаторства над политическими процессами, а в фундаментальном переустройстве самой логики социального.

Указанная трансформация получает свою первую последовательную теоретическую разработку в трудах Пьера-Жозефа Прудона, который ввёл различие, без которого невозможно понимание дальнейшей эволюции анархистской мысли: между негативной анархией (хаосом), которая парадоксальным образом порождается самой властью, стремящейся к гомогенному единству, и позитивной анархией (порядком), возникающей из имманентной способности социальных сил к самоорганизации на основе справедливости и сериальной диалектики. Согласно Прудону: «Порядок есть серия, то есть образ, законы и отношения, согласно которым каждое сотворённое существо отделится от всякого неделимого» [Proudhon, 1858, t. 2, p. 190]. Это определение принципиально анти-архично: порядок не навязывается извне трансцендентным законодателем, а высвобождается из самой реальности через акт различения и дифференциации. Метафизическая замкнутость на Едином, на абсолютном начале, неизбежно ведёт к произволу, ибо единство, понятое как фикция принуждения, не соответствует плюральности социального. Прудоновская критика собственности («собственность есть кража»), государства («правительство есть заговор против народа») и божественного абсолюта есть, в сущности, критика трёх модусов *arche* (экономического, политического и теологического), и в каждом случае позитивная анархия утверждает возможность порядка без господина, порядка, который не нуждается в трансцендентной санкции, поскольку черпает свою легитимность из внутренней справедливости федеративных отношений.

М.А. Бакунин, заимствуя у Прудона исходную интуицию, но отказываясь от её, как он полагал, идеалистического остатка (веры в постепенное откровение Справедливости), переносит проблему в антропологическую и историческую плоскость. В его натуралистической онтологии, сформированной под влиянием левого гегельянства и позитивизма, человечество есть продукт природы, но такой продукт, который, благодаря способности к абстракции и воле, может возвыситься над непосредственным давлением естественных законов, чтобы подчинить их своим идеалам. Главная антиномия антропологии М.А. Бакунина заключается в диалектике детерминизма и свободы: человек не обладает свободной волей в метафизическом смысле, ибо каждое его действие обусловлено бесконечной цепью природных и социальных причин; однако именно познание этих законов, а не иллюзорный произвол, составляет условие освобождения. По мнению М.А. Бакунина: «Я свободен лишь тогда, когда все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины, равно свободны. Свобода других не только не является ограничением или отрицанием моей свободы, но, напротив, есть необходимое условие и утверждение её» [Бакунин, 2019, с. 186]. Этот тезис знаменует разрыв как с гоббсианским индивидуализмом, так и с руссоистским контрактуализмом: свобода не предшествует сообществу, а реализуется только в нём и через него, причём условием моей свободы выступает свобода другого. Государство же, будучи секуляризацией религиозного сознания и опираясь на страх перед божественным и человеческим авторитетом, систематически блокирует эту взаимность, превращая общество (естественную, спонтанную форму человеческого общежития) в иерархию господства и подчинения. Также М.А. Бакунин указывает: «Государство есть самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности» [Бакунин, 1995, с. 143].

Если М.А. Бакунин обосновывал анархизм преимущественно через критику государства и антропологию бунта, то П.А. Кропоткин предпринимает попытку дать ему позитивное научное обоснование, опираясь на данные естественных наук и эволюционной биологии. Он противопоставляет социальному дарвинизму (с его акцентом на внутривидовую борьбу) теорию взаимопомощи как главного эволюционного механизма, действующего наряду с взаимной борьбой и, в ряде случаев, превосходящего её по эффективности. П.А. Кропоткин утверждает: «Это чувство, эта практика солидарности не прекращаются никогда, даже в худшие эпохи истории. Даже когда временные обстоятельства господства, рабства, эксплуатации заставляют забывать этот принцип солидарности, он всегда остаётся в мышлении большинства таким образом, что приводит к реакциям против дурных институтов посредством революции» [Кропоткин, 2016]. Одновременно с этим, важно не упустить из виду, что кропоткинский анархо-коммунизм не сводится к экономическому тезису об обобществлении средств производства; он представляет собой синтез политического и экономического освобождения, когда упразднение государства мыслится неотделимым от упразднения частной собственности, а экономическое равенство – бессмысленным без политической автономии. П.А. Кропоткин пишет: «Каждый шаг к экономическому освобождению, каждая победа над капиталом будет победой над властью» [Кропоткин, 1990, с. 158]. Этот синтез, как показывает анализ, позволяет П.А. Кропоткину избежать двух симметричных опасностей: либеральной свободы, оставляющей место эксплуатации, и авторитарного коммунизма, уничтожающего свободу во имя равенства. С этой точки зрения, анархо-коммунизм есть экстраполяция уже существующих тенденций к кооперации и взаимопомощи, которые П.А. Кропоткин обнаруживает как в животном мире, так и в истории средневековых вольных городов и крестьянских общин.

Завершая анализ классического периода, приходим к выводу, который одновременно фундирует и проблематизирует дальнейшую эволюцию анархистской мысли. При всех внутренних разногласиях между прудоновским федерализмом, бакуниным антитеологизмом и кропоткинским анархо-коммунизмом, классический анархизм утверждает анархию как позитивный порядок, основанный на имманентной способности человека к самоорганизации. Вместе с тем эта апелляция к «природе человека», «естественному инстинкту солидарности» или «историческому прогрессу» заключает в себе латентную угрозу возврата к той самой метафизике присутствия, против которой направлен анархистский пафос. Вера в благоую сущность, ожидающую освобождения от оков государства, – не воспроизводит ли она, пусть и в перевёрнутом виде, ту же логику *arche*, когда некая трансцендентная норма (природа, разум, прогресс) предписывает должный порядок и санкционирует насилие над уклоняющимися? Этот вопрос, как показывает современная постструктуралистская критика (от Ж. Деррида до Дж. Агамбена), становится центральным для пост-анархизма, но его истоки уже содержатся в напряжении между негативной и позитивной анархией, которое классики так и не смогли полностью разрешить. Годвиновский рационализм, прудоновский сериализм, бакунинский натурализм и кропоткинский эволюционизм, при всех различиях, сохраняют остаточную веру в то, что существует некий вневластный фундамент, на котором можно выстроить общество без господства, но сам этот жест поиска фундамента уже и есть жест власти.

Философское значение проделанной генеалогической реконструкции выходит далеко за пределы историко-философского экскурса. Оно заключается в выявлении того, что анархизм обретает свою подлинную состоятельность не в качестве готового социального проекта (такой проект неизбежно стал бы новой формой застывшего порядка, новой *arche*), а в функции перманентного критического вопроса. Этот вопрос обращён как

к государству, капиталу или церкви, так и к любому претенденту на статус последнего основания, включая самого анархиста, рискующего догматизировать собственную критику. В этом смысле анархизм, понятый как онтологическая позиция, есть не что иное, как «неисчерпаемое исследование, противостоящее заострению догмы и утверждающее приоритет живого критического разума над мёртвой буквой института» [Фейерабенд, 2007, с. 238–245]. Такая постановка вопроса возвращает нас к античной интуиции *meson* (пространства конфликта, не переходящего в насилие) и к макиавеллиевскому вызову (автономия политики как проблема, а не как решение), но уже на новом витке: анархия есть постоянное прерывание любого порядка, претендующего на окончательность, прерывание, которое и составляет условие возможности подлинно человеческого бытия-вместе.

В итоге проведённого анализа можно сделать два взаимосвязанных вывода, имеющих значение для современной политической онтологии и философской антропологии. Во-первых, анархистская мысль представляет собой одну из фундаментальных линий европейской философии, ориентированную на деконструкцию иерархических структур и обоснование автономии. Её истоки – в афинском *meson*, средневековых ересьях, ренессансном гуманизме, просветительской критике авторитета. Во-вторых, именно способность анархизма поддерживать живое напряжение между критикой существующего и конструктивным поиском альтернативы, не позволяя ни одному из полюсов абсолютизироваться, составляет его непреходящий эвристический потенциал. В эпоху, когда транснациональные сети власти и биополитические механизмы контроля делают традиционные формы государственного суверенитета всё более диффузными, а классические революционные нарративы – всё менее убедительными, анархизм возвращается как актуальная философская позиция, требующая от мысли и действия мужества обходиться без гарантий. Эта позиция предлагает способ мышления, который принципиально не может быть окончательным, и в этом заключается её единственная, но абсолютная твёрдость.

Список литературы

- Бакунин М.А. 1995. Государственность и анархия. СПб., Алетейя, 416 с.
Бакунин М.А. 2019. Федерализм, социализм и антиатеологизм. М., Кучково поле, 320 с.
Кассирер Э. 1989. Миф о государстве. Пер. с нем. М., Прогресс, 303 с.
Кропоткин П.А. 2016. Нравственные начала анархизма. В кн.: *Анархия: сборник*. М., Академический проект: 28–29.
Кропоткин П.А. 1990. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., Правда, 642 с.
Фейерабенд П. 2007. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М., АСТ Хранитель, 413 с.
Berti G. 1982. Il pensiero anarchico dal Settecento al Novecento. Roma, Editori Riuniti, 416 p.
De Cesare D. 2024. Democrazia e anarchia. Il potere nella polis. Roma, Carocci editore, 288 p.
Proudhon P.-J. 1858. De la Justice dans la Révolution et dans l'Église. T. 2. Paris, Garnier, 428 p.

References

- Bakunin M.A. 1995. Gosudarstvennost' i anarkhiya [Statism and Anarchy]. St. Petersburg, Aleteyya, 416 p.
Bakunin M.A. 2019. Federalizm, sotsializm i antiteologizm [Federalism, Socialism and Anti-Theologism]. Moscow, Kuchkovo pole, 320 p.
Cassirer E. 1989. Mif o gosudarstve [The Myth of the State]. Transl. from German. Moscow, Progress, 303 p.
Kropotkin P.A. 2016. Nravstvennye nachala anarkhizma [The Moral Principles of Anarchism]. In: *Anarkhiya: sbornik* [Anarchy: A Collection]. Moscow, Akademicheskii projekt: 28–29.

- Kropotkin P.A. 1990. *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Bread and Freedom. Modern Science and Anarchy]. Moscow, Pravda, 642 p.
- Feyerabend P. 2007. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]. Transl. from English by A.L. Nikiforov. Moscow, AST Khranitel', 413 p.
- Berti G. 1982. *Il pensiero anarchico dal Settecento al Novecento*. Roma, Editori Riuniti, 416 p.
- De Cesare D. 2024. *Democrazia e anarchia. Il potere nella polis*. Roma, Carocci editore, 288 p.
- Proudhon P.-J. 1858. *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église*. T. 2. Paris, Garnier, 428 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Поступила после рецензирования 17.01.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Received October 17, 2025

Revised January 17, 2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Спицына Оксана Александровна, начальник кабинета специальных дисциплин кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana A. Spitsyna, Head of the Special Disciplines Office at the Department of Tactical and Special Training, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 130.2:004

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-524-531

EDN XICPZN

Человек и машина: путь к цифровому бытию. Рецензия на книгу: Д. Штрассберг. Мифология машины. Москва : АСТ, 2025. 416 с.

Игнатов М.А., Федотов Е.А., Яговдик В.А.

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46

ignatovmikle@gmail.com, efedotov80@mail.ru, jazz_man@mail.ru

Аннотация. В книге Даниэля Штрассберга объектом научного исследования становятся аффекты как результат реакции человека на технические изобретения, в частности машины и механизмы, а также историко-психологический ракурс причин возникновения технооптимизма и технопессимизма. Союз человека и машины с течением времени приобретает ризомный характер, расширяясь и распространяясь, образуя сложные переплетения технического и метафизического знания, сознания, бессознательного, реального, фантастического и мифологического. Подчеркнут амбивалентный характер аффектов, обусловленных ролью человека одновременно как творца и стороннего наблюдателя. Культура восприятия и отношения к машинам в современном мире, даже с учетом динамики ее развития и исторической трансформации, до сих пор остается противоречивой и структурно неоднородной.

Ключевые слова: мифология, аффекты, ассимиляция, отчуждение, техника, цифровизация, компьютерные технологии

Для цитирования: Игнатов М.А., Федотов Е.А., Яговдик В.А. 2026. Человек и машина: путь к цифровому бытию. Рецензия на книгу: Д. Штрассберг. Мифология машины. Москва : АСТ, 2025. 416 с. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 524–531. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-524-531 EDN: XICPZN

Man and Machine: The Path to Digital Existence. Review of the Book: D. Strassberg. Mythology of the Machine. Moscow: AST, 2025. 416 p.

Mikhail A. Ignatov, Evgeny A. Fedotov, Vyacheslav A. Yagovdik

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russian Federation

ignatovmikle@gmail.com, efedotov80@mail.ru, jazz_man@mail.ru

Abstract. In Daniel Straussberg's book, the object of scientific research is the affect as a result of a person's reaction to technical inventions, particularly machines and mechanisms, as well as the historical and psychological perspective on the causes of techno-optimism and techno-pessimism. Over time, the relationship between humans and machines becomes rhizomatic, expanding and spreading, forming complex interweavings of technical and metaphysical knowledge, consciousness, the unconscious, the

real, the fantastic, and the mythological. The article emphasizes the ambivalent nature of the affects caused by the role of a person as both a creator and an outside observer. The culture of perception and attitude towards machines in the modern world, even taking into account the dynamics of its development and historical transformation, remains contradictory and structurally heterogeneous, which has made this research relevant.

Keywords: mythology, affects, assimilation, alienation, technology, digitalization, computer technology

For citation: Ignatov M.A., Fedotov E.A., Yagovdik V.A. 2026. Man and Machine: The Path to Digital Existence. Review of the Book: D. Strassberg. *Mythology of the Machine*. Moscow: AST, 2025. 416 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 524–531(in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-524-531 EDN: XICPZN

Человек, создавая и используя машины и механизмы для освоения и преобразования окружающего мира там, где ранее он пользовался только данными природой и эволюцией способностями, которые непрерывно в нем совершенствовались, с расширением применения машин если не обнулили полностью потребность в таком совершенствовании, то существенно ее минимизировали. Результатом стало изменение самого характера эволюции человека, формирования его физических и когнитивных способностей. Такая неожиданная «обратная связь» в системе взаимодействия человека и машины, в конечном итоге, обозначила ряд проблемных вопросов, которые поставлены и рассмотрены в настоящем исследовании.

В начале повествования автор сразу обозначает свою принципиальную позицию, которая выражается в том, что основной акцент будет сделан именно на аффектах, вызываемых машинами, а также комплексом формируемых при этом связей и отношений с человеком, обществом и миром в целом. Машины, по мнению автора, являются собирательным образом для любых технических устройств, которые обладают функцией движения и отличаются только назначением, обусловленным замыслом изобретателя.

Первой категорией, которую автор предлагает читателю для совместного анализа, является эмоция страха/опасности, так как она легко объяснима в случае соприкосновения человека с внешними факторами, представляющими реальную опасность (тигр или, например, цунами). Какими же факторами формируются фобии, вызванные предметами, не угрожающими жизни и здоровью человека? Автор, опираясь на свое образование в области психиатрии, высказывает мнение, что фобии перед условно неопасными предметами формируются в детстве, являются выученными «пережитками» [Штрассберг, 2025, с. 11], тогда как, согласно З. Фрейду, фобия является субъективным переживанием восприятия реально опасного объекта.

Здесь автор разграничивает внутренние (бессознательные, иррациональные) и внешние (реальные и осознанные) источники страха, замечает, что люди, обуреваемые внутренними аффектами, часто проецируют их на внешний мир, получая/дополняя сложившиеся ранее представления о каком-либо объекте или явлении. Для конкретизации данного процесса в текст вводится понятие «эпистема» [Штрассберг, 2025, с. 13], но не в привычном нам понимании, а в новом определении как «культурный фильтр», являющийся неким промежуточным звеном, соединяющим восприятие и рефлексия, а от него уже – к пониманию происходящего.

Человеческое сознание устроено таким образом, что отсутствие реальных (истинных) знаний о предмете (объекте) или условно-реальных знаний о нем, зачастую подменяется фантазией, смешивающей полученную информацию эклектичным образом в конгломерат,

вызывающий ощущение постижения мира, такой эпистемологический итог, который воспринимается человеком как исчерпывающее знание. При этом, доминирование вымышленного, фантазийного, особенно сочетающегося с аффектами, формирует мифы (в переводе с греческого «рассказ»), на что и указал автор в названии своей книги.

Мифы, связанные с машинами и техникой, имеют давнюю историю развития. Отличие современной мифологии в том, что все аффекты, так или иначе сопряженные с цифровыми новинками (программами, роботами), существенно влияют на дальнейшее восприятие их обществом, и от того, каковым оно будет – положительным или отрицательным – зависит их экономическая окупаемость и коммерческая прибыль. Так или иначе, мифология – это уникальный конструкт для описания феномена, сочетающего в себе реальное и вымышленное, в настоящем контексте – домысленное, додуманное.

Нужно отметить, что проблема мифа и мифотворчества является предметом исследования многих философов и философских школ. Белгородская философская школа внесла существенный вклад в изучение самого мифа как феномена в его становлении, трансляции и функционировании [Борисов, 2012, Римский, 2003, Римский, Римская, 2021], так и проблемы человека в философии [Игнатов и др., 2025].

Данные философские наработки, несомненно, помогли рецензентам детально проанализировать эволюцию формирования мифологии машин и, в частности, аффектов, вызываемых техническими новациями, представленную Д. Штрассбергом.

Автор приводит пример, в котором, на его взгляд, демонстрируется различие между страхом перед грозой, который заложен генетически и обусловлен отсутствием ощущения безопасности, и страхом перед машиной, который не заложен генетически и обусловлен отсутствием гарантированного управления техникой, а значит также безопасности. Хотя, на наш взгляд, и в первом и во втором случае человек испытывает один и тот же страх перед объектами, которые не может контролировать самостоятельно. В таком случае целесообразным будет определить сущность и содержание понятия «аффект», которое автор обозначает в настоящей книге как первостепенное.

Трактовка автором понятия «аффект» как кратковременной эмоции взрывного характера требует уточнения в связи с тем, что в настоящем исследовании данное понятие имеет собирательный характер и объединяет такие эмоции как «страх», «душевное волнение» и «восхищение». Очевидно, что данная амбивалентная реакция возникает у человека в ответ на неожиданную противоречивую реальность. В таком случае, скорость обновления технического парка машин привела бы человека, исходя их позиции автора, к психологическим перегрузкам, кумулятивному эффекту, вызванному длительным воздействием пугающих объектов. Но такого не происходит и вот почему. Автор приводит перевод понятия «аффект» как «способность двигать, раздражать, производить впечатление на кого-либо» [Штрассберг, 2025, с. 17]. В своем анализе аффектов, автор использует, по сути, противоположное определение Б. Спинозы о данном феномене как «непостоянное неудовольствие, возникшее из образа сомнительной вещи» [Спиноза, 2001, с.178]. Тем самым показывая, что аффекты – это целый комплекс разноплановых ощущений, восприятий и представлений – страха, стыда, удивления, фантазии, а также суммы технических знаний, идеологических установок и политических условий. Выдвигается гипотеза, что объемы каждой из этих составляющих постоянно меняются, что можно сравнить с колебанием маятника, смещающего акценты с одной составляющей на другую. Более того, траектория его движения постоянно меняется, внося коррективы в иерархию составляющих ее элементов. Исходя из этого, можно определить первым этапом становления отношений человека и машины как амбивалентный этап – *восхищение/страх*.

В продолжение исследования аффекта «восхищение» автор делит машины на полезные и развлекательные. Здесь было бы уместным проследить, могут ли машины полезного назначения стать источником, например, эстетического удовольствия, а техника, предназначенная для развлечения, иметь утилитарные функции? Существует ли разница в эстетическом восприятии объектов искусства и эстетическом восприятии техники? Автор склоняется к тому, что эстетическое восприятие машин и механизмов имеет подтекст сакральности, который формируется вследствие отсутствия понимания принципов их работы и поэтому оставляет более сильное впечатление от увиденного. Это как раз коррелирует с сегодняшним положением дел, когда даже сами инженеры, создающие самообучающиеся алгоритмы, зачастую не в полной мере осознают, каким будет конечный результат.

В параграфе «Очарование техники» Д. Штрассберг повествует о важности формирования мировоззрения писателями-фантастами, рисующими оптимистические сценарии развития будущего благодаря техническим достижениям. Вопрос о том, является ли техника реализованным потенциалом коллективной фантазии для лучшего будущего или обыкновенным стимулом потребления, реализуемым индустрией капитализма, остается открытым. В подтверждение первому автор приводит один из первых элементов аффекта – это функциональное удовольствие или очарование техническим решением. Двигающийся неодушевленный предмет/конструкция всегда вызывали восторг и восхищение зрителей, где восхищение доминировало над страхом. Причина кроется в том, что человек, организуя движение машины нажатием рычага (кнопки), зачастую отождествляет себя с ней, предвосхищая новые, еще не реализованные возможности. Автор апеллирует к Эрнсту Каппу и его теории органопроекции, в которой утверждается, что машины являются продолжением или реализацией функций органов тела человека, его механики. Обратная сторона такого «всемогушества» продемонстрирована автором со ссылкой на Платона [2017] и М. Шпитцера [2014] о негативном влиянии техники, которая, осуществляя функции служения человеку, куда входит также и его замещение в условиях физически емкого или опасного труда, способствует сокращению его профессиональной компетенции в когнитивном плане и снижению полезной нагрузки в физиологическом. Данную проблему соотношения человека и техники, но уже более концептуально, разрабатывают и отечественные философы. «Техника рассматривается как инструмент насилия и как отчужденный результат деятельности человека, который носит угрожающий характер» [Борисов, Мишенин, 2013].

Наконец, автор делает попытку формулировки универсального определения машины: «машина – это нечто, созданное человеком, что делает нечто» [Штрассберг, 2025, с. 43].

Время окончательно развеивает магические свойства машины, тандем человек и машина переживает, на наш взгляд, второй этап развития – *отчуждение от природы*. Многие ученые приветствовали данное переопределение и интерпретировали его как прогресс, дистанцирующий человека от природы и создающий ее конкурента – машину. Неоднозначное восприятие новых технологий отчасти и вызвано ощущением поглощения природы техникой, вытеснением ее из мира человека. Головокружение от технологических успехов, от способности противостоять законам природы порождает и новые условия человеческого существования. По мнению автора, человек пытается обмануть природу, навязывая ей неестественные для нее состояния. В доказательство тому, он приводит этимологический анализ понятия «машина», подразумевая и механику в целом. В разное время, в различных европейских языках перевод данного понятия звучал не только как «приспособление» или «инструмент», но и как «хитрость, интрига» и даже «нехороший замысел».

На наш взгляд, следующим этапом (со)бытия человека и машины стала *ассимиляция*. Автор снова захватывает широкий временной диапазон, отталкиваясь от аристотелевского определения видов движения и наделенности жизнью самодвижущихся тел [Аристотель, 2020]. Он раскрывает механизм присвоения души машинам, возведения их в ранг равных, даже несмотря на неподтвержденность сделанных выводов. Более того, человек реагирует на предметы так, будто они тоже имеют эмоции и намерения относительно их взаимодействия. Здесь снова в силу вступает мифологическое мышление ввиду того, что принцип работы любого механизма скрыт от глаз пользователя/зрителя для сохранения той самой иллюзии самодвижения, а значит – одушевленности.

Наступает время демонстрации человеком своих способностей создавать «механические» формы жизни, пусть в имитированном виде, но в реальном воплощении. Парадокс заключается в том, что созданные машины, отнимают у самого человека эти же способности, так как представляют собой нечто совершенное и безупречное, «вечное в конечном» [Штрассберг, 2025, с. 150]. «Машина – это совершенный двойник человека. Люди хотят превратить себя в машины, чтобы стать бессмертными» [Штрассберг, 2025, с. 150]. Например, в XVII веке, отражая всеобщую восторженность от технического совершенства машин, Жюльен Офре де Ламетри написал свое известное произведение «Человек-машина» [Ламетри, 1983], в котором представил человека в виде часового механизма, который заводится сам. Понятно, что теория физиологической определяющей мышления, предвосхитившей появление вульгарного материализма на сто лет, вызвала, мягко говоря, недоумение в научных кругах. Идея о том, что человек – биологический автомат, разрушала морально-этические представления того времени. На помощь пришли виталисты, утверждающие гегемон человека над механическим миром, ввиду наличия у последнего «движущей, направляющей, присущей всем живым организмам жизненной силы – души» [Штрассберг, 2025, с. 263]. Тем самым они вывели научную мысль того времени из сложившегося нравственного тупика. Последующие теории, опирающиеся на то, что живые существа, и человек в частности, способны воспроизводить самих себя и управлять собой, что недоступно ни одной машине, несмотря на прогресс техники, окончательно убедили общество в том, что от сравнения человека с машиной нужно отказаться раз и навсегда.

Следующие параграфы книги, посвященные взаимоотношениям человека и машины (уже автоматической, то есть робота), знаменуют новый этап данного симбиоза – *управление*.

С XIX века начинается процесс десакрализации и демифологизации машин, их восприятие уже не сопровождается таким объемом аффектов, которые наблюдались ранее. Машины перестали вызывать эстетические переживания и окончательно переместились в область утилитарного. «Теперь машина стала, в лучшем случае, полезной, а в худшем – разрушительной» [Штрассберг, 2025, с. 293]. Далее автор констатирует, что «мир населяют люди и машины – почти на равных правах. Только вместе они образуют работающую систему обмена, называемую жизнью. Это взаимодействие человека и машины станет решающим при взгляде на компьютер, машину нашего времени» [Штрассберг, 2025, с. 293].

Машины однозначно быстрее и сильнее человека, а теперь еще и разумнее. Автор правомерно ставит вопрос: в чем тогда уникальность человека, в чем его преимущество перед машинами? Ответом может быть только одно – эмпатия. Постгуманисты утверждают, что человекоподобного робота можно наделить мимикой различного вида и уровня выражения. Гуманисты же отвергают такой способ коммуникации, находя его имитационным и симуляционным. Как бы там ни было, компьютерные технологии и роботизация, служившие инструментами и помощниками человека в познании и освоении

окружающего мира, сегодня становятся объектами, несущими вызовы и риски для своего творца.

Во-первых, как уже хорошо известно из психофизиологии, к чему автор имеет непосредственное отношение, то, что не нагружено работой, утрачивает свою способность и деградирует. Об этом свидетельствует, например, информация о снижении физических показателей современного человеческого организма. За последнее время снизились показатели выносливости людей, скорости их бега, высоты прыжков и координации. Более того, неизменно констатируется снижение когнитивных функций человека, снижение концентрации внимания из-за клиповости и фрагментарности восприятия информации, а также затруднение с расставлением приоритетов в поставленной задаче. Самая значительная потеря в этом отношении – постепенная утрата способности изобретать. «Современные устройства превращают человека в раба алгоритмов» [Штрассберг, 2025, с. 357].

Во-вторых, это стандартизация во всем, которая искореняет индивидуальность. Использование технологий многократно увеличивает прибыль производства за счет выпуска однотипных вещей, лишенных художественно-эстетического смысла и изящества.

В-третьих, для обеспечения эффективной и стабильной работы машин людям требуются универсальные компетенции.

В-четвертых, научно-технический прогресс делает машины более рентабельными по отношению к человеческому труду. И здесь речь идет даже не о равнозначности человека и машины. Машина вытесняет человека не только на производстве, но и в быту, повседневной жизни. Исходя из этого, сформировалась новая «отрасль науки – кибернетика или наука об управлении» [Штрассберг, 2025, с. 371]. Это означает, что создание такой машины как компьютер способствует формированию нового стиля (образа) мышления, основанного на принятии решений, выборе оптимальных путей достижения целей на основе исчерпывающей информации.

Теперь перед человечеством стоит серьезная задача отбора такой информации, которая, будучи интегрированной в «мозг» машины, позволила бы ей «принимать» оптимальные решения, направленные на обеспечение жизнестойкости общества.

Опыт взаимодействия с компьютерными программами отражается на процессе мышления человека, когда люди ставят первостепенной задачей максимальные возможности мониторинга и управления процессами: «люди научились мыслить как машины» [Штрассберг, 2025, с. 378] и, наоборот, машины приобрели антропологические качества. Будущее всегда туманно, ясно только одно, что тандем человека и машины, сформировавшийся глубоко в истории, приобрел особую актуальность в цифровую эпоху, наполняя ее новыми аффектами восхищения и тревогой, новыми ожиданиями и надеждой на счастье.

Заключение

Рецензируемая книга Д. Штрассберга представляет собой некий интеллектуальный манифест, в котором два основных феномена – человек и машина – предстают в ансамбле связей и отношений вертикального и горизонтального порядков. Историческая линия, представленная горизонталью, увлекает читателя процессом развития машин от развлекательных к утилитарным и, наконец, к примиряющим цифровым. В вертикальной области понимания единства человека и машины автор структурирует аффекты как комплексы амбивалентных переживаний, вызванные данным сотрудничеством и интегрированных в генетический код современных людей. Книга изобилует всевозможными примерами создания уникальных конструкций, которые вводят читателя в масштабный, сложный, сакрально-мифологический мир. Трансформируясь по форме и содержанию,

единство человека и машины проходит особый путь развития и становления, в котором, на наш взгляд, можно выделить следующие этапы: *восхищение/страх – отчуждение – ассимиляция – управление*. Д. Штрассберг в своей книге демонстрирует широкую эрудицию по избранной тематике, которая хотя и несколько перегружает поле исследования количеством затрагиваемых вопросов, но не умаляет достоинства книги, а только подвигает читателя к размышлению и дальнейшему научному поиску.

Список литературы

- Аристотель. 2020. О душе. М., РИПОЛ классик, 260 с.
- Борисов С.Н. 2012. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре. *Наука. Искусство. Культура*, 1(1): 139–143.
- Борисов С.Н. 2013. Насилие и техника. От органопроекции к насилию взгляда. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 23(166): 198–203.
- Ламетри Ж.О. 1983. Сочинения. М., Мысль, 509 с.
- Платон. 2017. Федр. СПб., Издательство РХГА, 232 с.
- Римский В.П. 2003. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород: Крестьянское дело, 184 с.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2021. Миф в первобытных культурных сообществах. *Наука. Искусство. Культура*, 3(31): 108–123.
- Спиноза Б. 2001. Этика. СПб, Азбука, 352 с.
- Игнатов М.А., Борисов С.Н., Лыткин В.В., Резник С.В., Медведев В.Н., Почепцов С.С., Борисовский А.В., Брижанева М.А., Липич В.В., Липич Т.И., Блинова И.А. 2025. Человек и современность. Белгород : Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 103 с.
- Шпитцер М. 2014. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М., АСТ, 288 с.

References

- Aristotel'. 2020. O dushe [On the Soul]. Moscow, RIPOL klassik, 260 p.
- Borisov S.N. 2012. Nasilie – mif – religiya: o mekhanizmax lokalizatsii nasiliya v traditsionnoy kul'ture [Violence – Myth – Religion: On the Mechanisms of Localization of Violence in Traditional Culture]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 1(1): 139–143.
- Borisov S.N. 2013. Nasilie i tekhnika. Ot organoproeksii k nasiliyu vzglyada [Violence and Technology. From Organoprojection to the Violence of the Gaze]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 23(166): 198–203.
- Lametrie J.O. 1983. Sochineniya [Works]. Moscow, Mysl', 509 p.
- Platon. 2017. Fedr [Phaedrus]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 232 p.
- Rimskiy V.P. 2003. Mif i religiya: problema genезisa i kul'turno-istoricheskoy spetsifiki arkhaiskikh religiy [Myth and Religion: The Problem of Genesis and Cultural-Historical Specificity of Archaic Religions]. Belgorod, Krest'yanskoe delo, 184 p.
- Rimskiy V.P., Rimskaya O.N. 2021. Mif v pervobytnykh kul'turnykh soobshchestvakh [Myth in Primitive Cultural Communities]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 3(31): 108–123.
- Spinoza B. 2001. Etika [Ethics]. St. Petersburg, Azbuka, 352 p.
- Ignatov M.A., Borisov S.N., Lytkin V.V., Reznik S.V., Medvedev V.N., Pocheptsov S.S., Borisovskiy A.V., Brizhaneva M.A., Lipich V.V., Lipich T.I., Blinova I.A. 2025. Chelovek i sovremennost' [Man and Modernity]. Belgorod, Belgorodskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet im. V.G. Shukhova, 103 p.
- Shpitser M. 2014. Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg [Anti-Brain: Digital Technologies and the Brain]. Moscow, AST, 288 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.11.2025
Поступила после рецензирования 19.02.2026
Принята к публикации 30.05.2026

Received November 19, 2025
Revised February 19, 2026
Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатов Михаил Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и управления, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Федотов Евгений Александрович, аспирант кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Яговдик Вячеслав Александрович, аспирант кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail A. Ignatov, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Management, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

Evgeny A. Fedotov, Postgraduate Student of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

Vyacheslav A. Yagovdik, Postgraduate Student of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-532-536

EDN YFKNWJ

В поисках аутентичности. Рецензия на книгу: Макканелл Д. Турист: новая теория праздного класса. М., 2023

¹ Ван Лэй, ² Пань Юэ

¹ Цзилиньский профессионально-технический колледж науки и техники
КНР, 130000, г. Чанчунь, пр. Чанцзинаньсянь, д. 7777

² Чанчуньский педагогический высший специальный колледж
КНР, 130000, г. Чанчунь, пр. Чанлун, д. 46
691048437@qq.com, 50119553@qq.com

Аннотация. Методологическая опора на положения структурализма и культурной антропологии имеет перспективу при сохранении оппозиционности марксистским концепциям культурно-исторической практики. Представляют интерес и сохраняют свою актуальность анализ культурного опыта, достопримечательности, особенностей туристического сознания, основанного на взаимозаменяемости зрелища и маркера объекта. Поднятая в работе проблема аутентичности с позиции сегодняшнего дня выглядит нерешаемой и ставит вопрос не только о подлинности, но самой природе культурного опыта.

Ключевые слова: культура, туризм, опыт, деятельность, практика, досуг, работа

Для цитирования: Ван Лэй, Пань Юэ. 2026. В поисках аутентичности. Рецензия на книгу: Макканелл Д. Турист: новая теория праздного класса. М., 2023. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 532–536. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-532-536 EDN: YFKNWJ

In Search for Authenticity. Review of the Book: Dean MacCannell's Book. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Moscow, 2023

¹ Wang Lei, ² Pan Yue

¹ Jilin Vocational College of Science and Technology
7777 Changjinanxian Ave., Changchun 130000, China

² Changchun Pedagogical Higher Special College
46 Changlong Ave., Changchun 130000, China
691048437@qq.com, 50119553@qq.com

Abstract. The article provides a review of Dean MacCannell's book "The Tourist: A New Theory of the Leisure Class." It is noted that methodological reliance on the provisions of structuralism and cultural anthropology has prospects while maintaining opposition to Marxist concepts of cultural and historical practice. The analysis of cultural experience, sights, and features of tourist consciousness based on the interchangeability of the spectacle and the marker of the object are of interest and remain relevant. The problem of authenticity raised in the work looks unsolvable from the perspective of today and raises the question not only about authenticity, but the very nature of cultural experience.

Keywords: culture, tourism, experience, activity, practice, leisure, work

For citation: Wang Lei, Pan Yue. 2026. In Search for Authenticity. Review of the Book: Dean MacCannell's Book. *The Tourist: A New Theory of the Leisure Class*. Moscow, 2023. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 532–536 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-532-536 EDN: YFKNWJ

Интенсивное развитие КНР в настоящее время обеспечило рост не только экономики и производства, но также культурных индустрий. К одной из них можно отнести туризм с национальной спецификой. Открытость Китая миру сегодня делает его одним из наиболее популярных направлений въездного туризма в мире. Для самих китайцев этот факт означает актуальность изучения туризма и практик сохранения культурной самобытности в практиках культурного обмена. Одной из немногих работ, охватывающих все перечисленные темы, является книга Дина Макканелла «Турист: новая теория праздного класса» [Макканелл, 2023]. Несмотря на то, что она была издана впервые в 1976 году, она сохранила свою актуальность и представляет большой методологический интерес, тем более что публикаций, посвященных этой теме, немного на русском языке [Шипулина, 2017; Петрова, 2024].

Макканелл упоминает Клода Леви-Стросса как автора основных концептов. Представленная работа очевидно дискутирует с «Теорией праздного класса» Веблена и не смогла бы состояться без противопоставления труда и отдыха. Марксизм незримо присутствует в размышлениях автора, а иногда он прямо обращается к идеям Маркса, делая оговорку на собственное его понимание и прочтение. Прежде всего, оно основано на тезисе о том, что сегодня работа претерпела значительные изменения, как и классовая структура общества. На первый план вышла не его теория революции, а идеи об отношениях между человеком и плодами его труда [Макканелл, 2023]. Идея фетишизации товара и придания ему символического значения, оторванного от реальных потребностей. Так произведенное человеком становится частью культуры, а производство культурным производством, в котором товар ценен только в своей способности дать человеку некоторый опыт.

Сам опыт Макканелл предлагает понимать как культурный опыт, который включает в себя репрезентацию «жизненного аспекта на сцене, кино и т. д.», иначе – модель, и «измененное, созданное и усиленное чувство или убеждение, основанное на этой модели» [Макканелл, 2023, с. 66]. Вторая часть называется у автора влиянием, а с первой частью они связываются средствами информации. Все вместе, модель плюс влияние и средства информации, образуют культурное производство, выполняющее две функции: «(1) упрочить современную цивилизацию и возвести оригинал в статус модели, достойной подражания, либо важной вехи в развитии; или (2) определить новое направление, совершить прорыв или иным способом поспособствовать прогрессу современности, предоставляя новые комбинации культурных элементов и разрабатывая логику их взаимоотношений» [Макканелл, 2023, с. 68]. Отметим, что такое понимание культурного производства близко к понятию культурно-исторической практики [Борисов, 2024]. С той разницей, что центральным в нем является деятельность человека, изменяющаяся во времени и передающаяся от поколения к поколению. Макканелл отмечает приоритетность скорее коммуникации между людьми и эмоционального отношения к миру и объектам. Опыт для него в первую очередь индивидуальное отношение человека и коллективное, иначе он не мог бы называться культурным. Культура не только хранит модели поведения и реакции, но также структурирует человеческий опыт, в том числе в формате ценностей и капитала [Борисов, 2017]. Также как распределения времени труда и отдыха, также исторически и культурно обусловленных.

Понятие культурного опыта, основополагающее для Макканелла, служит основой теоретического анализа изменения практик труда и досуга. Для исследования пространства этих изменений он обращается к теории И. Гоффмана, отмечая, что современное общество определяет сам доступ к тем или иным местам. Последние же, как и режим их посещения, имеют не только функциональную, но также моральную сторону. Они репрезентируют представления о добре и зле, дозволенном и запретном, что по мнению Макканелла связано с фундаментальным изменением общественного сознания: «...туристическая форма морального участия в разнообразных публичных репрезентациях расы, бедности, городской структуры, общественных недугов и, конечно, общественных «благ» в виде памятников служит современной альтернативой системы внутригрупповой морали, основанной на бинарной оппозиции: свой – чужой, мы – они» [Макканелл, 2023, с. 85]. И такое утверждение с одной стороны связывает концепцию туриста с фундаментальными категориями культурной антропологии, с другой претендует на их изменение. Также, как и изменение фундаментального основания коллективного отношения к миру. Макканелл выстраивает этот концептуальный шаг через обращение к дифференциации коллективных представлений в индивидуальном опыте субъектов культурного производства.

В том числе через отношение к конкретным объектам – достопримечательностям. Само это отношение декомпозируется Макканеллом в формуле турист – зрелище – маркер. Где зрелище понимается как нечто само собой разумеющееся, распознаваемое в непосредственном опыте туриста безошибочно. Маркером является информация на определенном носителе, которая позволяет соотнести зрелище с контекстом, определить его. Самая обычная табличка с информацией делает столь же непримечательный объект достопримечательностью и включает его в ритуальные отношения со стороны туриста [Макканелл, 2023]. Подробный анализ видов достопримечательностей позволяет автору сформулировать ряд особенностей туристического отношения к достопримечательностям. Ведь «просто» люди также живут рядом с ними, но взаимодействуют с ними иначе. Как минимум без активного внимания и восторженного отношения.

Уникальность туристического отношения к достопримечательности опирается на маркированность объектов окружающей реальности, их выделенность из общей массы и характеризуется дифференциацией видимости. Турист видит только то, что отмечено как достопримечательность, признано таковым. И, соответственно, не видит все остальное, обычное. Отмеченная автором дифференцированность, раздельность большого и связанного мира, собирается в туристическом мышлении, а в реальности в таких местах как музеи согласно той или иной типизации. Макканелл выделяет две из них. Это коллекция и репрезентация, организующие восприятие исходя из собственной специализации [Макканелл, 2023, с. 127]. Сама гипертрофированность достопримечательностей определяет их большую насыщенность «реальность» чем реальность повседневная. И это еще одно следствие или даже деформация восприятия в туристическом отношении к миру. Турист стремится к аутентичности, к тому, чтобы ее увидеть и ощутить в противоположность будням. И это новое противостояние, пришедшее на смену оппозиции работы и досуга.

Остановимся также на схеме восприятия, которую предлагает Макканелл на основе анализа достопримечательностей. Она выражается в смене зрелища и маркера: зрелище – маркер – зрелище [Макканелл, 2023, с. 172]. В котором возможна не только различная очередность зрелища и маркера, но также взаимная заменяемость одного другим. Так каждый из нас может вспомнить примеры того, как «табличка» выглядит более привлекательной чем сама достопримечательность или экспонат. Информативность маркера могут привлекать и «поглощать» внимание, заменяя сам объект аутентичности.

Иначе говоря, возможно множество вариантов обмена, замены или подмены. Сама произвольность говорит нам о том, что поиск аутентичности занятие бесполезное и обреченное на неудачу. Туризм ориентирован на копии и симулякризацию реальности, которая более привлекательна и лучше продается. Макканелл напрямую не обращается к идеям Жана Бодрийяра, но они здесь напрашиваются. Наш собственный опыт за прошедший век и начало нынешнего дает нам некоторое основание для таких утверждений. Макканелл писал свою работу все еще в эпоху модерна, стремившегося к максимальной выгоде и обращавшейся к копированию, но как бы «оглядывающейся» на реальность. Сегодня же, в эпоху постправды, мы действительно находимся в затруднительном положении в отношении аутентичности и нашего опыта. Сама постановка вопроса о подлинности является во многом устаревшей. Остается вторая его часть, касающаяся культурного опыта и его значения. Нам представляется, что именно он имеет как концептуальную, так и содержательную перспективу для анализа культурных индустрий и туризма сегодня.

Список литературы

- Андреева А.М. 2017. Рождение культурного капитала. Капитализация знания от средневековья до нового времени. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 24(273): 60–67.
- Борисов С.Н. 2024. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 49(1): 17–25.
- Макканелл Д. 2023. Турист: новая теория праздного класса. М., Ад Маргинем Пресс, 256 с.
- Петрова Л.Е. 2024. Дин Макканелл. Турист: новая теория праздного класса. *Управление культурой*, 3(3): 85–92.
- Шипулина Н.Б. 2017. Homo peregrinatio, человек путешествующий – форма идентичности и социокультурного бытия современного человека (размышления над книгой: Макканелл Дин. «Турист: новая теория праздного класса». М.: Маргинем Пресс, 2016. 280 с.). *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*, 11(4): 147–153.

References

- Andreeva A.M. 2017. Rozhdenie kul'turnogo kapitala. Kapitalizatsiya znaniya ot srednevekov'ya do novogo vremeni [The Birth of Cultural Capital. Capitalization of Knowledge from the Middle Ages to the Modern Era]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 24(273): 60–67.
- Borisov S.N. 2024. Kul'turno-istoricheskaya praktika: k istorii odnogo ponyatiya. Chast' 2 [Cultural-Historical Practice: On the History of a Concept. Part 2]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 49(1): 17–25.
- MacCannell D. 2023. Tunist: novaya teoriya prazdnogo klassa [The Tourist: A New Theory of the Leisure Class]. Moscow, Ad Marginem Press, 256 p.
- Petrova L.E. 2024. Din Makkannell. Tunist: novaya teoriya prazdnogo klassa [Dean MacCannell. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class]. *Upravlenie kul'turoy*, 3(3): 85–92.
- Shipulina N.B. 2017. Homo peregrinatio, chelovek puteshestvuyushchiy – forma identichnosti i sotsiokul'turnogo bytiya sovremennogo cheloveka (razmyshleniya nad knigoy: Makkannell Din. «Tunist: novaya teoriya prazdnogo klassa». M.: Marginem Press, 2016. 280 s.) [Homo peregrinatio, the Traveling Man – a Form of Identity and Sociocultural Existence of Modern Man (Reflections on the Book: MacCannell Dean. "The Tourist: A New Theory of the Leisure Class". Moscow: Marginem Press, 2016. 280 p.)]. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, 11(4): 147–153.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.10.2025
Поступила после рецензирования 14.01.2026
Принята к публикации 30.05.2026

Received October 14, 2025
Revised January 14, 2026
Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ван Лэй, преподаватель, Цзилиньский профессионально-технический колледж науки и техники, г. Цзилинь, КНР.

Пань Юэ, преподаватель, Чанчуньский педагогический высший специальный колледж, г. Цзилинь, КНР.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Wang Lei, Lecturer, Jilin Vocational College of Science and Technology, Jilin, China.

Pan Yue, Lecturer, Changchun Pedagogical Higher Special College, Jilin, China.